ЕКА

EH141
C845

Л. КАМЕНЕВ

СТАТЬИ И РЕЧИ

ТОМ
X

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

Л. КАМЕНЕВ

ЕН 141
С 845

СТАТЬИ И РЕЧИ

1924 г.

Т. X

2экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Л. КАМЕНЕВ

ЗА ПАРТИЮ И СОЦИАЛИЗМ

2Экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

К.

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

ЕНПП
С845
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
(309 28) 4193с.1

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд
сф
4431

1058451

Гиз. № 17532/Л
Ленинградский Гублит № 46816.
22⁵/₈ п. Тираж 3000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Дискуссия	7
Внутрипартийная жизнь и социалистическое строительство. (Доклад на Хамовнической конференции)	9
Ответ критикам	30
Основные вопросы дискуссии. (Доклад и заключительное слово на Краснопресненской конференции)	47
Партстроительство и наша экономическая политика. (Доклад ЦК и заключительное слово на XI Московской губернской конференции)	79
XIII Всесоюзная партконференция РКП (б)	121
Вступительное слово	123
Об очередных задачах экономической политики	124
Речь при закрытии конференции	139
Советское правительство в 1923 году	141
Доклад Правительства Второму Съезду Советов СССР	143
XIII съезд РКП (б)	209
Вступительное слово	211
Речь по отчету ЦК	213
Вопросы внутренней торговли и наша экономполитика	226
Отчет Московской Организации о партийном съезде	254
Денежная реформа	277
О денежной реформе. (Доклад на пленуме МК)	278
О ходе денежной реформы. (Доклад на пленуме ЦК)	288
После дискуссии	305
Наше международное и внутреннее положение и задачи партии	307

Задачи Совета труда и обороны 335
Задачи Совета труда и обороны. (Речь на первом заседании СТО нового состава) 336
К пятилетию Коминтерна 341
Пятилетие Коминтерна 343
Приложения 345

ДИСКУССИЯ

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. *

Товарищи, мой доклад будет касаться не всей деятельности ЦК. Для этого есть два препятствия. Во-первых, мой голос, который принесен в жертву дискуссии, а во-вторых, то, что сейчас партия явно интересуется двумя основными вопросами, и я думаю, что правильно будет, если я буду говорить не о всей годовой деятельности ЦК, а о тех именно двух коренных вопросах, на которых теперь сосредоточилось внимание и партии и ЦК.

Эти два вопроса, товарищи, суть коренные вопросы для нашей партии. Первый вопрос — о нашей внутрипартийной жизни, наши семейные внутрипартийные дела. Второй — это политика партии, обращенная уже к внешнему миру, ход нашего социалистического строительства.

Эти два коренных вопроса нашли себе выражение в двух резолюциях ЦК: в резолюции о внутри-партийной демократии и в резолюции о хозяйственном строительстве. Обе резолюции, которые, я надеюсь, вы внимательно читали и изучали, с одной стороны подводят итоги целой исторической эпохе, с другой стороны намечают дальнейшую нашу дорогу. Партия должна решить, правильно ли ЦК подвел итоги прошлому, правильно ли он наметил путь на будущее. Ожесточеннейшая дискуссия, которая сейчас происходит, потому и знаменательна, что партия именно на этих двух вопросах и сосредоточилась. Я знаю, товарищи, что в дискуссию привнесено чрезвычайно много посторонних этим двум вопросам элементов. Я не видел, признаться, если не оборачиваться очень далеко на те годы, когда мы складывали партию в борьбе с чуждыми нам фракциями, я не видел в нашей партии такой дискуссии, которая была бы столь осложнена всякими не принципиальными, не существенными личными элементами. Но здесь перед собранием конференции я со своей стороны хочу поставить вопрос именно принципиально.

---

* Доклад партийной конференции Хамовнического района 7 января 1924 г.

Обвинения против ЦК.

Вы знаете, что если собрать все те обвинения, которые были выдвинуты против ЦК и против того инструмента, при помощи которого ЦК проводит свою политику, т.-е. против руководящих групп нашей партии, то эти обвинения были чрезвычайно сильны. Товарищи, не надо закрывать глаза на силу этих обвинений. Я знаю, что эти обвинения иногда высказываются прямиком, люди идут в лобовую атаку, в иные моменты эти обвинения распадаются, переходят в мелочи, но если подытожить все, чем партия жила за последние два месяца, если взять это серьезно политически, по-пролетарски, то мы должны будем сказать: в разных формах, с разными темпераментами, в разных словах, против ЦК нашей партии были выдвинуты обвинения, которые никогда за все время революции против него не выдвигались. Эти обвинения надо формулировать так: руководство было плохое и во внутрипартийной и в хозяйственной жизни. Это руководство привело к страшному кризису. Это руководство ведет к нашему поражению не только внутри, но и вовне. Посему это руководство должно быть изменено.

Если брать, товарищи, дело серьезно, так, как надлежит брать не на митинге и не на случайном собрании, а на конференции, то надо этим обвинениям прямо посмотреть в глаза и решить: или эти обвинения правильны, или под ними ничего не кроется, кроме ожесточения, кроме темперамента, кроме хода борьбы, потому что партия не может терпеть, если во главе ее стоит руководитель, которому предъявлены такие обвинения. И ЦК не может руководить партией, если у него на шее лежит такое обвинение. ЦК должен спросить партию, и если она верит такому обвинению, если она его считает обоснованным, то экстренные меры должны быть приняты немедленно. Мы не в таком положении, чтобы можно было ограничиться тем, чтобы выругать ЦК за неправильное руководство, за то, что общая линия была плоха. Мы не можем терпеть, чтобы такой ЦК руководил нашей партией. Дело идет о главе партии, дело идет о судьбе самой партии, о судьбе Советской власти. Вот почему именно здесь на конференции, где люди собрались после всех дискуссий, и где имеются лучшие представители данного района, они должны потребовать и от той и от другой стороны: представь свои принципиальные позиции, оправдай ту лихорадку, в которой партия прожила два месяца, и дай возможность взвесить различия между двумя принципиальными линиями.

ЦК делал ошибки, — в этом не может быть никакого сомнения. Мы делали ошибки, когда во главе стоял Ленин, и, конечно, в десятки раз больше делали ошибок, когда Ленин непосредственно ЦК руководить не мог, и мы не можем требовать от

партии, не можем обращаться к партии с просьбой признать, что ЦК ошибок не делал. Это было бы глупое самомнение. Но ЦК может потребовать от партии, чтобы она оценила его линию, которая проявляется не в том или ином акте, а в его деятельности на протяжении девяти месяцев после XII съезда, и которая должна быть оценена в своей совокупности во всех ее изгибах. Этого мы можем требовать, и мы поставлены в лице ЦК в такое положение перед рабочим классом и перед партией, что мы обязаны этого потребовать. Дальше руководить с этим грузом обвинений, если он хотя бы мало-мальски поддерживается партией, нельзя. Мы руководим не только партией. ЦК — эти 45 человек, которых вы выбрали и поставили для руководства партией, руководят всей нашей страной, ЦК — это правительство, но это не значит, конечно, что я говорю, что раз это правительство, то не смей критиковать. Отнюдь нет. Мы сами критиковали правительство, и Ленин делал это с ясностью и откровенностью на каждом съезде, но он всегда спрашивал, как и мы должны спросить, — общая линия правильна или неправильна, касаются ли эти обвинения отдельных ошибок или самого существа?

О ДЕМОКРАТИИ.

И вот, обращаясь теперь к первому вопросу — о демократии я спрашиваю: какая принципиальная линия была противопоставлена той резолюции, которую после большой работы внутри ЦК, после больших размышлений, после большого взвешивания мы приняли и опубликовали 5 декабря? Видели ли вы на собраниях в ячейках и в частных разговорах в предложениях от оппозиции какие-нибудь практические предложения, дополнения, практические поправки к той резолюции ЦК, которую мы предложили партии, как итог прошлого и как руководство на будущее? Обходя в течение последних полутора месяцев собрания, сражаясь с разного рода докладчиками и содокладчиками из оппозиции, я ни разу не слышал практических предложений, с которыми бы товарищи вышли и сказали: товарищи из ЦК, вы приняли резолюцию о внутрипартийной демократии, но она плоха, она недостаточна, в нее нужно внести такие-то поправки, курс в ней не верный, и надо его поправить так или сяк, — такого рода практических предложений я не слышал. Может-быть, на этом собрании выйдут товарищи, возьмут эту резолюцию в руки и скажут: в этой резолюции неправильно то-то и то-то, надо дополнить то-то и то-то. До сих пор я этого не слышал, а слышал другое. Это другое можно формулировать таким образом: ЦК запоздал с этой резолюцией. Но изменяет ли это самую сущность резолюции, если мы даже примем, что мы с этой резолюцией запоздали? Все-таки это не избавляет

нас от ответа на вопрос: ну, а с запоздавшей резолюцией правильную линию мы приняли? Мы должны потребовать от оппозиции, чтобы она нам ясно и точно сказала, когда мы подводим итог борьбы, — в чем наши грехи? В том, что запоздали или что взят неправильный курс?

Теперь обращаюсь по существу вопроса о запоздании. Когда же надо было принять эту резолюцию о демократии? Может-быть, весной во время ультиматума Керзона, может-быть, летом, когда мы с вами бились не над демократией, а над гораздо более, казалось, простым вопросом, чтобы у нас не было стачек из-за несвоевременной выплаты зарплаты, когда из-за недостатка денег мы выплачивали рабочим золотым займом, вызывая этим естественные сопротивления рабочего класса? Может-быть, это надо было сделать в сентябре, октябре, когда мы все внимание сосредоточили не на дискуссии о демократии, а на германской революции, на том, что нам, может-быть, от демократии нужно будет перейти не к демократическим, а мобилизационным методам? Я не отрицаю того, что, может-быть, ЦК здесь запоздал. Я утверждаю одно, что не было ни одного члена ЦК, который бы перед XII съездом, на XII съезде, весной, летом, или в момент, когда мы обсуждали на сентябрьском пленуме проблему германской революции, нашу помощь германскому пролетариату, поднял бы вопрос о демократии. Этого не было. Мы должны здесь говорить откровенно, ибо, конечно, естественно, что вас интересует этот вопрос.

Итак, может-быть, вопрос о демократии был Троцким поднят раньше, а мы, бюрократы, запоздали, «не пущали» эту самую демократию? Я здесь утверждаю, и здесь есть достаточное количество осведомленных товарищей из оппозиции, которые подтвердят, как неоднократно подтверждал и т. Радек, что ни один член ЦК, включая и Троцкого, ни перед XII съездом, ни на XII съезде, ни весной, ни летом, ни в сентябре вопроса о демократии не поднимал. Следовательно, если есть ошибка в запоздании, то это ошибка наша общая, и я спрашиваю: неужели мы должны теперь выступить с этой демократией не только перед лицом нашей партии, но и перед лицом всего мира и принять эту резолюцию ЦК, но предварительно высечь себя? Я не считаю, чтобы самосечение было бы лучшим методом исправления ошибок нашей партии, и когда товарищи, можно сказать, сладострастно копаются в том, что резолюция ничего, ее еще можно поправить, но давайте посекем себя,—то у них тут другой курс. Они себя сечь не любят. Если партия считает, что экзекуция над ЦК не по принципиальным вопросам, а потому, что он две недели тому назад не сделал того, что сделал теперь, если такая экзекуция нам может прибавить авторитета среди рабочих, среди крестьян, среди международного пролетариата, то давайте посечемся.

Что же, может-быть, когда наша партия после Кронштадта отменила продразверстку, может-быть, тогда нам надо было себя посечь и сказать, что ежели бы мы продразверстку отменили не в марте, а осенью, может-быть, Кронштадта не было бы. После того, как наши войска вернулись из-под Варшавы, не взявши ее, может-быть, мало было ограничиться тем политическим выводом, который мы сделали, что надо заключить мир с Польшей, хотя бы невыгодный. Может-быть, надо было выйти на весь честной народ и сказать, что партии надо посечь самой себя за то, что она сунулась в это предприятие? Мы не считаем, что это поднимает авторитет, что это для чего-нибудь нужно, кроме как для разжигания внутрипартийных страстей. Вот первое, что мы встречаем, когда разбираем эту резолюцию по существу: не поправки, не деловые предложения и указания на те или другие недостатки, а желание держать ЦК под револьвером.

Теперь, обращаясь к самому существу этой резолюции, мы должны отдать себе отчет, каким образом она родилась в ЦК. Первый момент, когда ЦК обратил внимание на внутрипартийное положение, был именно в сентябре, когда мы в ЦК подводили итоги июльским и августовским стачкам здесь у нас, в Москве. Тов. Дзержинский, которому ЦК поручил рассмотреть стачечное движение и образование контр-революционных групп, в роде группы Мясникова и т. д., придя в ЦК, заявил, что кроме объективных причин, которые вызвали эти явления, есть в нашей партии некоторая болезнь, недомогание, на которое должно быть обращено внимание. ЦК немедленно создал комиссию под председательством т. Дзержинского для изучения внутрипартийного положения. Когда эта комиссия, работы которой в связи с германской революцией затянулись, пришла к нам и сказала: мы, на основании изучения всего партийного опыта, полагаем, что необходимо повернуть руль и необходимо перейти к рабочей демократии — перед большинством ЦК встал один вопрос: как бы совершить этот поворот всего глаже. Мы знаем, что всякий поворот чрезвычайно опасен для нашей партии, мы знаем, что когда мы поворачиваем, тогда на нас устремлены глаза всех врагов и друзей наших, и поэтому каждый поворот наш должен быть обставлен такими условиями, чтобы мы менее всего потерпели ущерба, и в единстве партии и в функционировании партии, потому что мы эту партийную машину ни на один момент приостановить не можем. Мы с вами не находимся в таком положении, чтобы мы сказали: да, машина что-то работает с перебоями, давайте машину остановим, разберем все винтики и частички, прочистим, подольем масла и пустим. Положение наше не такое, потому что мы с вами, несмотря на внешне мирную обстановку, находимся все-таки в положении

военного лагеря, и не только по отношению к заграннце, но и во внутренних наших отношениях.

Когда я перейду к экономической части нашей политики, вы увидите, что я не напрасно пугаю, что мы находимся в положении военного лагеря внутри страны, которая еще не пришла к мирному состоянию, несмотря на внешнее замирение. Мы сейчас перешли от сопоставления штыков и пулеметов к сопоставлению рубля и денег, но война еще не прекратилась. Тот не коммунист, кто не понимает, что мы сейчас другими средствами, но воюем, и самая ожесточенная классовая борьба есть у нас.

Поэтому мы не можем, повторяю, позволить себе такую роскошь, чтобы сказать, — в нашей машине что-то испортилось, давайте остановим машину и начнем все перебирать. Машина должна работать изо дня в день и в момент расхождения этих ножниц и в такой момент, когда крестьянство начинает думать — чорт дери их социалистическую промышленность, которая не дает нам продуктов по доступной нам цене. В этот момент меньше, чем когда бы то ни было, мы можем машину нашего партийного аппарата останавливать хотя бы на минуту. Поэтому мы в ЦК раздумывали, как же нам совершить этот поворот, чтобы машина ни на минуту не останавливалась, чтобы партия продолжала функционировать, чтобы за границей не возникла мысль о нашем ослаблении, чтобы здесь среди беспартийных рабочих и крестьян не подорвалось доверие к партии.

Мы признавали, что в этот момент нам необходимо единогласие в ЦК. Вспомните, как мы поворачивали к нэп'у. Правда, тогда был Владимир Ильич и его авторитет покрывал все. Мы думали: Ильич идет впереди, и мы сомнения свои притушили и пошли за ним. Теперь мы лишены этого авторитета. Поэтому для нас тем важнее было, чтобы ЦК со своим призывом к повороту и новому строению внутри нашей партии выступал единогласно. Вы знаете, товарищи, что единогласие в ЦК не всегда и не по всем вопросам бывает. Это было и при Владимире Ильиче. В ЦК, как и во всякой коллегии, есть разногласия. Вы выбираете нас в ЦК не потому, что думаете, что мы всегда единогласны, а выбираете потому, что мы в спорах друг с другом находим истину, правильный путь и потом этот правильный путь проводим. Поэтому для нас являлось главной задачей добиться единогласия в ЦК. Это является важной задачей и трудной задачей. Однако, мы можем похвалиться тем, что, несмотря на все разногласия в ЦК, мы пришли к партии с единогласной резолюцией. Если мы после единогласной резолюции ЦК получили вот такую лихорадку в партии, что было бы, если бы мы пришли к вам и сказали: ЦК решил поворачивать, он решил

обсудить резолюцию о рабочей демократии, но такие-то члены ЦК понимают это так, а т. Троцкий и другие понимают этак. Вы понимаете очень хорошо, что если бы у нас не было единогласной резолюции, то в таком случае болезнь партии была бы усилена в десятки раз. Поэтому мы, большинство, на котором лежит, конечно, бо́льшая ответственность, чем на меньшинстве, мы приложили все усилия к тому, чтобы этого единогласия добиться, пошли на все уступки, которые необходимы были для того, чтобы т. Троцкий эту единогласную резолюцию подписал. Мы этого добились.

Вы, товарищи, как политики, должны понимать, что, когда создается где-либо резолюция и когда товарищи согласны с резолюцией в основном, то всегда все-таки приходится уступать в формулировках, в расположении материала,— в подходе, в том, как ставится вопрос. Вы могли потребовать от ЦК: когда ты призываешь партию поворачивать, сговорись у себя внутри. И если бы мы к этому не приложили всех усилий, то вы должны были бы сечь большинство ЦК за то, что оно смеет обращаться к партии в такой критический момент с призывом определенного поворота, не сделав всего в своей среде, чтобы найти почву для согласия. Этот долг перед партией большинство ЦК выполнило. Несмотря на все разногласия с т. Троцким, мы пришли к единогласной резолюции.

Партия облегченно вздохнула, — в этом нет никакого сомнения. Когда вы прочли в газетах, что такая важнейшая резолюция принята единогласно, партия могла облегченно вздохнуть. Почему же после этого та борьба, те споры, которые были, особенно ожесточились, особенно стали горячи, почему ругали и дискредитировали ЦК? Потому, товарищи, что один из членов ЦК, который единогласно выработал совместно с большинством ЦК эту резолюцию, поправки которого были приняты, обратился к партии с такими комментариями к этой резолюции, которые с мнением большинства ЦК не сходятся. Вместо того, чтобы перед выработкой резолюции сказать: я не могу ее подписать, потому что я вкладываю в нее такое-то содержание, т. Троцкий, через два дня после опубликования резолюции, не посоветовавшись с ЦК, не поговорив с ним, хотя мы с ним сидели неделю в комиссии для того, чтобы добиться единогласия, посылает непосредственно в район обращение, а потом печатает в «Правде» статью «Новый курс», которая представляет по совести и по чести такую формулировку, относительно которой мы должны сказать т. Троцкому: т. Троцкий, ты здесь ошибаешься.

Но раньше, чем перейти к разбору этих ошибок и просить вас здесь со всем спокойствием и беспристрастием взвесить все, я хочу остановиться на формальной стороне.

Правильно ли сделал член ЦК, который на следующий день после единогласно принятой резолюции, обращается к партии и дает такие комментарии этой резолюции, относительно которых он знает, что большинство ЦК не согласно с ним? Не думаете ли вы, что для партии было бы легче, что партия похвалила бы такого члена ЦК, который бы после принятия единогласно резолюции, раз у него возникли бы сомнения, сказал бы: пусть ЦК соберется еще раз, я изложу ему свои сомнения, пусть ЦК их вместе со мной обдумает, и только тогда я от своего имени обращусь к партии. Тут была формальная ошибка, политическая ошибка. За подписью такого имени, как имя т. Троцкого, была выпущена такая статья. Если бы это случилось с рядовым членом ЦК, и если бы это было написано в «Правде» за подписью кого-нибудь другого, это не имело бы большого значения, но у т. Троцкого не такой вес, как вообще у рядового члена ЦК. Когда он обращается с таким толкованием, он должен понимать, какое впечатление это должно вызвать в партии, и мы поэтому считаем, что тут есть формальная ошибка. Он не соблюл интересы партии, когда сделал свое выступление, не посоветовавшись с ЦК, помимо ЦК и против него.

О партийном аппарате.

В статье т. Троцкого есть три пункта, где на наш взгляд имеется ошибочная постановка вопроса. Первый — это вопрос о партийном аппарате. Вы знаете, как поставлен вопрос об аппарате в нашей резолюции: «для того, чтобы обеспечить действительное проведение всех вышеуказанных мероприятий по осуществлению рабочей демократии, необходимо перейти от слов к делу. Предложить низовым ячейкам, уездным, районным и губернским партконференциям при очередных выборах систематически обновлять партийный аппарат снизу, выбирая на ответственные посты таких работников, которые способны на деле обеспечить внутрипартийную демократию».

Я призываю вас к хладнокровному политическому расчету— что мог сказать ЦК больше, и смел ли ЦК сказать больше того, что он обращается к партии, призывает, как сказано здесь, «перейти от слов к делу и систематически обновлять партийный аппарат на ближайших выборах, выбирая на все ответственные места тех товарищей, которые способны обеспечить наш курс?» Что мог ЦК больше и смел ли сказать больше? Мы утверждаем — нет. Ни единого слова больше партия от ЦК не требовала и ЦК сказать не мог, потому что каждый шаг дальше означал бы не систематическое обновление аппарата, а ломку аппарата. И мы утверждаем, что т. Троцкий своей постановкой вопроса о партийном аппарате в первой статье, когда он сказал

«партия должна подчинить себе свой аппарат», дал теоретически неправильную постановку и практически неправильно ориентировал партию. Так ставить вопрос нельзя. Почему? Потому что, как ни плох наш партийный аппарат, но это единственный аппарат, который у нас сейчас имеется. К этому аппарату применимы слова насчет машины. Что машина плоховата, верно. Можно ли остановить ее для того, чтобы ее всю прочистить, или прямо снести и заменить новой? Вы можете сколько угодно вести полемику, высказывая недовольство тем или другим бюрократом, чиновником, ругаться аппаратчиками, но вы должны подумать о том, что у нас есть в руках лишь этот инструмент для проведения диктатуры пролетариата. Вы должны будете дать ответ, есть ли у вас, кроме партийного аппарата, другой инструмент, которым рабочий класс может проводить диктатуру? Государственный аппарат наполовину еще старый, царский, а наполовину — саботажный, буржуазно-нэповский. Чем же проводить эту диктатуру пролетариата? Мы отвечаем: как ни плох наш аппарат — он единственный, которым мы можем действовать.

Вы знаете, что наш государственный аппарат таков, что мы еще не держим его вполне в руках, он гнется и ломается, когда мы при помощи его хотим провести диктатуру. Надо отсюда аппелировать к партийному аппарату, и было бы демагогией со стороны ЦК, если бы он, призывая партию обновить этот инструмент, почистить его, в то же время не сказал бы: товарищи, мы знаем все недовольство, которое есть у низов по поводу этого аппарата, мы знаем, товарищи, все недостатки этого аппарата, но когда будете обновлять, глядите, эту машину не сломайте! Так должен был поступить ЦК. Он должен был призвать партию к обновлению — он призвал; он должен был сказать: не останавливайтесь на словах, переходите к делу, — он это сказал; он должен был сказать: ставьте новых людей, способных провести режим внутрипартийной демократии — он это сказал. Но ЦК еще одно сказал: товарищи, мы будем бороться со всеми теми, которые этим поворотом партии захотят воспользоваться для того, чтобы эту машину застопорить, этот инструмент сломать. А т. Троцкий в своей статье поставил вопрос таким образом, что надо аппарат подчинить партии. Мы сказали: т. Троцкий здесь сделал такую ошибку, которая ведет к ломке аппарата.

Конечно, никто не подозревает ни т. Сапронова, ни т. Преображенского, что они поставили себе целью сломать партийный аппарат. Но когда тт. Сапронов и Преображенский получили возможность опереться на авторитет т. Троцкого, мы тогда сказали т. Троцкому: вы потакаете таким элементам партии, которые полного сознания ответственности не имеют и которые своей агитацией, своими речами создают такие настроения, когда нам

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд

за аппарат действительно приходится заступиться, потому что мы заступаемся за инструмент, который надо обновлять, но ни в коем случае не надо ломать. Это партия должна сказать, особенно когда в момент проводимого партией поворота выскакивает лихой человек и кричит: «Ребята! Помните старый режим, помните, как нас прижимали! Сарынь на кичку!»

Кто так говорил? Я знаю, этого сейчас оппозиция уже не скажет. Но я утверждаю, что есть стенограмма речи т. Стукова, который говорил: весь старый аппарат исторически воспитан таким образом, что он не способен повести новый курс. Если это верно, то тогда надо этот аппарат ломать. И надо делать это по законам логики. Шутки шутить мы не можем позволить. Если вам говорят на основе марксистского анализа, что исторически создался такой слой, который органически не может воспринимать новый курс,— его гнать надо.

То же самое по моему проглядывает не только в речах, не только в стенограммах, но и в формулах т. Троцкого, когда он в своем «Новом курсе» написал: «очередная задача партии заключается в том, чтобы подчинить аппарат партии». Я спрашиваю вас: какой смысл можно вложить в эти слова, что значит, когда такой вождь партии, как т. Троцкий, выступает и говорит: надо подчинить партийный аппарат партии? Кому же он до сих пор был подчинен? Когда нам вожди говорят, что аппарат надо подчинить партии, они сеют не только в нашей среде, они сеют в среде беспартийных рабочих мысль о том, что до сих пор этот аппарат не был подчинен партии. И вы знаете очень хорошо, о чем тут шла речь. Если говорить прямо, то речь шла о том обвинении, что аппарат подчинен ЦК и проводит линию ЦК, а нам линия ЦК не нравится. Тут, товарищи, нечего шутить, мы аппараты ломали, но аппараты ломали тогда, когда мы говорили, что эти аппараты проводят неправильную политику. Ломая аппарат, изменишь политику. А на одном собрании товарищ рабочий правильно мне сказал. Он подвел итог и сказал: лозунг был дан такой — руби столбы, а забор сам повалится.

Так вот, товарищи, перед нами, если ставить вопрос прямо, т.-е. ставить так, как он поставлен во фракционной борьбе — я впервые употребляю это выражение, потому что оно дает объяснение — тогда нужно сказать прямо: есть товарищи, которые полагают, что и состав ЦК и линия его неправильны. Имеют они право так думать? Имеют. Мы должны только потребовать от них, чтобы они прямо нам это сказали, а не бегали по кустам. И тот, кто думает, что линия ЦК неправильна, тот должен, конечно, начать атаку на тот аппарат, который эту линию проводит. Так и надо ставить вопрос. Если мы окажемся в оппозиции — что не исключено — если оппозиция получит большинство, она будет руководить партией, а мы будем в оппозиции, — тогда

мы и об аппарате поговорим. (Голоса: значит, оппозиция возможна?) Конечно, возможна, возможна не только оппозиция, возможно и умелое проведение оппозиции. Мы боремся за то, у кого будет большинство: у той политической линии или у этой. Такова постановка вопроса. Зачем я с т. Сапроновым пришли сюда? Для того, чтобы убедить большинство собрания, что моя политическая линия правильнее сапроновской, а т. Сапронов для того, чтобы убедить вас в обратном. И надо возражать только против того, когда вы даете сражение на счетчиках. Это смешно. Когда вместо того, чтобы бороться на том, какая линия правильная, вы боретесь на том, сколько должно быть счетчиков, 4 или 8, и на этом даете сражение.

Вот первое, что мы утверждаем: т. Троцкий поставил вопрос об аппарате неправильно, не с достаточной охраной интересов партии; он его сформулировал в таком виде, который был опасен для партии, и это мы несомненно должны были отметить.

Я хотел тут сказать еще одно — нас часто спрашивают, можно ли отмечать ошибки Троцкого. Почему же нет? Можно ли отмечать ошибки какого угодно члена ЦК? Можно и должно, иначе партия никогда не вырастет. Ленин в продолжение года вел борьбу с меньшевиками за бойкот первой государственной думы, целые тома его статей написаны в доказательство того, что меньшевики изменники и предатели, потому что не хотели бойкотировать государственную думу, а через несколько лет в брошюре «О левизне» он написал: «я сделал ошибку, — бойкотировать не надо было». Ленин ошибся и каждый из нас ошибался в десять раз больше чем Ленин, и, может-быть, больше даже, чем Троцкий,— и партия нас одергивала. Я не знаю, процитирует ли Сапронов сегодня или нет то, как одергивал Ленин меня и Зиновьева в момент, когда ружья были на прицеле? В этот момент он не постеснялся сказать: «а эти неправильно действуют — долой их, к чортовой матери». А почему же теперь нельзя сказать Троцкому, будучи уверенным в том, что он допускает ошибку: Троцкий, вы ошиблись? Конечно, нельзя дискредитировать военного министра. Это верно. Но что нам было делать в 1921 г. во время профсоюзной дискуссии? Ведь положение было таково, что Ленин пришел к партии и сказал: «мы с Троцким не можем сойтись на вопросе о профсоюзах. Пусть партия разрешит». И вы знаете, что тогда была гонка по всей России докладчиков и содокладчиков и голосовали, кто за линию Ленина и кто за линию Троцкого. Мы старались этого избежать всеми силами. Мы понимаем, что если это было при Ленине не безопасно, то без Ленина это в десять раз опаснее. Но вытекает ли из этого, что если Зиновьев сделает ошибку завтра, или Троцкий сделает ошибку после-завтра, то не нужно их одергивать? Тогда вы создадите каких-то идолов.

Как же тронуть Зиновьева, председателя Коминтерна? Разве это не важный чин и положение мировое, — как его затронуть? Не выдавать же отдельным членам ЦК бумажки с гарантией, что, если ты ошибешься, то мы тебе этого не скажем.

Когда т. Троцкий сделал ошибку, мы заявили ему: т. Троцкий, вы сделали политическую ошибку. И мы хотим, чтобы партия ему это сказала. Если у кого-нибудь слабенькие нервы и он хочет, чтобы мы делали не только политическое дело, а соблюдали известный стиль, то поговорим и о том, в каком стиле писать, каким пером и какими чернилами, но об этом мы поговорим после того, как сначала определим, есть ошибка или нет. Если вы находите, что т. Троцкий сделал в таком-то пункте политическую ошибку, а ЦК, когда он эту ошибку исправлял, слишком горячился и употреблял грубые слова — давайте скажем. Согласны вы на это? Не согласны, — тогда не сбивайте вопроса о том, есть ли ошибка, к вопросу о том, каким голосом было сказано об этой ошибке. Голосом было сказано грубым, а ошибка была. Тогда зачем же болтать о голосе? Если ошибки не было, то мы виноваты, хотя бы самым изящным тоном говорили.

О молодежи и старой гвардии.

Вторая ошибка в выступлении Троцкого состояла в неправильной постановке вопроса о молодежи и о старой гвардии. Посмотрите в резолюции ЦК. Ни единого слова ни о молодежи, ни о старой гвардии в ней не говорится, и по очень простой причине. Потому что не настолько глуп ЦК, чтобы притти и сказать: мы старая гвардия, у нас седые бороды, просим любить и уважать. Поэтому вопроса о старой гвардии мы никогда не поднимали, но в ответе Троцкого на единогласно принятую резолюцию ЦК мы с удивлением прочли это место о молодежи и сказали: оно неправильно. Я понимаю, что, может-быть, некоторым представителям молодежи приятно прочесть в статье Троцкого места о молодежи, которые там имеются, но надо по существу разобраться, есть ли тут какой-нибудь политический вопрос или это чисто моральный вопрос о том, как относиться к молодежи. Я утверждаю, что здесь именно политический вопрос, а не моральный. Но с моральной точки зрения это, конечно, очень приятно молодым. Очень много можно написать моральных сентенций о том, что старики должны уважать молодежь, прислушиваться к ней и т. д. Но тут вопрос не моральный, не бытовой, а старый политический, который заключается в построении нашей партии. Политика здесь в составе нашей партии и в ее строении.

Наша партия представляет собой конгломерат, исторически сложившийся, в котором мы имеем 1% членов, которые про-

жили с партией первую революцию, 2% членов, которые прожили с партией от первой революции до революции 1917 г., и все остальные — пришедшие в партию после революции. Имеет это некоторое значение для ЦК, для самой партии и для вас, когда вы рассуждаете о соотношениях разных сил внутри партии? Должны вы это количество принять во внимание? Да, должны. А должны ли вы принять во внимание, что у нас в партии 54 тысячи рабочих от станка, а всего 400 тысяч членов партии? Имеет это какое-нибудь значение или нет, когда мы говорим о демократии, о соотношениях различных групп нашей партии, и должны ли мы это принять во внимание? Если указать, что остается еще 66 тысяч крестьян, то все остальные — это товарищи, которые приставлены к той или иной работе, но которые оторваны от производства. Имеет это значение в нашей партии или нет? А я вас спрашиваю: то обстоятельство, что у нас есть коммунист, питерский и московский рабочий, и есть коммунист азербайджанский, башкирский, оренбургский, имеет это какое-нибудь значение или нет? Когда вы управляете партией, когда вам это поручено, вы должны считаться с тем, что одно дело питерский металлист-коммунист, а другое дело башкирский коммунист — имеет это значение или нет? А имеет ли значение то, что наша партия вобрала в себя осколки всех уничтоженных нами партий? Если мы разбираем нашу партию, то по членам нашей партии можно написать историю не только нашу собственную, но и историю меньшевиков, историю Бунда, историю левых с.-р., историю правых с.-р. Нет ни одной партии, которая не была бы представлена непосредственно в рядах нашей партии. Это прекрасные товарищи, раз мы приняли их в партию. Они нам равны. Мы все пользуемся одинаковыми правами. Но исторически, когда мы осмысливаем положение нашей партии, имеет это значение или нет? Имеет ли значение классовый состав нашей партии, то, что она вобрала в себя представителей всех других партий, то, что она разбита географически на ряд отдельных типов, то, что она в своей работе разбита на клеточки — на трестовиков, синдикатчиков, на рабочих, на приказчиков и т. д., которые работают каждый в своей отдельной области? И вот, когда перед нами вот эти камушки, из которых слагается наша партия, тогда мы спрашиваем, — ну, а вопрос о старой гвардии, как о цементе, как о стержне, который сплачивает вокруг себя, имеет он политическое значение или нет? Он имеет политическое значение в этой исторической надстройке, сложенной из разных элементов. Эта старая гвардия служит скрепляющим цементом, и когда апеллируют против старой гвардии к молодежи, тогда мы, которые никогда в резолюции никакого вопроса о старой гвардии не ставили, мы говорим — так говорить нельзя, это не серьезно.

Когда же это делает не кто-либо, а т. Троцкий, когда на это откликается молодежь, когда молодежи таким образом внушается неправильное представление, тогда мы говорим: т. Троцкий, вы этими словами о барометре неправильно ориентируете и нашу партию и молодежь. Что же, разве мы не знаем, что мы все через несколько лет будем лежать где-нибудь под землей, а на земле будет работать молодежь? Мы хотим, чтобы нашему делу остались только действительные наследники. Вы неправильно ориентируете молодежь. Мы находим, что это преступление. Надо молодежи говорить правду, и прежде всего правду. Барометром, который указывает состояние политической погоды, для нас прежде всего является рабочий у станка, а не молодежь. Ну, а когда это самое построение закапчивается недвусмысленным намеком насчет того, что там Каменев, Зиновьев, Сталин и другие, непосредственные ученики Ленина, впали в оппортунизм? Как же это так?

Тов. Троцкий выступал по поводу единогласно принятой резолюции и считает необходимым в момент дискуссии намекнуть на то, что если наши деды, Каутский и другие, непосредственные ученики Маркса, стали оппортунистами, то мы, непосредственные ученики Ленина, тоже станем оппортунистами. Я спрашиваю, к чему это надо было в нашей партии в декабре 1923 г.? Разве действительно назрели какие-нибудь факты? Если есть какие-нибудь факты, то, пожалуйста, выкладывайте их на стол. Если кто-либо говорит о том, что «ученики» поворачивают на оппортунистический курс, поднимай восстание в партии, но доказывай, выкладывай факты на стол, а если фактов не выкладываешь, если имена не называешь, то так поступать нельзя. Если Каутский и Бернштейн были оппортунистами, то ведь они были не только оппортунистами, но и предателями. Ведь, мы с вами, товарищи, обсуждаем не маленький вопрос. Есть ли какие-либо данные для того, чтобы делать намеки, что в ЦК есть какой-то поворот к оппортунизму и что есть кто-то в ЦК, кого можно сравнить с такими предателями, как Каутский и Бернштейн? Вот этот вопрос партия имеет право разбирать или нет? Ведь наша партия не партия меньшевиков, в которую можно класть все, что угодно, она все-таки живет. Ведь мы не привыкли к такой жизни. Если у нас заводился какой-нибудь оппортунистический червячок, то мы его тащили на свет божий и так давили каблуками, что весь мир трещал. Иначе мы с вами жить не можем. Если кто-либо делает намеки на то, что в ЦК появилась какая-нибудь предательская червоточинка, хотя бы гнилостное пятнышко, то надо это сказать открыто. А делать это только для того, чтобы дискредитировать ЦК, нельзя. Т. Троцкий такими заявлениями наносит ущерб партии, подрывая ее авторитет. Было бы в десять тысяч раз лучше, если бы т. Троцкий вышел и сказал: вот ошибки

ЦК, в этих ошибках виновен Иван, Петр. Партия бы разобрала это — и конец. Но когда выступают с намеками, когда брошена тень на ЦК, что же вы думаете,—ЦК может так жить?

Если бы кто-либо из вас, товарищи, написал бы такое заявление в «Правде», то это было бы еще не так опасно. Но ведь все дело в том, что это заявление сделал т. Троцкий, к которому прислушиваются. Вот, сообщают, что все послы, которые собирались на Рождество уехать, получили приказ остаться здесь и наблюдать за развитием правительственного кризиса. Мы с вами знаем, что сейчас в Англии вопрос идет о том, что, может-быть, через несколько дней будет правительство Макдональда и тогда будет поставлен вопрос о признании. В этом положении ЦК оставаться не может. Аппарат у него не подчинен партии, жить он должен по молодежи, в ЦК заводятся кандидаты на Бернштейна и Каутского — и мы должны молчать? Мы идем к партии и спрашиваем, верно это или нет? Скажете — верно, мы будем знать, что делать; скажете — неверно, тогда пусть т. Троцкий осознает свою ошибку и исправит ее, как он это делал, когда ошибался по вопросу о профсоюзах и о Брестском мире.

О группировках.

Теперь отношение к демократии. Вы помните, что с самого начала, когда появилась резолюция ЦК, одним из самых боевых пунктов стал вопрос о группировках и фракциях. Резолюция ЦК подтверждена резолюцией X съезда, которая запрещает решительно какие бы то ни было группировки. Все товарищи из оппозиции прямо или косвенно заявляли, что это неправильно. Они защищали фактически свободу группировок. Т. Преображенский, говоривший от них, выступал и говорил: если эта резолюция не будет дополнена свободой группировок — грош цена этой бумажке. Есть две линии — за и против свободы группировок. Почему мы стоим против группировок? Мы понимаем, что мы рабочая партия, не только коммунистическая партия, но партия, осуществляющая диктатуру, и если в нашей партии заведутся группировки, то это отразится отрицательным образом не только на нашей партии, а и на нашем государственном аппарате. А такого мудреца, который бы определил, где кончается систематическая группировка и где начинается зародыш фракции, нет. Ни в каком талмуде это не написано. Всякий зачаток группировок в нашей партии ведет к распылению государственного аппарата. Можно допустить в любой партии группировки, но мы допускаем это для партии, которая занимается только организацией рабочих, подготовлением, пропагандой, агитацией. В такой партии еще допустимы группировки, фракции, подфракции, течения. Там мы понимаем свободу, но у нас где же найдется такой наивный человек, который ска-

жет, что в партии будут группировки, а в государственном аппарате это не отразится? Что расщепление и по советской линии непременно тогда пойдет — это ЦК должен сказать. Мы стоим твердо на запрещении всяких группировок и фракций потому, что это ведет к расщеплению государственного аппарата. Мы обязаны были это сказать. И когда т. Троцкий после всех речей выступает со своей статьей «Новый курс» и ни словечка об этом не говорит, то разве он не понимает, не знает, что этот вопрос стоит в центре партийного внимания? Это молчание есть ошибка. Он должен был высказаться, как ответственный член ЦК, как товарищ, к голосу которого прислушиваются. Он должен был сказать: я согласен с т. Сапроновым насчет демократии и с т. Преображенским насчет аппарата, но я предупреждаю, что всякие группировки недопустимы. Тов. Троцкий этого не сказал, и тем самым он прикрыл ту работу, которую и я и ЦК считаем разлагающей работой.

У меня в портфеле лежит газета «Руль», где имеется передовица под заголовком «Расшатывание» по поводу нашей дискуссии. Смысл этой передовицы таков: большевики победили потому, что их линия совпала с линией народного движения, а оседлали они эту стихию и удержались благодаря своей организованности, сейчас же эта дискуссия есть расшатывание этой организованности. Товарищи, я никогда не считал наших политических врагов дураками, но никогда не хотел предоставлять им возможность сказать правду о нас. К сожалению, теперь они говорят правду. Эта пропаганда, которая ведется сейчас, есть расшатывание. Когда идут нападения на партию, когда противопоставляется молодежь и старики, высказываются намеки насчет оппортунизма, эта сволочь, которая говорит: «идет расшатывание старой большевистской организации», — она, к сожалению, права, и против этого расшатывания нужно восстать. Есть определенные старые большевистские традиции, по которым известным образом строили и создавали большевистскую партию. Те течения, которые в оппозиции намечаются, погубили бы эту партию. Не знаю, хотят ли они этого или не хотят, — я уверен, что они не хотят, — но если бы партия представляла бы из себя сумму всяческих оттенков, движений, группировок, подгруппировок, фракций, подфракций и т. д., то ее монолитность была бы нарушена. Мы видели такие партии и с ними боролись. Все партии, с которыми мы боролись, распадались на правый центр, левый центр, центр просто. Такими были эсеровская и меньшевистская партии. Мы их разбили. Настоящая дискуссия в той ее форме, какую она приняла, приведет к перерождению нашей партии из сильной, боевой организации с самой жесткой дисциплиной к этой свободе группировок. Мы против этого. Может-быть, партия иначе судит. Если окажется, что мы с партией

разошлись, тогда другое дело, но пока товарищи спрашивают наше мнение, хорошо ли это или нет, мы говорим — нехорошо и хотим, чтобы большинство здесь это сказало точно и определенно.. Если т. Троцкий нам возражает, то он поступает неправильно.

Теперь, товарищи, подводя итоги этой первой части дискуссии по поводу демократии, мы себе так и говорим: ЦК формулировал свои взгляды. Эти взгляды большинство партии находит правильными. Поправок, деловых предложений мы не слышали. Оппозиция высказала вместе с т. Троцким целый ряд взглядов, которые мы считаем неправильными и хотим, чтобы и вся партия признала их ошибочными. То, что эта дискуссия принимала иногда явно личный характер, что стали говорить о тройке, о засилье и т. д., это заставило нас сделать невиданный еще в партии шаг и опубликовать на весь свет, что мы не представляем себе нашу работу без т. Троцкого. Это есть результат слухов, — клеветы, которые распространялись. Это заявление сделано, и у вас теперь нет никаких оснований сомневаться в том, что оно выражает искреннее мнение ЦК. Теперь же, когда этот вопрос решен, когда вы имеете твердое заявление ЦК, когда вы знаете, что действительно никто не представляет себе управление Россией или партией помимо или против т. Троцкого, тогда вы должны сказать: была ли ошибка или ее не было? Этим вы поможете партии, а не тем, что вы замажете это и скажете: живите в ЦК мирно и не ссорьтесь. Этим делу не поможешь, так как речь идет о выборе политической линии.

О разногласиях в вопросах социалистического строительства.

Теперь я перейду к экономической области. Когда мы рассуждали о демократии, мы понимали, что демократия есть форма, в которой существует партия для обсуждения тех или других вопросов. Нельзя же демократию заводить для того, чтобы все время говорить о демократии. Демократия есть свобода обсуждения, свобода дискуссии, необходимость обсуждения основных вопросов хозяйственной политики. Демократия есть форма, а содержание есть наша хозяйственная политика. ЦК немедленно же после опубликования резолюции о демократии перешел к рассмотрению хозяйственных вопросов и представил вам подробный анализ кризиса, который мы переживаем, выходов, которые он намечает, и теперь спрашивает партию: ну что же, вы воспользуетесь этой демократией для того, чтобы обсудить эти коренные вопросы? Товарищи из оппозиции, вы, которые подняли такую неслыханную тревогу в партии, скажите, что же, в экономической области есть у вас какие-нибудь основные расхо-

ждения с ЦК? Можете вы предъявить что-нибудь другое? Ведь вы же, товарищи из оппозиции, обвиняли ЦК не только в партийных, но и в хозяйственных преступлениях. Вы же говорили, что ЦК привел к гибели, что ЦК совершил ряд таких хозяйственных ошибок, которые делают для нас невозможной победу даже в мировом масштабе. Мы приходим к вам и говорим: вот наше мнение, вот чему мы научились на кризисе, вот как мы хотим вести страну дальше. Можете вы что-нибудь противопоставить?

В заявлении 46-ти ни единого слова об этом нет. Каждый член партии должен спросить: что же у вас, оппозиции, в коренном вопросе политики Советской власти, оказались за душой какие-нибудь принципы, положения, тезисы, заявления, которые оправдали бы борьбу? Вот что нужно было спросить. Мы оправдаем нашу дискуссию, если действительно дело обстоит так, что ЦК в области хозяйственной сделал непоправимые ошибки, если действительно так, как сказано в этом документе, что все успехи промышленности достигнуты не благодаря политике ЦК, а вопреки этой политике. Если это действительно так, тогда веди бешеную борьбу против ЦК, чорт с ним. Отложим наши международные дела, прочистим ЦК. Но тогда вы должны противопоставить что-нибудь. Я утверждаю, что после того, как была опубликована экономическая платформа, оппозиция оказалась политическим банкротом, потому что у нее ничего не оказалось. Разве мы спорили об отдельных поправочках? Разве мы не опубликовывали главные документы, чтобы вся партия их обсуждала? Разве мы не знаем, что в окончательный текст вы внесли ряд отдельных поправок, дополнений? Разве мы не предложили эту экономическую резолюцию обсудить каждой ячейке, каждому профсоюзу, каждому фабзавкому? Чем больше будут обсуждать, тем больше практически снизу идущих предложений мы соберем.

Речь шла не об этом. Речь шла о партийном общем руководстве, об общей линии. И тот, кто не имел что-либо противопоставить, не имел права тревожить партию, сеять в ней тревогу, сеять намеки на оппортунизм, крах, гибель, как товарищи из оппозиции это делали. А что они предлагают по поводу экономической платформы? Что они предлагают по вопросу о крестьянстве, который для нас является основным вопросом? В нашу резолюцию по вопросу о крестьянстве мы включили абзац резолюции XII съезда, на который мы предлагаем ориентироваться и который говорит: «не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к крестьянству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в экономической области, так и в области чисто политической». Это политически самый важный пункт из резолюции XII съезда. Мы видели, в чем суть кризиса. Дело в том, что мы не посчитались с крестьянством, в резуль-

тате чего мы имеем стихийную забастовку крестьянского покупателя, который сложил руки, смотрит на промышленность и говорит: чорт вас знает, вы, социалисты-коммунисты, национализировали промышленность и даете нам предметы производства по такой цене, по которой купить нельзя. Есть ли полная гарантия, что эта стихийная пассивная забастовка завтра не выльется во что-нибудь более реальное? Оказалось, что мы можем ожидать потрясений от того, что мы недостаточно считались с мужиком, что мы недостаточно выполнили и недостаточно научились делать то, чему нас т. Ленин учил. Он говорил: умей ездить на крестьянской лошадке, понимай, что ты сидишь не на пролетарском рысаке, не на крупной промышленности, которая может итти вперед семимильными шагами, а что ты проводишь диктатуру пролетариата в разоренной, нищей, крестьянской, отсталой стране, что крестьян 130 миллионов, а пролетариев 5 миллионов, а среди этих 5 миллионов только 400 000 коммунистов, что поэтому эта диктатура должна применяться к крестьянину, с ним считаться, если мы не хотим вызвать нового Кронштадта, новой антоновщины. Вот этот центральный пункт нашей резолюции весь основан на цитате из резолюции XII съезда. А ведь мы знаем,— уж если пошло на откровенности, — что как раз этот пункт мы вставили в резолюцию XII съезда, несмотря на сопротивление т. Троцкого, которому это казалось не столь важным. Тов. Троцкий в резолюцию XII съезда о промышленности этого не вставил. Т. Радек рассказывал о том, как было дело. Когда т. Троцкий внес резолюцию о промышленности на XII съезде, ЦК прочел и сказал: хорошо, а затем через день или два ЦК вернулся к резолюции и сказал: мужика мы забыли, надо мужика вставить, и мы предложили эту поправку, которая в резолюции указана. Тогда т. Троцкий решительнейшим образом отказывался ее вставлять и не хотел даже сделать доклад на XII съезде из-за этого.

Мы имели с ним тогда несколько заседаний, но, конечно, мы не вынесли этого на дискуссию. Это, товарищи, не случайная ошибка. Вы великолепно знаете, хотя ошибаются все, почему я выделяю эту ошибку Троцкого. Его позиция «ни мир, ни война» не считалась с нежеланием мужика воевать. Во время профсоюзной дискуссии мы ясно видели, какая разница между позицией Ленина и Троцкого. Троцкий говорил: «военный коммунизм надо закручивать потуже, профсоюзы огосударствить, сделать их государственным орудием военного коммунизма». Ленин сказал: «смотрите, как бы на счет мужика не ошибиться». Он чувствовал тогда, что Кронштадт не далек и говорил: «давайте, лучше, ребята, скорей откручивать, а не закручивать, иначе у нас котел взорвет».

Перед XII съездом т. Троцкий говорил очень хорошо и очень темпераментно о плане промышленности и об увязке промышленности. Но все это базируется на мужике. Для промышленности

у нас иностранных рынков не припасено. Если мы не приспособим своей промышленности в темпе ее развития, в ее ценах к мужику, то нам придется закрывать заводы, потому что покупателей не будет. Мужик решает дело. Ленин говорил на съезде: «Мужик — реалист, он будет смотреть, кто ему дешевле продает. Если коммунист будет продавать дороже скупщика, кустаря, то мужик прогонит коммуниста». Это абсолютная правда, и мы эту линию отстаиваем, а Троцкий забывает и здесь говорит: «этой резолюции о мужике не нужно». Мы успокоились лишь тогда, когда этот пункт был включен в резолюцию XII съезда. А что говорит оппозиция? Она приходит и говорит: резолюция ничего себе в общем и целом, только забыли ввозить из-за границы товары подешевле для мужика.

Что нам действительно предлагается оппозицией в виде поправки к экономической резолюции? ЦК никуда не годен и сидит там какая-то тройка, которая заботится только о том, чтобы других «травить», а что касается экономики и определения экономической политики, то говорят: «резолюция написана правильно, ничего себе». Как же так, какие-то оппортунисты-аппаратчики, бюрократы, а о политике написали правильно и только забыли товарную интервенцию вставить. Оппозиция предлагает ввозить мужику дешевый товар из-за границы. А мы спрашиваем: что же, беда в том, что товаров мало? Беда в том, что мы того, что произвели, сбыть не можем. Что же, вы хотите ввезти из-за границы дешевые товары, чтобы мужик получил понятие, что наша социалистическая государственная промышленность продает ему дорого, а заграничный капиталист дешевле? Вы этого хотите?

Второе — в чем мы ошибались. Мы написали: очень хорошо, что у нас есть активный торговый баланс. А что такое активный торговый баланс? Это значит, что мы продаем за границу побольше, чем покупаем из-за границы, и разницу кладем себе в карман. А товарищи приходят и говорят: нет, этого не надо, нам не нужно активного торгового баланса. Что же вы хотите, пассивного баланса, хотите, чтобы мы вывозили меньше, чем ввозим, и доплачивали? Но из чего мы будем доплачивать, а у нас золотые фонды есть? Я утверждаю: наша политика должна заключаться в том, чтобы побольше леса, хлеба, сырья вывозить и побольше ввозить, но не продуктов потребления, а машин, средств производства, и рассчитывать так, чтобы разница была на нашей стороне, чтобы мы ее клали в карман, а не заграница клала себе в карман. Зачем же нам нужно в карман откладывать? А для того, чтобы закончить денежную реформу.

Резолюция ЦК предлагает в течение ближайших месяцев покончить с совзнаками и дать мужику, который больше всего страдает от падения совзнаков, твердую валюту. А разве это можно сделать без накопления запасов? Мы в первый год про-

дали больше, чем купили, и кое-что отложили, чтобы провести денежную реформу, а тут приходят всякие экономисты и говорят: нельзя, зачем накопляете золото!

Все эти практические предложения — пустяковина. Они указывают на детское мышление и на то, что люди в действительности не имеют никакой политической линии.

На этом я кончаю, больше на экономике останавливаться не могу. Я должен подвести итог: перед вами стоит вопрос — кто-нибудь тут да ошибся. Не может быть, чтобы партия так болела, чтобы ее так лихорадило и чтобы никто не был в этом виноват. Вам надо решить, кто виноват в политической ошибке— ЦК или оппозиция. Решайте этот вопрос, как знаете, а я утверждаю, что это — вина оппозиции, которая выступала в нашей партии, собрав всех недовольных, — оппозиции, которая в истории нашего развития возникла и объединилась в блок, во главе которого стал Троцкий со своими статьями, и у этой оппозиции не оказалось какой-нибудь продуманной системы, какой-нибудь политической платформы, которую бы она выставила и противопоставила ЦК.

Поэтому я с полной ответственностью и полным хладнокровием говорю: если оппозиция в течение двух месяцев не развернула своей линии, то она потерпела политическое банкротство. Это не ругательство, а это политический итог. Демократия не только дает права. Она возлагает и обязанности, и первая обязанность заключается в том, что, если ты выдвигаешь обвинение против ЦК и так горячо повел борьбу, то знай, что партия спросит тебя: как ты поведешь ее, а если ты на этот вопрос не можешь ответить, не подрывай авторитета партии, не подрывай авторитета руководящих кругов и ЦК. У нас этого делать нельзя, мы — военный лагерь. Если ты недоволен командующим, командуй сам, но командуй на основе определенной политической линии. У нашей же оппозиции политической линии, политической платформы за душой не оказалось.

Когда собирается оппозиция, у которой нет политической линии, она неизбежно, поверьте опыту старого фракционера, она неизбежно перерождается в склоку. Другого выхода нет. Если у вас нет политической линии, а вы лезете в драку, вы неизбежно будете драться на склочной почве, вы будете разбрасываться, будете с высоты лететь все ниже и ниже, будете брать отдельные факты, отдельные анекдоты, будете расстраивать партию, не умея указать ей правильный путь.

ОТВЕТ КРИТИКАМ.

Товарищи! Когда я обдумывал, как мне ответить на все вопросы, которые мне были заданы, и раздумывал насчет того, что я слышал за эти три дня, я разделил все то, что мы здесь слышали, на три отдела. Первый и самый важный отдел — это отдел экономических вопросов. Второй отдел — положение внутри нашей партии и виды на будущее, как мы будем завтра, после этой дискуссии, жить в партии. И третий отдел — который, к сожалению, в нашей дискуссии играл не малую роль, это — элемент слухов, сплетен, склоки, передачи частных разговоров и т. д., которые не имеют отношения к поставленным здесь вопросам, но из которых я, к сожалению, должен кое-что разобрать, чтобы расчистить почву и проложить дорогу к экономическим вопросам и к вопросам о дальнейшей судьбе нашей партии. Я слушал сейчас всю речь т. Сапронова и его содоклад и думал, — где же ответ на вопрос, который я поставил в своем докладе? Он выставил обвинение против ЦК, а я выдвинул контр-обвинение против оппозиции в том, что эта оппозиция беспринципна. Вот точный обоснованный тезис, который я пытался поставить и считаю необходимым доказать. Когда я слушал содоклад т. Сапронова, я надеялся, что вот выдвинется тот принцип, из-за которого стоило вынести такую двухмесячную лихорадку партии. Но ничего, кроме мелких фактов, замечаний о том, что Зиновьев сказал там то-то и то-то, не было.

Т. Сапронов говорил здесь: «Вот по национальному вопросу Ленин был согласен с Троцким». Мы с т. Троцким работаем рука об руку шесть лет, с июля 1917 г., — проделали целые кампании, чорт знает, в какие тяжелые годы, а теперь выходят и говорят, что по национальному вопросу Ленин был согласен с Троцким. Да, мы тысячу раз бывали согласны. Разве мы каждый раз приходим и говорим вам, в чем мы были согласны? За шесть лет только два раза оказалось несогласие и партия в лихорадке; в первый раз в 1920 г. и вот теперь. Мы тысячу раз бывали согласны! На XII съезде единогласно от имени ЦК по национальному вопросу была предложена резолюция и единогласно была принята. Не только Ленин с Троцким были согласны, мы все

были единогласны, вынесли резолюцию на съезде и никаких сепаратных выступлений не было. После съезда, в виду остроты национального вопроса, мы собрали национальное совещание, на котором было человек 60 со всех окраин. Мы сидели с ними неделю, проработали всю национальную политику и опять приняли резолюцию единогласно, и тут же был и Троцкий. В чем же дело? Почти всегда Троцкий оказывался согласен с Лениным, и если разногласия иногда бывали, то как же иначе?

Я рекомендую т. Сапронову больше так не выступать. Ничему это не способствует. Умней мы от этого не станем.

Следующий вопрос, который может произвести впечатление на конференцию, это аргумент, исходящий от т. Шляпникова. Он произнес здесь блестящую речь, к которой я внимательно прислушивался и собирался поговорить относительно поднятых им вопросов. Правда, второй речью он первую зачеркнул, но это уже его дело. В первой речи он рассказал вам о паровозах: не то в 1922 г., не то в 1923 г. 700 миллионов истратили, чего смотрел ЦК и т. д. У меня есть документы по этому вопросу. Я взял документы. Паровозы были заказаны — когда? — В конце 1919 г. Кто тогда был Наркомпутем? Троцкий. Кто был председателем Совнаркома? Ленин. Обсуждался ли этот вопрос в Политбюро? Нет, не обсуждался. Он был решен в Совнаркоме. Через кого был проведен заказ? Через Красина. На этот заказ было ассигновано 300 миллионов. Почему пошли на это? Была полнейшая блокада; никаких торговых сношений ни с Англией, ни с какой бы то ни было страной, — это раз, во-вторых, надо было прорвать фронт. Ленин одним из аргументов выставлял: надо заплатить этим сукиным сынам, международным банкирам, чтобы фронт прорвать во что бы то ни стало. С другой стороны спецы кричали: железная дорога у нас гибнет. Мало того, бандажи, которые мы заказывали вместе с паровозами — норма их 9-миллиметровая, они изношены до 5 миллиметров и можно каждую минуту ожидать крушений и полной остановки железной дороги. Оказывалось невозможным работать на тех бандажах, которые имелись. В этот момент Ленин и Троцкий решают: для того, чтобы спасти железные дороги и чтобы прорвать блокаду, ассигновать 300 миллионов золотом.

Все в это время думали, что золото нам не нужно. У нас есть продразверстка, есть пайки, а золото — плевать на него. И мы думали, что в конце 1919 г. мы поступили совершенно правильно. Обманули спецы Троцкого и Ленина? Да, обманули. Так и надо прямо сказать: в конце 1919 г. спецы обманули Ленина и Троцкого. Они нас и до сих пор еще обманывают, но надо помнить, что в то время мы были только второгодками. Но истрачено на это было не 700 миллионов. Было ассигновано

300 миллионов, а фактически израсходовано около 200 миллионов. Что мы за них получили? 1000 паровозов, которые находятся сейчас у нас в России, затем бандажи и дымогарные трубы, которые, по словам Дзержинского, в данной им мне справке, спасли нас во время голодной кампании.

Уже год тому назад, когда Троцкий не был Наркомпутем, а Ленина не было в Совнаркоме, мы стали думать о том, как аннулировать этот заказ. Вышла глупая ошибка. Вы с удовольствием слушали раньше, как Ленин говорил о том, что мы сделали ошибку, но когда эта ошибка начинает сказываться на материальных фактах, на миллионах, вы разводите руками. Это ошибка конкретная, и когда Ленин на железнодорожном съезде и себе и партии признался в ошибке, что она была сделана, так можно об этой ошибке помнить, но сказать так, чтобы у рабочих не осталось от этого червяка на сердце.

Ошибка была совершена в 1919 г. Она стоила не 700, а 200 миллионов, и мы за нее получили паровозы, бандажи и дымогарные трубы, которые нам помогают. Мало того, в конце 1923 г. мы аннулировали этот заказ, несмотря на какую-то неустойку. Мы добились того, чтобы наполовину сбавили то, что оставалось. Если вы рабочим так расскажете, то они поймут, что это общая беда. А если говорить так, как т. Шляпников, то это будет отрава. Рабочие не поймут и подумают, что ЦК помогает заграничным банкирам. Имеет этот факт что-нибудь общего с нашим теперешним спором, который я поставил в докладе? Никакого он не имеет отношения к этому, а только мутит атмосферу.

Дальше. Т. Сапронов читал со смаком, со вкусом, как т. Ленин ругал меня и т. Зиновьева за Октябрьские дни. Прибавляет ли это что-нибудь к нашему спору? Умнее от этого кто-нибудь стал? Отводить это я не хочу. Ленин не только это написал. Прошло два года, когда тоже оппозиционер, но не т. Сапронов, а т. Серрати, итальянский коммунист, попрекал нас и говорил: вот что сделали тт. Зиновьев и Каменев. Ленин ему отвечал (я читаю из XVII тома, стр. 373): «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены... Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты».

Вот как оценил т. Ленин эту большую ошибку через пару лет, когда он исторически мог на это посмотреть. Я спрашиваю — мы чему-нибудь могли научиться из этого? Могли. Чему?

Если вы будете делать такие моральные выводы, что: так как ты тогда ошибся то не смей теперь поднимать голоса, то я должен сказать вам, что если бы я боялся таких упреков, я бы не приходил сюда к вам; если бы я боялся, что в ответ на мои деловые соображения мне процитируют и скажут: ты ошибался в Октябре. Что же сделал тогда т. Ленин? Он самыми решительными словами обругал нас. Но вот какой факт надо отметить. Руготня эта происходила 15 октября. Это было то собрание у т. Калинина, на котором мы обсуждали вопрос восстания и на котором я и т. Зиновьев сказали: опасаемся, как бы нас не побили. Тов. Ленин со всей присущей ему энергией высек нас по первое число и записал это в историю. Он писал то, что цитировал т. Сапронов: дураки, растеряли принципы, к чорту малодушие, а мне потом через несколько дней он говорил: и разозлился же я на вас, еще бы капелька и мы бы вас и т. Зиновьева исключили из партии. Это происходило 15 октября, а 25 октября, т.-е. ровно через 10 дней собрался II съезд Советов, который произвел эту революцию, и т. Ленин никого иного, как Каменева, назначил председателем съезда, потому что он видел, что ошибка была совершена, но никакой фракции не было, никакой попытки расколоть партию, на этой ошибке настаивать, ради этой ошибки поднимать такую дискуссию в партии — не было. Он сказал: ошибка исправлена, иди работать. И за то, что ты вчера ошибся, я тебя посажу на такой пост, как председателя съезда, и ты проводи наши резолюции о мире, о земле. И через пару недель он назначил т. Зиновьева председателем Петроградского Совета и потом написал об этих ошибках, что неправильно вспоминать их, потому что они исправлены. Чего мы хотим? Мы хотим, чтобы ошибка, которую совершает т. Троцкий, была исправлена.

Вопрос сейчас заключается в том, надо ли т. Троцкому поступить так, как поступили эти два ошибавшихся большевика, т.-е. признаться и исправить свою ошибку, или, товарищи, вы считаете, что т. Троцкий более прав, чем ЦК? Ничего большего я не хочу, кроме того, чтобы на каком-нибудь собрании вышел товарищ и сказал, что тот комментарий, который дает Троцкий к резолюции ЦК, правильный, и мы вносим эту резолюцию на голосование. Ведь если у нас есть спор, кто правильно толкует резолюцию, то ведь у нас есть печатное толкование т. Троцкого, есть устные и печатные толкования мои и т. Зиновьева. Чем рассказывать о паровозах, о том, как т. Ленин обругал т. Зиновьева и т. Каменева, скажите: мы считаем, что статья Троцкого «Новый курс» и последующие статьи правильны, и это мнение мы разделяем. Ей-ей в этом никакой фракционности нет. Каждый член партии может сказать: мы разделяем такое-то мнение. Почему эту резолюцию до сих пор не внесли? Почему и на этом собрании вам такой резолюции не предложили? Вот что я спра-

шиваю. На что же похожа эта идейная борьба, если те сторонники, которые говорят: не обижайте т. Троцкого, не говорите, что он ошибается,— если они не осмеливаются предложить резолюцию? Ведь дискуссия подходит к концу. Ведь статья т. Троцкого появилась месяц тому назад, и ни одной резолюции, даже в тех ячейках, в которых оппозиция имеет большинство, нет. Такой резолюции нигде нет.

Я к этому вопросу еще вернусь и думаю, что вам придется его взвесить, особенно товарищам из так называемого молодняка.

Тов. Осинский говорит — дело не в резолюции, а в ее проведении. Резолюция, говорит, ничего себе, законы не плохи, а исполнители — лихие супостаты. Только два выхода и есть. Если резолюция хороша, а люди, которым поручено ее исполнить, не годятся, то надо выйти на трибуну и сказать, что ЦК не может добиться исполнения этих прекрасных резолюций. Ну, хорошо, тогда о чем же речь? Вы так и скажите, и партии было бы гораздо лучше, если бы Сапронов всю дискуссию поставил на эту почву. Пришел бы на первую ячейку и сказал: мы добились того, что ЦК принял более или менее правильную резолюцию. А теперь задача заключается в том, чтобы в ЦК поставить людей, не имеющих бюрократических идей, которые провели бы эту резолюцию. Таких-де и таких товарищей, напр., Каменева, можно было бы снять, заменить другим. Тогда была бы ясная постановка, понятная каждому рабочему. А вы что говорите? Вы говорите, что без Каменева, Зиновьева, Сталина вы не мыслите себе ЦК, а в то же время говорите: манифест 17 октября. Как тут свести концы с концами? Выходит лицемерие, не получается никакой определенной политической линии.

Я утверждаю, что оппозиция беспринципна, что она не имеет никаких принципов, которые бы она предъявила в деле руководства партией. И поэтому она мечется между склокой, самой отвратительной сплетней, с одной стороны, и лицемерием — с другой. С одной стороны хвалит, а с другой — подзуживает. Поэтому я и говорю, как было бы хорошо для партии, если бы мы имели перед собой не эту оппозицию в таком виде, а оппозицию, которая потрудилась бы ясно сформулировать, чего она хочет. Между тем, обвинение выставлено совершенно определенное.

Тов. Сапронов прочел вам заявление 46-ти. Я надеюсь, что вы его слушали внимательно. Я утверждаю, что это заявление 46-ти есть обвинительный акт против ЦК. Если против ЦК выставляются такие обвинения, что успехи были вопреки ему, что было неудовлетворительное руководство, что он ведет страну к острому хозяйственному потрясению, связанному с политическими осложнениями и с параличем внешней боеспособности, что должен сделать ЦК? Я говорю, что такое обвинение должно быть поддержано, и товарищи, которые решились такое обвинение

выставить, должны выставить перед партией и основы и способы лечения. Это заявление было нам передано 15 октября. Теперь дело прошлое, и я могу сказать, что мы ожидали и принимали все меры к тому, чтобы 9 ноября произошло коммунистическое восстание в Германии, а 15 октября, за три недели до этого, мы получаем этот обвинительный акт.

В этом акте есть одно место, которое касается мировых перспектив. Там оппозиция говорит, что при таком руководстве партией мы не можем войти в полосу надвигающихся новых мировых потрясений иначе, как с перспективой неудач. Это заявление подписано целым рядом ответственных товарищей, как Преображенский, Сапронов и Шмидель. Что мы должны были сделать? Мы должны были обратиться к партии и сказать: вот, товарищи подвели итоги за два года нашего руководства и говорят, что мы загубили революцию и по внутренней и во внешней линии. Партия должна судить, правы ли эти прокуроры или правы мы, которые посажены на скамью подсудимых, ибо иначе, как скамьей подсудимых, этого назвать нельзя. Это не критика отдельных ошибок, а это обвинительный акт против всей линии. Это не обвинение в том, что мы паровозы неправильно купили, что мы издали неверный закон, что мы дискуссию не провели, а это есть обвинительный акт чисто политического характера. Получаем мы его за три недели до того, как предполагалась революция в Германии. Мы могли только сказать: вот обвинение, скажите, кто прав — 46 или мы. Мы не решились этого сделать, и я спрашиваю тех, кто говорит «зачем скрыли», — а что же вы хотели, чтобы за три недели до германской революции мы опубликовали это заявление 46-ти? Знайте, что если вы нас обвиняете, то мы имеем за душой что предъявить в качестве оправдания себя. Если бы мы накануне германской революции, в которой мы были уверены, — это несчастье, что была неудача, — если бы мы развернули эту дискуссию, и германский пролетариат накануне своего выступления получил бы от нас эту платформу, что ЦК, руководящий Коминтерном, потерпел поражение и ведет страну и революцию к погибели, то нас товарищи за это не похвалили бы.

В тот момент это означало бы удар по международной революции, и потому мы взяли на себя смелость не только запретить распространение обвинительного акта, но и распространение нашего ответа на обвинение.

Но мы понимаем, что это так нельзя оставить, что Сапронов живой человек, и если он в этом уверен, он скажет другому, что собирались подписи, и если Шмидель подписал 46-ым, то 47-ым может быть Петров, а 48-ым Иванов. Нам надо было это обвинение вынести на обсуждение, так как это было неизбежно. Мы могли собрать экстренный съезд, но перед герман-

ской революцией этого нельзя было сделать, и поэтому мы решили собрать наиболее авторитетное совещание и собрали всех членов ЦК, а у нас теперь впервые в ЦК из 45 членов половина действительно рабочих — всех членов ЦКК и представителей 10 крупных организаций, чтобы вместе обсудить и сказать, можем ли мы и дальше управлять. Это совещание собралось в количестве 110 человек. Я думаю, члены партии могут представить себе, какой это был съезд, хотя и можно сказать: мы знаем, что такое конференция. Это — партаппаратчики. Но если у кого нет этого нигилистического наплюйства на партийные организации, тот не может придумать более авторитетной коллегии, чем та, которая собралась. Там мы обсудили эти вопросы.

Должны мы были это сделать? Должны. И если теперь дискуссия прорвалась, то все-таки теперь не такой момент. Мы получили с вами возможность дискуссировать, потому что германская революция потерпела поражение, а была бы она, так мы с вами не дискуссировали, а вели бы себя иначе. В тот момент мы должны были задержать дискуссию, но обвинение осталось, и теперь дискуссия развернулась. Теперь я, член ЦК, имею право притти и сказать: докажите свои обвинения. Ведь это же не только травля, это не то, чтобы написать слово «меньшевик». Ведь здесь же сказано, что ЦК потерпел полный крах. И разве я — не как Каменев, а как член ЦК — могу относиться к этому спокойно? Имею ли я право спросить, что если это здесь написано, то чем это может быть подкреплено? Я имею право. Но когда мне в ответ говорят: да, вот нужно сделать поправки, были ошибочки, и только, то как же вы тогда осмелились так написать и смели поставить всю партию в такое положение? Разве мы не знаем, что это пойдет широко и будет документом для наших врагов? Ведь это неизбежно. Имели ли вы право после того, что во время этой дискуссии выяснилось, что вы не имели принципиально иной линии правильного руководства, ставить такое политическое обвинение ЦК и приводить партию в такую лихорадку, которую она переживает теперь? Вы этого не оправдали, я это утверждаю.

Товарищи, я здесь обращаюсь к вам с вопросом, на сколько же это обвинение действительно, и как оно должно быть снято.

Я перехожу к рассмотрению обвинений по существу. Тов. Шляпников в первой речи говорит: я не спорю о демократии, это форма. Я обвиняю в преступлении против крупной промышленности. Вот это я считаю обвинением, которое должно быть рассмотрено по существу. Тут вопрос ясен, и каждый рабочий поймет, что значит совершить преступление против крупной промышленности. Это значит, что мы крупную промышленность недостаточно поддерживали, принесли крупную промышленность в жертву, повидимому, крестьянству.

Теперь, какая же у нас вообще экономическая ситуация? Товарищи, мы с вами в 1921 г. решили развязать мелко-буржуазную стихию, мы решили предоставить всем деревенским производителям в нашем крестьянстве свободно распоряжаться своими средствами. Мы знаем, что крестьянское производство дало нам в общем и целом на 3 миллиарда золота, а вся наша промышленность менее 2-х миллиардов. Промышленностью мы распоряжаемся на социалистическом принципе, а крестьянству позволили распоряжаться своими продуктами по буржуазному принципу купли-продажи на свободном рынке. Благодаря развязыванию мелко-буржуазной стихии, мы дали возможность обращаться в стране по буржуазному и мелко-буржуазному принципу большей доли всех продуктов народного хозяйства, а в это время мы хотим с вами строить социализм и должны с вами маневрировать. Да, т. Шляпников, мы хотим с вами строить крупную промышленность, развязав мелко-буржуазную стихию и зная, что не только по количеству производимой продукции в данный момент эта мелко-буржуазная стихия более сильна и более богата, чем мы. Как же можно строить? Только маневренным порядком. Чем можно маневрировать? Я вам скажу, чем можно маневрировать: налогами. Соловьев, который произнес очень интересную речь, говорил, что условия нэп'а позволили кулакам давить бедняков. Т. Шляпников совершенно верно ответил ему, что бедняцких комитетов мы сейчас организовывать не можем. Мы говорим, что нам надо вывезти побольше хлеба и при этом знаем, что большое количество хлеба производит кулак. Вот противоречия, которые зависят не от меня и не от него, а от того, что нам, чтобы поддержать промышленность и государственное управление, надо выбросить побольше хлеба, а побольше хлеба производится кулаками, а не бедняками. Вот объективные противоречия, вытекающие из того, что мы строим социализм в аграрной стране. Мы освободили от налога одну треть всего крестьянства. Вы, т. Соловьев, вспомните это, когда будете говорить о том, что мы сделали для бедняков.

Мы одну треть бедняцкого населения совершенно освободили от налогов. Спросите затем Красную армию, спросите красноармейцев, сколько они получают из нашего бюджета? Где нам все это брать? Спросите Шляпникова, что мы должны доплатить Путиловскому, Брянскому и другим заводам? Откуда мы это возьмем? Несмотря на всю тяжесть с.-хоз. налога, мы должны его удержать. Чем еще можно маневрировать? Можно маневрировать еще кредитами. У нас есть известный фонд, так называемые запасные деньги. Куда мы эти кредитные фонды загнали? На 70% мы загнали их в крупную промышленность, и я должен сказать, что много дали. Мы, идя по пути Шляпникова поскорее восстановить промышленность, как основ-

ной фундамент власти, 70% своих кредитов загнали в промышленность и ошиблись. Надо было мужичка поддержать. Мы, рабочая партия, взявшаяся за осуществление социализма в аграрной стране, должны были подумать о мужичке, потому что он наш потребитель. На заграничный рынок Путиловский завод рассчитывать не может. Чем еще его можно поддержать? Кооперацией и госторговлей. Но ни одна, ни другая у нас ни к чорту не годятся. Их забивает частный капитал, потому что у нас очень плохая кооперация, и мы очень плохо торгуем. По вашему, это что же — дело одного дня, двух недель, это дело ЦК научить кооперацию строить так свои органы, чтобы дойти до крестьянина? Ведь крестьянскую массу почти целиком обслуживает кустарь, разносчик, мелкий поставщик, человек, который с тележкой разъезжает, а мы хотим нашего крестьянина подтянуть к трестам и синдикатам в нашей отсталой стране. Вы думаете, что мы это сделаем в день, в неделю? А аппарат наш ни к чорту не годится. А наша промышленность? Как с ней обстоит дело? Шляпников говорит, что мы предали крупную промышленность. Я имею документы, взятые из Госплана, из коих видно, что добыча угля в нашей стране в этом году удвоилась. Что же? Может быть, это вопреки ЦК? Я думаю, что все-таки цекистского меду здесь тоже немного есть.

И если мы перед партией и страной можем сказать: плох ЦК, но все-таки при нем за один год мы стали добывать вдвое больше угля, втрое больше чугуна, на одну четверть больше нефти, в области текстильной промышленности — по пряже имеем 37, по суровью — 59 и по готовым тканям — 44% роста, то я думаю, что тот, кто написал, что этот процесс роста совершался вопреки ЦК, немножко ошибался и во фракционном ожесточении немножко преувеличил факты. То же относительно металлов. Конечно, мы не восстановили еще довоенной промышленности, но если мы вам за год даем цифры, которые показывают такой рост, то мы можем сказать: как хотите, а на дороге мы стоим правильной. Это не легкое дело. Вы знаете, сколько мы дали промышленности за 1923 г. Промышленность получила кредитов непосредственно от Наркомфина на 319 миллионов золотых рублей, а бюджет наш, которым мы располагаем, составляет 1 миллиард. Это надо принять во внимание, раньше чем вы обрушиваетесь с обвинениями в таких преступлениях. Мы имеем миллиардный бюджет. Еще полмиллиарда мы имеем от железных дорог, но они всю свою выручку от перевоза и пассажирских билетов на себя же тратят, так что с них никакой выгоды мы не получаем, а наш чистый расходный бюджет составляет миллиард. Как он составляется? Я вам сейчас скажу: 250 миллионов мы получаем прямыми налогами, больше всего от крестьянства, 250 миллионов косвенными налогами, 150 миллионов различными сборами.

Итого наш доход 650 миллионов, а расходовать нам надо, урезывая себя во всем решительно, не давая армии того, что ей необходимо, не менее одного миллиарда. У нас получается дефицит в 350 миллионов. Если же подумаем сократить наши расходы, то к нам бежит военное ведомство и заявляет: я не могу, я снимаю с себя всякую ответственность, если вы мне не дадите; приходят другие ведомства: Наркомпрос, Наркомздрав и т. д. и говорят: закроем школы, больницы. Чем мы покрываем наш дефицит? Вы знаете, чем? Советской бумажкой. А что значит советская бумажка? Это значит, что мы даем мужику за его сырье и хлеб и рабочему в зарплате такую деньгу, на которой он каждый день теряет. Вы думаете, долго можно ездить на этой лошадке, долго можно ездить на совзнаке? А вы приходите и говорите: мы дело разобрали и видим, что ЦК виноват. Пустяки все это. Вы, товарищи, помните, когда мы переходили к нэп'у, что у нас стояло как самая большая болячка? То, что у нас не было топлива. Вы помните, как отдельными вагонами гнали топливо для фабрик и заводов, как специальные комиссии посылались в Донбасс привезти несколько вагонов. У нас не было топлива — промышленность стала; у нас не было хлеба — мы голодали, и у нас не было транспорта, а я утверждаю, что за эти два года нэп'а мы получили топливную базу, которая полностью удовлетворяет потребность страны. За весь год я не знаю, чтобы кто-нибудь, завод ли, фабрика или транспорт, потребовал бы нефть или уголь, которые мы бы не дали.

Больше того. У нас теперь такое положение, что 70 миллионов пудов угля лежит, и никому он не нужен. В деле топлива так нажали, памятуя эти кризисы, что выработали лишек в 70 миллионов пудов, и теперь мы рассуждаем, нельзя ли этот излишек угля в Италию продать. А Петроград покупает топливо. Это будто бы говорит против нас. Петроград покупает потому, что нам дешевле получить уголь из Англии, чем перевозить его из Донбасса в Петроград. Это всегда так было. Петроградская промышленность до войны всегда работала на кардифском угле. Т. Шляпников это знает, но ему не выгодно это подтвердить, опровергнуть не хочется. И, несмотря на это, товарищи, когда мы недели две тому назад получили доклад специальной комиссии, которая ездила в Донбасс, мы запретили Питеру ввозить дешевый английский уголь и сказали: бери дорогой донецкий уголь. Мы этим спасем Донбасс, но в народном хозяйстве кто-нибудь расплатится. Мы обязаны об этом подумать.

Мы решительным образом против «жесткой» концентрации. Но, когда мы приходим к партии, мы должны сказать правду, а правда заключается в том, что у нас целый ряд заводов лежит тяжелым грузом на плечах и не только не окупаются, но годами окупаться не будут, а мы ради того, чтобы рабочие не расходи-

лись, их поддерживаем. Мы перестали быть чистыми политиками, мы стали управлять государством и должны понимать, когда мы приняли резолюцию против концентрации — это очень хорошо звучит, но что это значит? Это значит, что завтра ко мне в Совнарком придет из Северо-Западного Областного Комитета директор Путиловского завода и скажет: пожалуйте на зарплату, на уголь, на покупку материалов, — а после-завтра из Брянского завода придут, и я не могу сказать, что я резолюцию против концентрации принял, а денег для вас не заготовил. Они скажут: «нам наплевать на эту резолюцию». А как заготовить эти деньги? Вот если бы тт. Осинский, Преображенский, Сапронов сказали, как эти денежки заготовить при том положении, о котором я рассказывал, когда у нас в бюджете дефицит на 350 миллионов!

Население до войны тратило на покупку металла у крупной промышленности 30 миллионов рублей. Допустим, что все будут покупать теперь столько же металла и металлических изделий, как до войны, и дадут 30 миллионов. Но разве на 30 миллионов можно содержать и Путиловский завод, и Обуховский, и Брянский, и Сормовский, и Мытищенский, и Коломенский? Конечно, нельзя. Значит, если население будет столько же покупать железа, сколько оно покупало до войны, то и тогда нам докладывать нужно чортову гибель, и откуда-нибудь взять нужно. А вы знаете, откуда старые брали? Они брали из заграничных займов, они брали из Парижа, из Бельгии, а мы этого получить не можем. Конечно, ЦК очень виноват, что он до сих пор займа не получил. Может быть, вы назначите такой ЦК, которому заем дадут, а этому ЦК действительно никто займа не даст. Поэтому, товарищи, наш способ лечения, наша экономическая резолюция говорит: производи больше. Кто-то сказал, что в резолюции ничего нет о расширении промышленности. Возьмите резолюцию и посмотрите. Там сказано: производи больше и продавай дешевле. Кто против этого лозунга выступит, тот, действительно, ничего не понимает. Мы в нашей резолюции даем такую основную директиву для промышленности: заработную плату поднимай, заводов не закрывай, и в то же время расширяй производство предметов потребления и продавай дешевле, чтобы мужик нас не скупал и чтобы мы нашли потребителя. Вы думаете, это легко? Несмотря на все трудности проведения этой экономической резолюции, мы надеемся, что, если она получит с вашей стороны полную поддержку и если вы отвергнете такой способ, как товарная интервенция, тогда мы эту политику проведем.

Дальше. С одной стороны говорят: не составляй активного баланса, а с другой стороны говорят: увеличивай экспорт и денежки от этого экспорта немножко прикапливай, чтобы дать крестьянину твердые деньги.

Вы слышали, что т. Преображенский сказал, что он бы на годик отложил эту денежную реформу, а мы утверждаем, что если мы в этом году рабочему будем платить зарплату и закупать хлеб на дензнаки, то рабочий и крестьянин воздадут нам похуже, чем т. Сапронов воздает ЦК, — много хуже. Мы говорим, что мы подошли к последнему пределу. Мы, может-быть, и рады поездить на дензнаке, но он так падает и такое тяготение люди получили к червонцу, что, если мы сделаем так, что червонец будет для богатого, для нэпмана, а дензнак для крестьянина и рабочего, то мы на этом далеко не уедем. Поэтому мы и говорим: товары продавай дешевле, заводов не закрывай, экспорт увеличивай, крестьянину и рабочему дай твердый денежный знак. Вот основная мысль нашей экономической резолюции. И мы спрашиваем вас: скажите, вот эти практические предложения, за проведение в жизнь которых придется бороться с синдикатами, с трестами,— эта линия правильная или неправильная?

Теперь, товарищи, я хотел бы остановиться в нескольких хотя бы словах на разборе тех поправок, которые предложены к этой резолюции. Ведь вам придется выбирать между нашей резолюцией и резолюцией оппозиции.

Вот четыре поправки оппозиции по поводу наших практических предложений. Они говорят, что резолюция есть повторение резолюций XII съезда, с добавлением некоторых сомнительных положений и с пробелами некоторых назревших вопросов.

Мы определяем свою политику, а нам говорят: то, что вы добавили — сомнительно, а то, что важно — пропустили. Это какая-то игра. Я обращаюсь к молодежи, у нее есть единственная черта, которой нам, проклятым практикам, не хватает, — это теоретическая непримиримость. На этом Ленин создал партию. Мы можем запутаться в чортовых деньгах, векселях, а вы свободны от них и куете идеологию марксизма и ленинизма и куйте, чтобы она была как обточенный клинок. Когда в 1894 г. Струве говорил: я марксист, но тут запятая одна неправильно поставлена, — то Ленин ему сказал: врешь, из-за этой запятой выйдет из тебя контр-революционер, — или Кускова икнула не по-марксистски, и ей говорят: будешь контр-революционеркой. Действительно, так и оказалось. Ленин требовал — подай мне свою идею, я решу, прав ты или нет, линию подай, и я тебя тогда пощупаю. Если бы молодежь со всем своим революционным пылом обратила свое внимание не на склоку, а требовала бы: подайте нам линию, а мы разовьем эту марксистскую точку зрения, то тогда она выполнила бы громадную роль. Как молодежь может одобрить эту мешанину, этот оппортунизм (в социально-политическом смысле), я не знаю. Что же они нам предлагают в объяснение кризиса?

Если люди позволяют себе в 1923 г. объяснить первый кризис при нэп'е тем, что плоховата кредитная политика и хао-

тично шло хозяйство, то они дают себе свидетельство в умственной бедности. Разве я отрицаю, что кредитная политика плоха? Мы заранее говорили, что обязательно будем ошибаться. В партии нет коммунистов бывших директоров банков, и вполне возможно, что наши настоящие директора опростоволосятся, и мы с ними вместе. Я вполне допускаю, что кредитная политика была неправильна. Но кто же может думать, что с хорошей бюджетной политикой и хорошим планом можно нэп переделать в гладенькую дорогу к социализму? Нэп есть обрывистая тропинка, по которой нужно пробираться к социализму, а вы хотите, чтобы мы не срывались. Это невозможно. Действительно, характер буржуазных отношений у нас есть. Вы хотите, чтобы мы ни разу ногу или руку не отдергивали — этого не может быть. Нашлись же утописты, которые говорят: заведите хороший Госбанк и ВСНХ, и никакого кризиса не будет.

Мы продолжаем быть в войне с крестьянским морем, но мы деремся не винтовкой, а кооперацией, дешевым производством, но война осталась, и в ней мы иногда будем терпеть поражение.

Вы думаете, рабочий класс все время будет побеждать? Когда я приводил данные об угле, то это победа, а когда мы говорим о никуда не годной кооперации, то это наш провал, и мы будем это поправлять.

Дальше. В резолюции написано, что когда цены ставит синдикатчик, трестовик, он должен взять себестоимость и надбавить минимальную прибыль, а товарищи из оппозиции говорят: совершенно неправильное задание. Надо сформулировать так: достижение наибольшей прибыли при данной средней цене. Нами брошен практический лозунг для данного момента: продавай дешевле, даже иногда в убыток, чтобы привлечь крестьянина и бороться с частным капиталом, иначе рабочий и крестьянин найдет, что для него выгоднее частный торговец, а тут приходят люди и говорят: это неправильно. Это — ошибка в самом корне. Я говорю, если товарищи стали на этот путь, то общей экономической политики мы с ними строить не можем. Где здесь выдержанная линия? «Кризиса при нэп'е можно избежать, если иметь хорошую кредитную политику по отношению к нэп'у», «политика снижения цен неправильна», «нужна товарная интервенция, т.-е. ввоз дешевых товаров из-за границы» и, наконец, «не нужно нам активного торгового баланса». Кроме того, тут не сказано, но для всех ясна поправка — «жестокая концентрация». Мы, ЦК, какой он есть, этой политики с такими поправками проводить не будем и не можем проводить, потому что мы помним, как наше положение оценивал т. Ленин, когда он нам говорил: «В нашей Советской республике социальный строй осно-

ван на сотрудничестве двух классов — рабочих и крестьян, и в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса за рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст нэпманству, т.-е. новой буржуазии разъединить себя с рабочим классом». А в нашей резолюции было сказано так: «только строгое проведение политики приспособления к массовому рынку, понижение себестоимости и расширение производства даст возможность государственной промышленности успешно конкурировать с частным капиталом в деле обслуживания массового потребителя крестьянина и рабочего». И дальше мы говорим: «задача нашей экономической политики заключается в вытеснении частного капитала», но только мы знаем, что это вытеснение должно делаться систематической работой и что если ты гонишь цены вверх, то ты этим самым поощряешь частный капитал. Ленин говорил действительно о судьбе нашей республики, и он в последних статьях, как свой завет, писал нам: «Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику», — статья эта «Лучше меньше, да лучше» написана в марте 1923 г. В этой статье еще до кризиса Ленин говорил о нашем спасении и говорил, что мы должны стремиться построить государство, в котором рабочие сохранили бы руководство над крестьянами, и только в этом случае мы будем в состоянии пересесть с лошади мужицкой на пролетарского рысака. Вот в этом наша работа, наша политика, наша тактика, наша стратегия. Вся премудрость здесь. Если мы будем строить нашу промышленность так, что она будет каждый год давать больше угля, больше чугуна, железа, и в то же время мы будем ее базировать на мужике, тогда мужик за нами пойдет, и мы раздавим частный капитал. Это — серьезная черная, изо дня в день ведущаяся работа наступления на нэп.

Но когда товарищи приходят в панику и говорят: нэп нажился, то я должен им сказать, что они не понимали, что такое новая экономическая политика. Мы же сами дали ему наживаться, а теперь надо выжимать. Но тут нам ГПУ не поможет, потому что нэп начинается с свободной продажи хлеба, — а разве вы хотите, чтобы мы вернулись к продразверстке? Мы должны систематически выжимать изо дня в день, прочищать с песком госторговлю, подчищать кооперацию, переводя ее на добровольные начала, понижать накладные расходы и т. п.

Когда т. Преображенский вчера начал говорить и сказал: я вам расскажу, какие социальные корни имеются у политики ЦК и у оппозиции, то я обрадовался, что, наконец, начнется серьезный разговор, потому что скучно разговаривать о всяких пустячках. Я думал, что он действительно укажет на социальные корни политики ЦК и политики оппозиции, но тут он впал

в противоречие и с самим собою, и с Сапроновым, и с теми, кто говорил, что никаких социальных корней нет. Я стал слушать. Вы поняли, какие тут социальные корни? Я понял только то, что если Преображенский хотел бы договорить до конца, то он должен был бы непременно притти к такому выводу, что ЦК потакает нэп'у, а оппозиция против нэп'а. Там, где выступал не Преображенский, а Дробнис, он прямо сказал, что ЦК способствовал росту частного накопления за счет социализма. Если кто-нибудь думает, что ЦК потакает нэп'у, а оппозиция есть анти-нэповская, то тут драка неизбежна. Ну, а если это ведется для того, чтобы публику попугать, то я говорю, что это недостойная игра. Если уж у нас такая судьба, что нам не избежать такой дискуссии, то я предпочел бы такую оппозицию, которая имела бы свою определенную линию, а не такую окрошку, которую нам преподносят, окрошку разных взглядов, перепалок, смазанных и дементированных кучей сплетен, кучей всякой клеветы.

Я, товарищи, теперь отвечу на последний вопрос. К сожалению, я не могу много на нем остановиться.

Т. Муранов дал хороший ответ и указал хорошую формулу: что же должен делать ЦК, когда партия беременна группировками? А Преображенский пытался ответить и сказал, «что делал Ленин, когда была оппозиция? Когда появилась оппозиция, надо было к ней внимательно прислушаться и самое лучшее взять, как это делал Ленин». Но Ленин этим не ограничивался. Из экономики не взято, но взято из демократии, и Шляпников хорошо рассказал, как это Ленин брал у него. Преображенский сказал: нужно взять самое лучшее, а дальше он ничего не мог предложить, а Ленин говорит: возьми самое лучшее, обсуди гласно, открыто, по-честному перед всей партией, укажи то, что в ней есть вредного. И мы знаем, как делал т. Ленин с т. Шляпниковым, — это пример великолепный.

Здесь т. Муранов правильно сказал, что он не обиделся за старую гвардию, и я не обиделся, потому что я считаю себя еще не очень старым, но за это обвинение обиделся ЦК и обиделся двояко. Во-первых, за то, что несправедливо сказано, что ЦК погубил страну и революцию. А во-вторых, сказать-то сказали, а когда товарищей попросили: ну-ка, расскажите, как и что надо делать, тогда они в кусты рассыпались и говорят: Троцкого травите и больше ничего. Но я помню речь т. Шляпникова на X съезде, когда Ленин делал свои знаменитые уступки т. Шляпникову, брал у него все, что было хорошего у рабочей оппозиции, и проводил тезисы об единстве партии. Тогда Шляпников выступил и сказал, что вопрос об единстве партии поставлен совершенно напрасно и что Ленин прочитал лекцию не о том, как строить единство партии, а о том, каким образом

это единство не может быть достигнуто, что это демагогия и извращение факта.

Вот, товарищи, как тогда отвечали Ленину, а что же нам, маленьким людям, обижаться. Мы и не обижаемся. Когда Ленин выступал, он взял у рабочей оппозиции то, что было самого здорового, но вместе с тем он принял резолюции об анархо-синдикалистском уклоне у Шляпникова, и сам т. Шляпников это должен знать.

Резкий был человек т. Ленин: он брал все здоровое у рабочей оппозиции одной рукой, а другой рукой писал резолюции, а потом, кроме того, говорил: попробуем Шляпникова взять в ЦК, может-быть, что-нибудь и выйдет.

Нужно ли говорить о том, как Ленин относился к представителям демократического централизма? Вероятно, Сапронов может рассказать это лучше меня.

Мы не думаем, что истина в нас сидит. Истина сидит в живом движении рабочего класса, а мы должны отражать его волю, и потому мы понимаем, что необходимо взять все здоровое. Мы ведь уже многих «ограбили», не только Шляпникова, но и Чернова, всю его аграрную программу «украли» и ничего — живы.

Вот давайте теперь вместе с вами, молодежь, сделаем так же. Возьмите то, что правильно, но не в сообщении т. Сапронова или Шляпникова, а то, что было проведено на совещании с т. Троцким; мы устраивали несколько совещаний, на которых обсуждали каждую поправку, и в резолюцию о внутрипартийной демократии взято все здоровое, что даст партии реформу и в то же время предохранит партию от внутренней революции и ломки. В экономике ничего нельзя было взять, потому что тут они ничего не могли предложить. И давайте теперь прямо поставим вопрос откровенно и честно. Вот я комментирую, Зиновьев комментирует резолюцию по партстроительству и Троцкий комментирует эту резолюцию. Скажите, что вы считаете комментарий т. Троцкого правильным, и тогда вносите свою резолюцию. До сих пор вы ее не внесли, и я утверждаю, что тогда мы с вами скорее поймем друг друга. А у нас такое положение, когда мы с ЦК обязаны отстаивать изо всех сил ту линию, которую мы считаем не только правильной, но единственно для нас возможной и исполнимой.

Я закончу еще маленьким указанием на международное значение наших дискуссий. Вчера, когда я вернулся с нашего интересного заседания, была получена телеграмма, которая говорит о все увеличивающемся интересе иностранной печати к нашей дискуссии. Я спрашиваю себя, чем мы должны ответить на этот повышенный интерес всего мира к нашей дискуссии? Сейчас совершается один из важнейших в мировой истории фактов. Впервые в Англии может стать у власти Рабочая Партия, во главе

которой стоят предатели рабочего класса, которых мы клеймили и клеймим, но вместе с тем в эту партию входят миллионы подлинных пролетариев, и эти миллионы заставили своих вождей написать: признание Советской России — неукоснительное, немедленное, безусловное. Для нас несомненно, что теперь, как подлинные предатели, они постараются это обещание перед рабочим классом не исполнить. Вся эта международная ситуация диктует нам, по-моему, в ответ на интерес к тому, что происходит в Москве, написать такую резолюцию московской организации, которая бы положила конец всем их надеждам и не позволила бы им обманывать их рабочий класс. А для этого надо сказать, во-первых: да, единство нашей партии незыблемо, во-вторых — руководство ЦК было правильное, дальше сказать — да, были ошибки в ЦК, но ему, как руководителю, доверяем и дальше будем работать под его руководством и «обязываем всех сидящих в ЦК вместе с Троцким работать дружно».

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДИСКУССИИ.*

Товарищи, мой доклад будет отвечать на тот вопрос, который сейчас по существу волнует и ЦК и всю партию, и который за последние недели, за недели этой дискуссии, был, несомненно, центральным вопросом. Вы представляете здесь 10 тысяч членов партии. Это значит, что по количеству членов партии ваша организация равна, по меньшей мере, трем рядовым губкомам, и вы должны будете ответить по моему докладу на один центральный вопрос, на вопрос о том, есть ли у партии правильное руководство, или этого руководства у партии не было, и отсутствие этого руководства привело к кризису советской власти и к кризису партии.

О партийном руководстве.

Я сказал, что этот вопрос стоял в центре дискуссии, и я думаю, что это всем нам понятно. В форме дискуссии о внутрипартийном режиме, затем в форме дискуссии об экономической хозяйственной политике оппозиция поставила именно этот вопрос о руководстве партии, и от этого вопроса партии уйти нельзя. Мы с вами не дискуссионный клуб, мы с вами не просто партия,—мы с вами правительство. Мы единственная рабочая партия, которая держит в своих руках власть, и, когда критика ЦК не ограничивается критикой отдельных ошибок, а переходит от критики отдельных ошибок к критике политической, внутрипартийной и хозяйственной линии, как поставлен вопрос в дискуссии оппозицией, тогда эта критика неизбежно превращается в критику правительства, и мы не можем здесь позволить замазывать этот основной вопрос. По этому основному вопросу партия должна дать ответ, иначе у нас не может быть ни ЦК, ни правильного руководства, ни твердой правительственной линии. Я поэтому не буду в своем докладе останавливаться на частностях, вы их обсуждали в ячейках, на отдельных

* Доклад партийной конференции Краснопресненского района 9 января 1924 г.

совещаниях и т. д., — я поставлю перед вами прямо те обвинения, которые были выдвинуты против ЦК, и постараюсь показать, что было противопоставлено этой линии ЦК и советского правительства со стороны оппозиции.

ЦК были предъявлены обвинения в том, что он привел партию и страну к кризису, к гибели, и что мы неизбежно обречены при данном руководстве на поражение в мировом масштабе. Эти обвинения как нельзя более серьезны. Этими вещами не шутят, и те, кто говорит, что это правильно, должны из этого сделать соответствующие политические выводы. Демократия не есть режим болтовни. Демократия есть режим, при котором каждый может свободно высказываться, и каждый несет ответственность за то, что он говорит. Партия должна спросить себя, правы ли те товарищи, которые сконцентрировали в известном документе 46-ти политическое нападение на ЦК; если они правы, то руководители ЦК должны быть смещены. Те, кто подписал этот документ и не делает этого неизбежного вывода о необходимости заменить руководство и дать другую линию, тот не революционер.

Партия имеет право требовать на своих ответственных собраниях, на губернских и районных конференциях, чтобы или эти обвинения были доказаны, или, если они не будут доказаны, чтобы те товарищи, которые сформулировали это обвинение против ЦК, были бы признаны политическими банкротами. Вся дальнейшая дискуссия партии показала и подтвердила, что эти заявления, которые выдвигают тяжкое обвинение против ЦК, суть заявления безответственные. Я утверждаю, что эта группа этим обвинением ввела партию в заблуждение, ни на чем не основанное, и, в конце концов, эта группа оказалась неспособной выявить какую-либо политическую или организационную линию, которая оправдала бы эти обвинения. Товарищи, которые выступают так, должны быть без всякой полемической остроты названы группой политических банкротов. Это я буду доказывать, потому что то, что сказано в этих словах, есть заявление не о политическом банкротстве ЦК, а о политическом банкротстве этой группы. У вас нет ЦК, если верно то, что сказано в этом заявлении 46-ти, что мы ведем и себя, и вас, и советскую власть к гибели, что мы подготавливаем контрреволюцию, что мы подготавливаем поражение мировой революции. Если это верно, то мы не можем ограничиться поправочками и заплаточками, а должны принять решительные меры. Но если это не верно, тогда банкротом является не ЦК, и не его руководство, а те товарищи, которые это подписали. Это заявление было подано 15 октября, т.-е. за несколько недель до того, как вся наша партия ожидала германской революции. Когда ЦК получил это заявление, перед нами встало два пути — или

обратиться ко всей партии и сказать: вот то обвинение, которое предъявлено ЦК, и пускай партия разберет это обвинение, а это означало бы немедленную дискуссию по основному вопросу о руководстве партии, или, в виду надвигающихся важных событий в Германии, отложить это на время. ЦК не решился поднять дискуссию в партии в тот момент, когда перед нами стоял вопрос о том, что, может быть, через пару недель вспыхнет революция в Германии и нашей партии придется притти ей на помощь. ЦК, согласно предложению товарищей, которые подписали это заявление, созвал пленум ЦК совместно с пленумом ЦКК и с представителями десяти крупных пролетарских организаций и отдал этому совещанию на суд это заявление. Политбюро сказало, что мы посажены этим обвинением на скамью подсудимых. Мы не можем запретить распространение этого документа и не можем решиться сами пойти на всероссийскую дискуссию. Те товарищи, которые собрались на этом собрании в количестве 110 человек и которые, на наш взгляд, целиком и полностью представляли партию, они осудили это выступление как неправильный подход к делу, как фракционность и заявили, что это собрание берет на себя ответственность перед партией за то, что оно по этому пункту дискуссии не допускает в эпоху, когда мы ждем германскую революцию. Вот почему этот документ, как и ответ Политбюро на этот обвинительный акт, на эту речь прокурора, до этого момента не были доведены до сведения всей партии. Однако, мы с вами превосходно знаем, что этот обвинительный акт получил широкое распространение, и что нам пришлось натолкнуться через несколько недель на то, что этот документ распространяется, и что это неслыханное в истории нашей партии обвинение против ЦК широко муссируется в партийной среде. Мы с вами знаем, что мы живем бок-о-бок с беспартийными рабочими, с беспартийными крестьянами, что мы не ограждены от нашей буржуазии и от международной буржуазии железной стеной, что в этой среде документ, который говорит об отсутствии руководства со стороны ЦК и о политическом банкротстве, что этот документ ходит по рукам. Считаясь с этим, мы постановили обратиться к пленуму ЦК, который должен будет состояться в ближайшие дни, и к партийным конференциям, с просьбой разрешить опубликовать этот обвинительный акт и нашу защитительную речь для того, чтобы партия выявила определенную линию и чтобы она не прикрывалась дискуссией о демократии, а высказалась бы по существу того обвинения, которое выдвинуто против ЦК. То обвинение, которое было высказано, повторяется в более или менее прикрытой форме во всех заявлениях, поданных оппозицией во все время нашей дискуссии. Напечатанные в «Правде» и не напечатанные

там резолюции, предложенные Сапроновыми, Преображенскими, Осинскими, Рафаилами, все они содержат в себе это самое обвинение. После предъявления этого обвинения, со стороны ЦК последовало два акта, важнейших в истории нашей партии, два акта, которые должны определить дальнейший курс нашей партии, ее внутренней жизни и ее внешней политики. Первый документ — это резолюция ЦК о внутрипартийной демократии, и второй документ — это резолюция об экономическом строительстве.

Нет более важных, нет более существенных вопросов, чем эти два вопроса. Именно здесь, на разрешении этих двух вопросов, могут найти себе принципиальную почву для своих обвинений те товарищи, которые эти обвинения предъявляли, которые эти обвинения повторяли, которые на этих обвинениях единственно могут стоять как на принципиальной почве, оправдывающей, если они правильны, самую жесткую форму борьбы, ибо я оправдаю т. Рафаила и т. Преображенского в любом нападении, оправдаю в любой склоке, в любой дрязге, оправдаю их, если они уверены в том, что ЦК ведет страну, партию и революцию к гибели. Они в таком случае должны драться до конца. Но они должны драться на этой принципиальной почве, они должны иметь смелость поставить знамя: я низвергаю нынешнее руководство, потому что оно политически и партийно оказалось банкротом. Только так может коммунист внутри своей партии ставить вопрос.

Одно дело, если вы находите в ЦК те или другие ошибки и неправильности и их критикуете. Мы сами признаем наши ошибки. Мы знаем традицию, которая заставляла т. Ленина начинать каждый съезд с перечисления ошибок ЦК, и кроме тех ошибок, которые могут указать тт. Рафаил, Сапронов и Преображенский, смею вас уверить, что мы знаем еще большее количество ошибок, которых они не знают и о которых мы на съезде расскажем. Но одно дело исправление ошибок, критика ошибок, другое дело — указание на в корне неправильную линию ЦК. Именно от этой почвы мы не позволим уйти. Мы скажем: или настаивайте на этой почве и благоволите в таком случае это доказать, потому что обвинения такого рода в условиях диктатуры пролетариата, в наших условиях, если они не доказаны — это есть удар по самым основам советской власти; или же, если вы этого не беретесь доказать, если вы это написали, думая, что в партии можно этим шутить, что это только форма недовольства, то мы заявляем, что ваша политическая линия — это линия политического банкротства. Вы представляете собой в таком случае самый худший вид оппозиции — беспринципную оппозицию, и тогда вы простые дезорганизаторы, тогда ваша позиция превращается неизбежно в склочничество, в дрязги, в собрание анекдотов, в клевету, в подрывание авторитета ЦК без всякой принципиальной основы.

Как возникла дискуссия.

Я перехожу к вопросу, есть ли у этих товарищей принципиальная основа, есть ли линия руководства, которую они могут противопоставить этому, по их мнению, обанкротившемуся ЦК. Речь идет не о лицах. Гоните вон тех, кто попытается этот основной сегодня вопрос пролетарской диктатуры заменить вопросом о том, какие люди — тройка, четверка, пятерка, один или два — сидят там и делают это. Гоните этих людей прочь, потому что они отравляют партийную атмосферу. Спросите у них платформу политической линии, и если у них есть что противопоставить тому ЦК, который объявили банкротом, пусть выйдут и докажут. Но я утверждаю, что они ничего решительно не противопоставят, кроме отдельных поправок и использования правильных по существу резолюций ЦК, которые они сами признают правильными, только для подрыва авторитета ЦК.

Первым актом после заявления 46-ти была наша резолюция о демократии. Что же, в ЦК при обсуждении этого вопроса, при принятии резолюции обнаружились коренные расхождения, которые заставили бы нас обратиться к партии и сказать: в ЦК и в группе ближайших к ЦК ответственных товарищей есть коренные разногласия? Бывали в ЦК разногласия. Были разногласия настолько глубокие, что т. Ленин должен был обратиться к партии и сказать: я и т. Троцкий не можем сойтись в данный момент на политике, в ЦК нет большинства, которое бы определяло и твердо поддерживало определенную линию, поэтому я, Ленин, обращаюсь к партии и прошу разобрать мой спор с т. Троцким.

Это было во время профдискуссии. Если бы в ЦК при обсуждении нового курса на рабочую демократию обнаружились такие расхождения, это было бы очень печально, но это сделало бы неизбежным то, чтобы мы поступили так, как поступил т. Ленин в 1921 г. Тогда безысходное положение и безысходные разногласия в ЦК заставили и Ленина и Троцкого апеллировать к партии.

Товарищи, я должен сказать открыто, что с момента, когда т. Ленин отошел от работы, мы в ЦК больше всего боимся, чтобы мы не были поставлены в такое положение, в такие условия, когда нам пришлось бы обратиться к партии с требованием, чтобы она решила вопрос, кто прав — большинство Политбюро или т. Троцкий.

Мы знаем, что этот спор был тяжел для партии, когда был т. Ленин, и он тогда по поводу этого спора писал: «партия больна, партию лихорадит». И мы, спорившие об этом, проспорили до самого Кронштадта.

*

Мы помним этот пример, и я утверждаю здесь, что мы боялись этих дискуссий, оттягивали их как можно дольше. Мы этим примером руководились, отказавшись от того, чтобы с этим обвинением выйти перед партией и уничтожить группу, которая подписала заявление 46-ти. Мы пришли к выводу: лучше попробуем еще раз, попробуем в стенах ЦК затушить это, не тревожа и не подымая всей партии. Этим же руководились мы, когда составляли резолюцию о рабочей демократии.

Мы добивались единогласия, так как мы знали, что если по вопросу о внутрипартийном курсе мы не дадим общего единогласного решения от имени ЦК, если этот курс станет предметом дискуссии между всем Политбюро и т. Троцким, то это затруднит тот поворот, который мы с вами решили сделать, и поэтому все наши усилия, несмотря на то, что т. Троцкий по существу стоял во главе этой группы 46-ти, — все наши усилия были направлены к тому, чтобы получить единогласие, и мы это единогласие получили. И у нас, — я уверен, что и у вас всех, — вырвался вздох облегчения, когда вы, получивши «Правду», прочли, что резолюция о внутрипартийной демократии принята единогласно.

Вы поняли, что это есть гарантия того, что трудный и сложный поворот мы сделаем с минимумом потрясений для партии, наиболее спокойно, не давая радоваться нашим врагам, не сея сомнения в беспартийной рабочей массе. Я утверждаю, что большинство ЦК исполнило свою обязанность перед партией, что партия требовала, чтобы мы пошли на максимум уступок для того, чтобы получить единогласие, и мы на этот максимум уступок пошли. Мы написали такую резолюцию, которая получила подпись т. Троцкого, и партия, которая облегченно вздохнула, когда она увидала, что мы все вместе, — эта пресловутая тройка и т. Троцкий вместе подписали важнейший документ: резолюцию о рабочей демократии, — партия надеялась, что она избегнула потрясений, что она теперь пойдет делать поворот в чисто деловом порядке, обсуждая практические предложения, исправляя эту резолюцию на основе опыта местных работников. К сожалению, товарищи, это не оправдалось. Это не оправдалось потому, что через два дня после того, что мы единогласно приняли эту резолюцию, без совещания с ЦК, без попытки столковаться с нами, т. Троцкий опубликовал такой комментарий к этой резолюции, который был фактически толкованием группы, которая с самого начала выступала в этом деле против ЦК, опубликовал такой документ, который содержал в себе ряд теоретических ошибок, а практически не защищал ЦК, а наоборот, возглавлял собою ту оппозицию, которая всегда у нас в партии была и против которой т. Троцкий неоднократно выступал.

Этот документ — это опубликованное т. Троцким письмо «Новый курс», чтение его на районных собраниях, — оно сорвало единогласие, оно создало ту обостренную атмосферу, смысл которой заключается вот в чем: покуда против ЦК с этими нападками выступали Рафаилы, Преображенские, Осинские и т. д., партия их знает, партия знает, чего стоят постоянные перед каждым съездом выплывающие нападения на ЦК со стороны этой группы. Но партия действительно содрогнулась, когда она увидала, что впервые в истории партии, не отгораживаясь от них, т. Троцкий дает такой аргумент, который эта группа Сапронова целиком использовала в свою пользу. Разве мы с вами забыли, что в день появления этой статьи т. Сапронов в Колонном зале читал ее как оправдание своей политики, а я спросил себя: что же, т. Троцкий действительно солидарен с т. Сапроновым? Я тогда же, в Колонном зале, спросил: да, я вижу, что Сапронов очень рад, что он может ссылаться и говорить о своем согласии с т. Троцким, но я еще не знаю и хотел бы услышать, солидарен ли т. Троцкий с т. Сапроновым. Я спрашиваю вас, представителей партии: что, этот вопрос имеет право вас интересовать или нет? Я думаю, это один из основных вопросов для каждого, кто хочет разобраться во внутрипартийном положении. И я спрашиваю себя и вас: что же т. Троцкий на эти наши сомнения, на этот наш вопрос ответил? Он, правда, болен, он не может на собрания ходить, но он пишет. Он написал две длиннейшие статьи, которые представляют собою комментарий к первой статье. Там есть намек на ответ. Не знаю, заметили ли вы его, но мы заметили, что там есть фраза о том, что т. Троцкий, конечно, не солидаризируется с «вульгарными демократами», и мы себя спросили: о ком это идет речь, кто эти вульгарные демократы в нашей партии, с которыми Троцкий не солидаризируется, — не Сапронов ли, не Рафаил ли? Мы думаем, что это так, что ни о ком другом Троцкий не мог этого сказать.

Но мы себя спросили: почему, выступая перед лицом всей партии, отлично зная, что ему предъявлен вопрос, касающийся политической линии, т. Троцкий боится назвать эти имена, боится сказать, с кем он в этой дискуссии солидарен и с кем не солидарен, а пишет туманные фразы о том, что он не хочет солидаризироваться с вульгарными демократами? Это имеет политическое значение. В этом есть политическое содержание, и я к этому вернусь, я это докажу. Тут нужно говорить до конца. Почему т. Троцкий, будучи несогласен и видя опасность, видя, как мы видим опасность сапроновской линии, агитации Рафаилова демократизма, почему он ясно и открыто не выступает против? Потому что это опасно для политической линии т. Троцкого. Они ему в данный момент нужны, потому что он в них видит тот авангард, который должен выполнить некоторую предвари-

тельную политическую, в целях т. Троцкого, работу, и поэтому он от них еще не отгораживается.

Статья «Новый курс» т. Троцкого, которая так разогрела атмосферу, сорвала единогласное решение ЦК. В этой статье были выдвинуты три мысли, три основных положения. Эти положения мы считаем ошибкой. Чтобы точнее выразиться, мы считаем политически ошибочным шагом, когда т. Троцкий на следующий день после единогласного решения ЦК, не сговорившись с ним, выступил с этой статьей. Это есть политически опрометчивый шаг. Но в самой этой статье т. Троцкого высказаны три положения, которые ошибочны и об ошибочности которых наша партия должна сказать т. Троцкому. Нет в партии человека, который не ошибался бы. Тов. Ленин сам неоднократно говорил о своих собственных ошибках, и если ошибался т. Ленин, то уже, конечно, ошибались, и во много раз хуже, все мы. Но нас партия одергивала. Каждый из нас, который делал какую бы то ни было ошибку, получал от партии здоровое напоминание иногда кулаком по шее. Когда т. Троцкий делает политическую ошибку, мы должны на эту ошибку указать, и мы глубоко уверены, что, чем спокойнее, хладнокровнее, но решительнее партия скажет т. Троцкому про эти ошибки, тем будет лучше. Партия уже однажды была поставлена в положение, когда она должна была делать т. Троцкому подобные напоминания. Здесь говорили о том, что ЦК травит т. Троцкого. Когда во время Брестского мира, в момент, который предрешал развитие советской власти и ее судьбу, т. Троцкий выбросил свой лозунг «ни мира, ни войны», была ли тут травля, когда партия сказала т. Троцкому: т. Троцкий, ты неправ, нужны другие лозунги?

Был второй момент, когда т. Ленин писал брошюры об ошибках т. Троцкого и говорил: т. Троцкий, ты ведешь фракционную политику. Тогда партия под руководством т. Ленина сказала т. Троцкому: дорогой т. Троцкий, ты должен с нами работать, без тебя мы не представляем себе ЦК и Политбюро, но здесь ты сделал ошибку, и так как у тебя большое имя, к тебе многие прислушиваются, у тебя громадный авторитет, то твою ошибку надо определенно и ясно закрепить в сознании партии, чтобы этих ошибок не повторялось. И тогда они были отмечены. Точно так же теперь партия должна сказать себе: или Троцкий ошибки не делал, тогда сделал ошибку ЦК, тогда это надо отметить, или т. Троцкий ошибку сделал, и тогда нужно, чтобы партия сказала это хладнокровно, спокойно, со всем уважением к заслугам Троцкого, как это делали раньше: т. Троцкий, ты делаешь ошибку, партия учится не только на своих ошибках, но и на ошибках вождей, и они должны быть вскрыты и зафиксированы. Ошибка т. Троцкого заключается в том, что он своим письмом сорвал единогласие.

Партия и ее аппарат.

Есть три мысли в этой статье, которые теперь т. Троцкий в последующих статьях отчасти берет назад, отчасти иначе формулирует, но все-таки есть похвальное стремление у т. Троцкого свою первоначальную резкую, определенную формулировку как-нибудь смягчить.

Не должно скрывать, что ошибка была в том, что т. Троцкий дал такую формулировку взаимоотношений партийного аппарата и партии, которая есть, несомненно, нечто противоречащее и нашим большевистским организационным традициям, и линии ЦК, и которая дает поточку тем элементам в нашей партии, которые не хотят ограничиться тем обновлением и лечением партии, к которому призвал ЦК, а которые идут гораздо дальше и которые могут привести к тому, что будет сломан наш основной костяк, именно костяк партийного аппарата.

Тов. Троцкий написал: надо подчинить партийный аппарат партии, и этим он, ответственнейший член ЦК, товарищ с мировым именем, подал намек на то, что партийный аппарат не подчинен партии, что он не партии служит, а кому-то другому. Может ли ответственный человек, член партии, после того, как ЦК нашей партии сказал, что «надо перейти от слов к делу и систематически обновлять партийный аппарат», ставя на ответственные места товарищей, которые способны проводить курс на внутрипартийную рабочую демократию, может ли после этого такой ответственный член партии как т. Троцкий выступать и говорить: у нас партийный аппарат не подчинен партии? Кому же он подчинен, кому ж он служит тогда? Можем ли мы позволить, чтобы этакие намеки, без возражений, без протеста, распространялись, или мы должны сказать, что есть две политики — одна на систематическое лечение партийного аппарата, другая политика на слом этого аппарата? Если кто хочет лечить партийный аппарат, тот имеет перед собой резолюцию ЦК, которая говорит с ясностью, не оставляющей никаких сомнений, и к которой, я уверен, здесь, в этом зале, где столь ярко представлена оппозиция, ни один член оппозиции ни одного слова добавить не может.

ЦК призывает перейти от слов к делу и при ближайших перевыборах систематически обновлять партийный аппарат, ставя на должностные места, на видные места товарищей, готовых провести курс на рабочую демократию. Что может добавить какой-нибудь член оппозиции, что может сказать ЦК сверх того, что он призывает партийные массы устроить перевыборы и обновить аппарат? Он больше не может и не смеет сказать ни одного слова. Кто даст такую формулировку, какую дал т. Троц-

кий, тот дает поточку тем безответственным товарищам, которые дело обновления аппарата производят методом, как его назвал т. Ленин, хирургическим, т.-е. ломки аппарата.

С того момента, когда мы все присоединились к характеристике, которую т. Ленин дал советскому аппарату, называя его «царским, буржуазным», мы уже неоднократно убеждались в том, что наш советский аппарат не есть еще инструмент в руках РКП для проведения диктатуры, этот аппарат не является еще орудием партии. Для проведения диктатуры, для осуществления не только партийных, но и государственных задач и поддержания костяка партийного аппарата ЦК призвал перейти от слов к делу обновления аппарата, но ЦК не допустит ни того, когда нам предлагают методы, которые ведут к ломке аппарата, ни того, когда столь ответственный товарищ, как т. Троцкий, дает такую формулировку, которая позволяет апеллировать к имени т. Троцкого, пользоваться его именем для той работы, которая есть работа разрушения нашей партии.

О перерождении стариков.

Вторая ошибка т. Троцкого заключается в постановке вопроса о молодежи и стариках. Тут минуточку внимания. Скажите, пожалуйста, вы, которые читали резолюцию ЦК о внутрипартийной демократии, вы, которые читали ее, скажите, есть ли в резолюции ЦК хоть одно слово о старой гвардии? Я утверждаю — ни единого звука о старой гвардии и о противопоставлении ее молодежи в резолюции ЦК нет. Почему нет? Потому, что эта постановка вопроса неправильна в самом корне, и потому, что ЦК не так глуп, чтобы выступить перед партийной публикой и сказать: вот у меня седая борода, я старая гвардия, и потому мне доверие. Мы не ставили этого вопроса, этот вопрос нам навязан т. Троцким, который первый сказал в своей статье: «Молодежь — это барометр». Мы говорим: т. Троцкий, это не дело. Не по этому барометру должна ориентироваться наша партия. Мы знаем, что в нашей партии 400 тысяч членов и только 54 тысячи рабочих у станка, но в нашей рабочей партии барометром, указателем пути, тем, по чему должен строить свою политику ЦК, является не молодежь, а эти 54 тысячи пролетариев, стоящих у станка и обеспечивающих нам действительную связь с рабочей массой. Поэтому, когда появилась статья т. Троцкого, мы сказали, что это ошибка т. Троцкого, что нельзя так ставить вопрос, что молодежь не есть тот барометр, по которому мы должны ориентировать нашу партию.

Но почему т. Троцкому понадобилось сделать эту, политически совершенно неправильную постановку вопроса? Почему? Товарищи, мы в ЦК принуждены анализировать действия каждого

политически ответственного товарища. И когда мы видим, что т. Троцкий, с одной стороны, дает такие формулировки, чтобы все недовольные массы обрушились на аппарат, — а мы знаем, сколько есть недовольных аппаратом, — когда в следующем абзаце дается формулировка, которая подымает у молодежи самомнение, мы должны заявить, что это неправильно. Мы, большевики, никогда никому не льстили, даже рабочему классу, и всегда указывали на те его грехи, которые мы у него находили. Когда дается формулировка, которая подымает самомнение молодежи и натравливает на старую гвардию, мы говорим: этого сделать не позволим, будем драться. Мы сами не лезем, но когда видим, что некоторые элементы пытаются сгруппировать неокрепшую молодежь, хвалят ее, называют барометром, когда превозносят эту молодежь над этим основным кадром партийных рабочих, мы говорим: этого мы сделать не позволим. В-третьих, когда это здание увенчивается намеком на то, что старая гвардия, по примеру некоторых учеников Маркса, может переродиться, и когда в связи с этим впервые в истории нашей партии указывается на оппортунизм с явным намеком на ЦК, тогда мы говорим: нет, тут какое-то другое построение, это не резолюция ЦК, а это какая-то другая линия против линии ЦК.

Почему в разгар дискуссии вдруг выступает не кто-нибудь, не Рафаил, не Преображенский, а именно т. Троцкий и напоминает о Бернштейне и Каутском? Какое это имеет отношение к новому курсу? Почему т. Троцкий написал статью, что возможно перерождение, зачем ему понадобилось тут же сказать, что из старой гвардии выходят предатели? Дело не только в оппортунизме. Бернштейн и Каутский не только оппортунисты, а предатели рабочего класса, и когда мы узнаем, в чем обвиняет нас записка 46-ти, и когда после этого в виде комментарий и научного обсуждения появляется за подписью Троцкого статья о том, что были хорошие люди, ученика Маркса, в роде Каутского, а стали предателями, то мы спрашиваем, для чего это понадобилось? Если у тебя есть данные думать, что ЦК, состоящий в большинстве из непосредственных учеников Ленина, начинает становиться на путь оппортунизма и предательства, ты, как вождь, как Троцкий, должен выступить перед партией, забить тревогу, сказать рабочим. Вот в чем ошибка. Тов. Ленин никогда не стеснялся это делать, даже когда его близкие друзья делали ошибки. Он тогда говорил: вот ошибка, которая ведет к предательству. Так обязан был сделать и т. Троцкий, если он думал серьезно, что в ЦК или в партии есть элемент оппортунизма и предательства. Нет, он этого не думал, потому что не имеет фактов и оснований, и поэтому их не привел. Но ему показалось выгодным в данный момент эту тень и намек пустить. Я допускаю такие средства, если у тебя есть политическая линия,

которую ты хочешь действительно противопоставить другой, бей тогда, говори: предатели, оппортунисты — и все, что хочешь. Но если пускаешь темные намеки и, не имея за душой действительной линии, подрываешь авторитет ЦК и всей партии в международном масштабе, то как это назвать?

У нас в Коминтерне сидят очень грамотные люди, и они, прочитав статью т. Троцкого, подумают: ага, Троцкий говорит о непосредственных учениках Маркса, которые предателями стали. Не есть ли это намек на учеников Ленина? Какое впечатление это может произвести в Коминтерне? Можно ли это делать? Мы говорим, что т. Троцкий сделал ошибку, и тут мы спрашиваем вас: скажите, дорогие товарищи, как мы должны себя чувствовать, мы, непосредственные ученики т. Ленина, на которых лежит вся ответственность не только за руководство партией, но и русской и мировой революцией, как должны мы чувствовать себя, когда видим, как т. Троцкий налегает на то, что «вы, друзья, не застрахованы от того, чтобы стать предателями à la Каутский»? Я повторяю, мы не сделали ни одного противопоставления молодежи и стариков. В резолюции ЦК об этом ни слова не сказано, но когда мы увидели нападение на старую гвардию, увидели статью тт. Троцкого и Преображенского, в которой молодежь намеками понимает то, что ЦК — оппортунисты, мы засучили рукава, мы даром сдаваться не хотим.

Мы считаем, что мы — большевистская партия, и мы считаем, что большевистская партия должна была бы, задрав рубашонку, резко высечь ЦК, который не может защитить себя от обвинения в оппортунизме и бюрократизме. Такой ЦК вам не нужен, вам нужен ЦК, который был бы твердой рукой всей партии и который не позволил бы подорвать своего авторитета, не позволил бы над собой издеваться заявлениями об оппортунизме даже т. Троцкому. Мы должны защищаться. И только такой ЦК заслуживает вашего уважения. Я абсолютно уверен, что если бы большинство в ЦК предъявило бы такое обвинение тт. Троцкому, Рафаилу и др., если бы их обвинили в оппортунизме, то, конечно, т. Троцкий поднял бы против нас большую войну. Мы растравили бы тем самым т. Троцкого, — Троцкого нельзя травить, — но еще больше нельзя травить ЦК. Когда напечатаны в «Правде» резолюции, предложенные Преображенским, Сапроновым и др., и когда в этих резолюциях говорится о том, что ЦК своей политикой способствовал беспрепятственному, быстрому росту частного капитала за счет социалистического накопления, когда таким вещам учат рабочих, когда эти вещи читаются по всей Европе, во всех рабочих закоулках, тогда мы говорим: подождите, дорогие друзья, вы можете говорить что вам угодно в ЦК, но учить рабочих от имени нашей

партии таким вещам вы не можете, учите сами, но не пользуйтесь именем нашей партии. Товарищи, мы должны защищаться, мы были посажены этим обвинением на скамью подсудимых, и это есть самое тяжкое обвинение, которое только возможно в революционной среде. Мы были бы недостойны той власти, которую вы нам дали, если бы мы не засучили рукава и не стали бы биться за свою позицию. Мы должны встретиться лицом к лицу с нашими противниками. Мы не хотим поправок, заплаток, а они должны выявить ту политическую линию, которая оправдала бы остроту нападения на ЦК.

О ФРАКЦИЯХ И ГРУППИРОВКАХ.

Наконец, последняя ошибка, которая была сделана, — это в связи с центральным вопросом дискуссии по поводу рабочей демократии, когда встал вопрос о фракциях и группировках. Слыхали ли вы на каком-нибудь собрании, на ваших ячейках, чтобы т. Сапронов и т. Троцкий напечатали бы в какой-нибудь из своих статей практические предложения к опубликованной резолюции? Я не слыхал. Мы уже три недели с т. Преображенским бываем на этих дискуссиях, и у него и у меня от них еле-еле душа в теле, но что-то я практических предложений не слыхал. Вот вам резолюция ЦК. Скажите: ЦК говорит о том, что нужно обеспечить демократию, но она в этой резолюции обеспечена недостаточно; для того, чтобы действительно рабочую демократию обеспечить, надо в эту резолюцию включить то-то и то-то. Я этого еще не слыхал и не читал и даже на ваших ячейках товарищи из оппозиции не делали никаких поправок, а говорили о том, что «резолюция является царским манифестом», и «почему тут запрещены фракции». Вот о чем шла речь. Итак, товарищи, разберемся в первом вопросе. Есть ли это царский манифест? Здесь будут два вопроса и два ответа на эти вопросы. Что значит царский манифест? Это значит, что ЦК под давлением оппозиции и в силу тяжелого положения решился написать эту резолюцию, а потом, как бывший царь, спрячет ее в карман. Я спрашиваю себя, как может ЦК, хотя он и состоит из известных, как бы выразиться, хитрых людей, чтобы не сказать худшее, как он может это сделать, как он может спрятать резолюцию?

Каким образом, например, в Краснопресненском районе ЦК может теперь отнять у вас право избрать районный комитет, какой хотите вы? Как можем мы отнять право в любой ячейке обсуждать любые вопросы внутрипартийной жизни? Это пустяки совершенные. Резолюция ЦК обращается к партии и говорит, что каждый член партии имеет право дискуссировать по каждому вопросу, и ЦК не может взять этого права назад, если бы даже

он этого хотел. Что же это значит? А это значит то, что в ЦК сидят обманщики, которые обманывают не лорда Керзона и не афганского эмира, а собственную партию. Конечно, это более грубое выражение мысли, но когда говорят в округленной форме, что это манифест 17 октября, разве получается не то же самое? Мы не можем терпеть такого политического развала.

Второй вопрос: почему запрещены группировки и прекращена дискуссия. Мы спрашиваем себя, почему запрещены группировки и почему т. Троцкий, который написал много длинных статей, по этому вопросу точно и ясно не высказался? Мы в своей резолюции сказали точно и ясно, что партия наша в таком состоянии, что мы против каких-либо свободных группировок и тем более фракционных, потому, что партия наша держит в руках власть и что группировки внутрипартийные, маломальски оформленные, поведут к расщеплению государственного аппарата. Я не буду на этом вопросе останавливаться, — он достаточно ясен, но я не встречал и, надеюсь, не встречу ни одного пролетария, который бы не понял этой простой логики, что у нас диктатура, а следовательно, у нас самая жесткая, самая решительная и самая энергичная власть, которая только существовала в мире.

Эту власть осуществляет наша партия. Если в партии начнутся оформления, группировки, не говоря уже о фракциях, то это будет неизбежно перенесено в наш государственный аппарат, это будет расщепление государственного аппарата, и поскольку мы поставлены вами, чтобы охранять единство партии, охранять единство государственной власти, мы приходим к вам и говорим: Вот, товарищи, резолюция X съезда, которая, как молотом, забивает каждое слово, запрещающее группировки; она правильна, вы еще не находитесь в таких благоприятных условиях, чтобы эту роскошь группировок себе позволить.

Поэтому мы против этих группировок. А товарищи, которые выступают, утверждают, что мы против группировок потому, что у нас есть задние мысли, есть скрытые цели. А т. Троцкий выступает — и об этом ничего не говорит. Я спрашиваю вас, что это такое? На что похоже такое ведение политики внутри партии, когда столь ответственный товарищ, как т. Троцкий, не осмеливается высказаться прямым и ясным словом, что он против группировок и поддерживает резолюцию X съезда?

Почему мы против группировок? А потому, что у нас есть два способа строительства партии. Один наш старый, большевистский способ, — в нем много недемократического, это верно, — но мы 25 лет строили партию и построили ее, решили взять власть и взяли власть, строили ее для удержания власти и удержали власть — без демократии. Как это ни плохо, а все-таки без демократии. Но зато у нас была единая, слитая, без всяких

щелей, единая, выплавленная из одного куска партия пролетарской дисциплины.

Не все партии строились таким образом. Есть другое представление о партии. Есть представление о партии, которое рисует ее себе так, что это — коалиция, собрание, соглашение всякого рода течений, группировок, подгруппировок, фракций, подфракций и т. д. Мы такие партии видели. Мы видели партию меньшевиков, где двух человек, согласных между собою, нет: правая, левая, центр, правый центр, левый центр, течения, противотечения и т. д. Как она жила внутри? Она жила при помощи оговорочек. Когда Мартов напишет статью, Дан говорит: я тоже меньшевик, но я не совсем согласен с Мартовым, но мы все в одной партии, сами живем и другим жить даем. Вот какой принцип был у этих партий, и потому мы их так легко раскололи.

Мы теперь утверждаем, что эта тенденция к допущению группировок, это есть переход от наших большевистских пролетарских методов строительства партии на другие рельсы, и если мы здесь поддадимся, то нашу партию разболшевичат, нашу партию превратят из единого, цельного монолитного куска в партию, где есть соглашение группировок, течений, противотечений, подгруппировок и т. п. Это означает перерождение нашей партии.

Ей-ей не надо быть бюрократами, формалистами, аппаратчиками, как нам это говорят, чтобы понимать тот простой и очевидный факт, что наше спасение в том, чтобы поддерживать партию без группировок, без фракционных делений, как единый целостный кусок.

Состав и методы борьбы оппозиции.

Когда говорят, что мы травим Троцкого, вероятно, имеют в виду, между прочим, и напоминания о прошлом Троцкого. Я знаю, что это произвело очень тяжелое впечатление, но все же из песни слова не выкинешь. Я не возражаю, ведь, против того, что т. Сапронов, когда ему приходится сражаться со мною, берет вышедший под моей собственной редакцией XIV том Собрания сочинений т. Ленина и показывает, как т. Ленин мне накладывал за октябрьские ошибки. Но, товарищи, зачем же тогда обижаться т. Троцкому, если мы скажем, что он пришел в нашу партию с 1917 г., — что тут обидного? Почему т. Троцкий в нашей партии до последних дней никогда не выступал по организационному вопросу? По всяким вопросам он выступал, а по вопросу о формах строительства, о внутренней организации партии он не выступал, а когда он выступил, то показал, что в его подходе к большевистским способам организации

партии есть фальшь. Мы на эту фальшь должны указать, если не хотим, чтобы наша партия была преобразована.

Как обстоит дело с вопросом о внутрипартийной демократии? Была единогласно принята резолюция. Перед партией были поставлены положения т. Троцкого, комментирующие эту резолюцию, и эта комментировка ЦК целиком показалась неправильной и в вопросе о молодежи, и в вопросе об аппарате, и в вопросе об оппортунизме, и в вопросе о фракциях. ЦК должен был сказать партии об этом. Мы спрашиваем: что, эти поправки, эти несогласия — они действительно определяют политическую линию? Нам казалось, что нет. Если против ЦК выпущена такая куча обвинений, такой обвинительный акт, то, вероятно, центром боя будет экономическая платформа. Тут, вероятно, у товарищей, выступивших против нас, запасены самые дальнобойные орудия. Тут они покажут, как ЦК привел к гибели страну и революцию. Мы опубликовали нашу резолюцию по экономическому вопросу. И что же? Видели ли вы, чтобы этим тезисам были противопоставлены какие-нибудь мало-мальски серьезные возражения или поправки в том смысле, чтобы они намечали другую линию? Часть поправок, которые мы получили, могут быть дискутируемы, другие должны быть просто отвергнуты, но ничего основного не противопоставлено, — ничего. Спрашивается, если у вас, у оппозиции, есть только эти поправочки о группировках и о том, что нужно больше нажать на партийный аппарат, если вы экономической платформе, экономической программе деятельности ЦК ничего серьезного, мало-мальски принципиально отличающегося не противопоставляете, то какое право вы имели действительно так растревожить партию и такие обвинения выдвинуть против ЦК?

Если оказалось бы так, что в тот день, когда мы опубликовали нашу экономическую платформу, тт. Троцкий, Радек, Преображенский, Рафаил, Пятаков выступили бы и сказали: вот вы видите, мы предупреждали партию, что ЦК негоден для руководства, что он ведет нас в трясину, вот эта трясина, а вот у нас правильная дорога, — тогда мы оправдали бы всю эту дискуссию. Так мы всегда говорим. Если кто-нибудь из членов партии думает, что руководящий центр партии берет неправильную линию, то он должен во что бы то ни стало на это указать и добиваться исправления этой линии, не жалея ничего, даже единства партии, если он видит, что ЦК ведет партию в трясину.

Но если вы этому противопоставить ничего не можете, если вы можете только написать детскую, смутную резолюцию с некоторыми поправками, тогда мы говорим: это есть политическое банкротство. Если вы два месяца с 15 октября держите ЦК в общем и целом под принципиальным обвинением, и когда,

наконец, партия говорит: стреляй же, — и у вас холостой выстрел, мы тогда говорим: это, товарищи, не принципиальное разногласие, это склока, это недостойная партии постановка вопроса, которая должна быть партией осуждена.

Мы спрашиваем, почему же товарищи оказались в таком положении? Они не плохие люди, они давно в партии. Почему не слышно ясной постановки вопроса? Почему, когда партия обратилась к ним и потребовала, чтобы они предъявили свою платформу, у них ничего не оказалось? Такую оппозицию нельзя назвать иначе, как беспринципной оппозицией, оппозицией ради оппозиции. Это — оппозиция, которая возникает перед каждым съездом, и самый анализ этой оппозиции нам это показывает.

Три дня тому назад мне пришлось выступать в московском уездном комитете вместе с т. Осинским. Он говорил: никакой фракции нет, просто блок объединенной оппозиции. Я думаю, что т. Осинский сказал правильно. Перед нами блок объединенной оппозиции. На мой вопрос, из кого это объединение состоит, т. Осинский правильно ответил: из левых коммунистов, из бывших троцкистов, из бывшей группы демократического централизма. Все эти товарищи объединились ради одной определенной цели. Нельзя этому препятствовать. Почему же? Если у них определенная ясная цель, пускай себе объединяются и ведут определенную линию. Но дело в том, что этой определенной цели, политически формулированной, основанной на какой-нибудь политической платформе или на какой-нибудь политической линии, у них нет. И поэтому-то и не получился блок объединенной оппозиции, а получилась беспринципная оппозиция. У каждой из этих объединившихся частей есть своя история.

Чем знамениты левые коммунисты? Тем, что они, если говорить принципиально, сделали основную ошибку — недооценили крестьянство во время Брестского мира (с этим согласится и т. Преображенский). Если брать левых коммунистов, как политическую категорию, которая вошла в историю, которая зафиксирована статьями, платформой, цитатами, возражениями Ленина и т. д., то в чем политический или социальный эквивалент этой группы левых коммунистов? В том, что они крестьянство недооценили. В чем характернейшая ошибка так называемых бывших троцкистов, которые входят в эту объединенную группу? В том, что они эту ошибку повторили при спорах о профсоюзах. Для нас всех теперь совершенно ясно, что мы в дискуссии о профсоюзах спорили предварительно и в очень извращенной форме, но, так сказать, заранее нащупывая линию поворота от военного коммунизма к новой экономической политике. И в тот момент, когда т. Ленин и мы нащупывали уже, что военный коммунизм отжил свой период, т. Троцкий стоял на том, что надо военный коммунизм завинтить туже и провести его и

в профсоюзах. Из этого исходила основная линия оппозиции. Вот вторая группа. Третья — группа демократического централизма. Я не буду повторять то, что неоднократно говорил т. Ленин об этой самой группе. Напомню еще раз: когда т. Троцкий в своей последней статье пишет, что он не может солидаризироваться с «вульгарными демократами», то, конечно, речь идет о бывшей группе демократического централизма.

В чем суть позиции т. Осинского, который является единственным принципиальным выразителем линии демократического централизма? Почему мы перед XII съездом вели перестрелку с т. Осинским? Почему теперь т. Осинский поддерживает этот блок объединенной оппозиции? У т. Осинского, как и у т. Сапронова, благодаря увлечению этой демократией, есть несомненно уклоняющаяся от общей политической линии нашей партии тенденция,— тенденция, которая сводится к тому, чтобы отодвинуть немножко партию от государственного управления, чтобы предоставить немножко больше свободы движения самому советскому аппарату. А если перевести это на классовый язык, то это значит следующее: у нас 130 миллионов населения. В этом громадном море мужицкого населения у нас не больше 5—6 миллионов пролетариата, а в этом пролетарском окружении около 400 тысяч коммунистов. И вот наша основная проблема заключается в том, что мы обязаны с вами проводить диктатуру пролетариата, который составляет громадное меньшинство страны. Эту диктатуру мы должны осуществлять в аграрной, отсталой, живущей не на принципах социализма, а на принципах частного хозяйства, стране, и поэтому всякое отстранение партии от этого государственного аппарата обозначает пропитывание этого аппарата настроением мелко-буржуазным, крестьянским, кайгановским. И хотя т. Осинский, конечно, не хочет этого, и т. Сапронов этого тоже не хочет, да и т. Красин этого не хочет, но когда они в других своих целях или по своим собственным предрассудкам пытаются партию отодвинуть от государственного аппарата, это значит, что они фактически передают известную сумму власти той крестьянской стихии, которая все ближе и ближе по мере того, как мужик богатеет, будет облеплять наши советские учреждения. Вот вам блок левых коммунистов, бывшего демократического централизма и бывших троцкистов.

Мы утверждаем, что у этих товарищей, в противоположность ЦК, нет ни одной строго продуманной, до конца проведенной линии, что поэтому этот блок есть блок беспринципный, самого худшего вида. Я допускаю даже фракцию. Когда фракция организуется на ясной и точной платформе и предъявляет ее партии, то, несмотря на то, что сама по себе фракция есть величайшее зло,

такая фракция может сыграть положительную роль, поскольку она резко и определенно противопоставляет свою линию линии ЦК. Это может помочь партии разобраться. Но когда перед нами этот блок объединенной оппозиции, у которого нет платформы, который по всем основным вопросам говорит: ЦК поступил правильно, по партийному строительству резолюция принята правильно, приветствую, по экономическому — правильно, приветствую, только кое-какие поправки, а вместе с тем этот блок ведет бешеную, остервенелую кампанию, которая подрывает и авторитет нашей партии в целом, и авторитет старой гвардии, и авторитет ЦК, тогда мы говорим: этот блок объединенной оппозиции создан для склоки, и мы спрашиваем себя: а может-быть, все эти долгие разговоры, все эти длинные перипетии, все это имеет очень маленькую практическую цель, может-быть, вся эта большая буря, которая разведена в партии и которая, как теперь, после опубликования экономической платформы, ясно видно, никаких принципов, никакой новой принципиально-отличной политики не имеет, может-быть, у нее гораздо более конкретная цель, которая заключается в том, чтобы изменить состав верхушечных учреждений партии? Тогда, действительно, все понятно; если это так, тогда все понятно. Но тогда зачем же не сказать этого прямо, зачем же не выйти и не сказать: да, товарищи, мы блок объединенной оппозиции, мы собрали всех, которые недовольны; у нас нет единой политической линии, нет такой политической или экономической линии, которая в чем-либо принципиально отличалась бы от линии ЦК, но мы считаем, что данные люди в ЦК не годятся, и их надо заменить другими. Так это было бы для партии легче и понятнее. Партия разобралась бы, и великая штука выкинуть таких-то и посадить других! Соберется съезд и посадит кого захочет. Партии было бы гораздо спокойнее, вы бы не подрывали ее значения в беспартийных кругах. Аппарат партийный потому и партийный, что он проводит директивы ЦК партии. Кто хочет разрушить ЦК партии, поступает правильно, когда он все свои силы обрушивает на аппарат и думает: я аппарат расшатаю, тогда получу то, что мне нужно. Тогда получают смысл натравливания одной части партии против другой, молодежи против старой гвардии. Тогда получает смысл эта бессмысленная позиция.

Но тогда скажите прямо: надо расшатать эти крепко спаянные и аппарат и идеологию партии для того, чтобы произвести изменения. Нельзя же ради желания изменения верхушки партии итти так далеко. Вы подрываете авторитет партии, ее организационную структуру, традиции партии, и этого делать мы вам не позволим. Наша политика подвергнута самому резкому обстрелу. Партия должна в этом разобраться. Она должна отмести в сторону все анекдоты, всю клевету, все непринципиальное, она

должна спросить у оппозиции: — какова ваша политическая линия? И если бы она ее имела, мы серьезно все это взвесили бы. Но оказывается, что у этой оппозиции надлежащей реальной линии нет. А вы знаете, товарищи, что ожидает всякую оппозицию, если у нее нет принципиальной линии. Она непзбежно, будучи разбита на идейном фронте, обращается к орудию мелких дрязг, она поступает так, как т. Рафаил, который, видя определенное против него настроение, стремится разубедить в этом собрание ссылкой на неправильное голосование. Это есть, товарищи, политика склоки. Мы видим ее в ЦК каждый день, когда люди, разбитые на принципах, на платформах, люди, разбитые на резолюциях, в озлоблении, во фракционном ожесточении прибегают к этому. Но это было бы действительно внесением меньшевистских нравов в нашу партию, и таких нравов в нашей партии мы не допустим. Если бы был Владимир Ильич, борьба была бы решительнее и определеннее. Благодаря отсутствию Владимира Ильича, легче нападение на ЦК, труднее ему защищать себя, но ЦК смеет рассчитывать на доверие партии. Если у ЦК доверия партии не будет, в таком случае он не может быть ни ЦК партии, ни правительством Советской России, а другого правительства, кроме ЦК, нет.

Поэтому, товарищи, я, представляя ЦК в той ситуации, в которой оказалась партия, прошу вас: вы должны со всей серьезностью разобраться во всех обвинениях, которые против ЦК выдвинуты, и если эти обвинения на ваш взгляд правильны, вы не имеете перед своей коммунистической совестью права настаивать на том, чтобы руководство партией было в таких руках, которые неспособны ее вести. Но если вам обвинения против ЦК не кажутся правильными, тогда вы должны сказать, что та группа, которая выставила такие обвинения, может быть, руководствовалась самыми лучшими намерениями, но она создала в партии склоку, она ведет линию, подрывающую авторитет партии и ЦК, она должна быть призвана к порядку.

Партия имеет право дискуссировать, сверху донизу пересматривать свой аппарат, имеет возможность требовать, чтобы каждый вопрос был обсужден в низовых ячейках, но тем паче она должна разбираться во всех разногласиях и оценивать каждого выступающего с точки зрения той политической линии, которую он представляет. ЦК знает, что московская организация есть самая крупная и решающая. Управлять Россией без Москвы или против Москвы мы ни в коем случае не можем. Когда вы будете выносить резолюцию, вы должны помнить, что Москва и московская столичная организация являются первой опорой ЦК. Если бы завтра оказалось, что московская организация высказалась против линии ЦК, для ЦК не было бы никакого другого выхода, как собрать экстренный съезд партии, сложить свои полномочия

и сказать: если Москва не верит ЦК, то ЦК не может стоять во главе партии и руководить работой советского правительства. Я уверен, что вы, когда будете обсуждать вопрос на основании того, что перед вами прошло и еще пройдет, отбросите в сторону всякое фракционное озлобление, все излишества, которые были допущены в дискуссии, возьмете основные вопросы и скажете, прав или не прав был ЦК. Я уверен, что на вопрос о том, правильна ли резолюция ЦК о внутрипартийном строительстве, вся партия скажет: правильна; на вопрос о том, правильно ли намечена экономическая политика, вся партия скажет: правильно. Раз это так, ЦК имеет право потребовать, чтобы вся партия поддержала его линию и призвала к порядку дезорганизаторов, которые, не имея никаких политических и экономических платформ, пользуются дискуссией для того, чтобы ослабить и разложить нашу партию.

Заключительное слово.

Товарищи, вы слышали все мой доклад. Я знал, что я говорю не на митинге, не на случайном собрании коммунистов, а на ответственном собрании, которое до известной степени предрешает самые судьбы нашей партии в ближайшие месяцы; конечно, не вообще судьбы коммунизма, а жизнь нашей партии на ближайшие месяцы вы предрешаете. Почему? Потому, что провинция смотрит на Москву, и для провинции будет чрезвычайно важно, как решит, после этих двух месяцев дискуссии, московская организация. Они знают, что здесь все течения могут быть представлены, что здесь самая пролетарская наша организация и самая крупная, и что поэтому решение Москвы до известной степени предрешает линию партии, а Краснопресненский район в Москве — не последний район. И поэтому для меня решение сегодняшнего собрания не есть решение этой тысячи коммунистов, которые здесь сидят, а оно должно определить дальнейший ход нашей внутрипартийной жизни, и поэтому я пришел сюда с докладом и поставил перед вами один основной и кардинальный вопрос, который подвел бы итог той двухмесячной дискуссионной борьбы, которую мы внутри партии имели.

Какой же вопрос я поставил и какие вопросы ставлю и сейчас перед вами? Вопрос только один. Было ли и есть ли у партии правильное политическое руководство, или права оппозиция, которая не тем перед вами повинна, что она критиковала те или другие шаги, те или другие ошибки, те или другие неправильные решения, что она вносила те или другие поправки, — эти поправки мы всегда готовы обсудить, не только поправки оппозиции, а любого члена собрания, который не имеет фамилии Каменева фамилии Сапронова или Преображенского, но который

выйдет сюда и скажет: резолюция правильная, а вот практические поправки, которые нужно обдумать и принять. Не об этом идет речь. Партия в продолжение двух месяцев находится в лихорадке, и я не знаю, как вы, но мы в ЦК чувствуем, что в ней происходит болезненный процесс — и нельзя после этого, вогнавши партию в это, притти и сказать: в чем дело, я предлагаю поправки насчет того, сколько ввозить и вывозить и пр., а вы меня травите. Не об этом наш спор. Если бы суть спора заключалась бы только в этом, то разве Москва, которая в течение двух месяцев не занималась ничем, кроме дискуссионных собраний, разве мы с вами гонялись бы из собрания в собрание?

Не об этом шла речь. Тов. Преображенский дрался два месяца. Дрался по-настоящему, как следует драться, как должен драться революционер, который думает, что его партия идет по неправильному пути. Если бы любой из нас предположил, что партия идет по неправильному пути и ведет революцию к гибели, он должен был бы поднять восстание. Я напомню вам Бебеля. Когда 20 лет назад было принято решение, которое он считал неправильным, он тут же заявил: я отвергаю такое решение и я заявляю, что с этого съезда немедленно иду на рабочее собрание и там подыму бунт против вашего решения. И он был прав. Тов. Преображенский, Сапронов, Рафаил и др. подняли знамя восстания против руководителей партии на известной вам платформе, и мы хотели только, чтобы они на этой платформе удержались бы, и тогда из этого столкновения действительно чему-нибудь научились бы. А что мы видим теперь? Два месяца проводя в этой драке, сдвинув всю партию, втянув ее в дискуссионную лихорадку, приходят и жалуются: мы только требуем вежливого обращения. Тов. Преображенский к этому свел, что он требует вежливого обращения, а мы, будто, так невежливы. Нет, товарищи, дело совсем не в этом. Дело, товарищи, в том, есть ли у партии правильное руководство. Если есть, давайте, тт. Преображенский, Рафаил и Сапронов, вместе это скажем в поучение тем иностранным послам, которые, по сведениям Преображенского, остались здесь смотреть за нашей дракой. Давайте все вместе это скажем. А я утверждаю, что вы в своей фракционной ослепленности, в своей далеко зашедшей фракционной игре уже сказать этого не можете, хотя здесь говорите очень добреньким голоском об отдельных поправках.

Я сказал, какие обвинения были. Что же теперь, — Сапронов и Преображенский разве представляют какую-нибудь политическую линию? Я же их на это вызывал. Я хотел бы, чтобы Преображенский и Сапронов здесь, перед ответственным собранием, действительно ответили на мой упрек, а упрек мой заключался в том: вы беспринципная оппозиция, у вас нет обдуманной линии, которую можно было бы противопоставить ЦК.

А раз у вас этого нет, вы не имели права вести агитацию в том тоне, в том духе, в том направлении, в котором вы в продолжение нескольких месяцев ее вели. Вот мое политическое обвинение перед вами. И на это вы что отвечаете? Вы опять рассказываете мне: в «Правде» такую-то статью не поместили, такую-то резолюцию испортили. А вот вы мне скажите: вот эти слова о том, что «кризис, который не окончился, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией как в области хозяйства, так и в области внутрипартийных отношений», — это остается или снимаете? Это было написано 15 октября. Тов. Преображенский напрасно здесь хотел как-то свернуть дело так, будто Каменев забыл сказать, что это было написано до резолюции. Я прочитал стенограмму и видел, что свое заявление товарищи подали 15 октября. Все знают, что резолюция ЦК первая была опубликована 5 декабря, следовательно, это раньше было, я этого не скрываю. Но неужели то, что мы написали резолюцию 5 декабря и теперь написали хорошую резолюцию, это уже снимает это обвинение?

Тов. Сапронов сказал: тогда это было правильно, а теперь неправильно. Ну, посмотрим. Я понимаю, что Сапронов теперь в такое положение попал, что ему ничего другого не остается. Он отступает в беспорядке. Вот вы написали, что случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК привели к кризису, и что успехи, которые мы имели — а мы имеем громадные успехи: червонец, повышение производительных сил, транспорт, развитие промышленности,—что эти успехи достигнуты хозяйством страны стихийно, не благодаря, а вопреки неудовлетворительному руководству. Так это разве изменилось от того, что мы 5 декабря написали хорошую резолюцию? Это-то обвинение осталось. Как же можно сказать, что оно уже неверно? Может быть, осталось и следующее обвинение ЦК, что с таким грузом на плечах диктатура пролетариата в России и гегемония РКП не могут войти в полосу надвигающихся новых мировых потрясений иначе, чем с перспективой неудач по всему фронту пролетарской борьбы? Осталось. Осталось потому, что этот груз — его резолюцией не скинешь. Эти конденсированные, концентрированные обвинения, которые представляют бунт и возмущение против линии ЦК, остались. Они есть исходный пункт, и я спрашивал товарищей в своем докладе, и надеялся, что Преображенский и Сапронов мне ответят, скажут да, и заявят, что предлагаем вот какое руководство. Не персонально, — глупости, ерунда, эти разговоры насчет тройки, старых учеников и т. д., всех нас можно в одной корзине унести на кладбище, — а в том, что линия политического руководства плоха...

Я обращаюсь к товарищам, к тем рабочим, которые слышали оппозиционные речи в своих ячейках и пришли сюда оппозиционно-настроенные. Я прошу их задуматься над этим вопросом

и сказать, что вопрос идет не об этих анекдотах, не о вежливом обращении, не о том, чтобы не травили Преображенского, не о том, чтобы Каменев не повернул на старый курс — хотел бы я знать, как бы я мог повернуть на старый курс и запретить дискуссию, когда мы все время дискутируем, — а в том, что против ЦК нашей партии выставляют не персональные, не личные, а политические обвинения в неправильном руководстве. В пресловутом заявлении 46-ти сказано, что это руководство, как оно осуществлялось в ЦК в данном его составе вчера еще, что оно привело к политическому и хозяйственному потрясениям и обрекает нас на неудачи в мировой борьбе пролетариата. Так вот я прошу, чтобы эти товарищи сказали себе: Преображенский сегодня, на этом ответственном собрании на этот мой вызов ответил? Представил какую-нибудь линию? Сапронов ответил? Представил какую-нибудь линию? Они посвятили свои речи тем же самым рассказам об анекдотах, о «Правде», о статьях, о корреспонденте, о Печорском районе, о том, что т. Бабич рассказал, что где-то, в каком-то районе, какой-то идиот сравнил т. Троцкого с каким-то мерзавцем. И этим вы думаете решить вопрос? Я уверен, что в нашей партии есть и дураки. В этом я никогда не сомневался. Но можно ли, товарищи, такими вопросами загрязнять обсуждение?

Теперь посмотрите, что мы услышали от тт. Преображенского и Сапронова. Преображенский — «резолюция правильна». Тов. Сапронов — «заявление 46-ти в данный момент уже неверно, оно было верно тогда-то». Товарищи, я спрашиваю, если по мнению т. Преображенского резолюция правильна в общем и целом, только нужны поправки, то что же вы думали, что мы писали такую резолюцию, что никаких поправок не нужно, нечего критиковать? Говорят, резолюции правильные, а заявление 46-ти в данный момент уже неверно. Что ж тогда должны были бы сделать эти товарищи? Я думаю, что они должны были сделать только одно — они должны были на следующий день собраться и сказать: мы, которые, выступая по всем ячейкам, дискредитировали ЦК за то, что он вел неправильную линию, теперь констатируем, что ЦК исправился, что он занял правильную линию и мы должны вместе с ЦК эту линию проводить. Сделали ли они это? Нет, не сделали. Я заявляю, что я первый раз слышу от т. Преображенского это заявление. И после той нашей резолюции, которая, по их словам, в общем правильна, мы читаем в нашем центральном органе резолюцию сторонников Преображенского и Сапронова, принятую общим собранием ячейки РКП строительных рабочих в Кремле. Это было не до резолюции ЦК, а после правильной резолюции ЦК, настолько правильной, что даже т. Рафаил не вносит никаких практических поправок к ней. 5 декабря была опубликована наша резолюция, а 11 декабря

Преображенский и Сапронов проводят по докладу т. Рейна свою резолюцию. Мы думали, что эти товарищи пойдут к рабочим в Кремле и скажут им: мы дрались с ЦК за то, что он вел плохую политику, теперь он повел политику правильную, давайте же поддержим ЦК. На самом деле ничего подобного, — они проводят резолюцию, которая повторяет выдвинутые против ЦК раньше обвинения.

Я знаю, что есть товарищи, которые и сейчас считают это правильным. Как же вы это сочетаете с теми заявлениями, которые мы здесь слышали, что мы ограбили их платформу и взяли ее себе? Считаете ли вы, что это есть стремление поддержать ЦК, или же это есть дальнейшее обострение борьбы, несмотря на то, что ЦК уже сделал правильный шаг? Значит, этот шаг был сделан после того, как правильная резолюция ЦК была принята. Этот шаг был нужен для фракционных целей, которые я не сумею формулировать, но которые великолепно формулировал один из товарищей: это нужно было потому, что т. Рафаил и прочие действуют под лозунгом: руби столбы, а забор сам повалится. Я прямо говорю вам: напрасно вы возитесь с принципиальными резолюциями, лучше вы выйдите и скажите: эти резолюции и постановления ничего не стоят до тех пор, пока мы не сменим ЦК. Это может сказать каждый член партии, и не нужно вам эту политику прикрывать несуществующими принципиальными разногласиями, потому что, идя этим путем, вы оказываетесь политическими банкротами. Когда в центральном органе выдвигается подобное обвинение против одного из товарищей, это можно оспаривать, но я сейчас говорю не об отдельных лицах, а о целой политической группе, которой никто не зажимает рта, и которая может говорить совершенно открыто. Я утверждаю, что если после двухмесячной дискуссии сюда выходят Преображенский и Сапронов с такими речами, какие они здесь произносили, это есть политическое банкротство. Вы имели бы право выносить такие резолюции против ЦК, если бы у вас за душой была определенная политическая линия, но ее у вас нет, — вот в чем вся беда.

Тов. Преображенский говорит здесь, что у иностранных послов создалось впечатление, что налицо имеется правительственный кризис. Я вас спрашиваю, как же иначе вы хотите, если в центральном органе печатаются такие резолюции, что ЦК создал атмосферу карьеризма, что ЦК омертвил партию и т. д., и в этой же резолюции говорится, что ЦК способствовал беспрепятственному росту частного капитала? К каким же другим заключениям может притти хотя бы мало-мальски грамотный человек, — а вы знаете, что у нас сидят иностранные шпионы, у которых, конечно, создается впечатление правительственного кризиса. Когда вы начали сечь ЦК такими резолюциями, после

единогласно принятой резолюции ЦК, и когда после этого т. Троцкий выступил с обвинением в оппортунизме, — после этого всякий политически грамотный человек скажет: здесь пахнет кризисом. Почему, товарищи, я начал свою речь с того, что сказал: есть критика и критика? В лице ЦК вы критикуете верховный орган советской власти. Умейте же эту критику делать деловито. Тов. Преображенский спрашивает: как нам критиковать, когда мы знаем, что другого ЦК у нас нет? Вашими резолюциями вы подрываете доверие к ЦК. Но если вы пошли в такой поход, то не жалуйтесь же, что мы требуем с вас показать свою политическую линию. Пролетарская партия иначе рассуждать не может. Мы знаем, что при Ильиче мы делали ошибки, а без Ильича мы наделали их в квадрате и в кубе. Если вы хотите исправлять эти ошибки теми речами, которые проводились месяц назад в ячейках, то не удивляйтесь и не разводите руками, когда иностранные послы говорят, что это пахнет кризисом. Совершенно естественно, что мы горячимся. Вы, избрав нас в ЦК, возложили на нас неслыханную тяжесть, и когда в нас начинают стрелять из низовых ячеек такими резолюциями, мы были бы не ЦК, а старой бабой, которую надо прогнать, если бы мы не засучили рукава и не сказали: не жалуйтесь же на нас, если у вас под глазами окажутся синяки.

Теперь я хотел бы остановиться прежде всего на парочке склок, которые были здесь преподнесены. Здесь были сказаны т. Преображенским такие слова: ведут такую агитацию, чтобы выбросить нас из партии. Ерунда! Вы великолепно знаете, что ни одному человеку в голову это не придет. Я заявляю здесь совершенно официально: никакой речи ни о каком выбрасывании из партии нет и быть не может. Вы должны свободно выбирать между двумя линиями, а не позволять поставить себя в такое положение, что голосуете за ту и другую резолюцию для того, чтобы спасти человека, чтобы его не выбросили из партии. Если т. Преображенский на съезде получит 20 процентов голосов, он будет для нас таким же членом партии, как если получит один процент. Не это решает вопрос, и поэтому нечего этим запугивать.

Второе. Разве это не метод сплетен, когда выходит какой-то товарищ из ячейки Наркомюста — Тоболин — и говорит: я заявляю, что у нас в ячейке известно, что политика ЦК в германской революции была неправильна. Ведь, мы на собрании ответственных коммунистов, которые решают судьбу партии. Вы знаете, что должна была сделать по настоящему партия? Она должна была бы взять Тоболина и не отпускать его с трибуны до тех пор, пока он или этого не докажет, не подтвердит документами, или, если не сможет доказать, — сказать ему: сплетникам нет места на этой трибуне. Если отсюда хотя бы один ра-

бочий унесет в сердце сомнение, что, может-быть, политика партии в германской революции была неправильна, если этот самый Тоболин добился своей сплетней этого сомнения в душе одного рабочего, который пойдет к своим товарищам в ячейку и скажет: знаете, что я слышал на партийной конференции Краснопресненского района, что будто бы во время германской революции ЦК неправильную политику вел, и поэтому проиграли, это будет большой удар по ЦК. Я т. Тоболина спросил: откуда вы знаете, и что вы знаете о политике во время германской революции, кроме тех фактов и статей, которые мы опубликовали, так как никому из вас, кроме этого, ничего не известно, — а т. Тоболин не член ЦК и не член Политбюро, откуда же он знает? Он сказал: в Наркомюсте, когда нас посылали выступать относительно германской революции, мы собрались в ячейке, и, судя по выступлениям Зиновьева и Каменева, решили, что ЦК ведет неправильную политику. Почему? Когда он говорил, я понял так, что он обвиняет ЦК, что ЦК недостаточно содействовал германской революции, что он критикует за то, что недостаточно революционную линию вели. Я спросил: почему? Он отвечает: потому, что вы ставили ставку на германскую революцию, а мы видели, что ее все равно не будет. Разве же это не есть типичный элемент сплетни, разве это не есть внесение совершенно недопустимых никакой дискуссией приемов? И когда т. Тоболин после этого говорит: Троцкого обижаете, я заступаюсь за него; если бы он здесь был, он бы всех побил, — какую веру придадим этим словам после этого политически-банкротского заявления, которое сделал т. Тоболин? Троцкий за себя умеет постоять. Троцкий сам говорит, что он пришел к Ленину «с боями». Это значит, что воевал со всеми нами, и мы с ним воевали 15 лет, пока объединились, и в этой драке за 15 лет (это, конечно, не травля) до 1917 г., когда мы вели с ним ожесточенную борьбу, мы всегда били Троцкого, и думаю, что это было полезно, и что если бы т. Троцкий бил нас, с т. Лениным во главе, то была бы у нас другая партия. Зачем же вы, т. Тоболин, который не знаете истории партии, спекулируете на имени т. Троцкого, выходите и говорите об этом? Это вредный метод.

Я перехожу теперь к тем единственным политическим элементам, которые были в этой дискуссии. Я считаю, что т. Сапронов в последней части своей речи дал вам некоторое понятие о том, что кроется за этой политикой. Тов. Преображенский понял опасность и говорит, что когда т. Каменев будет делать заключительное слово, пускай он против т. Сапронова не выступает и не делает из этого политического вопроса, — ведь это просто ведомственные трения. Нет, т. Преображенский, тут я с вами согласиться не могу. Я напомню вам о том, что у нас

есть большевистская традиция. Большевистская традиция заключается в том, что, когда большевистская партия видит или замечает маленькое идейное уклонение от правильной линии, она сейчас же фиксирует это и выводит на свет божий, и говорит, что здесь есть опасное уклонение. Тов. Сапронов это опасное уклонение выявил еще до того, как мы его посадили секретарем ВЦИК. Это не случайное выступление. Вы знаете, что все выступления т. Сапронова, имеющие политический характер, базируются на этом. У него есть союзники в лице Осинского и недаром я боролся с Осинским и написал статью под названием «Ревизия ленинизма в нашей партии». Что ясно выявило линию т. Осинского, т. е. ревизию ленинизма — это соотношение между партией и государством. Для партии, держащей власть в своих руках, вопрос о взаимоотношении между диктатурой партии и государством есть не шуточный вопрос. И это повторяется из года в год, а т. Преображенский хочет замазать подобное выступление т. Сапронова, но мы этого замазывания не позволим. И если есть политический уклон, мы должны его зафиксировать.

Надо сказать, что первое столкновение, которое мы будем иметь, если допустим до этого, между рабочим классом и крестьянством, — это столкновение будет протекать в такой форме, что крестьянство потребует отстранения партии от советского управления. Иначе быть не может, — мы учим партию и продолжаем учить. У нас есть два класса, — я не говорю здесь о буржуазии, — и между этими классами мы должны закрепить крепкий союз, так как на этом держится вся диктатура. Раз мы говорим о союзе, значит — уже не союз пролетариата с пролетариатом, а значит союз между пролетариатом и крестьянством. Крестьянство было голое, разоренное, но теперь крестьянство начинает обрастать жирком, и мы все хотим того, чтобы оно стало богаче, потому что более богатое крестьянство будет представлять хороший рынок для нашей промышленности, потому что наша промышленность может расти и развиваться только тогда, когда крестьянство будет покупать ее продукцию. Мы видим на практике то, что крестьянство значительно окрепло, стало богаче, и в то же время, благодаря своим Советам, оно имеет реальные права и реальную власть. Вопрос о налоге, вопрос об обложении у крестьянства по мере того, как оно будет оперяться, и если мы будем вести правильную линию, оно будет в Советах находить опорные пункты. Когда крестьянство поймет, что захват места в тамбовском или пензенском Совете есть реальная вещь, оно скажет, чтобы дать Совету больше власти. Это несомненная форма будущего движения. Разве мы не следим за произведениями наших врагов, разве мы не знаем, что наши враги, меньшевики и эс-эры, разуверились в том, что нас можно взять

вооруженной рукой? Они ставят политику нажима крестьянства на пролетариат, чтобы тем самым ограничить диктатуру пролетариата. И разве эта сапроновщина не отражает нарождающийся конфликт, и разве это не ведет нас к такой дорожке, которая стоит перед партией в нашей аграрной стране, где пролетариат представляет одну тридцатую часть огромного крестьянского моря? Мы считаем, что такая политика неправильна в корне.

Мы считаем, что когда т. Троцкий, зная эту политику т. Сапронова, не отмежевывается от нее решительно и до конца, а примыкает к ней, он совершает грубую политическую ошибку, ибо т. Сапронову не многие поверят. Он был перед нами с такими выступлениями много раз, и когда бы он выступил один, это не было бы опасным, но когда т. Троцкий, зная это, не отмежевывается от него, тогда он создает в партии мнение, что это мнение разделяет и Троцкий, это уже много. Эта политическая ошибка ради временной цели, ради сегодняшнего дня приносит в жертву огромные принципиальные интересы всей пролетарской революции в будущем.

Я не остановился в своем докладе на резолюции по экономическому вопросу, потому что эта резолюция ЦК напечатана, она обсуждалась, и для меня важны не те или другие поправки к резолюции, а важно услышать от вас, от Краснопресненского района, правильна ли линия оппозиции или правильна позиция ЦК, а о поправках мы еще поговорим.

Тот кризис, который мы переживали и еще переживаем, доказывает, что наша линия взята недостаточно правильно. Мы, например, берем на себя вину и говорим, что ЦК виноват в том, что линия на крестьянство была недостаточной. Кто нам сказал когда-нибудь: товарищи из ЦК, вы виноваты, что недостаточно считаетесь с крестьянством? Нам когда-нибудь сказал об этом т. Преображенский, т. Сапронов, т. Рафаил, и говорил ли нам когда-нибудь подобное т. Троцкий? Нет, они нам говорили как раз наоборот, они нас упрекали в том, что мы недостаточно потворствуем и покровительствуем тем трестам и синдикатам, неправильная политика которых привела к несчастиям, которые грозят политическими осложнениями. Из резолюции XII съезда, о которой говорят, что мы ее переписали, мы, действительно, нашли необходимым переписать все те слова, которые говорили: считайтесь с мужиком, или, по выражению Ильича, равняйтесь по мужицкой силе, — эти слова мы сочли нужным переписать, и я вам их прочту, потому что это слишком важно.

«Наша партия в то же время не должна ни на минуту забывать или хотя бы упускать из вида при оценке любого своего шага фактически преобладающего значения крестьянского хозяйства.

«Не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области экономической, так и в области чисто политической, ибо неизбежно подрывало бы или ослабляло бы тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которые для данного исторического переходного периода являются одной из самых основных опор диктатуры пролетариата, и охрана и укрепление которых являются основным условием устойчивости советской власти, а следовательно, и основной задачей партии». (Из резолюции XII съезда партии по докладу «О промышленности».)

Вот что сказал XII съезд, и вы, конечно, спросите меня, кого имел в виду XII съезд, когда говорил: «не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к крестьянству»... Потому XII съезд таким языком говорил, что есть люди, которые недостаточно внимательно к этому подходят. А что нам сказал кризис? Что XII съезд сказал еще слабо, надо было еще крепче сказать насчет мужика, надо было усилить это, и тогда, может быть, мы смягчили бы этот кризис. А кто мешал вставить это место, кто протестовал? Я не хочу говорить об этом своими словами, но на одной дискуссии т. Радек рассказывал такую сцену. Когда, — говорил Радек, — т. Троцкий внес свою резолюцию по докладу о промышленности на XII съезде, то все посмотрели и нашли: ничего себе; а потом т. Каменев пошел домой, прочел еще раз резолюцию, — а мужика нет в этой резолюции. Он побежал в ЦК и говорит: мужика нет. Я пошел к Троцкому, — говорил Радек, — и говорю: мужика надо вставить, а Троцкий сказал: не желаю вставлять мужика. И кто усомнится в моих словах, тот может найти длинную переписку между нами и т. Троцким перед XII съездом, которая вертелась вокруг этого. Мы предлагали вставить в резолюцию XII съезда этого мужика, а т. Троцкий упирался, — почему и как, я не буду говорить сейчас, — а в конце-концов он согласился. А что теперь нам надо цитировать из XII съезда, чтобы спасти политическую линию нашей партии? Те места, которые с таким аппетитом цитирует т. Троцкий: прибыль на прибыль, грош на грош? Но не в прибыли дело, а в мужичке, ибо если мужичок сложил руки и не берет продуктов нашей промышленности, это пахнет тем, что надо свертывать промышленность, закрывать заводы, рассчитывать рабочих, а мы этого не хотим. И политическая линия относительно крестьянства заключается в том, что мы еще на XII съезде, вопреки Троцкому, поняли и поставили удар на мужика, и что промышленность должна приспосабливаться к мужицкой силе и мужицкому рынку. Это не было проведено в жизнь, так как партия и хозяйственники находились под общим гипнозом впечатления речи и до-

клада на XII съезде, — чтобы наживать прибыль на прибыль, копейку на копейку. Мы виноваты в том, что мы с этим настроением недостаточно боролись, и поэтому мы теперь указываем на это с особой силой.

Нас Владимир Ильич два года назад учил, что тот не строит коммунизма, кто в 1922 — 1923, 1924 г. не сумеет торговать, что мы сейчас еще не научились торговать. Это верно. ЦК, конечно, можно обругать, — почему коммунисты не научились торговать, почему частный капитал торгует лучше, дешевле, пробирается, более гибкий аппарат имеет, чем наша обюрократившаяся торговля и государственная кооперация, а я от имени ЦК отвечу, что два года назад Владимир Ильич сказал: начинайте переучиваться, от винтовок, которыми вы научились владеть и к которым придется еще обратиться, переходите к обучению торговле, потому что мужик — реалист, и он коммунистических заслуг в прошлом — землю, что дали, прогнали помещика, прогнали Колчака, — он этого не припомнит, а будет судить по тому, кто дешевле дает необходимый продукт, — наша социалистическая национализированная промышленность или частный купец, — и если частный купец будет дешевле давать, то никакими заклятиями, никакими планами вы не избежите того, что мужик будет поддерживать частного капиталиста против нашей промышленности.

Сколько раз надо повторять слова Владимира Ильича, что дело не в плане, не в том, чтобы составить общий план, а в меньшем — научитесь продавать дешевле частного капитала. Эка, подумаешь, великая задача, а мы с вами ее не решили и будем решать годами. Будет старый ЦК или новый ЦК, — он через некоторое время придет и скажет: а торговать мы еще не научились. Надо руководить. Совершенно правильно. Чтобы руководить, надо быть в состоянии отражать такие атаки, которые исходят от товарищей, своей политической линии не имеющих, а против ЦК атаку ведущих изо всех сил. Когда мы от этих атак отобьемся, вместо того, чтобы спорить, кто и как сказал в «Правде», какие статьи мы печатали, когда мы эти споры закончим, мы сможем получить базу для руководства.

Я спрашиваю оппозиционные ячейки: не предлагали ли вам резолюцию, которая кончалась пунктом, что в продолжение этой дискуссии должна быть поставлена дискуссия по хозяйственным вопросам?

Мы удовлетворили это требование. Мы опубликовали хозяйственные тезисы. И я вас прошу, товарищи, скажите по совести, с таким ли аппетитом идет дискуссия по хозяйственным вопросам, по хозяйственному строительству, с каким аппетитом Рафаил, Дробнис, Преображенский, Сапронов дискутируют по внутрипартийной демократии? Для нас демократия есть форма,

но эта форма говорит: надо свободно обсуждать, но нельзя же все время обсуждать то, что нужно свободно обсуждать. Нам же этой формой нужно воспользоваться для того, чтобы обсудить центральные вопросы нашего социалистического строительства. Ведь, демократия есть инструмент, и он нами завоеван. ЦК очень плох, спал, опоздал, его разбудили, 46 ему сказали: давай демократию. Он испугался, — дал демократию. Теперь, товарищи, обсуждайте этот вопрос. Где это обсуждение? Где, товарищи, та линия, которую вы в хозяйственной области можете противопоставить ЦК? Не хотите, — тогда, товарищи, вот вы и скажите то, что я вам предлагаю. Вы скажете: линия ЦК была правильной. Вы скажете: резолюция по демократии и резолюция по хозяйству правильны. Вы скажете: та дискуссия, которая у нас велась, подогревалась товарищами, которые намекали на неправильность линии ЦК в основном и потом свои обвинения ничем поддержать не могли. Когда вы это скажете, вы тогда действительно укрепите единство партии на основе правильного руководства. Единство, которое не имеет под собою правильной единой платформы, ничего не стоит: это — единство, которое завтра распадется. Нам нужно единство на правильной политической линии хозяйственного строительства, внутрипартийного строительства, и когда это будет, тогда все разговоры о расколе и все пугание расколом будет признано всеми нами просто сказкой. Не будет раскола потому, что девяносто девять сотых партии идут за этой линией ЦК. Не будет раскола потому, что раскол можно создать на какой-нибудь ясной политической линии, а у этих товарищей этого нет. И поэтому итог такой: вы должны выбрать между двумя пунктами: или политический банкрот ЦК или политическое банкротство потерпели те товарищи, которые развернутым фронтом пошли против ЦК. Я уверен, что вы скажете: прав ЦК. Московская организация линию ЦК поддержит, это и послужит действительно фундаментом для стального единства партии.

ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВО и НАША ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. *)

Товарищи, мы пришли сюда после нескольких недель очень оживленной и очень страстной дискуссии, пришли на собрание, которое является решающим не только для выражения мнения московского коммунистического пролетариата, но которое будет иметь несомненно громадное значение и для ближайшей судьбы нашей партии и — позвольте сказать прямо — для успеха советской власти.

Московская организация — организация столичная, организация наиболее крупная и по своему составу пролетарская. Наша дискуссия уже привлекла внимание не только международного пролетариата, что естественно, но и внимание международной буржуазии, что также естественно. Международная обстановка, на которой я в конце остановлюсь несколько подробнее, такова, что вопрос о том, насколько из этой дискуссии партия наша выйдет укрепленной, сплоченной, с единой волей и с твердой программой действий, является, поистине, сейчас вопросом международным, от которого будет зависеть реагирование международной буржуазии в данный исторический момент. Вот почему я ставлю своей задачей откинуть сейчас в своем докладе все те элементы, которые были внесены в нашу дискуссию, благодаря острому фракционному озлоблению, которое не помогло выяснению истинных корней разногласия и поднятию дискуссии на тот уровень, который в праве от нас требовать и пролетариат Советской России, и международный пролетариат. Надо, чтобы дискуссия, которая развернется здесь, была по своей идейной сущности понятна каждому рабочему не только в России, но и за границей. Надо, чтобы международный пролетариат знал, что мы спорим не из-за пустяков, но что партия серьезно рассуждает о серьезнейших вопросах, и что, обсудив, она примет определенную, точную, ясно формулированную, каждому рабочему понятную линию поведения. Поэтому, товарищи, я попытаюсь исходить в своем докладе из того коренного, что стоит у нас в порядке дня.

*) Доклад ЦК на XI Московской губернской партийной конференции 10 — 12 января 1924 г.

В дискуссии о рабочей демократии, о новом курсе, об экономической политике мы обсуждали, кроме этих вопросов, еще один существеннейший и важнейший вопрос — это вопрос о том, существует ли у партии правильное руководство, и насколько правилен тот путь, по которому партия идет. Без ответа на этот вопрос ни ЦК нашей партии не может продолжать своей работы, ни самая партия не может спокойно проводить свою будничную работу. После того как партия была ввергнута в лихорадку дискуссии, она должна сказать ЦК, как она оценивает настоящую его работу. ЦК должен знать, имеет ли он за собой не только ряд провинциальных организаций, но и центральную, столичную московскую организацию. Партия должна после этого столкновения мыслей и мнений сказать себе, идет ли она по правильному пути, и не замечено ли в этом пути каких-нибудь коренных и основных уклонений. Никогда ни наша партия в целом, ни ЦК, ни т. Ленин, который стоял и стоит во главе, не рассчитывали на безошибочность. Не кому иному, как т. Ленину в момент, самый решающий для судьбы мировой революции, принадлежат слова, что мы будем учиться управлять государством на ошибках. Поэтому признание отдельных ошибок, даже иногда и крупных, признание отдельных упущений, даже иногда и очень горьких и горестных, постоянно имело место в истории нашей партии и никогда не колебало нас ни как партию, ни как ЦК.

Мы с вами, однако, стоим перед другим фактом,— не перед тем, что ЦК или нашей партии в целом указывается на отдельные ошибки, хотя бы и крупные. Мы стоим впервые в истории нашей партии и, что особенно важно, впервые после того, как т. Ленин отошел от непосредственного руля, перед формальным, точным обвинением против той линии и того руководства, которое ЦК осуществляет. Каждый член партии имеет право это формулировать, партия должна спокойно и внимательно разобраться в этих обвинениях. Мы можем требовать только одного. Если подобного рода обвинения общей линии ЦК предъявлены, то мы можем требовать, чтобы они не были предъявлены легкомысленно, чтобы их формулировка была продумана и опиралась на факты, которые обвинители готовы были бы в каждый данный момент предъявить перед лицом партии. Мы можем требовать, чтобы тот, кто выступает перед лицом партии с подобными обвинениями, чтобы он не разменивался в дальнейшем на мелочи, чтобы он не подтверждал этих обвинений анекдотами и кляузами, но чтобы он имел мужество и смелость противопоставить той практической линии, которую ЦК осуществляет, тому руководству, которое ЦК считает правильным, чтобы он имел мужество противопоставить ему собственные методы спасения от той трясины, куда, по его мнению, неправильная политика ЦК ведет и страну, и нашу революцию. Мы спрашиваем себя, и партия имеет право

спрашивать себя: если мы были ввергнуты в столь острую борьбу, то имеются ли для этого достаточные основания? Вы имеете право нас спросить, были ли действительно предъявлены ЦК по партийной линии такие обвинения, которые оправдывали бы те резкие формы полемики, ту непримиримость позиции, которую мы в данном случае проявляем. Я утверждаю, что подобное обвинение было предъявлено группой чрезвычайно ответственных товарищей, что ЦК был посажен на скамью подсудимых и что ныне партия должна ясно и определенно высказать свое мнение о том, какая из этих двух линий представляется партии правильной. Эти обвинения были предъявлены 46 товарищами, — заявление подписанно некоторыми членами ЦК, рядом товарищей, стоящих на самых ответственных советских постах: Пятаковым, Преображенским, Осинским, Серебряковым и целым рядом других товарищей. Все они ведут ответственную работу в партии, стоят близко к работе ЦК и основных государственных органов, и поэтому мимо этих обвинений ни партия, ни ЦК спокойно пройти не могут. Я эти обвинения в той форме, в какой они были сделаны, оглашу. Тов. Сапронов, один из подписавших это заявление и поддерживающих эти обвинения очень энергично, не только на общих собраниях, но и в отдельных рабочих ячейках, огласил это заявление на заседании Хамовнического района, против чего я тогда не протестовал. Поэтому я позволю себе здесь, перед лицом московской конференции, которая имеет право знать все и будет знать все, сообщить, в чем заключались эти обвинения, и попросить вас, товарищи, вдуматься внимательно в то положение, в которое поставлены ЦК и партия, когда подобного рода обвинения предъявлены ему. 15 октября эти товарищи писали о неудовлетворительном руководстве партией, о случайностях и необдуманности, бессистемности в решениях ЦК; они писали, что если у нас есть достижения, то не благодаря, а несмотря на руководство ЦК партией, и т. д. и т. п.

Товарищи, вы понимаете, что это обвинение не представляет собой какого-либо указания ЦК со стороны авторитетной группы товарищей на те или другие ошибки, что это не представляет ту критику, которая дает возможность ЦК самому критически относиться к себе и исправлять свои неудачные шаги. Здесь вы имеете точно сформулированный, выдержанный в соответствующих политических тонах, обвинительный акт против ЦК не по поводу того или другого шага, той или другой меры, той или другой ошибки, а прямое обвинение в неправильности основной политики, гибельном ее продолжении, прямое указание на то, что продолжение этой политики ведет и страну, и нашу революцию, и мировую революцию к гибели.

Перед лицом подобного обвинения Политбюро могло выбрать только один метод действия.

Получив подобное заявление, мы могли обратиться ко всей партии и сказать: — Политбюро обвинено. Вы не можете терпеть во главе нашей Коммунистической партии ЦК, который заслужил подобное обвинение со стороны, как мы предполагали, не легкомысленных товарищей, не фракционно озлобленных товарищей, а товарищей, которые ответственны за выставление тяжкого обвинения. Мы могли обратиться к партии и сказать: мы, Политбюро, обвинены — мы можем это здесь сказать — обвинены в предательстве интересов революции. Мы считаем, что наша линия правильна. Товарищи же, которые нас обвиняют, считают, что наша линия ведет к гибели. Партия должна сказать, кто прав, — тот ли, кто эту политику ведет, или товарищи обвинители. Но мы этого не сделали.

Вы должны будете и на нашей московской конференции, и через пару месяцев на съезде сказать, правильно или неправильно мы поступили, когда, получив это заявление и будучи сами обвинены в тяжких преступлениях против революции, мы не обратились прямо к вам, прямо к партии с указанием. Мы получили это заявление 15 октября. Я теперь могу вам сказать, что через три недели после этого, 9 ноября, в день годовщины германской революции, мы считались с возможностью восстания германского пролетариата. Некоторые товарищи, которые подписали заявление 46-ти, по характеру своей работы и по характеру порученного им дела знали, что сосредоточено внимание ЦК на том, что в день годовщины германской революции в Берлине может пробить колокол пролетарской революции. И вот за три недели до ноябрьской годовщины мы получаем это обвинение. Мы не могли приостановить его распространение, ибо, когда нас обвиняют в таких преступлениях, попытка приостановить это и сказать: не смей распространять, — могла бы быть сочтена как попытка обвиняемого ЦК зажать рот обвинителям. Мы не могли от имени Политбюро, которое в своем большинстве было обвинено в этих преступлениях, запретить товарищам распространять это письмо; но они, правда, и не спрашивали нас, потому что заявление, раньше, чем оно было преподнесено ЦК, получило распространение для собирания подписей. Там мы видим подписи товарищей из самых различных областей работы: рядом с товарищами членами ЦК подписи членов отдельных ячеек. Следовательно, это письмо, раньше чем оно было в качестве обвинения предъявлено ЦК, получило известное распространение не только наверху, но внизу вплоть до ячеек. Мы, как Политбюро, не могли остаться в таком положении и сказать обвинителям: не смейте нас обвинять. Мы понимаем, что в ответ на это Политбюро должно было обратиться к партии и сказать: вот обвинительный акт, вот защитительная речь ЦК; но поймите, что заниматься этим делом за три недели до 9 ноября Политбюро не могло.

Поэтому мы выбрали другой путь. Мы сказали: товарищи, ваше обвинение серьезно, но мы не можем сейчас итти с вами на общепартийную дискуссию. Мы собираем наиболее ответственные учреждения, которые только есть в нашей партии. Мы собираем пленум ЦК со всеми кандидатами, мы собираем пленум ЦКК со всеми кандидатами, мы вызовем по два представителя от всех крупнейших пролетарских центров, и мы получим собрание в 110 человек, которое считаем правильно отражающим взгляды, мнения и настроения всей нашей партии.

Я знаю, что теперь у нас допускается наплевистское отношение к партийным установлениям. Я знаю, что теперь авторитет ЦК во многих местах пытаются подорвать. Я знаю, что есть резолюции очень ответственных ячеек (я их буду оглашать), которые говорят, что общепартийная конференция, которая должна собраться через две недели, будет собранием партийных бюрократов, которые не имеют права решать вопросов жизни партии. Я знаю, что уже покушаются на авторитет нашего партийного съезда. Мы, ведь, знаем с вами эту схему, что ЦК создает аппарат для того, чтобы себя поддерживать, что он назначает своих людей в губернии, что люди, сидящие в губернии, назначают своих людей в уезды, что потом эти назначенные люди попадают на губконференцию, и эта подобранная губконференция создаст подобранный съезд. Мы слышали с вами этот тип рассуждений. Мы знаем, что эти рассуждения, этот метод есть подрыв того основного стержня, на котором держится диктатура пролетариата в России. Но тогда, когда мы собирали это совещание, эти взгляды не были еще очень распространены, их еще не смели открыто высказывать, и потому мы думали, что собрание, которое я вам назвал, будет пользоваться всем тем авторитетом, который для решения этого вопроса, в тот момент был необходим.

Мы собрались через 10 дней после того, как заявление 46-ти было подано в ЦК. Со всех концов России съехались товарищи, и мы перед ними поставили этот вопрос. Вот обвинение, вот линия ЦК. На этом заседании был подтвержден поразительный факт, который придает этим обвинениям наибольшую силу, он заключался в том, что т. Троцкий солидаризировался с ними.

Да, товарищи, если ЦК встречает такое обвинение со стороны группы товарищей, которые нам всем давно известны как постоянные критики ЦК, товарищей, которые перед каждым съездом выступают со своими своеобразными взглядами, то этим обвинениям можно было бы не придавать такого веса. Но когда т. Троцкий заявил нам, что он видел (его подпись не стоит под этим заявлением) это заявление раньше, чем оно поступило в ЦК, что он с ним солидаризируется, не будучи согласен с некото-

*

рыми резкими, как он говорит, выражениями, то тогда для ЦК вопрос стоит действительно о жизни и смерти.

Авторитет т. Троцкого нам всем известен. Руководить страной и партией, если т. Троцкий думает, что это обвинение правильно, руководить страной и партией в отсутствие т. Ленина и при том условии, что т. Троцкий возглавляет эту группу, — это величайшая ответственность и величайший труд, которого мы не осилим и которого не осилит ни один ЦК, если он не будет чувствовать за собой всей мощи, всей энергии и всего доверия всей партии.

Собрание из 110 товарищей рассмотрело подробно заявление т. Троцкого и заявление 46-ти и вынесло свое известное постановление.

Я спрашиваю теперь московскую партийную организацию: правильно ли поступило Политбюро, когда оно запретило фракционную дискуссию по этой линии? Правильно ли отражало мнение всей партии собрание пленума ЦК и ЦКК, когда оно взяло на себя ответственность в этот момент не допустить дискуссии по платформам? Я думаю, что партия скажет, что мы были правы тогда. Не потому мы запретили распространение письма 46-ти и нашего ответа, что мы думали, что письмо 46-ти более убедительно, чем наш ответ. Вы знаете, что мы не побоялись пойти на драку с открытым забралом. Если нас и упрекают, то только в том, что мы дрались слишком увесистыми кулаками.

Чего же стоят люди, которые, пользуясь тем, что мы не опубликовали наших возражений на их обвинения, распространяли по подворотням слухи о том, что ЦК что-то пытался скрыть от партии, и на этом пытались нажить какой-то капитал, — а мы знаем, как широко эти слухи пошли. Но германская революция не вышла к тому сроку, на который мы с вами надеялись. Препятствие, которое было, оно осталось чисто формальным — в виде запрещения (не отмененного) ЦК и ЦКК.

В другой форме и по другому поводу, однако, мы с вами эту дискуссию все-таки получили. Поэтому нынешней нашей дискуссии мы должны сейчас подвести итог и спросить себя: ну, что ж, эти товарищи, которые предъявили столь смертоносные обвинения, сумели ли они деловым, серьезным образом доказать партии, что эти обвинения основаны на фактах? Больше того, пытались ли они доказать, что они готовы поддерживать эти обвинения, или они после первого же отпора рассыпались по кустам, не имея мужества ясно и определенно сказать партии, что эти обвинения не основательны? Они в другой форме, по другим поводам, под видом нападения на аппарат, замаскированного нападения на ЦК, этими обвинениями продолжали действовать. Письмо 46-ти, недовольство

ЦК, которое имеется у т. Троцкого, — оно продолжало партию нервировать и нервирует до сих пор. И мы собрались, чтобы, наконец, сказать: или вы предъявляете нам эти обвинения, — тогда вы их должны до конца и серьезно обосновать; или вы эти обвинения снимаете, — тогда вы должны это сделать как мужественные политические борцы, которые ошиблись, которые свою ошибку сознали и берут ее назад. Тогда тот вред, когда по рабочим ячейкам распространяются подобного рода обвинения, которые могут привести не к чему иному, как только к подрыву всего авторитета Коммунистической партии, — тогда этот громадный вред, который внесен был в партию, хоть мало-мальски будет ослаблен.

Товарищи, первой формой, в которой эти обвинения нашли себе дальнейшее развитие, была дискуссия о партстроительстве. Вы в праве нас спросить, — и мы должны будем на этот вопрос ответить: после обвинений подобного рода, после того, как мы знали, что т. Троцкий является истинным вдохновителем этого обвинения, когда после этого мы, большинство Политбюро, задумались над этими необходимыми реформами в нашей партии, то сделало ли Политбюро попытку сговориться с оппозицией, сделали ли мы попытку сговориться с т. Троцким? Я считаю, что вся оппозиция была бы оправдана, если бы мы, в каком-то странном упоении своим большинством, в лживом самомнении, попытались предложить партии тот поворот, который мы предлагаем, не посоветовавшись и не попытавшись притти к единогласному решению с т. Троцким. Вы знаете, что в этом большинство ЦК неповинно. Я абсолютно уверен, что партия, которая питалась слухами и которая нервничала, которая болела этими разногласиями на основании заявления 46-ти, что она вздохнула с облегчением в тот момент, когда по коренному вопросу о нашем партстроительстве 5 декабря она прочла резолюцию и прочла в заголовке этой резолюции, что она принята единогласно всем ЦК, т.-е. и т. Троцким.

Я должен здесь перед вами рассказать, как было достигнуто это единогласие. Конечно, с т. Троцким у нас были, есть сейчас — весьма возможно, будут и в дальнейшем — разногласия. Мы на сентябрьском пленуме подводили итоги летним событиям, — стачкам, которые имели место в Москве и в других местах, появлению нелегальных, контр-революционных групп «Рабочая Правда», «Рабочая Группа», — мы поручили различным комиссиям ЦК рассмотреть этот вопрос. Эти комиссии, созданные сентябрьским пленумом ЦК, в октябре, на том самом пленуме, который обсуждал резолюцию 46-ти, получили новую инструкцию. На этом самом пленуме, где обсуждалось заявление 46-ти и т. Троцкого, была принята следующая резолюция о внутрипартийной демократии:

«Пленумы одобряют полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное Политбюро усиление борьбы с излишествами и разлагающими влияниями нэп'а на отдельные элементы партии. Пленумы поручают Политбюро сделать все необходимое для успления работ комиссий, назначенных Политбюро и сентябрьским пленумом, именно: «комиссии о ножницах», «комиссии о зарплате» и «комиссии о внутрипартийном положении». Политбюро должно, по разработке необходимых мер по этому вопросу, начать немедленно проводить их в жизнь и сделать доклад об этом на следующем пленуме».

Вы видите, что тот же самый пленум, который рассматривал заявление 46-ти, одобрил принятый Политбюро курс на внутрипартийную демократию, он подтвердил работу комиссий, которые были созданы до заявления 46-ти, и он подтолкнул эти комиссии к усиленной работе. Вот та комиссия, во главе которой стоял т. Дзержинский; она явилась к нам в последних числах ноября и принесла свои резолюции, которые легли в основу нашей общей резолюции о внутрипартийной демократии. Первым нашим шагом было подумать о том, что, предлагая партии поворот, сможем ли мы предложить ей этот поворот единодушно, сможем ли мы партии сказать: мы все, несмотря на существующие у нас разногласия, мы предлагаем вам, товарищи, вот такой-то поворот, вот такую-то реформу внутри партии, или же мы окажемся в таком положении, что придем к партии и скажем: большинство Политбюро предлагает партии поворачивать вот так, а т. Троцкий предлагает партии поворачивать вот этак. Мы боялись этого, мы стремились этого избежать по простой причине: мы понимали очень хорошо, что всякий поворот опасен; поворот во внутрипартийной жизни, поворот на рельсы рабочей демократии, при нашем состоянии партии, вдвойне чреват всякого рода последствиями, и что партия была бы дезорганизована, дезориентирована, если бы от ЦК у нее было не одно, а два предложения о повороте.

Поэтому мы добивались изо всех сил того, чтобы резолюция наша была единодушной, и мы добились этого. Вы, как политические деятели, понимаете, что когда две группы — большинство и меньшинство — добиваются единогласной резолюции, то это основано на взаимных уступках, что мы должны были уступить тем претензиям, тем формулировкам, тем поправкам т. Троцкого, которые для него казались необходимыми, для того, чтобы он мог подписать эту резолюцию вместе с нами, — и мы это сделали. Иначе т. Троцкий своей подписи под резолюцией о рабочей демократии нам бы не дал.

После долгих заседаний комиссии, после обсуждения ряда поправок, после, как всегда бывает в коллегии, внутренней

борьбы, после — если употребить грубое слово, которое в политике приходится употреблять, — после грубой «торговли» по поводу каждой поправки, — единогласие было достигнуто, под резолюцией есть подпись т. Троцкого, т. Троцкий счел возможным после известных обвинений эту резолюцию подписать. И мы считали, что избегли большой опасности, что мы сможем к партии притти и сказать: надо, товарищи, поворачивать, и мы вам единодушно вместе с т. Троцким рекомендуем поворачивать вот так-то.

Это было сделано 5 декабря, а 6 декабря нам стало известно, что т. Троцкий, не поговорив с ЦК, не попытавшись посоветоваться с ЦК, непосредственно в районы направил письмо, в котором комментировал единогласно принятую резолюцию так, что он знал, что с такими комментариями мы, которые шли на поправки, шли на уступки, не согласимся, и что мы считаем это письмо неправильным и теоретически, и практически. Для нас, — это можно сказать на этом ответственном собрании, и вы должны это взвесить, — для нас всех, которые поздно ночью узнали, что письмо т. Троцкого оглашено на Краснопресненском районном собрании по его просьбе, — для нас всех было ясно; мы могли это понять, и мы поняли это только так: это срыв достигнутого единогласия. Тов. Троцкий пошел в бой с ЦК, несмотря на то, что ему были сделаны все уступки, которые требовались, чтобы единогласие было достигнуто. Тов. Троцкий написал статью, которая, как он знал, дает такие комментарии к единодушно принятой резолюции ЦК, которые это единодушие срывают.

И с этого момента дискуссия, которая шла вокруг основ партийной демократии, которая шла вокруг того, как понимать рабочую демократию, получает неслыханное заострение, с этого момента наша оппозиция, которая до того, — да простят они мне это, — барахталась среди анекдотов, слухов и сплетен, она получила возможность ссылаться: «а за нами т. Троцкий». С этого момента партия входит в лихорадку и задает себе естественный вопрос: вчера единогласная резолюция, а сегодня комментарии т. Троцкого, против которых ЦК, по долгу службы и по совести, должен высказаться. Почему?

Почему по трем пунктам т. Троцкий в этом письме разошелся с той резолюцией, которую он с нами подписал, разошелся с тем стремлением к единодушию, которое мы проявили? Первый вопрос о партаппарате. Что мы вместе с т. Троцким подписали о рабочей демократии в пункте о партаппарате? Мы вместе с т. Троцким 5 декабря подписали: «Для того, чтобы обеспечить действительное проведение всех вышеуказанных мероприятий по осуществлению рабочей демократии, необходимо перейти от слов к делу, предложив низовым ячейкам, уездным, районным и губернским партконференциям при очередных выборах систематически обновлять партаппарат снизу, выдвигая на

ответственные посты таких работников, которые способны на деле проводить внутрипартийную демократию».

Мы и до сих пор уверены, что ЦК больше не должен был сказать ни одного слова и что здесь он сказал все, что должен был сказать. ЦК обращается к партии и говорит: переходите от слов к делу. Перевыбирайте и обновляйте свой аппарат. Ставьте на ответственные посты работников, которые способны обеспечить внутрипартийную демократию. Это мы сказали вместе с т. Троцким, и я спрашиваю всех не озлобленных фракционностью членов партии: мог ли ЦК сказать что-либо большее, если он хотел провести в партии реформу, а не произвести внутрипартийную революцию? Я утверждаю, никто не скажет, что сюда надо было бы добавить хотя бы одно слово. Что мог сказать ЦК больше, чем сказано? Мы призываем вас перейти от слов к делу, призываем вас воспользоваться перевыборами снизу доверху для того, чтобы поставить людей, готовых провести рабочую демократию. Если добавить к этому что-нибудь, это значит направить удар против партийного аппарата. Каждое лишнее слово означало бы оформление войны против партийного аппарата и призыв к его слому. Тов. Троцкий в комиссии пытался дать более острую формулировку. Мы не согласились на это, и т. Троцкий и дал вместе с нами эту формулировку, а на следующий день появляется письмо т. Троцкого, которое, несомненно, дает такие формулировки о партаппарате, которые превращают необходимость обновления в необходимость слома партийного аппарата, в погром партийного аппарата.

Тот, кто обсуждает эти вопросы не на митингах, а кто вдумывается в политические шаги и формулировки, тот понимает, что когда на следующий день после этого призыва ЦК: «обновляй» — Троцкий, а не Иванов и Петров, а именно Троцкий — в письме прямо и непосредственно в районы говорит: «партаппарат надо подчинить своей партии», — то он дает такой лозунг, который теоретически неверен. Наш аппарат подчинен партии и никому другому! Нельзя говорить: первая задача в том, чтобы подчинить партаппарат партии. Кому же он был подчинен? Это есть сеяние недоверия. Тов. Троцкий дал формулировку и лозунг: громи аппарат, снимай с постов. Мы это считали и будем считать ошибкой, и будем говорить везде, что т. Троцкий своей постановкой вопроса о партаппарате развязал стихию, которая ломает костяк нашей партии, а это для нас не только вопрос о том или другом секретаре — это пустяк. Ведь, когда на многочисленных дискуссиях мне возражают Сапронов и др. анекдотами о том, что тот-то и тот-то секретарь плох, что же вы думаете, что ЦК, который руководит громадной страной, внутренней и мировой политикой и решает вопросы мирового значения,

что он повенчан с тем или другим секретарем? Да наплевать ЦК, что этого секретаря снимут и поставят другого. Это пустяки!

Но нам важно другое. Мы знаем, что наш государственный аппарат плох. Это мы знаем, этому учил наш ЦК т. Ленин, но когда нам предлагают ту политику относительно партаппарата, которая в речах оппозиции все время проскальзывает, мы и говорим: позвольте, что же делать?

Вы установили, что наш госаппарат никуда не годится, и решили, что можно ломать партаппарат; но можете ли вы его сломать и сказать: «вот другой»? — Нет, не можете!

Вы можете быть недовольны тем или другим секретарем, а мы должны собрать налог, и этот налог мы не соберем, если не будет партаппарата, потому что госаппаратом мы собрать его не можем. Мы знаем, что нужно управлять промышленностью, и мы на три четверти управляем ею через партаппарат.

Партаппарат проводит политику ЦК — это верно. Если вы недовольны политикой ЦК и стоите на позиции 46-ти и считаете, что политика ЦК ведет страну к гибели, тогда я говорю: ломайте партаппарат, потому что через него вы сломаете ЦК и сломаете тогда политику ЦК. Честные политики должны так рассуждать. Если вы действительно уверены, что политика ЦК правильно охарактеризована в документе 46-ти, если вы это не взяли назад, тогда я понимаю, — вы ломаете аппарат, потому что это аппарат ЦК, а ЦК ведет гибельную политику. Мы поворачиваем на рабочую демократию в условиях очень трудных, в условиях «пожиц», в условиях того, что эта рабочая демократия будет применяться в партии, в которой рабочих всего 100 тысяч, т.-е. одна четверть. При этих условиях вы имеете право требовать от ЦК осторожности и осмотрительности.

Формулировка т. Троцкого дала такую постановку вопроса о партийном аппарате, которая теоретически неверна, практически ошибочна и развязала возможность оппозиции, ссылаясь на авторитет т. Троцкого, вести политику, на самом деле далеко идущую в сторону от политики, которую предлагает ЦК. Это первый пункт. И мы об этом должны были сказать партии: тут т. Троцкий ошибся.

Второй пункт заключался в постановке вопроса о старой гвардии и молодежи. Я не буду долго на этом останавливаться, напомню самое важное. Наша партия состоит из 400 тысяч товарищей. В ней только 10 000 товарищей, которые проделали с нами две первые революции. Только всего. Три четверти партии состоит из товарищей, пришедших к нам после 1918 и 1919 гг., и мы себя спрашиваем: разве вопрос о молодежи и стариках есть вопрос моральный? Что всем нам хочется быть помоложе, в этом я ни минуты не сомневаюсь. Я не видел еще старика, который не завидовал бы молодежи. Но т. Троцкий

писал не о моральной и культурной проблеме, а о политической проблеме — о том, есть ли политический смысл в выражении «старая гвардия», когда перед нами неисчислимо трудные задачи и когда мы эти задачи должны решить партией, в которой три четверти не делали ни первой, ни второй революции. Вот при такой постановке вопроса совершенно ясно, что речь идет не об уважении к седым бородам и недоверии к безусым лицам, а что вопрос идет о правильном использовании накопленного партией в долгие годы борьбы политического и революционного опыта, опыта, накопленного стариками. Что и старики бывают плохи, а молодежь бывает великолепна, об этом мы не спорим, а мы спорим, может ли т. Троцкий в эпоху дискуссии назвать молодежь барометром, может ли он строить свою статью так, что, с одной стороны, революционный барометр — молодежь, а с другой стороны — старики, которым угрожает окостенение, обюрокративание. Это есть натравливание одной части партии на другую, это грозит тем, что та реформа, которую мы вместе с т. Троцким хотели сделать, что эта реформа может принять конвульсивные формы борьбы отдельных поколений.

А когда т. Троцкий, в дополнение к этому, в этой же статье делает недвусмысленный намек на оппортунистическое перерождение (он, правда, говорил не о Каменеве, не о Зиновьеве, не о Сталине, он почему-то вызвал другой мир: Каутского, Бернштейна и др.),—то что это? Ведь, мы на партконференции, а не на ячейке. Каждый может понять, зачем т. Троцкий в статье о курсе вдруг вспоминает известных предателей рабочего класса— Каутского и Бернштейна—и напоминает, что они непосредственные ученики Маркса. Потому что т. Троцкому в этой политической постановке надо было сказать, что молодежь — барометр, а непосредственные ученики Ленина... окостеневают, и около них придется поставить слово «оппортунисты». Если бы этого документа не было, этих обвинений не было, тогда бы еще наивные в политике люди могли бы сказать: это случайно сорвалось; зачем придираться?

Во-первых, т. Троцкий не один из многих, а только один такой есть во всем мире. И когда он говорит, то это полновеснее, чем кто-нибудь другой. Но т. Троцкий знал этот документ 46-ти. Ведь, он написал или продиктовал, что большинство Политбюро, состоявшее из непосредственных учеников Ленина, ведет страну и революцию к гибели. Здесь, ведь, это написано черным по белому. А когда после этого в ругательной форме т. Троцкий пишет: оппортунизм, перерождение оппортунистическое, — что же вы думаете, что ЦК может сказать: это не про меня, это про кого-то другого? Таких наивных людей нет. Мы же это чувствуем, мы же это у сердца держим, и если бы после этого в «Правде», которая после этой дискуссии во много раз увели-

чила свой тираж, потому что дискуссией интересуется буржуазия, если бы там было написано, что Каменев, Зиновьев и другие перерождаются в оппортунизм, — ну, что же, разве мы могли бы спокойно сидеть, когда это печатается и читается всюду? В Коминтерне тоже не секрет это обвинение.

Мы говорим: т. Троцкий, вы с нами вчера подписали единогласную резолюцию, там мы сделали все уступки, но вам не хватило терпения подождать две недели и посмотреть, как мы эту резолюцию будем проводить, и вы на второй день выступаете со статьей, в которой вы не по-нашему, а по-свойски ставите вопрос о правильности аппарата и о старой гвардии.

Так вот, когда т. Троцкий так ставит вопрос и потом все это покрывает указанием, что 46 писали, что мы страну ведем к гибели, и добавляет от себя, что это — перерождение и оппортунизм, вам, т. Троцкий, надо было бы посоветоваться с нами, которые несут не малую ответственность за всю страну. И если бы вы с нами посоветовались, может-быть, вы вняли бы нам, и мы бы вам сказали: товарищ, вы портите все дело: мы переходим на новый курс, а вы ставите вопрос так, что мы никак на новый курс не перейдем. Мы с вами много спорили, вас везде убеждали. Нам говорят: ЦК травит Троцкого. Ведь, это сплетня, а мы вам в ответ на эти сплетни говорим: хорошо, т. Преображенский, т. Осинский, мы считаем, что большинство Политбюро приняло правильную резолюцию, а вы считаете, что статья Троцкого правильна. Почему же ни на одной оппозиционной ячейке не приняли такой резолюции, что вы считаете статью т. Троцкого правильной и предлагаете партии проводить резолюции ЦК по партдемократии, руководствуясь не теми объяснениями, которые дают Сталин, Зиновьев и Каменев, а теми комментариями, которые дал Троцкий? Почему вы ни в одной своей ячейке этого не провели, а проводите резолюции: не травите т. Троцкого, не обижайте его, не ругайте его! Хорошо, не будем ругать, но политическая линия в этой резолюции правильна или неправильна? Провели ли вы где-нибудь резолюцию о том, что статья т. Троцкого правильна?

Мы сказали, что она неправильна, но я утверждаю больше, что вы сами чувствуете, что она неправильна, — иначе чем же объяснить ваше поведение? Разве можно так учить партию? Почему вы не вынесли резолюцию о линии Троцкого? Как он высказался в трех громадных статьях — правильно или неправильно? Вот как вам надо говорить. Это была бы политическая позиция, а вы об этой правильной или неправильной линии молчите и говорите только: ты не ругайся. Так нельзя ставить вопрос, так нельзя воспитывать рабочих, так никто ничего не поймет, и никто ничему не научится. Вы скажите определенно, что линия т. Троцкого неправильна, а те, кто на эту неправиль-

ную линию указал, сделали указание правильное. Если вы находите, что мы, осуждая неправильную линию, употребили неподходящие слова, то так и скажите, но вы этого не делаете. Почему же? Да потому, что я говорю, что вы сами не можете солидаризироваться с линией т. Троцкого. Мы все делали ошибки. Нет в ЦК человека, который бы не делал ошибок: и Ленин делал ошибки, Каменев делал ошибки. Почему сказали т. Троцкому: вы ошиблись насчет организационного поворота и т. д., партия поправила и давайте работать дальше? Потому что другого выхода не было, но раньше всего надо знать, кто из нас прав. Если партия скажет, что т. Троцкий прав, то мы скажем: раз партия считает, что вы правы, то давайте на основе вашей линии работать; но если партия скажет, что прав ЦК, а т. Троцкий ошибся, то придется сказать, что партия признала линию т. Троцкого неправильной, и давайте работать на основе линии ЦК. Вот как надо работать в пролетарской партии, а не стонать и канючить, что лучше бы не расходиться.

Что же нам делать, раз т. Троцкий написал это письмо? Назад его не возьмешь. Оно во всем мире перепечатано, и все говорят, что т. Троцкий считает, что ЦК РКП, наиболее влиятельной партии Коминтерна, подвергается опасности заражения оппортунизмом, как Каутский и Бернштейн. Вот в чем мы разошлись с т. Троцким.

Имеется еще один пункт. Вы знаете, что в самом центре дискуссии с самого начала стоял вопрос, который всех нас занимал, а именно вопрос о свободе группировок. В резолюции X съезда свобода группировок запрещена. В резолюции ЦК мы подтвердили резолюцию X съезда и начали проповедывать на всех дискуссиях и собраниях, что группировки мы считаем недопустимыми. Тов. Преображенский на это ответил, что если не будет свободы группировок, то все эти ваши бумажки насчет партийной демократии ничего не стоят. Тов. Троцкий в этом деле, как один из семи членов Политбюро, заинтересован немножко или нет? По нашему мнению, он заинтересован. Он пишет статьи о новом курсе, а о группировках молчит. Почему же? Потому, что высказаться ясно и определенно, резко, так, как мы высказываемся против группировок, т. Троцкий находит нецелесообразным.

Целесообразно ли от имени партии и имеет ли смысл сказать во всеуслышание, что партия группировок не потерпит, или не нужно этого говорить в такой форме, а сказать, что, с одной стороны, конечно, группировки вредны, а с другой стороны, они неизбежны. Мы считаем, что партия должна ясно заявить, что группировки недопустимы, а т. Троцкий об этом молчит или говорит таким образом, что на самом деле поощряет эти группировки. Что значит группировка? Это сговор

ряда товарищей на определенных взглядах и отстаивание этих взглядов. Есть такая группировка в Москве сейчас? Конечно, есть. Есть группировка, которая представляет организацию, отстаивающую свои взгляды; и есть другая группировка, и эта группировка свои взгляды проводит, своих ораторов на собрания посылает, о том, как провести своих членов, сговаривается, а когда надо какой-нибудь политический вопрос решить, она с т. Троцким советуется, как поступить. Чего же тут пугаться, когда мы говорим: товарищи, вы стоите на пути группировок. Ни один ученый не отличит, где кончается существо группировки и где начинается фракция.

Ни на одном собрании, ни в одной резолюции я не видал каких-нибудь практических предложений нашей оппозиции к резолюции ЦК. Я не видел, чтобы были какие-нибудь практические дополнения, предложения, чтобы кто-нибудь вышел и сказал: написано у вас о рабочей демократии неправильно, надо добавить такие-то слова и т. д. Этого нигде не было. Наоборот, говорят: резолюция правильна. А вместе с тем продолжают борьбу и как некоторые оппозиционеры говорят: резолюцию-то вы написали хорошую, а поступите вы, как царь Николай II с манифестом 17 октября... Я уж не говорю, чего стоит это сравнение ЦК партии с этим персонажем. Но какой политический смысл это имеет, если расшифровать это, если посмотреть как следует, как должны смотреть серьезные люди? Это значит: вы написали под нажимом хорошую резолюцию, но вы партию обманете, и этой хорошей резолюции в жизнь не проведете. Я требую серьезного отношения, я требую ответственности за свои слова.

Партия должна требовать от людей, выступающих перед ответственным собранием и говорящих о политике ЦК и о судьбах партии, чтобы они договаривали до конца. Эта резолюция плоха — представляй другую. Если же ты считаешь, что резолюция хороша, то из-за чего же ты дерешься, — из-за того, что ты не веришь, что ее проведут в жизнь? Тогда так и скажи: надо нынешних руководителей сместить. А они говорят: и резолюция хороша, и людей не надо менять. А драку развели такую, что всю партию трясет как в лихорадке. Поэтому я называю позицию оппозиции по вопросу о партийной демократии беспринципной. Эти неслыханные обвинения потрясли авторитет партийного руководства, Политбюро упрекали во всех грехах. Если бросившие эти обвинения не представят своей программы и не потребуют смещения лиц,— они беспринципная оппозиция. Что стало бы с партией, если бы мы пошли по этому пути, который оппозиция отдельными кусочками в отдельных выступлениях нам указывает?

Если мы подумаем хладнокровно о сумме взглядов, которые они представляют, и которые т. Троцкий покрывает, которым он не противится, то я утверждаю, что эта сумма взглядов представляет перерождение нашей старой ленинской, большевистской, монолитной, единой организации, перерождение ее в сумму групп и группочек, течений, подтечений, фракций, подфракций и т. д. Мы такие партии видали: все партии II Интернационала отличаются от нас в организационном строении именно тем, что наш аппарат отличается слитностью, отсутствием каких бы то ни было групп и фракций, а они представляют собой коалицию, блок, союз договаривающихся между собой групп, группок, течений, подгруппок, фракций и т. д. Вот чем отличается организационное строение нашей партии от любой партии II Интернационала. Вот чем мы отличаемся от меньшевистских принципов строительства. Конечно, ни т. Преображенский, ни т. Сапронов — не меньшевики. Но, анализируя сумму их взглядов, я не могу избавиться от своего 25-летнего опыта.

Когда молодым товарищам говорят о «меньшевике», то они знают меньшевика по-бумажному, а мы, старики, с меньшевиком в партии сидели, 15 расколов устраивали, против него боролись. И когда нам говорят «меньшевик», то это для нас не бумажная формула, не книжка, а живой определенный тип. И мы утверждаем с полной ответственностью за свои слова: если бы вы добились осуществления тех организационных взглядов в нашей партии, которые вы отстаиваете против ЦК и которые покрывает т. Троцкий, то это была бы партия с расшатанным аппаратом, союзом групп и течений, партия с подорванным авторитетом центрального руководящего органа. Это — типичная меньшевистская партия. Там были правые, левые, левый центр, правый центр и т. д. ЦК у них был и всегда является не руководителем, не передовым бойцом, который ведет за собой партию, а регистратором сговаривающихся групп, из которых состоит партия. Там партийный аппарат расшатан и слаб. Мы не хотим, чтобы наша большевистская партия пошла по этому пути, мы не можем потерпеть, чтобы нам расшатали аппарат, подорвали авторитет руководства партии.

Мы с вами не просто какая-то партия, не просто рабочая партия, не просто коммунистическая партия; мы — единственная коммунистическая партия, которая стоит у власти, которой для управления страной нужна именно эта монолитная слитность, которая отрицает наличность групп. Вот почему мы с такой бешеной энергией, во-первых, боремся против всяких групп, которые требуют дать свободу группировок, а во-вторых, боремся против тех, которые этому потворствуют.

Мы считаем, что здесь есть потворство т. Троцкого этому перерождению, и мы поэтому говорим: вот резолюция X съезда,—

она запрещает какие бы то ни было группировки, требуйте ее отмены, давайте бороться на этой почве. Нет, отмены как-будто не требуют, а вместе с тем всю борьбу ведут так, чтобы это перерождение партия совершила.

Поэтому наша позиция такова: вот та партийная демократия, к которой мы пришли на почве целого ряда бедствий партии. Мы ни на одну минуту не закрываем на них глаз. Мы не забываем об этих бедах; если бы все было благополучно в партии, мы бы не предложили этой резолюции. Вы говорите, что мы эти беды увидели, но поздно. Ладно. Допустим. Мы, следовательно, ошибались, мы опоздали на месяц, но мы эту беду поправляем и предлагаем всей партии поправить: вот рабочая демократия, давайте нашу партию лечить, наша собственная партия больна, но не превращайте эту болезнь в революцию, не пользуйтесь ею для того, чтобы внести в наши организационные взгляды — взгляды нам чуждые, которые представляют возрождение, отрыжку меньшевистской партии.

Я помню очень хорошо, когда с.-р. родились на свет, — а родились они на свет года через два после «Искры» — т. Ленин их называл: «мелкая буржуазия». Как «мелкая буржуазия»? «Почему ты ругаешься?» — спрашивали они. Это не ругательство, а анализ ваших взглядов, — был ответ т. Ленина. Мы анализируем ваши взгляды и находим, что в них есть отражение мелкобуржуазных взглядов. И здесь мы говорим: когда мы анализируем вашу позицию по поводу группировок, аппарата, авторитета ЦК, мы говорим, что в этом есть отражение слов, идей тех самых меньшевистских организационных взглядов, в борьбе с которыми наша партия воспиталась и возрождать которые мы не позволим. Вот суть нашей принципиальной борьбы.

И мы находим, что партия должна сказать: прав ли ЦК, который в своей резолюции ясно очертил, как он хочет партию вести, и как он предлагает партии жить, — внутри жить, — или правы те, как т. Троцкий или другие оппозиционеры, которые, с одной стороны, как-будто никаких поправок не предлагают, с другой стороны, по этому поводу развили бешеную агитацию, а с третьей стороны, делают намеки, формулировки которых для нас неприемлемы.

Мне сейчас один товарищ в кулуарах сказал: Почему вы об этом говорите? Вы говорите о чем-нибудь другом, не говорите о т. Троцком. Но в этом основной наш вопрос: кто же прав в этом споре, — мы или оппозиция? Есть печатная статья т. Троцкого, выражающая его взгляды, и мы предлагаем оппозиции сказать: мы солидарны с т. Троцким. Тогда будет определенная и ясная линия. Однако, они этого не хотят. Да почему? Да потому, что они беспринципны, а хуже всех фракций —

оппозиция, которая без принципа. Фракции и группировки мы все равно имеем. — ведь, в какой-нибудь только маленькой провинциальной ячейке можно это отрицать, — а мы, московская организация, прошедшая через все районы, через всю эту драку, мы знаем, что они существуют. Может быть, они затем распадутся, может быть, мы их, как мы надеемся, идейно расшибем, как расшибли всякие фракции раньше: была фракция «рабочей оппозиции» — расшибли, была фракция «демократического централизма» — расшибли, была фракция левых коммунистов — расшибли; надеемся, товарищи, при вашей поддержке и эту группу, и эту фракцию расшибем. Но раньше, чем ее расшибить, надо заставить ее правдиво, искренно сказать сумму своих организационных взглядов. Когда же они не смеют сказать, что они целиком солидарны с письмом т. Троцкого, когда ни одной такой резолюции в ячейках они не предложили, мы говорим: товарищи, вы произвели страшнейшую лихорадку в партии, вы поставили ее, действительно, в положение, когда весь мир смотрит, не распадается ли она. Из-за чего вы эту бучу подняли? Мы говорим: вы не имели никакого права, не имея ничего за душой, ставить партию в такое положение. Самая худшая из фракций — это фракция беспринципных. Мы все равно не избавимся от фракций, но если бы они перед нами сказали: вот наша линия, вот во что мы веруем, вот что мы хотим защищать, — тогда партия разобралась бы, знала бы, в чем дело. Но когда эта фракция питается лишь сплетнями, разговорами, что секретарь такой-то ячейки сделал то-то, тогда партия не учится на этой борьбе, а только болеет этой борьбой.

Таким образом, дискуссии в смысле сопоставления линий по вопросам внутрипартийной демократии у нас не получилось. Но вот, ЦК выпускает экономическую платформу. Нас больше всего упрекают в том, что мы хозяйством не руководим, что мы создали хозяйственный кризис. После опубликования нашей экономической платформы, думали мы, они придут и скажут: вот наша линия.

Но взглядам, изложенным в резолюции ЦК, не была противопоставлена другая система взглядов, которая бы оправдывала выдвинутые против ЦК обвинения. Никто не пришел и не сказал: мы предлагаем заменить линию ЦК, которая, на основании таких-то и таких-то фактов, не оправдала себя.

Я разберу сейчас, в чем заключается линия ЦК, и какие поправки они вносят. В чем суть положения нашей экономической политики? Мы исходили здесь из основного положения, которое дал нам т. Ленин. Тов. Ленин в последних своих статьях пишет следующее: «Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян. В последнем счете, — пишет т. Ленин, —

судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность ему, или позволит новой буржуазии разъединить себя с ним». Вот для нас начало всей премудрости и решение всех практических задач с такой ясностью, которую должен понять каждый рабочий; т. Ленин нам говорит: у нас есть блок — союз рабочих и крестьян.

Этот блок должен быть направлен против нэпмана. Это союз для того, чтобы побороть новую буржуазию. Но этот союз означает что? Этот союз означает, что крестьянин не будет колебаться в выборе между нэпманами — новой буржуазией — и рабочим классом. А на основе чего он будет выбирать? На основе того, что ему выгодно. Какая система производства крестьянину выгоднее? Ильич неоднократно говорил: крестьянин реалист, он нам благодарен, что мы дали ему землю, но на одной благодарности не уедешь. Крестьянин будет рассчитывать, какие же ему дает товары наша государственная национализированная промышленность, выгодно коммунисты управляют страной для мужика или невыгодно? И если он на простых фактах обыденной жизни будет убеждаться, что мы с вами хозяйничаем невыгодны для мужика, он будет предпочитать того, кто ему даст товар и необходимый продукт дешевле нашего. Вещь простая! И Ленин делал вывод: Коммунисты! Учитесь торговать, потому что мы войну не кончили, война идет с новой буржуазией, война за обладание крестьянством. Но война не пулеметами и ружьями, а война производством, торговли, рубля, кооперации, и в этой войне выиграет тот, кто сможет завоевать для себя, — как пишет т. Ленин, «доверие крестьян, доверие не в резолюциях и на митингах, а в обычной экономической жизни».

Мы с вами что сделали? Развязали с вами стихию мелкой буржуазии. Когда вводили нэп, сказали мужику: ты производи и своим продуктом распоряжайся, как бог на душу положит. Продавай по какой-угодно цене, кому-угодно и покупай. Мы развязали стихию буржуазных отношений, стихию отношений купли и продажи на вольном рынке. А против этой стихии что мы поставили? Нашу национализированную промышленность, наше крупное производство, — а т. Ленин нам говорит: мы с вами, товарищи коммунисты, едем на ободранной, дрянной крестьянской лошадке, а пересесть на пролетарский автомобиль не можем еще, не можем потому, что очень бедны.

Сейчас новая буржуазия не имеет еще ясно выраженных, точно сформулированных политических требований. Она еще накопляет. Но когда подкопит, когда у нее окажется материальная сила в руках, начнется процесс ее организации, про-

цесс выявления политических требований. Поэтому т. Ленин и говорит: держите во что бы то ни стало союз с мужиком; у нас 5 — 6 миллионов пролетариев и 130 миллионов мужицкого населения, и мы должны осуществлять диктатуру пролетариата не в Германии, не в Англии, где мужиков почти нет, а в стране, где громадная масса живет в условиях вольной продажи и купли. В сельском хозяйстве мы производим на 3 миллиарда золотых рублей приблизительно, а в области промышленности на 2 миллиарда. Этими 2 миллиардами мы управляем потому, что они в наших руках, а 3 миллиарда, т.-е. большая часть народного продукта, ворочается не по нашим законам, а по законам мелкобуржуазного рынка. При этих условиях нужно строить социализм, усиливать тот круг, в котором — мы хозяева, за счет того круга, где хозяином является коммерческий расчет, отдельные производители-крестьяне. Все, что имеем в виде нэп'а, — это только нарост на эти 3 миллиарда золотых рублей в виде хлеба и других продуктов, которые свободно обращаются, и мы назад не вернемся, потому что возвращение назад означало бы возвращение к пайку и к военному коммунизму. Этого сделать мы не можем! Следовательно, проблема завоевания крестьянства и вытеснения частного капитала есть основная задача.

Что показал нам кризис? Кризис показал, что мы это дело делаем очень плохо. Как политически охарактеризовать этот кризис? Мы имели перед собой стихийную массовую забастовку крестьянского покупателя против нашей промышленности. Почему? Да потому, что крестьянин не мог купить продукта нашей промышленности. Вот что мы увидели в августе, сентябре и т. д. Теперь говорят, что в этом виновато то, что плана нет. Мы говорим: пустяки! Тут перед нами первый кризис при нэп'е — кто же из коммунистов представлял себе, что нэп — это дорожка, по которой мы спокойно придем к социализу без кризисов? Тот коммунист, который так думал (а вот товарищи, которые предлагают поправку к нашей резолюции, именно так думают), тот далеко отступает от коммунистического представления о нэп'е. Мы никогда не обманывали ни себя, ни рабочий класс, будто нэп — это такая дорожка, что если взять ее, как план, то в социализм прямехонько попадешь. Нет, это дорожка с ухабами и обрывами.

Вот что писал т. Ленин в январе 1923 г., когда о «ножницах» представления не было, а он это чуял и говорил, что для спасения вот какая политика должна быть. «Мы должны постараться построить государство, в котором рабочий сохранил бы свое руководство над крестьянином, доверие крестьян по отношению к себе! В этом, и только в этом наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально,

с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономики, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которая ищет и не может не искать для себя пролетариата, на лошадь крупной машинной индустрии». Вот что писал т. Ленин в статье: «Лучше меньше, да лучше».

Так он связывал в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии. Вот почему он сказал: вся мудрость спасения диктатуры пролетариата, а следовательно, и мировой революции у нас заключается в том, чтобы уметь ехать на мужицкой лошадке, подготовляя пролетарский автомобиль, и уметь во-время на него пересесть. А что показал нам кризис? Кризис показал, что этот союз имеет трещину, и эта трещина может расширяться, потому что мы не обратили достаточно внимания на это, несмотря на то, что повторяли это неоднократно. Что получилось? Мы в этом году богаче, чем когда бы то ни было за время советской власти. Успехи нашей промышленности поразительны, и те, которые говорили и писали эти обвинения, они сами должны были бы признать, что успехи в области финансовой, промышленной, транспортной достигнуты колоссальные. Но только они объявили: это не по работе ЦК, а против работы ЦК.

А вот передо мной данные Госплана. Они говорят, что в области угля мы имеем за этот год удвоение производства, в области нефти увеличение на 25%, в области металлургии замечается огромный восстановительный процесс (по сравнению с октябрем 1923 г. мы имеем утроение производства чугуна); в области текстильной промышленности то же самое. Пусть оппозиция говорит, что это против ЦК, что политика ЦК мешала этому прогрессу, а мы смеем сказать, что если общая сумма продукции в 1923 г. составляла 20% довоенной, а в этом году 35%, то мы смеем думать, что капля меда ЦК здесь есть, что это не вопреки ЦК, а благодаря ЦК сделано. И тот, кто не будет озлоблен, кто не будет рассматривать свой ЦК, как цель для обстрела, тот это признает.

Эти завоевания ничтожны, когда мы имеем 35% довоенной продукции, а мы поставили перед собой цель не только догнать, а обогнать довоенную продукцию. Но не забудьте, что мы только два года живем после блокады, войны и голода, и все это сделано за эти два года.

Какое у нас было положение в 1920 — 1921 г.? У нас было два кризиса: кризис топливный и кризис хлебный. Мы знаем, что топливо теперь поставлено так, что ни одно из предприятий, ни один частный потребитель, ни один город не получил в этом году ни одного отказа ни в угле, ни в нефти, что топливный кризис можно считать в данной стадии разрешенным. Наша

промышленность Донбасса может удовлетворить все те потребности, которые предъявляет к ней остальная промышленность. А наш транспорт, который был в таком состоянии, что нам нужна была специальная комиссия для того, чтобы перебрасывать вагоны, он работает в течение года так, что отказа никому в перевозке не было. Два основных кризиса — топливный и железнодорожный — уже теперь разрешены. А это есть база для промышленности! Если у вас нет топлива, промышленность вы развить не можете. Хлебного кризиса мы теперь не ощущаем. Созданы основные предпосылки для дальнейшего развития той базы, которую мы имеем.

Но кризис показал, что мы с вами, будучи богаты более, чем когда бы то ни было, умудрились произвести товаров столько и таких, что мужик их не принимает, а у нас с вами заграничного рынка нет; мы не можем рассчитывать свою крупную промышленность посадить на городской и на заграничный рынок.

Когда мужик сказал: я твоего коммунистического ситца не беру, я твоего коммунистического керосина не беру, я твоих коммунистических гвоздей не беру, то что это значит? Это значит, что порвалась цепь и одним концом ударила по мужику, а другим — по рабочему. Когда наши кооперативные органы пришли в ноябре и сказали: мы не можем платить трестам и синдикатам, потому что наш товар лежит, его мужик не купил, что это значит? Мужик слишком беден, чтобы купить наш товар, а вследствие этого ВСНХ стал задумываться над тем, чтобы сократить производство. Мы, которые только что начали расти, стали перед фактом, что у нас товары лежат на складах. Отчего же это? Оттого, что нет потребности в стране? Нет! А оттого, что мы произвели по такой цене, которую крестьянский рынок не может поглотить.

Из Донбасса (мы на-днях имели доклад) нам сообщают: 75 миллионов пудов угля лежат, и никто его не берет, потому что все удовлетворены, и мы не знаем, куда их девать. Мы, которые еще так недавно кричали: всероссийская кочегарка, выручай! — мы стали задумываться, не вывозить ли уголь в Италию. Только-что начав подыматься в нашей промышленности, мы натолкнулись на стену, что крестьянский рынок так нищ, что мы товаров продвинуть не можем.

Какой наш ответ на это? Ответ такой, что, во-первых, это не случайность, что это не такая штука, которую одним планом мы могли бы разрешить. Это основная проблема поднятия платежеспособности крестьянского рынка, а чем мы его можем поднять? Денег у нас, чтобы дать крестьянину в кредит свой товар,— нет. Мы кое-что ему дали, сельскохозяйственные машины в кредит на три года. Ну, а ситец, керосин и прочее мы дать в кредит не

можем. Значит, чем мы можем ему помочь? Экспортом? Но экспорт не такое дело, чтобы его сразу поставить. Но этот рынок за время войны был захвачен другими. Значит, у нас с крестьянством может развязаться узел путем завоевания заграничного рынка, а заграничный рынок нашей ржаной муки не ест, ему подавай пшеницу, для этого нужно улучшить сельское хозяйство.

Пока крестьянин не поднялся, он наших товаров не купит; наши кооперативы лопаются, а наша промышленность стоит и думает: произвели ситец, никто не покупает, не закрывать ли заводы? И это на третий год после того, как мы, наконец-то, эти заводы пустили, как-раз в тот момент, когда мы насчет транспорта, топлива и хлеба для рабочих спокойны, и в это время проблема — мужик политически давит. Сегодня он давит своим спокойствием, тем, что он продуктов не покупает, а завтра это спокойствие кончится.

Что говорит ЦК? Продавай дешевле, не зарывайся, равняйся сейчас по мужицким силам. Помни, что если ты произведешь дорого, то ты не прибыли получишь больше, а получишь только обратный удар, что товары будут лежать, и ты должен будешь сокращать производство. Воспользуется этим нэп, частная промышленность, кустарь, которые станут между нами и рабочими. Вот для нас основная проблема, и эта проблема была для нас ясна еще до XII съезда. До XII съезда мы обсуждали этот вопрос, и когда т. Троцкий, которому мы предложили сделать доклад относительно организации промышленности на съезде, представил нам эти тезисы, то мы заметили в них один недостаток: правильно было написано насчет промышленности, хорошо было рассказано, как надо организовывать промышленность, какую нужно систему управления, как важна калькуляция, отчетность. Все это было. А мужика не оказалось. Я нарочно принес такой документ, который не показывал на наших районных собраниях, который вам, московской конференции, покажу. Это — тезисы по промышленности. Это — проект т. Троцкого, а это — поправка Политбюро.

Это та поправка, которую мы процитировали в резолюции XII съезда. Эта поправка, в которой сказано: «Сельское хозяйство имеет первенствующее значение и т. д.».

Вот какую поправку мы были вынуждены внести в резолюции т. Троцкого. Радек на одном собрании рассказывал, как это было сделано. Я этот его рассказ вам повторю. Тов. Троцкий принес эти тезисы об организации промышленности в Политбюро. Политбюро сначала сказало: это ничего себе, но потом взяло домой эти тезисы, посмотрело и заявило, что здесь забыли мужика, и предложило поправку насчет мужика. Но т. Троцкий на это сказал: «Не хочу мужика, сюда это не относится». А мы

спрашиваем: что в резолюции XII съезда имеет главнейшее политическое значение? Из чего надо исходить? Как-раз из этого места, в котором мы говорим: товарищи синдикатчики, трестовики, если вы будете гнаться только за прибылью и не будете считаться с крестьянским рынком, с мужиком, вы не наживетесь, а дадите нажиться только нэпманам, и только нэп от этого выиграет. Значит, ЦК здесь не безошибочен. Мы признаем свои ошибки. Ругайте нас за то, что мы недостаточно сопротивлялись диктатуре промышленности, недостаточно противодействовали игнорированию крестьянства, — это получило по естественной причине известное отражение в практике наших хозорганов.

Разве товарищи из оппозиции и т. Троцкий за это нас ругают, что мы недостаточно считались с мужиком? Нет! За это они нас не ругают, и вы увидите это из их поправок к резолюции, где дана центральная проблема: продавай дешевле, считайся с мужиком, восстановляй промышленность так, чтобы мужик не дал тебе удара назад, восстановляй планомерно, систематически. Мы должны регулировать цены таким образом, чтобы частный предприниматель и частный капитал от этого не выигрывали. Мы должны чистить нашу кооперацию и госторговлю потому, что это есть звено между рабочими и крестьянами: это наш орган, и он из рук вон скверный.

Что же они нам противопоставили в этой резолюции, подписанной всеми четырьмя экономистами оппозиции. Преображенский, Осинский, Пятаков и В. М. Смирнов, — это все люди не только нам всем известные, но даже люди, которые занимают в нашем государственном аппарате такое место и имеют такую власть, что они могли бы очень много в самом аппарате сделать. Пятаков, бывший заместитель председателя Госплана и заместитель председателя ВСНХ, Смирнов, председатель финансовой секции Госплана, Осинский хотя сейчас не занимает этого места, но он — бывший член коллегии Наркомфина. Недавно он был народным комиссаром по земледелию. Вот те товарищи, которые ругали нас, — что же они нам противопоставили в своей резолюции?

Мы ставили вместе с т. Лениным вопрос таким образом, что проблема завоевания госпромышленностью многомиллионного крестьянского рынка и вытеснения из него частного капитала есть долгая работа по строительству социализма, что этим мы и строим коммунизм, когда шаг за шагом отвоевываем у частного капитала и у нашего мелкого хозяйчика этот вольный рынок и привязываем его к нашей крупной промышленности. Мы говорим так: мы будем строить социализм из года в год и отвоевывать пядь за пядью.

Но приходят товарищи и говорят нам: пустяки, дело в том, что кредитная политика ваша неправильна, и у вас существует

хаотичность промышленного строительства. Если бы мы вели правильную кредитную политику, и поменьше было бы у нас хаоса в промышленности, то кризиса у нас не было бы, и мужик мог бы потреблять то, что она производит. Если бы это было так, то тогда мы бы завтра поставили во главе ВСНХ другого товарища и точно так же во главе Госбанка и других учреждений и сразу завоевали бы крестьянский рынок, и у нас был бы социализм.

Так надо понимать?

Нет, товарищи, дело не в том, что кредитная политика плоха. Мы представляем себе дело гораздо сложнее. Откуда нам научиться кредитной политике, когда полтора года тому назад мы только банк построили? Дело в том, что кризис зависел вовсе не от нашей кредитной политики и недостаточной плановости. Эти товарищи питают иллюзию насчет социалистического строительства, представляя себе эту задачу гораздо проще и гораздо легче, чем она есть в действительности...

Товарищи, вы должны сказать нам, какую директиву мы должны дать промышленности. Вы, которые продавали ситец по 41 коп., а когда мы вам приказали продавать по 27 коп., то вы и по 27 коп. продаете. Вы, которые приходили и говорили: давайте, гривенничек накинем на пуд нефти, а мы говорили: продавай по прежней цене, и то прибыль будет, и ты сможешь расширять производство. Эта политика правильная. Эта политика, которая говорит: исходи из союза с крестьянством против нэпмана, — снижай цены, режь накладные расходы, не гонись за тем, чтобы за год зарабатывать 100%, потому что этим ты мужика разозлишь, а мы налоги с мужика берем. Армию мужик содержит. Правда, мы и у рабочего урезываем заработную плату. Мы содержим госаппарат и на налоги с нэпмана. Но всего, что нам нужно, нэпман нам дать не может. Мы существуем, с другой стороны, на урезку с заработной платы рабочего класса, — это верно, — но больше всего мы существуем на то, что мы берем у мужика, поэтому мы ради союза с мужиком должны будем цены снизить. А тут приходят коммунисты, которые говорят, что мы страну вели к гибели, и заявляют: надо стремиться к максимальной прибыли.

Дальше, — что вы придумали еще? Придумали вот что. Мы написали в постановлении ЦК: «надо стремиться к активному балансу, т.-е. надо вывозить больше, ввозить тоже побольше, но разницу класть к себе в карман». Тов. Пятаков выступает и говорит: «нет, не годится, я против активного баланса, надо ввозить побольше». Мы думали до сих пор, что надо вывозить побольше и побольше ввозить, но продуктов не широкого потребления, а продуктов, необходимых для промышленности, —

сырья, хлопка, машин сельско-хозяйственного и другого производства, которых мы сами произвести не можем, а разницу обращать в нашу пользу и немножко откладывать: во-первых, война может быть, во-вторых, неурожай может быть, затем надо кончать насчет дензнаков. Долго ли можно ездить на дензнаках? У нас теперь две валюты. Одна для богатого человека — червонец, твердая валюта, а рабочим в виде зарплаты и крестьянину за хлеб мы платим дензнаками. Долго ли мы, как партия, можем ездить на этих двух валютах?

Мы в постановлении ЦК пишем: надо перейти на такую валюту, когда мы заработную плату рабочему и за хлеб крестьянину давали бы деньгами, которые не падали бы, или, по крайней мере, падали бы меньше, чем падают дензнаки сейчас. Для этого нужен запасец. Приходит т. Пятаков и говорит: пустяки, этого не нужно. Нужна товарная интервенция; нужно из-за границы ввозить продукты потребления для крестьянства. Мы говорим: на это мы никак не пойдем. Как, промышленность в наших руках, а мы из-за границы будем ввозить дешевый товар, чтобы он конкурировал с продукцией трестов, и таким путем мы будем учить тресты продавать дешевле? Ведь это экономический крах!

Вот то, что уважаемые товарищи, коммунисты, люди добросовестные, что они могли предъявить к нам в ответ на наши экономические планы? Я спрашиваю: какая же пропорция между теми обвинениями, которые они выдвигают против нас, как руководителей, и теми практическими мерами, которые они предложили? Никакого соответствия. Нельзя ставить партию на край действительной пропасти, потрясать ее авторитет в международном масштабе, когда у тебя за душой остались лишь поправочки, из которых ни одна не может быть принята, и которые вообще ничего не представляют из себя, и, если бы в итоге свести их в одно, то они не представят настоящей пролетарской экономической политики, а нечто совершенно другое.

Тов. Ларин в своей статье пытался доказать, что если суммировать, проанализировать, то это будет линия не на поддержку крестьянства, как базы нашей промышленности, а на поддержку кулацкого элемента. Я не хочу обвинять т. Преображенского в том, что он выражает тенденции кулацких элементов, — я не иду так далеко, — но все эти меры находятся в несоответствии с подлинной пролетарской экономической политикой. Вы ошиблись больше, чем думали. Ну, а если партия поверит этому, то как она должна вас назвать за это? Вы сказали, что люди ведут страну к гибели, так давайте же вашу политику. Но речь не о людях, а о том, верна ли линия партии, или нет. И когда люди говорят, что линия не верна, — а они это говорят, — тогда дайте же вашу линию! И когда вместо

линии выдвигают эти поправочки, то я говорю, что наши партийные политические расходы по этой дискуссии не окупились тем, что вы тут нам преподнесли.

Я спрашиваю у этих товарищей, имели ли они право выдвинуть против партии те обвинения, которые они выдвинули. И я перехожу к выводу по поводу экономической платформы: нет, у них не было ничего, кроме отдельных поправок, неправильных по существу, не дающих права осудить ЦК.

Поэтому я говорю: это оппозиция беспринципная. Беда не в том, что они фракция, а беда в том, что это беспринципная фракция, что это собрание товарищей, которые по различным поводам недовольны, кто секретарем, кто ЦК, кто каким-либо пробелом в кредитной политике, в плане, которые объединились, однако, не на какой-нибудь теоретической платформе, а ведут ожесточенную борьбу, не имея предъявить со своей стороны чего бы то ни было партии.

Поэтому я говорю: какие итоги этой двухмесячной дискуссии? Политическое банкротство оппозиции. Вы выступили так, что партия имела право ожидать от вас точной и ясной постановки вопроса, точной и ясной линии, ответа на все заостренные вами вопросы. Но вы поставили вопрос о партии и ее руководстве, а потом размепялись на мелочи, на анекдоты, на сказки о том, что кто-то кого-то травит, — все это хорошо, но а где то, что вы могли бы предъявить? Поэтому я называю вас, и поэтому вы в историю нашей партии так войдете, как оппозиция, которая в течение нескольких недель потерпела политическое банкротство!

Если вам не нравится состав ЦК, надо было выйти перед партией и сказать: этот состав не годится, надо его изменить, надо ввести, кроме т. Троцкого, еще двух товарищей, которые бы поддерживали т. Троцкого. Но вам совестно было так поставить вопрос, потому что по этому поводу собирается съезд, избирается комиссия и решается этот вопрос, — о чем тут дискутировать? Они затронули политическую линию ЦК, посеяли в партии боязнь: а может быть, и правда в ЦК чорт знает что творится? Может-быть, правда, нас там ведут в нэпмановское ярмо, да еще что-то скрывают, да еще ведут тайную дипломатию, да еще руководствуются не идейными мотивами, а борьбой за власть. Вы с этим вышли к партии, вы растревожили партию, а когда вам партия правильно поставила вопрос: укажите ваши взгляды, — вы вышли и сказали: «нужно заграничные товары ввозить». Вы войдете в историю как политические банкроты, — это есть не ругательство, это есть вывод из тех документов, которые прошли перед глазами всей партии.

Что же нужно делать? Какие выводы? Мы находимся и в сложном международном положении. Мы находимся накануне того, что рабочая партия в Англии может притти к власти. Вы знаете, что Макдональд завоевывает большинство, что он обещал признание Советской России своим избирателям. Там миллионы рабочих, это пролетарская страна, приход рабочих к власти имеет там крупное историческое значение, потому что эти рабочие, которым Макдональд всяческие вещи обещал, должны будут потребовать, когда Макдональд будет у власти, исполнения хотя бы не всего, ну, хоть половины, хоть четверти того, что было обещано. А он обещал прекратить безработицу, а мы знаем, что при капитализме это невозможно. Он обещал национализацию шахт, а мы знаем, что капиталисты этого не позволят. Конфликты, разоблачения вождей, которые руководят рабочим классом Англии, будут чрезвычайно сильны. Мы знаем, что Франция ищет теперь союза с нами, потому что она боится, как бы Англия не признала нас раньше, а отношения между Францией и Англией до того остры, что Франция начинает искать себе союзников и, по старой памяти, начинает вспоминать, нельзя ли в нас найти союзников. Пуанкаре боится, как бы это соглашение у нас с Макдональдом, с рабочей партией Англии не совершилось бы раньше, чем Пуанкаре получит возможность добиться союза с нами. Ведь, они рассуждают по-буржуазному. Это — два конкурента.

И в этот момент мы имеем не только кризис, мы имеем вот эту партийную дискуссию, а вы знаете, как интересуются за границей этой дискуссией и какие телеграммы оттуда идут? Вот я прочту вчерашнюю телеграмму берлинской газеты, которая приводит передовицу Ганса Корша, озаглавленную «Кризис Российской Коммунистической партии», в которой говорится, что «пока нельзя предугадать дальнейшего развития и последствий кризиса. Тот факт, что Троцкий примкнул к оппозиции, усиливает ее силы». Это вообще, но они интересуются и Москвою. «Берлинер Тагеблат» высказывает предположение, что одна треть московских ячеек поддерживает оппозицию. Вот, видите, они начинают интересоваться нашими ячейками и правильно делают. Вот я себя и спрашиваю: как же поступит наша партия в ответ на «интерес» к нашим ячейкам? Я думаю, партия должна поступить по пролетарскому методу, т.-е. открыто и прямо сказать то, что есть. Весь мир теперь смотрит на Московскую организацию; они знают, что такое столичная организация правящей партии, они знают, что если столичная организация против центрального правительства, то это центральное правительство управлять не может. А у нас ЦК, — вы сами знаете и вы дали ему эту власть, — он не только ЦК нашей партии, он центральное правительство страны, и вы, как Московская орга-

низация, я надеюсь, должны единодушно, несмотря на присутствие здесь оппозиции, сказать, что руководство ЦК было правильным, что этому ЦК Московская организация доверяет, что дальнейшее осуществление принятых решений она будет проводить под руководством ЦК, что буржуазия напрасно думает, что наши разногласия с т. Троцким приведут к кризису правительства, что партия наша заметила, что т. Троцкий сделал такие-то и такие ошибки и открыто говорит, что вот в том-то и том-то т. Троцкий ошибался, а все-таки, несмотря на эти ошибки, мы вместе с т. Троцким будем управлять партией и страной. Если вы не скажете того, что т. Троцкий действительно ошибался, тогда это будет не разрешение разногласий, а будет буржуазной слабостью, политикой меньшевиков, которая развязывает все оттенки, которая на кризисах не учится, а которая превращается в какую-то коалицию, соглашение и т. п.

Мы требуем не этого. После того, как весь ЦК буквально был обвинен, после того, как перед лицом всей партии он должен был защищаться от всех этих обвинений, мы должны получить от партии, и в первую очередь от Московской организации, точный ответ: кто сделал ошибку, кем ошибка совершена, — нами или оппозицией, во главе с т. Троцким? Скажите это, как хотите, но партия учится на вопросах разногласия только тогда, когда она сумеет сказать: вот где ошибка, вот где правда, а теперь работайте вместе.

«Вы утверждаете, что вы не фракция. Но вы, — говорил Ленин, споря с Шляпниковым, — превратили аппарат союза металлистов в аппарат распространения своих взглядов. Поэтому держать в союзе металлистов мы вас не можем». Я думаю, что Ленин был прав. Через год в Москве рабочей оппозиции не существует. Шляпников собирает по 1 — 2 голоса и только потому, что мы в зародыше задушили эту фракцию постановлением X съезда, и тем, что помешали использовать союзу металлистов эту базу. Мы обращаемся к партии и говорим: если вы, партия, не поможете в корне задавить организационную связь этой оппозиции, которая показала себя политическим банкротом, партию ожидают большие потрясения и судороги. Мы берем из оппозиции все, что есть здорового, и всегда будем брать, но мы не можем ее терпеть как организацию.

Мы не считаем, что ЦК есть собрание мудрецов, что в нем заключена вся пролетарская мудрость. Ничего подобного. Мы вместе с вами учимся на ошибках, и так как на нас лежит немножко больше ответственности, чем на отдельных ячейках, то могут быть ошибки и дальше. Но одного мы позволить не можем, — чтобы эти ошибки конденсировались, собирались и, как бомба, разрывались против авторитета ЦК и самой партии.

Этой роскоши позволить себе, а также и оппозиции. мы не можем. Мы учимся у всех оппозиций, не только у Сапронова и у Преображенского, а и у Мясникова, которого объявили контр-революционером. Но поскольку он вращался в рабочей массе и кое к чему прислушался, — и от него мы кое-чему научились. Мы у всех будем учиться и возьмем то, что есть здорового. Нужно взять то, чему партия может научиться, а то, что неправильно, осудить, не взирая ни на что, и это будет здорово как для партии, так и для товарищей.

Поэтому мы уверены, что партия из этого кризиса выйдет более сплоченной, более обученной, чем она в этот кризис вошла, но это в том случае, если мы не разменяем этот кризис на мелочи, если точно и ясно скажем: вот линия, эту линию мы одобряем, за ней идем, группировок в партии не позволим, фракции задушим в корне, преодолеем ошибки и призовем всех к общей работе.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Я выступил здесь с докладом, в котором пытался поставить вопрос о тех действительных разногласиях, которые есть у нас с оппозицией. Я требовал от товарищей одного: если вы выставили политические обвинения против ЦК, которые кратко можно формулировать так: ЦК ведет партию и революцию к гибели,— благоволите предъявить ваши способы спасения. Это вполне законное политическое требование. Но так как т. Преображенский, выставив обвинение, увидел теперь, что перемахнул, и ничего в подтверждение привести не смог ни в содокладе, ни в заключительном слове,— то, естественно, он не смог ответить на требование партии. По мнению Преображенского, страна идет к гибели, как он выразился, — «в октябре страна шла к гибели», а Преображенский разводит руками, предлагая поправки, и говорит: разногласий осталось 10 — 20%.

Нельзя же ссылаться на то, что т. Троцкий болен. Если из этого исходить, тогда я, конечно, не должен делать доклад, и мы не должны были бы разбирать этот вопрос. Сущность вопроса не в этом, а в том, кто прав: ЦК или оппозиция? Кто является самым сильным из оппозиции — Троцкий? Вы считали бы нас трусишками, если бы мы дрались с Преображенским, а о Троцком, силою которого силен Преображенский, молчали. Но мы такими трусишками не были. С т. Троцким очень неприятно и по политическим, и международным условиям для партии драться, но бывали случаи, когда приходилось драться с ним и нам, и т. Ленину, и всей партии. Сейчас вопрос этот нельзя откладывать и вследствие того, что Троцкий, будучи больным, напечатал свою статью и тем самым изъявил согласие на участие в драке.

Розу Люксембург побеспокоил Преображенский. Зачем? Если серьезно брать этот вопрос, мы скажем: всякий, кто развернет собрание сочинений Ленина, увидит, что Ленин с Розой Люксембург очень сильно спорил. Ленин в некоторых статьях называл иронически Розу Люксембург «пышная роза». Можно сказать, что это тоже не хорошо. Мало ли до чего доходили! Но т. Ленин придерживался такого взгляда и относительно Каменева, и относительно Зиновьева, и относительно Сталина и Троцкого и Розы Люксембург, и относительно Преображенского, и относительно Сапронова: когда вы, друзья мои, делаете что-нибудь неправильно, я выступаю и говорю так, чтобы партия поняла и запомнила, говорю крепко.

Поэтому я думаю, что нам нужно оставить в стороне этот плач и стон сердца Преображенского и перейти к тому, что ответили Преображенский и его сторонники на ту платформу, которая была нами предъявлена.

Здесь высказывался т. Тер и, по-моему, выступал неосторожно. Он напомнил Преображенскому Ленина, ссылаясь на то, что Ленин ограничил профдискуссию. Я думаю, что Преображенский обладает лучшей памятью, чем т. Тер, и поэтому профдискуссии он не касался. Не касался и я. Но раз неосторожный Тер говорит: учитесь у Ленина, как вести дискуссию с Троцким, то я затребовал собрание сочинений т. Ленина и хотел поучиться у него.

Беру статью: «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», * — посмотрите главу: Партийная опасность фракционных выступлений. Читаю: «Является ли брошюра т. Троцкого «Роль и задачи профсоюзов» фракционным выступлением? Есть ли в такого рода выступлении, независимо от его содержания, нечто партийно-опасное?.. Подумайте только: после двух пленумов ЦК — 9 ноября и 7 декабря, посвященных неслыханно подробному, долгому, горячему обсуждению первоначального наброска тезисов т. Троцкого (почти так же, как мы подробно обсуждали с т. Троцким проект единогласной резолюции ЦК. *Л. К.*)... один член ЦК остается *одним из 19*, который подбирает себе группу вне ЦК, и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает.

«Если это не есть образование фракции одним членом ЦК, если это не есть «некоторый уклон к крушению», то пусть попробует объяснить партии... любой из его единомышленников, какой же иной смысл имеют русские слова «фракционность» и «уклон» партии??».

Тов. Тер, вы очень неосторожно напомнили о том, как т. Ленин вел дискуссию, когда ему казалось, что в партии т. Троц-

* В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 38 — 72.

кий заводит некоторую фракционную группировку. Если вы так неосторожно поступили, то почитаем дальше, что пишет т. Ленин о том, что нам дали те товарищи, которые, во главе с т. Троцким, выступали перед партией: «1) забвение марксизма, выразившееся в теоретически неверном, эклектическом определении отношения политики к экономике». Т. Ленин умел вести дискуссию, он, как и мы, определял его выступление, как попытку фракционного выступления.

Почитаем дальше. «Сегодня, 25 января, ровно месяц прошел со дня фракционного выступления т. Троцкого. Что партия была отвлечена этим нецелесообразным по форме и неправильным по существу выступлением от деловой, практической, хозяйственной, производственной работы, отвлечена ради исправления политических и теоретических ошибок, это видно уже теперь с очень большой ясностью. Но старая пословица недаром говорит: «нет худа без добра». Про внутреннее разногласие в ЦК говорили, по слухам, чудовищные вещи. Около оппозиции ютились (и ютятся, несомненно) меньшевики и эс-эры, которые раздувают слухи, придают неслыханно злобные формулировки, сочиняют небылицы, с целью всячески опорочить, придать грязное истолкование, обострить конфликты, испортить работу партии... Всякий сознательный член партии знаком с этим политическим приемом буржуазии и знает ему цену. Разногласия внутри ЦК заставили обратиться к партии. Дискуссия показала наглядно сущность и меру этих разногласий. Слухам и клевете положен конец. Партия учится и закаляется в борьбе с новой (в том смысле, что после октябрьского переворота мы о ней забыли) болезнью — фракционностью».

Вы слышите, что писал т. Ленин три года тому назад, при первой попытке тт. Троцкого, Преображенского и Сапронова выступить против ЦК. Вот как т. Ленин вел дискуссию с т. Троцким, и, повторяю, неосторожно т. Тер напомнил об этом.

Т. Тер допустил и вторую неосторожность. Напрасно он цитировал здесь слова т. Ленина об аппарате. Не помню, сказал ли он, что эта цитата относится к 1904 г., т.-е. 20 лет тому назад, но и 20 лет тому назад т. Ленин был прав. Но он, кажется, не сказал, какое положение было тогда у т. Ленина, и почему он хотел тогда разрушить аппарат. А положение у т. Ленина было такое: ЦК был захвачен меньшевиками; Центральный орган был захвачен меньшевиками. Т. Ленин был в маленькой оппозиции и поставил своим лозунгом: сломать аппарат.

Он говорил: требую созыва экстренного III съезда (это было после II съезда), чтобы перезбрать и ЦК, и его аппарат и вместо них поставить мой, хороший. Если бы Тер здесь по-

следовал т. Ленину и сказал бы нам прямо: мы предъявляем вам такие-то обвинения и требуем переизбрания ЦК, — это была бы правильная позиция. Но если вы не можете выдержать этой позиции и сами говорите: наша платформа и ваша платформа — одна и та же платформа, то зачем же вы прибегаете к таким приемам?

Напрасно вы вспомнили т. Ленина, т. Тер, потому что вы опять заставили меня вернуться к старой книжке и посмотреть, в чем т. Ленин обвинял меньшевиков в то время, на которое вы сослались...

Т. Рафаил, для будущих ваших выступлений я дарю вам следующие слова Мартова против т. Ленина. Мартов в ответ на письмо Ленина пишет:

«Но, ведь, в практику «осадного положения» входит, между прочим, — и не может не входить, — искусственное подавление всякой оппозиции, всякой агитации, добивающейся изменения этой политики. При централистическом характере партийной организации, при значительной власти, которою наделены «центры», это должно означать систематическое давление сверху на все элементы, проявляющие самостоятельность и «оппозиционное» настроение».

«Предвкушая всю прелесть такого положения, сознавая весь разврат этого построения партии на началах систематического механического подавления каких бы то ни было частей партии,— подавления не нравственным и политическим авторитетом, подавления не силой общественного мнения, не влиянием лучше выполняемой работы, а исключительно «по уставу», «силой власти», — сознавая этот разврат, члены»...

А вот еще несколько строк. Мартов объясняет, что позиция Ленина является реакцией на царившую в партии анархию, которая и породила «тенденцию к централизму бюрократическому, по самой сущности своей неспособному органически объединять составные элементы общества, ставящему на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто-механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности; что торжество такого централизма в нашей партийной организации вызвало бы сильнейшую рознь между ее наиболее самостоятельными, наиболее политически зрелыми элементами, с одной стороны, и проводниками системы самодержавно-бюрократического управления партией». Я вам сказал, что эти слова, которые мы теперь слышим: о бюрократическом централизме, о подавлении самодеятельности, механическом подавлении, об уставе, о дисциплине, о том, что подавляется инициатива, — мы слышали эти слова 20 лет назад. Но Тер выступил с ними неосторожно, когда он вызвал меня на то,

чтобы я не только на это намекнул, но сказал бы Рафаилу и Сапронову, как Мартов говорил, что партия должна бороться против бюрократического централизма. Здесь вы никакой Америки не открыли. Вы только повторили то, что ясно и точно здесь формулировано. Кто хочет это прочитать, пусть возьмет в библиотеке книжку, она называется тоже интересно: «Борьба с осадным положением в партии». Я уверен, что завтра или послезавтра нам скажут: ЦК ввел в партии осадное положение. Только они не так остроумны, как меньшевики, не так удачно выражаются, и потому это «осадное положение» на язык не попадало, а вам, т. Тер, который работает над биографией Плеханова, следовало бы быть осторожнее.

Перехожу к следующему оппоненту — т. Осинскому. В чем заключается центр его речи? Политический центр его речи заключается в том, что на прямой вопрос: поддерживает ли обвинение 46-ти, он сказал: «да, в октябре месяце партия стояла на краю гибели благодаря тому руководству, которое ЦК осуществлял. После 5 декабря этого обвинения мы не поддерживаем». Нет, т. Осинский, больно легко вы отделались! Неужели т. Осинский действительно так доверчив?! 15 октября и даже еще 27, когда мы с ним вместе обсуждали заявление 46-ти, и он вместе с Рафаилом, Преображенским и еще кое с кем делал содоклад к докладу т. Сталина в ЦК, — даже тогда, 27 октября, ЦК еще вел, оказывается, страну на край гибели, а 5 декабря от того, что мы написали бумажку и опубликовали ее в «Правде», оказывается, уже никакой гибели нет!

Речь шла о гибели во внутрипартийной и экономической области; мы напечатали две недели тому назад резолюцию, и оттого, что мы ее напечатали, еще ничего в реальной жизни не изменилось. Что же, эта «гибель» уже прошла? Нет. Но вы теперь такое обвинение поддерживать не можете, потому что вы разбиты идейно, и поэтому прячетесь в кусты. Но мы, товарищи, так дешево этого обвинения не отдадим. Нам не часто приходится иметь дело с такими обвинениями. Партия вас спрашивает: как же спасать страну? На какой позиции вы теперь находитесь? Вы не можете ответить на эти вопросы и теперь прячетесь в кусты.

Но, если прав т. Осинский, что они — оппозиция, — прочитав 5 декабря резолюцию ЦК, сказали: «Ну, слава богу, страна ушла от гибели», и все сразу улеглось, — я тогда спрашиваю вас: почему же тт. Осинский, Сапронов и другие не пришли в ячейку и не сказали рабочим: «Товарищи, мы неделю тому назад вас подымали против ЦК, мы считали это политическим долгом, но теперь ЦК опубликовал платформу, и у нас расхождения с ним нет; давайте кончать ту оппозицию, которую мы проповедывали!»

Но вы этого не сделали. Резолюция ячейки МВО была принята до оглашения резолюции ЦК или после? После. Резо-

люция Преображенского и Сапронова, которая гласит о том, что ЦК попустительствует беспрепятственному росту частного капитала, которую они предлагали на рабочих ячейках, была принята рабочими Кремля до 5 декабря или после? Это собрание происходило в Кремле 11 декабря. Почему вы тогда не убеждали этих рабочих в том, что ЦК, наконец, принял правильную линию, и вы, товарищи рабочие, теперь этот ЦК должны поддержать? Нет, вы только и сказали: хотя резолюция и напечатана, но мы этому ЦК не должны верить, потому что он повторяет прием царя с манифестом 17 октября. Зачем же прятаться в кусты? Если разногласия только на 10%, как вы говорите, то тем хуже, ибо эти столь ответственные товарищи в продолжение месяца после опубликования этой резолюции перед рабочими и красноармейскими ячейками, районными собраниями этого не заявляли, а выносили резолюции, которые мы видели, и произносили те речи, которые мы слышали. Мы должны понимать, что дело не так просто. Вы попали в такую позицию, что вам теперь ничего не остается, как разменяться на мелочи, потому что у вас ни принципиальной позиции не вышло, ни организационной позиции не вышло. Поэтому мы вам должны сказать: если бы у вас была платформа, мы бы оправдали ваши оппозиционные шаги, вашу группировку, ибо тогда бы вы боролись за идею, за спасение революции. Но у вас не было платформы, а была фракционная политика, разлагающая партию.

Я перехожу к другому вопросу, который был так остро поставлен т. Осинским. Он заявил: «Монополию на ленинизм забрали, — т. Каменев забрал себе монополию на ленинизм». Никакой монополии на ленинизм не только нельзя взять, но даже нельзя себе представить, ибо если мы считаем себя правильными истолкователями политики Ленина, то какая же это монополия? Ведь, и т. Преображенский думает, что он правильный истолкователь политики Ленина. Кто же это будет решать? Мы же к вам приходим и вам цитируем т. Ленина. Никто не мешает и вам ссылаться и цитировать т. Ленина, а решить, кто из нас правильно истолковывает его, может только партия. Если вы нас зовете монополистами ленинизма, то этим вы хотите сказать только то, что партия считает в своем громадном большинстве, что мы толкуем правильно, а вы неправильно.

Тов. Рафаил нас поучал, каким тоном нужно говорить — тенором или басом. Сам он взял тон протодьякона и употребил свой бас на то, чтобы заявить действительно снисходительные вещи: что в партии существует фракция, возглавляемая тт. Каменевым, Зиновьевым и Сталиным, и существует только для того, чтобы не проводить новый курс. Я спрашиваю себя: ведь, всякая фракция образуется для чего-нибудь? Мы знаем очень хорошие фракции: такой хорошей фракцией, образцовой для всех

фракций, была большевистская в российской социал-демократической партии. Мы ее создали тогда для того, чтобы победить меньшевиков. Теперь спрашивается: за каким дьяволом надо Зиновьеву, Каменеву и Сталину заводить фракцию? Видимо, потому, что они не могут проводить своих идей, своих взглядов и своих желаний. Но, ведь, вы же знаете, дорогие товарищи, что в ЦК, в котором 45, а с кандидатами 56 человек, громадное большинство — 53 человека — никогда ни разу не расходились. А у этих 53 были разногласия с тремя, во главе с т. Троцким. Мы знаем еще, что когда мы собрались на совещание, о котором я вам тоже рассказывал, для решения важнейших вопросов, то там мы получили такое голосование: 102 — за Политбюро, 2 — против и 8 — воздержалось. Ну, скажите, пожалуйста, не нужно ли подозревать тт. Каменева, Зиновьева и Сталина в сумасшествии, чтобы они, имея за себя 53 голоса против 3, вздумали завести себе фракцию?

Да, товарищи, если мы завтра очутимся в таком положении, что во главе партии станет ЦК, в котором 53 товарища будут против нашей политики, будут, — я возьму самую мягкую формулировку, — иначе толковать т. Ленина, и *если мы придем к убеждению, что этот ЦК ведет страну к гибели, то я вам скажу: мы тогда образуем фракцию, мы пойдем тогда к партии и скажем: вот наша платформа, и для осуществления этой платформы мы хотим завоевать большинство партии*, чтобы скинуть тот ЦК, который ведет страну к гибели. Но, имея большинство в 53 человека, зная наверняка, что мы осуществляем волю, желания и мысли громадного большинства партии, пролетарского ядра ее, во всяком случае, — мы были бы сумасшедшими, если бы организовали фракцию, как это утверждает т. Рафаил.

Но допустим, мы, скверные люди, организовали фракцию, видимо, для самоутешения, — приятно сидеть во фракции! Оказывается, эта фракция существует для того, чтобы не проводить новый курс. Тов. Рафаил, призываю вас на минутку подумать: если вы уверены в том, что эта фракция спит и думает о том, как бы огорчить т. Рафаила, как бы не провести новый курс, то что же делать с этой группой? Ведь, ее же нужно гнать. Ведь, все то, что вы говорите, — сумасшедшие пустяки, если вы не делаете этого вывода. А если вы этого вывода не делаете, то только потому, что вы сами так не думаете. Почему же вы на собрании в тысячу человек создаете такую обстановку, чтобы рабочих уверить, что ЦК существует для того, чтобы, написав резолюцию, ее потом не проводить?

Какие у вас есть гарантии, что т. Рафаил не говорит этого в своей ячейке, в районах, не говорит об этом с теми рабочими-коммунистами, которые к нему приходят? И вы к нам после

этого приходите и говорите: зачем вы сердитесь, не волнуйтесь, давайте жить мирно. Что же мы с вами собрались свадьбу праздновать или блины печь? Мы же собрались страной управлять, в которой 400 тысяч коммунистов, и если среди них свободно разгуливают т.т. Рафаилы, которые эти пустяки преподносят рабочим, то как же мы, ЦК, можем по этому поводу не волноваться и не кричать т. Рафаилу: ты делаешь некоммунистическое дело, одумайся! Только это мы и кричим т. Рафаилу: одумайся, раньше чем говорить такие вещи!

Затем выступал т. Богуславский. Когда к т. Богуславскому принесли это заявление 46-ти, то он его подписал, но с оговоркой: насчет экономики, говорит, сгущено. Еще бы! Он на ежедневной работе в Московском Совете видел, что дело совсем не в том, что т. Каменев хочет власть удержать и потому направляет плохо экономику, — ведь, в той экономике, которую мы строим в Московском Совете, есть капля, и очень большая, меда т. Богуславского. Если нам не удается во-время заплатить заработной платы, построить жилища для рабочих, если приходится всовывать рабочим золотой заем и совершать много ошибок, которые вызывают естественное недовольство рабочих, то это не оттого, что мы не справились у т. Преображенского об его плане, по которому и рабочий должен быть доволен, и крестьянин богат, а потому, что этого нельзя было провести в силу объективных условий.

Я не верю, что т. Богуславский действительно думает, что я, Сталин и Зиновьев обиделись на 46 за то, что они неверно выразились. Тов. Богуславский хорошо знает, что не о вежливости идет здесь разговор, а здесь идет разговор о политической линии. Но т. Богуславский насчет политической линии слаб, политическая линия у него не вышла в демократическом централизме, и поэтому он переводит разговор: давайте поговорим не о политической линии, а о том, чтобы вежливо друг с другом разговаривать. Мы согласны с т. Богуславским на том, что мы будем с ним вежливо разговаривать, но только после того, как мы установим, о чем мы будем разговаривать. А я думаю, что мы разговариваем о линии нашей партии, ее политике, как рабочей, так и крестьянской, и о линии ее внутренней жизни. Вот если бы мы с т. Богуславским на этом вопросе сошлись, то тогда нам вежливый разговор было бы нетрудно установить; ну, а если бы мы на этом вопросе не сошлись, то, извините, т. Богуславский, нам надо драться, потому что драка полезна для партии. Но вы напрасно рисуете, что эта драка заключается в том, что ЦК кого-то «бьет по мордам». Пустяки! Я крикнул это с места, и это не случайное замечание, а моя попытка перевести вас на действительные политические рельсы. Мы бьем по идеям, и будем бить по идеям,

*

постольку вы поставили нас на такое место, где мы должны охранять идейную чистоту, идейную прямоту политической линии партии. Тут вы нас ничем не убедите, никакими вежливыми разговорами. Мы оказались здесь верными учениками Ленина, который учил бить до конца, если неправильны политические, теоретические или тактические воззрения, мысли или тезисы, выставляемые перед партией.

Следует ли отсюда, что надо бить и того человека, который этот взгляд выставил? Отнюдь нет. Я вам читал, как т. Ленин бил т. Троцкого. Вы слышали, в чем он его упрекал, — в забвении марксизма, политических ошибках, во фракционности. Он его упрекал в том, что вокруг этой оппозиции ютились эсэры и меньшевики. Но т. Ленин не сделал из этого тот вывод, что надо бить не только неправильные идеи т. Троцкого, что надо его вытеснить из партии, вытеснить из ЦК, вытеснить из работы. Ничего подобного. Но т. Ленин требовал одного: раньше всего надо сказать, что это неправильно, и когда это будет сказано и когда это будет поддержано всей партией, тогда мы будем вежливо разговаривать с кем-угодно и с т. Богуславским.

Мы хотим, чтобы эта дискуссия не вылилась в склоку, а чтобы товарищи колеблющиеся, у которых то или другое место болит, получили то очистительное докторское лечение, которое может провести только партия; и для того, чтобы лечить этих товарищей, нужна резолюция партии. Кто-то здесь говорил о поцелуях. Разно можно относиться к поцелуям. Внутрипартийный поцелуй — вещь веселая и очень хорошая; и объятия внутрипартийные — очень хороши, но мы себя спрашиваем: как же нам обняться с оппозицией?

Т. Ларин свидетельствует здесь, что у этой оппозиции есть хвост непролетарский. Я прибавлю: хвост разноцветный и пушистый. Эта оппозиция представляет из себя сборник. Если партия спросит Сапронова: что же, т. Сапронов, согласны ли вы с товарной интервенцией? — он почешется. Если Богуславского спросить: ты согласен насчет активного баланса? — он скажет: это меня не касается, — я в другой области оппозиция. Это не случайности, товарищи! Я называю имена не потому, что они мне нужны, а для того, чтобы показать вам, что это оппозиция сборная и отражает в себе процессы, которые происходят и в партии, и за ее стенами.

Ларин с поспешностью, иногда очень похвальной в революционере, утверждает, что эта политика отражает в себе кулацкие настроения. Я, как член ЦК, а не только публицист, потерплю, подожду делать выводы и думаю, что и ЦК тоже подождет и посмотрит: что это за процессы такие развиваются? Надо отдавать себе ясный отчет во всем. Что же мы, под стеклянным колпаком, что ли, сидим? Все политическое, что только есть

в стране, концентрируется вокруг коммунизма. Мы подвержены всему этому влиянию, и было бы чудом для настоящих материалистов, если бы мы не видели, что на нашей партии сказываются те процессы, которые происходят в стране, сказываются ослабленно, быть-может, перевернутые через коммунистические мозги, но все-таки сказываются. Мы не будем разбирать всех оттенков оппозиции, мы предоставим это публицистам, — на то публицисты и существуют, — а мы, как политическая организация, закреплять этого в резолюции пока не будем. Мы будем ждать; мы только предупреждаем, что вы идете по неправильному пути, и вашими голосами говорят другие настроения. Поэтому я говорю: если мы обнимемся с этим хвостом, то, пожалуй, выйдет неаппетитный поцелуй. Поэтому не поступить ли так, как мы советовали всегда: сначала этот пушистый хвостик отрубить, а потом целоваться. Если мы хотим отрубить хвостик, то это, конечно, не значит, что мы кровопийцы и жаждем крови. Это значит только написать в резолюции: ты ошибаешься. Посмотри, что есть в действительности. Посмотри, насколько это верно, насколько это правильно. Если Московская организация после двухмесячного обсуждения, после прохождения этого вопроса через все ячейки снизу доверху, — если она скажет: вот эти взгляды нам кажутся правильными, а эти — неправильными, вот. когда вы нам это скажете, тогда мы сможем поцеловаться. Но еще одно потребуется: так как мы знаем, что в борьбе за эти взгляды страсти разгорелись, получились группировки, создалась некоторая свобода группировок, появилась некоторая групповая дисциплина, — это несомненно, — некоторые органы превратились в органы, которые являются орудием агитации за известные идеи, то мы запрашиваем партию: можем ли мы, ЦК, поступить так, как т. Ленин поступал относительно союза металлистов, когда Шляпников пытался из этого союза организовать фракцию? И я считаю, что не только можем, но и обязаны так сделать. Я читал, напр., объяснения Биткера, который выступал содокладчиком в Сергиевом-Посаде. Я спрашиваю: есть у вас такой в Сергиевом-Посаде? (Голос с места: «Нет такого».) Почему же он явился туда содокладчиком? (Голос с места: «Святым духом».) Я тоже это подозреваю. В обычной работе он не участвовал, и, однако, является на уездную конференцию, где выступает как оратор оппозиции и говорит, что концессионный комитет получил приказ распродавать Россию, и мы, — говорит, — во исполнение этого приказа, торгуемся. Одно из двух: или партия ему верит, — и тогда мы распродаем Россию, или партия ему не верит и говорит: к рабочим тебя пускать нельзя, потому что больше вреда принесешь, чем пользы. А если имеется какой-то святой дух, который его извлек и послал в Сергиев-Посад, то какой же святой дух это сделал? Спрашивали ли

его при этом: будешь ли ты толковать о распродаже России в Сергиевом-Посаде? Те, кто его послал, ответственность за это несут или нет?

Если это в нашей организации завелось, то мы должны сказать, что дальше так организацию вести нельзя. Мы должны сказать: вот какая линия. Угодно по этой линии работать, — милости просим. Если мы на прямой вопрос о том, какой метод спасения вы предлагаете, ответа не получаем, зато мы чувствуем, что наша конференция будет названа фракционной конференцией, аппаратческой, и мы знаем, что в каждой ячейке одни будут защищать линию ЦК, а другие будут подрывать ее. Так управлять страной нельзя, и потому мы к вам обращаемся и еще задаем последний вопрос. Вопрос внутрипартийной демократии был отчасти вызван тем, что мы столкнулись с фактом возросших запросов рабочего класса к нам, с тем, что мы заметили, что наша работа недостаточно гибка, мы недостаточно живо реагируем на те запросы, которые рабочий класс предъявляет к нам. Мы видим, что рабочий класс консолидируется, больше начинает задумываться, становится более требовательным. Одновременно выделяются группы, как мясниковская и всякие другие. ЦК должен был задуматься над этим вопросом. Мы с вами не под стеклянным колпаком живем. Сегодня говорят: демократия в партии; завтра скажут: демократия в профсоюзах; послезавтра беспартийные рабочие могут сказать: дайте нам такую же демократию, какую вы завели у себя. А разве крестьянское море не может сказать нам: дайте демократию? Поэтому как политический прогноз, как мысль, которая должна быть у ЦК, я вам говорю: этот демократический поход Сапронова, Рафаила, Богуславского, Биткера, который говорил о распродаже России и пр., — не есть ли это отражение первой слабенькой волны демократии за пределами нашей партии? Об этом кто-нибудь должен подумать, а особенно тот, кто хочет жить и кто хочет диктатуру пролетариата осуществлять, и кто знает, что такое осуществление диктатуры в аграрной стране, и кто не так наивен, как т. Преображенский, у которого есть готовенький план строительства социализма. Мы знаем, что социализм мы будем строить годами, и не ружьем, и не штыком, а умением построить кооперацию, умением дешево продать мужику, умением держать мужика через сельскохозяйственный кредит в своих руках, не отдавая его кулаку или скупщику. Если мы все это знаем, тогда мы себя спрашиваем: насчет демократии вне нашей партии нужно нам подумать, когда мы эту реформу делаем внутри нашей партии? И мы говорим: следите, товарищи, как бы эта так называемая оппозиция не явилась первым стуком в дверь. Почему? Потому что жизнь ста-

новится тверже, крестьянина и рабочего начинают больше интересовать общие вопросы, и они, которые верили коммунистам авансом, которые шли за нами, которые по приказу сдавали хлеб, они не сегодня — завтра скажут: вы слышали, как ваша оппозиция про вас говорит, — как ваша партия хороша. Я уверен, что т. Сапронов на следующем собрании скажет: вон т. Каменев против демократии говорит! Я этого не боюсь и говорю: из-за того, что мы осуществляем в партии демократию, мы не должны закрывать глаза на опасность и за пределами партии.

Я, как и все члены ЦК, стою за проведение этой резолюции в жизнь, но вместе с тем мы считаем своим долгом сказать партии, что этот разнузданный демократизм, этот вульгарный демократизм, который иногда проскальзывает в речах некоторых товарищей, который иногда нравится непролетарским элементам нашей партии, что этот вульгарный демократизм есть первая ласточка, говорящая нам о том нажиме мужицкой демократии на нашу партию, без которого мы не обойдемся, и который мы в той или иной форме будем переживать, если нас от всех этих опасностей не спасет покрывающая все мировая международная революция. И вот для того, чтобы эта мировая международная революция действительно не захватила нас врасплох, чтобы мы были на высоте тех задач, которые мы перед собой поставили, чтобы мы не оказались банкротами перед рабочим классом и крестьянством, мы должны теперь от имени московской организации на весь мир заявить так, чтобы услышали рабочие в Берлине и банкиры во Франции: сказки, будто наша партия разлагается! Партия наша едина, частью она совершила ошибки, мы их обсуждали два месяца, эти ошибки мы поправим, линию ЦК считаем правильной, надеемся, что эти товарищи сознают свои ошибки, и тогда дружным усилием будем работать над общим делом!

XIII ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ.

16 января 1924 г.

Товарищи, Всесоюзная партконференция собирается после того, как вся партия сверху донизу имела возможность обсудить все важнейшие вопросы как нашей внутрипартийной жизни, так и нашей общей политики. Мы спорили горячо и страстно. Мне думается, что так страстно и горячо спорили мы потому, что страстно и горячо относимся, как коммунисты и как революционеры, к разрешению тех основных задач, которые стоят перед нами. Мы знаем, что этот горячий спор в рядах нашей партии породил всякого рода несбыточные надежды, мечтания среди наших классовых врагов. Однако, партия в процессе уже самого обсуждения показала, что из этой дискуссии она выходит сплоченнее, с более отточенным оружием коммунистической борьбы, чем когда бы то ни было. Конференции придется подвести итоги этой дискуссии. Мы абсолютно уверены, что она покажет, что партия в громаднейшем своем большинстве сплочена вокруг одной определенной политической линии, которой она руководилась в продолжение 6 лет напряженного строительства коммунизма и напряженной борьбы со всеми нашими классовыми врагами. Конференция покажет, что партия наша была, есть и будет едина. Конференция покажет, что наши враги, рассчитывающие на расшатывание партии или на подрыв ее авторитета, еще раз ошибутся, как неоднократно ошибались они в течение 6 лет.

Мы приступаем на этой конференции к подведению итогов нашей дискуссии в полном сознании единства нашей партии, неизменной верности ее тем заветам борьбы, которым учил т. Ленин, и с твердой уверенностью, что единая партия с этим компасом в руках победит все препятствия и обеспечит торжество коммунистического дела во всем мире.

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.

Товарищи, партия поставлена в такое положение, когда к обвинениям т. Пятакова, его поправкам и его речи мы должны отнестись с особым вниманием. Тов. Пятаков и вся его группа поставили партию в такое положение, когда мы должны в поправках искать определенную политико-экономическую линию. Мы с вами спорили два месяца о демократии. Ведь, никогда для большевиков демократия, даже внутрипартийная, не была самоцелью: для нас это — форма, для нас это, прежде всего, возможность обсуждать основы партийной политики. Вот почему, когда появилась резолюция ЦК об экономической политике, мы, признаться, — как надеюсь, и вся партия, — с особым вниманием, с особым волнением ожидали: — ну, что же скажут те товарищи, которые страстно добивались свободного обсуждения, конечно, не ради того, чтобы обсуждать свободу обсуждения, а ради того, чтобы выправить все неправильности, чтобы иметь возможность выявить свою собственную линию.

Мы, ведь, не можем не помнить, что т. Пятаков и его группа, которая почти сплошь состоит из членов наших руководящих партийных учреждений и из членов правительства, предъявили нам обвинение, которое здесь т. Евдокимов очень кстати вам напомнил. Три месяца тому назад со стороны т. Пятакова, члена ЦК, члена правительства, было предъявлено обвинение в том, что экономическая политика ЦК противодействовала всем успехам, достигнутым нами в области хозяйства, и что она ставит партию перед перспективой приостановки этих успехов и перед тяжелым экономическим кризисом. Ведь, это обвинение не снято. Прошло всего три месяца с тех пор, как не только ЦК партии, но и Советскому правительству рядом ответственных работников было предъявлено обвинение, которое кратко можно формулировать так: политика ЦК в области хозяйства ведет страну к гибели.

Ответственные члены партии имели право предъявить это обвинение, если они действительно готовы были перед партией это свое обвинение поддерживать и если сами они обдумали те средства, при помощи которых можно спасти партию от этой гибели. Они ввергли партию в лихорадку, партия болела три месяца, и мы, естественно, ожидали на нашей партийной конфе-

ренции объяснений по поводу всего этого. ЦК представил партии итоги своей политики, и в его резолюции указана линия, по которой он пойдет. Где же ваши итоги? Где же ваша линия? Партия обязана потребовать у вас ответа, потому что демократия не только дает права, она накладывает и обязанности. Этих обязанностей перед партией т. Пятаков и его группа не выполнили, поскольку они явились к нам не с какой-нибудь определенной линией, а с предложениями, которые, если б разобрать их по существу, представляют из себя только какие-то отдельные поправочки, да к тому же еще неправильные.

Когда резолюция ЦК была напечатана, тт. Пятаков, Осинский, Преображенский и Смирнов ответили на эту резолюцию своей резолюцией, в которой они дали следующую общую характеристику нашей линии: «Резолюция Политбюро ЦК об очередных задачах экономической политики представляет в большей своей части изложение постановлений XII съезда РКП, с добавлением, однако, некоторых сомнительных новых положений и с пробелами в отношении некоторых назревших вопросов».

Вот как они реагировали на нашу резолюцию. Четыре экономиста, четыре члена правительства, по поводу общей линии ЦК 15 октября сказали, что эта общая линия гибельна для страны, для революции, для наших международных успехов, и если затем они приходят и говорят: «что же сделало Политбюро. — оно переписало резолюции XII съезда (в этом оно право), но вместе с тем оно добавило вещи сомнительные, а назревшие вопросы прозевало», — если так, то эту резолюцию надо отвергнуть. Резолюцию XII съезда мы писали в марте, до раздвижения «ножниц», до тяжелого экономического и политического кризиса, который разразился осенью. Если ЦК нашей партии с марта по декабрь не научился ничему, кризис прозевал, а выводы, которые сделал из кризиса, сомнительны, если нас хватило только на то, чтобы переписать резолюцию XII съезда, то такой ЦК не заслуживает вашего доверия. Такому ЦК, который способен только отделываться жалкой перепиской прежних резолюций, вы не можете доверить руководство партией.

Но в том-то и беда, что эти товарищи, грозные на словах, не смогли ни подтвердить, ни поддержать того, что говорил т. Пятаков и другие. Я понимаю, что большевик может признать, что линия ЦК ведет к гибели, — раз так, он должен выступить против ЦК, — и они выступили. Ведь, когда они написали в своем заявлении, что мы ведем страну к гибели, когда они пустили это заявление по ячейкам, когда оно распространилось по низовым партийным (в том числе и гарнизонным) ячейкам, когда там это заявление переделывалось в простецкие ячейковые постановления (относительно этого я еще потом скажу), когда на этих ячейках говорили, что ЦК не только не заметил кризиса,

но что он сам повинен в нем, что он сам позволил наживаться нэпманам, — то это было решительное выступление против ЦК. Если ты уверен, что перед тобой задача спасения партии, спасения революции, что ты прав, то ты не должен в таком случае убегать в кусты после первого отпора, а должен знамя восстания крепко держать в руках. А на деле достаточно было маленького отпора, предъявления некоторых фактов, чтобы товарищи, выдвинувшие обвинение против ЦК, сбежали в кусты. Да, они сбежали. Ведь, т. Пятаков имел возможность притти и сказать здесь, что линия ЦК правильна. Ну, а как же насчет тех рабочих, к которым вы посылали Биткеров, Сапроновых, Дробнисов и пр.? Им-то вы не сказали, что ваши обвинения ЦК были неправильны!

Вот в чем главная политическая ошибка этой оппозиции, которая в области определения основ нашей экономической политики показала себя полным банкротом. Короли действительно оказались голенькими.

И мы теперь принуждены созерцать голеньких тт. Преображенского и Пятакова. Но это зрелище, которое не очень приятно для партии.

Я перейду к рассмотрению того, что же эти товарищи могли нам тут предложить. Они пытаются построить свою оппозицию на том, что мы недостаточно отдаем себе отчет в борьбе между нэповской и социалистической линией. Но это действительно ребячество. Мы предложили вам резолюцию, которая исходит из необходимости такой борьбы, как из абсолютно аксиоматического положения. Мы не желаем оставаться в приготовительном классе. То, о чем товарищи говорят, есть борьба нэп'а и социализма. Да, это три года назад, когда мы вводили нэп, мы уже сказали. Ведь, в том, что мы развязали буржуазную стихию, и заключается весь нэп. И наша задача состоит в том, чтобы противопоставить этой буржуазной стихии, мелкобуржуазной стихии, организованное социалистическое хозяйство и шаг за шагом оттеснять частный капитал, который мы с вами развязали. И вот через три года приходят и хотят партию перевести в этот приготовительный класс. Мы должны из этого сделать выводы. Кризис научил нас не тому, что у нас есть нэп. Кризис научил нас другому. Вот в чем суть. Вся трагедия заключается в том, что наша промышленность, поднявшись только до 35% сравнительно с довоенным уровнем, уперлась в неплатежеспособность и узость крестьянского рынка, а наша социалистическая промышленность не имеет заграничной базы, не имеет и базы в городе, ибо город не представляет собою ту широкую базу, на которой будет развиваться социалистическая промышленность. Мы должны нашу социалистическую промышленность опереть на широкий крестьянский рынок. И вот оказалось, что на третий год нэп'а, имея только 35% довоенной продукции, мы не можем

реализовать эту продукцию на внутреннем рынке. А если мы завтра достигнем того, чего мы все хотим не 35%, а 40% — 50% довоенной продукции, то будет, очевидно, еще хуже. Тогда нам придется свертывать эту промышленность, ибо мужик продуктов ее купить не может. Вот в чем основа проблемы. Здесь не обманете словами о том, что у нас есть нэп, и, кроме того, есть социалистическое хозяйство. Еще до всякого кризиса год тому назад т. Ленин писал, — и мы можем вписать в резолюцию именно это, а не школярские упражнения т. Пятакова: «Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов — рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и нэпманы, т.-е. буржуазия. В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст нэпманам, т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, разделить себя с ними». Вот основа нашей политики. Нужно ли нам, чтобы через год после кризиса, вместо практических предложений, т. Пятаков повторял эти ясные, точные, классовым образом сформулированные слова и повторял их не в чеканной классовой формулировке, где речь идет о борьбе классов, где ясно вырисовываются три класса,— а в школярской, в расплывчатой форме, говорящей о системе организованного социалистического хозяйства. Не этим болеет партия, не об этом идет речь. Приведенное положение т. Ленина есть исходный пункт, а мы должны переходить к практике, ибо общими положениями ничему не поможешь. А если еще к этим общим положениям, как это делают тт. Пятаков и Преображенский, мы добавим здоровую дозу паники, то мы совершенно исказим перспективу.

Что общего у тт. Красина, Пятакова и Преображенского? Внешность, как-будто, различна. Тов. Преображенский выступает против нэп'а. Тов. Красин приходит к нам и говорит: вся беда только в том, что вы недостаточно привлекали иностранный капитал, что вы недостаточно расширяли сферу нэп'а. Ибо иностранный капитал — это капиталистический способ производства, которому мы уступаем известную часть из того, что принадлежит нам. Таким образом т. Красин считает, что ошибка именно в недостаточном привлечении иностранного капитала. Я не знаю, ошибка это или нет, но мне хотелось бы услышать от т. Красина заявление о том, что этот иностранный капитал к нам лез, просился, а мы его отталкивали. Нельзя же в самом деле так представлять дело партии. Но пройдем мимо этого. Что говорит т. Преображенский? — Вы слишком много отдаете нэп'у. А что общего у т. Преображенского и т. Красина? Общее у них — паника, неверие в то, что элементы социалистического хозяйства действительно растут в нашей бедной, нищей, ограбленной России. Может-быть, нам придется вести это восстановление и без иностранного капитала,

и не нужно нам читать лекции о том, что хорошо бы впрыснуть в народное хозяйство хорошую дозу иностранного капитала. Да, конечно, мы пошли бы на это, если бы это было нам выгодно, если бы прибыль от этого иностранного капитала для нашего социалистического государства была больше чем то, что мы должны за это заплатить. Но представил ли нам т. Красин на рассмотрение, такие предложения иностранного капитала, относительно которых мы могли бы сказать: да, это выгодно для нас... А т. Пятаков пишет: «зародыш товарной капиталистической системы значительно вырос, окреп и грозит в дальнейшем своем развитии неисчислимыми опасностями лишь только еще складывающимся зачаткам социалистической системы хозяйства». Это т. Пятаков предлагает партийной конференции принять и тем самым сказать перед лицом всего мира, что на седьмой год существования нашей республики у нас имеются «только еще складывающиеся зачатки социалистического хозяйства». То, что у нас промышленность национализирована, транспорт национализирован, внешняя торговля тоже, вся кредитная система в наших руках, земля социализирована,— все это «еще только складывающиеся зачатки социалистического хозяйства»?

Что мы плохо хозяйничали, это мы знаем лучше т. Пятакова. Т. Ленин на каждом съезде выходил и говорил, что плохо умеют коммунисты торговать, производить, доказывать крестьянину на деле, что ему выгоднее коммунистический способ производства, чем частно-капиталистический. И т. Пятаков на основании отрицательной оценки этой плохой будничной работы, которую надо все время исправлять, делает вывод о «только еще складывающихся зачатках социалистической системы хозяйства». И это он предлагает принять не в дискуссионном клубе, не в социалистической академии, не на собрании школяров от социализма, а от имени правительственной партии, и объявить всему миру. Ведь, вы этого хотите, для этого вносите поправки? Но это же полное политическое банкротство, отсутствие живого чутья. Вы вычитали это из книжек немецких профессоров и преподносите правящей партии. Что мы будем годами завоевывать крестьянский рынок, это абсолютная правда. И вы должны помогать завоеванию этого рынка, а не подносить нам плоды собственной паники.

Вот основные проблемы, которые перед нами стоят. Мы в своей резолюции говорим: «Вопрос о соотношении между государственным и частным капиталом в области хозяйства является в данный момент важнейшим вопросом, ибо он предрешает вопрос о соотношении классовых сил пролетариата, базирующегося на национализированной промышленности, и новой буржуазии, базирующейся на стихии вольного рынка».

Как видите, т. Пятаков, мы тоже не забыли, что мы строим не что-либо иное, а коммунистическое общество, и что темп по-

строения этого коммунистического общества зависит от соотношения национализированной промышленности и частного капитала. Но выводы отсюда какие? «Всякое усиление кооперации (читаю из резолюции ЦК) и государственной торговли и расширение поля их деятельности представляют расширение сферы социалистического хозяйства. Всякое же ослабление позиции кооперации, государственной торговли и промышленности и усиление позиции частного посредника, скупщика и торговца представляют расширение сферы господства буржуазных капиталистических отношений». Что вам нужно еще, кроме того, чтобы попытаться уязвить ЦК и внести элементы паники, которых нет во всей нашей партии, потому что для этого нет объективных условий. Вопрос, по-моему, совершенно ясен и прост. Попытка тт. Пятакова и Преображенского запугать партию, убедить ее, что у нас задачи построения социализма погребаются этим наступлением частного капитала, — эти элементы паники должны быть отвергнуты целиком. Но что они предлагают? — План. Выступление т. Пятакова было бы смешно, если бы не было так грустно. Грустно потому, что людей мало, ответственных людей еще меньше, что одни из лучших товарищей, которых мы привлекли к самой ответственной работе, приходят сюда с такими смешными, детскими, ребяческими представлениями. Перехожу к вопросу о плане. Теперь модно повторять: нужен план, план и план. Неужели партия считает ЦК настолько наивным, что он, имея в виду управление громаднейшими богатствами, не сознает необходимости плана? За кого нас считают, за кого нас считает т. Пятаков? Известно, что когда посылается человек приказчиком в ГУМ, мы говорим ему: ты должен составить план. Когда мы ставим человека во главе треста, мы тоже говорим ему, что нужен план. А по отношению к управлению громадным государством мы-де не поставили себе задачей иметь план, и т. Пятаков пишет: «вы скептически относитесь к плану». Нет, не к плану, а к бюрократическому извращению плана скептически относимся мы, к такому пониманию плана, когда он сводится к попытке военного командования промышленностью. К этому бюрократическому наскоку и к попытке военного командования промышленностью мы относимся скептически и будем здесь бороться. Мы знаем, что есть лихие наездники, и опасаемся, что если таких лихих наездников посадить на мужицкую клячу, на которой мы едем, то они и эту клячонку загонят, и телегу разобьют, а нам на ней надо ехать. Тов. Пятаков говорит: «не подошли еще к постановке задачи об управлении государственной промышленностью, государственным хозяйством». Я вспоминаю, как т. Пятаков сам говорил: «в апреле этого года мы создали закон о трестах». Подумайте, в апреле 1923 г. Советская Россия дошла до того, что написала закон и определила права и обязанности

треста. Через несколько месяцев после этого мы реорганизовали СТО и из междуведомственной комиссии превратили его в орган управления и т. д. Мы шаг за шагом идем вперед, к тому, чтобы действительно иметь план не бюрократический, не такой, который был бы пустым командованием, который обрекает нас на провал; а чтобы наш план не был пустышкой, нужны предварительные элементы этого плана. Какой мог быть план, когда у нас не было твердой мерки в нашем хозяйстве? Давно ли мы создали с вами эту мерку в виде червонца? сколько времени она у нас существует? Давно ли мы с вами установили систему государственного кредита? А как же вы без кредита, без возможности в определенные моменты бросать определенные суммы денег в те или иные отрасли народного хозяйства, как без этого вы будете планировать? Не будет ли это часто смешной вещью? Когда создали мы государственный банк? Когда он смог стать регулятором кредита? Все это надо исчислять месяцами. Когда мы с вами дошли до того, что не только ваш губернский бюджет хотя бы на полгода дает вам план вашего управления, но когда мы с вами у себя в центре можем сказать, что мы на три месяца вперед столько-то расходуем на Наркомпрод, столько-то на Наркомпрос, и т. д.? Все это завоевания последних дней. Ведь, без этого все разговоры о плане были бы безусловно школярством, которое только и знает: нужен план, — но которое не представляет реальных жизненных условий осуществления этого плана. Когда я, немножко провоцируя т. Пятакова, спросил его: скажите, ну как же нужно управлять государством, — он сказал (я это прочту по его стенограмме):

«Мы имеем целиком национализированный транспорт, имеем определенную банковскую систему, имеем некоторые государственные торговые предприятия. Все эти части должны быть объединены специальным органом. Я не знаю, будет ли это реорганизованный СТО или будет создан для этого специальный орган, который будет ведать специально делом управления государственным хозяйством. Но должен быть некоторый оперативный орган, который будет, с одной стороны, учитывать все наше государственное хозяйство, с другой стороны — давать соответствующее направление деятельности отдельным отраслям хозяйства. Этот орган будет иметь специальную задачу, над решением которой мы будем работать не один год, — задачу управления государственным хозяйством. Не надо придавать ему другие функции, но надо подчинить всю его деятельность правительству. Вот как я рисую себе в самых общих чертах постройку этого дела. Может-быть, этот мой подход неправилен».

Да, правилен, правилен, — что же сказать? Поскольку, как вы видите, у нас есть транспорт, финансы, банк, внешняя, внутренняя торговля, промышленность, постольку надо, чтобы было одно

место, где все бы это увязывалось. Так это место и называется: Советское правительство, и больше ничего. «Может-быть, мой подход неправилен?» Правильный подход, но детски-школярский подход. Такой, за который совестно, когда т. Пятаков это излагает. Да, конечно, все это есть, и всем этим нужно управлять, и все это нужно согласовать, и для этого сидит Советское правительство, которое законы, общие нормы пишет в Совнаркоме, а для увязки всех этих народно-хозяйственных процессов—и финансов, и транспорта, и торговли, и промышленности — создано СТО, который мы несколько месяцев тому назад реорганизовали. Что же, т. Пятаков, вы член СТО, постоянный участник работы Совнаркома, придите и скажите нам: надо СТО реорганизовать, ввести таких-то людей. Вот, когда я еще не знал, к а к о й у т. Пятакова план, я думал, что у него что-то есть, а все свелось, оказывается, к тому, что СТО работает плоховато. Верно, товарищи: и СТО, и Совнарком, и все остальные наши государственные учреждения работают еще плоховато. Если только э т о хотел сказать т. Пятаков, какое же право вы имели поднимать на этой почве лихорадку в партии? Мы знаем сами, что за шесть лет мы не научились еще как следует управлять. Это факт. И т. Ленин, открывая каждый съезд, говорил: «Мы наделали кучу ошибок, которые нужно исправлять. Но только всегда он прибавлял: «не исправляйте, не лечите этих ошибок по тем рецептам, которые предлагают тт. Осинский, Преображенский и Сапронов»... Теперь надо прибавить еще: «и т. Пятаков». Ошибки эти несомненны. Но по тем школярским прописям, которые предлагает т. Пятаков, лечить их нельзя.

Теперь перейду к некоторым практическим предложениям его. Я буду очень краток. Это общие соображения тт. Пятакова и Преображенского. Что они конкретно нам предлагают?

Вопрос о ценах. Мы говорим: так как поднявшаяся на 35% промышленность не может опереться на крестьянский рынок, то вот директива — снижай цены, учись производить дешевле, умей продавать так, чтобы крестьянин мог купить. Просто, очень просто, товарищи, но все-таки мы с вами будем над этим работать годами. Если мы не научимся производить дешевле, продавать посредством гибкого аппарата, без чертовских накладных расходов, и давать цены, приемлемые для крестьянского рынка, мы в аграрной стране социализма не построим. Вот факт, и поэтому т. Ленин был прав. Теперь только мы начинаем понимать, как гениально был прав т. Ленин, когда два года тому назад сказал: очередная задача коммуниста — учиться торговать. А что показал кризис? — Неумение торговать. Торговле надо учиться не на этих самых широких декларациях и декламациях, которыми нас занимают, а на практике.

*

Тов. Преображенский и т. Пятаков делают вывод: нэпман наживается. Да, конечно, на наших ошибках учится нэпман. Положение теперь такое, что если копейка упадет с государственного стола, она не улетучится к небесам. Если копейка с нашего стола упала, то она отложилась в кармане нэповской буржуазии, и не только как экономическое накопление, а как базис для политического капитала. Это факт. Мы на это шли, когда вводили нэп. Ведь, нэп не в том, что у нас шикарные рестораны в Москве, а в том, что в нашем общегосударственном производстве крестьянство дает продукции на три миллиарда рублей, а промышленность на два миллиарда. На два миллиарда мы производим в сфере социалистического хозяйства. Тут мы хозяева, тут мы управляем и говорим: столько-то производи, столько-то отложи в запас, столько-то продай, такую-то прибыль возьми и т. д. А на три миллиарда продукции, — т.-е. большая доля всего национального производства, — обращается в условиях частной конкуренции вольного рынка. Вот в чем суть.

Если у вас нет смелости сказать: надо прекратить свободное обращение продуктов сельского хозяйства и вернуться к военному коммунизму, к продразверстке, к пайку, тогда не путайте вопроса о свободе крестьянина располагать продуктами своего труда с тем, что на этой базе развертываются, конечно, капиталистические отношения. Это верно. Но как с ними бороться? мы говорим по этому поводу в своей резолюции: усиливай позиции государственной торговли, кооперации, промышленности, вытесняй частный капитал, овладевай частным рынком. Вот здесь помогите нам, вот здесь придите, т. Пятаков, но не с приват-доцентскими лекциями, а для того, чтобы сказать по-деловому; не пугайте нас частным капиталом, который зарабатывает. Да, он зарабатывает и будет зарабатывать, поскольку мы не будем укреплять с в о и позиции.

А вот вам обвинительный акт, но не против частного капиталиста, а против обвинительного акта т. Преображенского и т. Пятакова — только-что розданная книжка, которая называется «Кооперация в деревне, как она есть», с предисловием Микояна. Книжка эта написана т. Дейчманом на основе работ Юго-Восточного Бюро ЦК. Вот перед нами диаграмма. Она рисует движение спички от фабрики к крестьянину. (См. диагр. № 1.)

Если принять за сто цену спички при выходе с фабрики, то на следующем этапе — выходя из треста, синдиката — она стоит уже не сто, а сто девяносто шесть. Следующий этап — Центросоюз; оттуда спичка выходит стоимостью в двести семь. Из Центросоюза она идет в Ростовскую контору Центросоюза и выходит стоимостью в двести пятнадцать. Затем — в Донобсоюз и оттуда она выходит стоимостью триста тринадцать. Затем идет в Миллеровское отделение (это все, товарищи, практика, жизнь) и по вы-

ходе оттуда стоит четыреста семь. Из Миллеровского отделения спичка прибывает в Чертковский пункт и стоит здесь четыреста пятьдесят пять и, наконец, попадает в сельское ЕПО, где крестьянин получает ее за пятьсот семнадцать.

Вот обвинительный акт против нашего неумения торговать. Тут мы частного посредника не видели вовсе. Тут все идет по линии нашего государственного аппарата, все идет в пределах нашего социалистического хозяйства: фабрика и кооперация, и тем не менее то, что стоило на фабрике с т о, крестьянин получает за п я т ь с о т с е м н а д ц а т ь. И вот такая работа, которая проделана Ю.-В. Бюро ЦК, она дает ощущение практической жизни, она во сто раз ценнее для партии, чем декларации и декламации, которые мы здесь слышали. Если мы не сосредоточим все усилия партии на том, чтобы производить дешевле, продавать дешевле, если мы не добьемся, чтобы крестьянин не получал этих спичек в пять раз дороже, чем они обошлись нам самим, то мы ничего не сделаем. Здесь начало всей премудрости в деле установления действительной смычки с крестьянином. Смычка перешла из области профессорских рассуждений и деклараций в область чистой экономики. До этого мы дошли: экономика стала политикой, и цена аршина ситца стала политической проблемой. Разве эти люди это понимают? Разве у этих товарищей есть какой-нибудь нюх в этом? Мы, говорят, не понимаем, что такое максимум и что такое минимум прибыли. Минимум прибыли, говорят, равен нулю. Бедненький т. Преображенский! А я ему скажу: возьмите, т. Преображенский, резолюцию ЦК, где говорится о минимуме прибыли, и прочтите (и вам советую, товарищи, прочесть), чтобы у вас не осталось ни малейшего сомнения в том, что здесь говорится. Мы пишем: «однако, ошибочно с точки зрения социалистического строительства, когда в цены продуктов сверх себестоимости и необходимой минимальной прибыли включаются расходы на такое быстрое восстановление и расширение основного капитала, которое явно не под-силу в данный момент основной массе населения страны». Что же т. Пятаков такой непонятливый, что не понимает, о чем идет речь, не понимает, что мы говорим о т е м п е восстановления основного капитала и говорим: восстанавливай в таком темпе, чтобы мужик не сложил руки и не сказал: я коммунистического производства не приемлю. Ведь, мы не даром написали на той же странице, что «мы должны добиваться того, чтобы каждый массовый потребитель, рабочий и крестьянин, ясно сознавал преимущества кооперативной и государственной торговли, государственной организации ее перед ее организацией на началах частного капитала». Что же, мы мужика убедим резолюцией? Нисколько не убедим. Этим мы только дискредитируем государственное хозяйство перед мужиком. И если частный капиталист, кустарь, даст ему эту спичку

вместо 517 за 300, конечно, каждый крестьянин скажет: коммунист организует хозяйство плохо, а частный капиталист хорошо. А если мы примем поправку т. Пятакова, дадим крестьянину дешевый иностранный товар, то мы дадим ему подтверждение правильности такого взгляда. Рядом с нашей спичкой и сахаром т. Пятаков предлагает дать деревне заграничный и частный сахар и спичку, по еще более дешевой цене, для того, чтобы устроить смычку между верхушкой крестьянства и заграничным капиталистом, для того, чтобы крестьянин получал не наш коммунистический продукт, но продукт заграничного рынка. Заграничный капиталист производит дешевле, конечно, потому, что он производит в более массовом масштабе, на более высокой технической базе и т. д., потому, что в его распоряжении мировой рынок; и он может для того, чтобы нас убить, чтобы дискредитировать коммунистическую организацию производства, дать бросовые цены, дешевые цены. Международный капитал достаточно богат, чтобы это сделать, и он пойдет на это, ибо он будет учитывать политические последствия. А здесь выходят, не понимая ни смысла этой диаграммы (см. диагр. № 1), ни реального соотношения классов в деревне, и предлагают товарную интервенцию вместо политики снижения цен.

Политика снижения цен не есть панацея. Это политическая директива, которую мы даем, чтобы мужик видел, что мы, коммунисты, учимся и хотим учиться производить для него дешевле, и хотим научиться тому, как эти 15 ступеней, которые проходит товар от фабрики до деревни, уничтожить и довести продукцию непосредственно до деревни. Когда мужик читает эту резолюцию, он говорит: коммунисты думают, как построить хозяйство так, чтобы оно было для меня выгоднее, — и союз с крестьянством укрепляется. А когда т. Пятаков заявляет: цены не снижай, что такое максимальная и минимальная прибыль — я не знаю, ввози заграничные товары, — он устраивает смычку между иностранным капиталистом и верхушкой крестьянства. А между прочим, т. Преображенский против нэп'а, он пишет, как должен мыслить социалист, а как строить социализм в аграрной стране — этого он не знает. Когда нам нужно послать куда-нибудь человека с твердой рукой, чтобы подобрать разлетевшихся птичек, Пятаков хорош. Но если ему на минуточку дать руководство, дать такой пост, который требует понимания классовых отношений, тут полное банкротство. Что же нам делать? Мы должны один из выводов этой дискуссии, грустных выводов, сделать твердо: хороший администратор иногда бывает очень плохим политиком, что здесь перед нами и засвидетельствовано.

Что значит, если мы пишем: «не включай в цены такой прибыли, которая дает тебе возможность восстанавливать промышленность темпом, невыносимым для крестьянства?»

Я приведу вам фактический пример. К нам пришли месяца три тому назад наши работники по нефти и заявили: просим разрешения поднять цену на пуд нефти и вместо 34 коп. брать 54 коп. Мы спрашиваем: как слагается эта цена? Они отвечают: половина — это себестоимость нефти, а еще половину мы кладем на восстановление и расширение производства. Первый вопрос, совершенно естественный, который я задал этим товарищам, был следующий: позвольте, а вы подсчитали, может ли наша страна в 1923 г. на каждом пуде нефти давать 100% на восстановление нефтяных промыслов или не может? Ведь, это, казалось бы, естественный вопрос. И на этот вопрос мы ответа не получаем, и мы говорим: не продавайте так, не стройте так нашу промышленность, этого мужик наш не вынесет. Это есть превращение данной отрасли промышленности в насос, который выкачивает все средства из народного хозяйства. Посмотрите, какая любопытная классовая картина разыгрывается на этой почве: мы произвели 300 миллионов пудов нефти, из них 90 миллионов мы не можем реализовать. Это значит, что при производстве в 300 миллионов пудов мы, удовлетворив все потребности государственной промышленности, транспорта и т. д., имеем 90 миллионов пудов нереализованных, а к нам приходят и говорят: дайте нам себестоимость нефти и столько же на восстановление и на дальнейшее расширение производства. Кто же должен подумать о том, что это дело надо увязать с состоянием нашего крестьянского рынка? Конечно, не тот коммунист, которого мы послали на нефть. Мы имеем там несколько очень хороших коммунистов: т. Серебровского, т. Коссиора, — не того, который здесь выступал, а другого, — которые действительно восстановили эту промышленность и которые положили весь свой коммунистический энтузиазм, чтобы ее поднять. Но когда мы спрашиваем: какую цену определить — 40 или 50 коп. — они говорят: нам бы 55, мы разовьем эту промышленность, построим дома, проведем дороги и т. д. Мы спрашиваем спеца, — спеца в данном случае добросовестного. Мы все убеждены, что этот спец видит только интересы нефтяной промышленности, а ведь мы могли бы заподозреть и здесь некоторую игру. Например, если бы этот спец оказался недобросовестным и если бы он состоял на службе у какого-нибудь Ротшильда или Нобеля, не мог ли бы он рассуждать так: чорт их знает, этих коммунистов, сколько они будут сидеть, дай-ка я вздую цены на нефть и заставлю их содрать с крестьянина столько, чтобы восстановить нефтяную промышленность, для того, чтобы, когда советская власть через 2-3 года свалится, я мог преподнести Нобелю совершенно развитые промысла. За чей счет? За счет тех лишних 20 коп., которые мы должны брать с мужика. Потому мы и говорили: не бери этих 54 коп., потому что такие расходы на столь быстрое расшире-

ние основного капитала не под силу в данный момент основной массе населения. Правильно это или нет? Имеет это отношение к максимальной или минимальной прибыли? Конечно. Понимает это т. Пятаков или не понимает? Не понимает. Этого даже Красин не понимает, потому что нет у этих товарищей понимания классовых отношений, нет чутья политического.

Последнее, что я хотел бы сказать, — это насчет активного баланса. Передо мной табличка вывоза и ввоза. Посмотрим как развивается наш экспорт, начиная с 1921 г. Сначала почти нет у нас экспорта, кривая потом чуточку поднимается и, начиная приблизительно с июня или июля 1923 г., идет вверх. А посмотрите на наш ввоз. Только в середине 1923 г. наш вывоз мы стали чуть-чуть повышать, — а когда наш ввоз стал повышаться? Только несколько месяцев тому назад. И в это время приходят к нам товарищи и говорят: бога ради, не увеличивайте вашего вывоза, бога ради, не накопляйте денег. (См. диаграмму № 2.)

Да разве мы находимся в таком положении, что в продолжение года ввозили м е н ь ш е, чем вывозили, и вот, наконец, у нас скопилась громадная сумма денег, и товарищи приходят и говорят: это непроизводительное потребление, зачем эти деньги лежат в банке? Мы только-только начали небольшое накопление, мы только перестали ввозить предметы потребления, только начали ввозить предметы производства, и в это время приходят и предупреждают: не обращайтесь, пожалуйста, в Витте (это я слышал от т. Преображенского на собрании). Витте накопил два миллиарда золотых рублей. Разве мы в таком положении, что нам надо бояться, что мы слишком много накопим? Что говорит резолюция по этому вопросу? Она говорит ясно: «провести связанный с основными хозяйственными проблемами экспортно-импортный план, обеспечивающий активный торговый баланс и снабжение советской промышленности дешевым сырьевым материалом и получением фабрикатов». Что это значит? Использовать монополию внешней торговли для того, чтобы не ввозить к нам то, что мы можем произвести сами, обеспечить ввоз сырья, фабрикатов, сельскохозяйственных машин, и этот ввоз покрывать вывозом хлеба, леса, нефти, при чем вывозить и ввозить так, чтобы разница отлагалась у нас. Зачем? Потому, что могут быть неурожаи или войны; потому, что нам необходимо провести валютную реформу, а для этого надо иметь кое-что; потому, что мы золото истратили в годы разрухи и блокады; потому, что у нас ничего нет. Если к нам приходят люди, вычитавшие из приват-доцентских книжек, что есть эпохи, когда бедная страна не может себе позволить накопление золота, мы говорим: это правильно, но идите с этим на профессорские кафедры, а не на трибуну государственной партии, которая должна строить диктатуру пролетариата в аграрной стране. Ни в одной книжке не написано,

как должны строить диктатуру пролетариата, когда у нас 5-6 миллионов пролетариев и 130 миллионов мужиков, когда мы дали возможность и право мужику жить на основе свободного рынка, на основе купли и продажи. Вот тут извольте строить социализм. Это труднее, чем написать план. Конечно, нэпманы наживаются и, вероятно, будут наживаться. Мы предлагаем практические меры, которые будут эту наживу сводить к минимуму. Когда Преображенский говорил: «я назвал цифру 600 миллионов, потом свел к 200 миллионам», я говорю: хорошо, обратимся к цифрам, но позвольте спросить: чему вы учили рабочих? Вот «Правда», рассылаемая по всей России («Правда» увеличила вдвое свой тираж за время дискуссии, потому что ее стала читать буржуазия); в ней напечатана резолюция Преображенского и Сапронова, принятая общим собранием ячейки РКП строительных рабочих, — и не где-нибудь, а в Кремле. Интересно узнать, чему Преображенский и Сапронов учат строительных рабочих в Кремле? Насчет демократии они учат, что партия состоит из карьеристов, прислужников и т. д. Но насчет экономики вот что: «Политика ЦК способствовала усилению хозяйственного кризиса (это ничего, это еще прилично. *Л. К.*) и беспрепятственному быстрому росту частного капитала за счет социалистического накопления».

Я спрашиваю вас: можем ли мы позволить кому бы то ни было от имени нашей партии учить рабочих, что политика ЦК способствовала беспрепятственному росту частного капитала за счет социализма? Я утверждаю, что от имени партии мы учить этому рабочих никому не позволим, мы будем учить их другому. И когда учат этому рабочих, а потом приходят с жалкими поправочками, когда сначала обвиняют ЦК, что он ведет к гибели страну, а потом приходят сюда и заявляют, что линия ЦК правильна, то можно ли говорить спокойно, можно ли спокойно наблюдать идейную борьбу этих товарищей? Есть фракции идейные, есть фракции безыдейные, беспринципные. Если партии суждено иметь фракцию, то лучше иметь фракцию идейную, которая борется на идейной почве, чем ту беспринципную оппозицию, которую мы имели в течение двух месяцев.

Мы имели оппозицию абсолютно беспринципную, которая не свела концов с концами, не свела обвинений с имеющимися материалами, не свела возмущения против ЦК с тем, что она имеет предъявить партии. Тов. Молотов здесь очень кстати напомнил то, что говорил т. Ленин о левом ребячестве и мелкобуржуазных настроениях. Мы знаем, что эти настроения часто одевают «левые» одежды. Товарищи, цитаты и выступления т. Красина показали нам, что сущность оппозиции, независимо от одежды, заключается в том, что она отражает мелкобуржуазные настроения, расшатывает авторитет партии и экономическую ее линию, и, в конце-концов, эти товарищи фигурируют перед нами как

полные политические банкроты. Мы должны сказать: мы разобрали политическую линию оппозиции, мы серьезно отнеслись к ней. За ней ничего нет идейного, никаких данных, которые могли бы быть использованы для исправления ошибок партии. Это политические банкроты, и больше ничего.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ.

Товарищи, работа нашей конференции закончена. Наша партия осуществляет пролетарскую диктатуру в совершенно своеобразных условиях, в стране, где громадная часть населения не принадлежит к пролетариату. Колебания этой внепартийной среды неизбежны, и партия наша — основной пролетарский авангард — неоднократно доказала, что она умеет прислушиваться к тому, что делается в беспартийной среде, и определенным образом на это реагировать. Неизбежно, однако, что эти колебания во внепартийной среде время-от-времени так или иначе отражаются среди неустойчивых элементов нашей собственной партии. Эти колебания мы переживаем не в первый раз. На всяком повороте, при постановке трудных задач эти колебания сказывались и сказываются и всегда давали и дают повод для радости и внутренних наших классовых врагов, и международной буржуазии. Неудивительно поэтому, что и теперь обнаружившиеся колебания подали надежду классовым врагам внутри и за пределами Союза. Наша конференция должна была подвести итоги той самопроверке, которую партия еще и еще раз произвела до конца по поводу основных принципов своей работы, правильности своего пути, твердости направления. Наша конференция, с неслыханным единодушием голосовавшая за резолюции о наших очередных хозяйственных задачах, показала, что партия твердо держит курс на строительство социализма, что в основных проблемах строительства социализма у нас не будет никаких колебаний.

С другой стороны, столь же единогласное принятие всей конференцией резолюции о внутрипартийных делах, предложенной ЦК, свидетельствует, что и в этом вопросе у нас существует полная сплоченность, что колебания, обнаружившиеся в партии, — явление преходящее, и что партия сумеет дружно решить те задачи, которые перед нею стоят. Эта сплоченность, проявленная в двух основных вопросах нашей конференции, имеет под собою твердую основу. Основа эта прежде всего — в росте сознания, консолидации, численности, подъеме культурного уровня основной силы нашей диктатуры — рабочего класса. С другой стороны, основа этой сплоченности в том, что наша хозяйственная база, база диктатуры пролетариата, база Союза Советских Республик крепка

как никогда. Международная буржуазия скоро увидит, что коммунистическая партия не только вывела Россию из той разрухи, в которой она находилась благодаря нападению международной буржуазии, но что коммунистическая партия сумела призвать рабочий класс и крестьянство к созданию такого государства, которое сильнее, сплоченнее, монолитнее, чем какая бы то ни было капиталистическая держава в мире.

Партия ныне сказала свое слово. Это слово прозвучит по всей России; оно прозвучит и для международного пролетариата, и в этом слове международный пролетариат и русский рабочий класс увидят, что мы, как партия, растем, что вместе с нами растет Союз Советских Социалистических Республик, что вместе с нами растет мировая революция.

Товарищи, мы должны отдать себе отчет, что перед нами громадное количество черной, будничной, требующей постоянного напряжения и постоянного внимания работы по строительству социализма. После того, как конференция еще раз подтвердила правильность пути партии, мы можем призвать всех членов партии к работе под руководством того ЦК, деятельность которого партия имела возможность до конца просмотреть и руководство которого она одобрила. Этот ЦК, товарищи, работает временно без руководства т. Ленина. Мы все уверены, что в тот момент, когда Владимир Ильич вернется к руководству нашей партией, он одобрит наши решения, одобрит ту трудную работу, которую партия, верная заветам Владимира Ильича, проделала за время его отсутствия. Владимир Ильич поправляется. В момент, когда он вернется к своему посту, наша партия, наш ЦК станут во сто раз сильнее, чем сейчас; но и сейчас уже мы достаточно сильны, чтобы заявить врагам, что их надежды на раскол, на разлад и на расшатывание нашей партии лживы, что они обманутся здесь, как обманывались не раз. РКП будет, как и прежде, единой стальной партией, готовой к выполнению своих исторических задач.

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
В 1923 Г.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Доклад Правительства Второму Съезду Советов СССР 31 янв. 1924 г.

Предисловие.

Эта брошюра воспроизводит доклад о деятельности правительства, сделанный мною 31 января на II съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик. Я добавил несколько цифр и две таблицы, опущенные мною в докладе ради его сокращения.

Здесь перепечатывается также и «заключительное слово», которым я воспользовался для того, чтобы пополнить и подробнее развить некоторые положения основного доклада.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить заведующего ЦСУ т. И. И. Попова за произведенную им предварительную сводку цифрового материала, а также товарищей, положивших много труда на составление приложенных к докладу диаграмм.

1 февраля 1924 г.

* * *

Товарищи, рабоче - крестьянское правительство с чувством особой ответственности выступает сегодня перед вами с докладом о своей деятельности и с перспективами дальнейшего решения стоящих на очереди задач.

Тот, кто учил нас государственному строительству, не может встать, чтобы проверить нашу работу, чтобы указать на наши ошибки. Коллективный разум ваш, строителей нового социалистического общества, нового пролетарского государства, должен заменить этот великий мозг. Вот почему, представляя вам свой отчет и свои предположения, мы рассчитываем на самую строгую критику, на проверку всего того, что сделано, на точные директивы коллективного разума пролетариев и крестьян для того, чтобы не сбиваться в дальнейшем пути.

Центр моего доклада будет посвящен нашим внутренним делам. Но раньше, чем перейти к ним, я должен буду остановить ваше внимание на той международной обстановке, в которой приходится нам работать, на тех условиях, в которых протекает деятельность правительства.

Крушение Версальского мира.

Характернейшей чертой международной обстановки в настоящий момент надо признать совершенно ясно выявившееся крушение всех основных сил, которые создавали Версальский мир и которые пытались нормы Версальского мира навязать всему человечеству как гарантию мира, свободы и материального благосостояния. Нет, вероятно, сейчас на земном шаре ни одного человека, даже среди создателей этого империалистского мира, который осмелился бы утверждать, что мир, заключенный в Версале, был действительно миром, создавшим мало-мальски прочные основы для развития европейского и азиатского человечества.

Нескольких лет было достаточно для того, чтобы целиком оправдались наши предсказания. Мы говорили, что Версаль есть продолжение войны, и что на этой основе ни свобода, ни мир, ни развитие экономического благосостояния, ни развитие мирового хозяйства существовать не могут.

В чем действительно заключалась основная идея империалистского мира? В том, что на почве этого договора создавалась круговая порука победителей для эксплуатации побежденных. С двух точек зрения эта концепция потерпела полное крушение. Оказалось, что можно разбить хозяйство побежденных стран, что можно превратить великое хозяйство всего немецкого народа в черепки, можно противодействовать дальнейшему развитию в хозяйственном отношении Средней и Восточной Европы, но что на развалинах этих прежде хозяйственно мощных, технически развитых стран нельзя создать мирового хозяйства.

Германия лежит, действительно, в развалинах, но, вместе с тем, она тянет за собой к разрушению всю капиталистическую цивилизацию Европы. С другой стороны, та круговая порука, которая была создана для продолжения иными средствами той же политики — эксплуатации побежденных и слабых, эта круговая порука не выдержала испытания времени. Всего несколько лет протекло с тех пор, как мы слышали слова о нераздельной дружбе, о неразрывном единстве победителей. Что же мы видим сейчас?

В Англии — крушение того национального консервативно-либерального блока, который был одной из основных сил Версальского мира. Во Франции, — несомненно, сумерки той империалистской и милитаристской политики, которая пришла на другой день после победы. Полное разделение интересов между Англией и Францией и ожесточенная, чуть-чуть прикрытая борьба между ними. Нет ныне, вероятно, ни одного вопроса, по которому Франция и Англия не испытывали бы взаимной не-

нависти, в котором они руководствовались бы мало-мальски согласованными интересами.

И, наконец, Италия. Она явно вышла из этой круговой поруки, явно не может итти по одной дороге с Францией, так как у нее свои интересы и в Средиземном море, и в Африке, отличные от интересов французского капитала. Она пытается построить свою собственную самостоятельную национальную политику. При наличии разделения и борьбы между господствовавшими государствами, система мелких государств, созданных этими же самыми крупными государствами, явно испытывает сильнейшие потрясения. Эти мелкие государства мечутся, ищут выхода, конвульсивно ищут такого хозяина, на которого они могли бы поставить твердую ставку. Мы видим полный хаос политических отношений, полное разложение мирового хозяйства, острое столкновение борющихся сил. И нет в мире человека, который сказал бы, что на этих путях капиталистической конкуренции и империалистского развития можно предотвратить новые столкновения, новые империалистические войны.

Политика СССР — политика мира.

Картина капиталистического господства в Европе представляет в данный момент тот фон, на котором все более и более растет могущество Сов. Союза. Сов. Союз — единственное государство, которое революционной энергией рабочих и крестьян вырвалось из тисков империалистической войны и не захотело быть ни с победителями для того, чтобы делить плоды их побед, ни с побежденными, которые в той же мере, что и победители, одинаково были виноваты в возникновении великой империалистической бойни. Наша политика мира и выжидания, которая проводилась в твердой уверенности, что мировое хозяйство не может быть восстановлено без нашего сотрудничества, что мировая экономика не может развиваться без участия 130-миллионного народа, объединенного ныне под красным флагом Союза Советских Республик, — эта политика терпения, выдержки и силы дала результаты. Мы видим, какой интерес к нашему Союзу, интерес к соглашению с ним, интерес к политическому сотрудничеству неизменно выявляется во всех странах.

СССР и Англия.

Прежде всего, громадный и ближайший интерес в данной стадии мировой истории представляет отношение к нам Англии. Население Англии скинуло консервативно-либеральный блок, который предпринимал войны в интересах английских капиталистов и пытался в продолжение нескольких лет, под руковод-

ством Ллойд-Джорджа, закрепить свои победы. Ныне этот консервативный блок терпит поражение, и мы видим, что к власти приходит так называемая рабочая партия.

Мы, товарищи, реалисты. Мы достаточно хорошо знакомы с политикой вождей рабочей партии Англии, чтобы не поддаваться никаким иллюзиям. Однако, мы не должны забывать ни на один момент, что в настоящее время к власти подходят миллионы английских рабочих, миллионы организованных английских пролетариев, вышколенных в длительной борьбе с капитализмом, — пролетариев, для которых приход к власти Макдональда, Уэбба, Сноудена, Томаса Шоу будет означать впервые постановку вопроса о власти во всем его масштабе. Впервые рабочий класс Англии сможет проверить своих вождей не только, когда они в оппозиции, а и тогда, когда они обладают реальной властью.

Мы с вами можем быть уверены, и этого впрочем не скрывают официальные заявления вождей рабочей партии, что они идут к власти совсем не для того, чтобы в сколько-нибудь значительных размерах обеспечить или удовлетворить законные классовые требования пролетариата.

Но для английского пролетариата не пройдет, конечно, даром этот урок; не пройдет, конечно, даром возможность посмотреть на своих вождей у кормила государственного правления. Если минимум требований пролетариата, которые будут предъявлены к этим вождям, не будет удовлетворен, эти вожди должны будут дать ответ массам.

Мы совершенно уверены, что какой бы ответ ни был дан этими вождями, рост классовой солидарности, сознание политической силы, убеждение в необходимости взять политическую власть в свои руки в результате этого роста классового сознания у английского рабочего класса, несомненно, будут. А Английская империя, которая отныне будет управляться, неизвестно сколько дней, или сколько недель, или, может-быть, сколько месяцев, вождями так называемой рабочей партии, — эта империя представляет собой одну из основных сил буржуазно-капиталистической цивилизации. Нам будет очень полезно вместе с английским пролетариатом спокойно наблюдать за новым так называемым рабочим правительством и видеть, как рост рабочих требований к этому рабочему правительству будет способствовать все более отчетливому выяснению того, что требуется рабочему классу.

Что касается наших отношений с Англией, то вы знаете, что доверие, завоеванное нынешним премьер-министром Англии среди ее населения, отчасти объясняется тем, что он в своей избирательной кампании боевым, наиболее ярким лозунгом выставлял безоговорочное признание СССР де-юре.

Мы не сомневаемся ни на минуту, как не сомневается в этом и премьер-министр Макдональд, что, голосуя за рабочее правительство и предлагая создать такое правительство, представители рабочих масс Англии голосовали за полное и безоговорочное признание СССР.

Так как, однако, Макдональд держит власть в своих руках не только милостью рабочего класса, но и милостью либералов, то мы уже сталкиваемся с попытками несколько затормозить исполнение того обязательства, которое в избирательной кампании вожди рабочей партии приняли на себя пред рабочим классом Англии по поводу безоговорочного признания. Нам также любопытно будет посмотреть, действительно ли обязательства, даваемые в избирательной кампании перед рабочим классом, потом могут быть взяты обратно под давлением парламентской комбинации с либералами. Во всяком случае, мы хотим надеяться, что эти обязательства будут исполнены, и что Макдональд, который в данном случае только выполнит волю рабочего класса, совершит тот акт, на который рабочий класс его уполномочил, т.-е. признает безоговорочно и полностью Советское правительство.

Мы понимаем, что и после этого признания останутся спорные вопросы, которые потребуют совещаний, разъяснений, выяснений, быть-может, споров, но которые на наш взгляд, несомненно, заключают в себе все элементы, дающие возможность общего соглашения. Поэтому, мы уже заявили Англии, что готовы после признания приступить к созданию англо-русской комиссии, которая рассмотрела бы всевозможные между нами спорные экономические вопросы. Во всяком случае, мы хотели бы надеяться, что с правительством Макдональда (легче, во всяком случае, чем с правительством Керзона, и легче, чем с правительством Ллойд-Джорджа) мы могли бы договориться о мерах, направленных к охране всеобщего мира, к полюбовному разрешению тех антагонизмов, которые ныне раздирают весь мир, что мы могли бы приступить дружелюбно к переговорам, направленным к ослаблению бремени военных расходов, тяготеющего над всей Европой, в том числе и над рабочим классом Англии. От нынешнего правительства Англии будет зависеть, действительно ли мы сможем сказать, что майский ультиматум Керзона был последней конвульсивной попыткой консервативных кругов Англии ввергнуть нас и Англию в новый период обострения, или же новое правительство расчистит дорогу к тому, чтобы Союз Советских Социалистических Республик и Англия могли действительно дружелюбно, на почве полного взаимного признания государственных систем обеих стран, создать такие устои, которые служили бы опорой против возможности новой бойни и новых потрясений и так уже истощенного мирового хозяйства.

*

СССР и Италия.

Что касается Италии, то здесь, товарищи, мы имеем редкий случай простого и откровенного разговора. Я не буду напоминать известную всем речь г. Муссолини в парламенте, в которой он, повторяю, с похвальной откровенностью, указал на те условия и на те мотивы, которые двигают его к признанию и соглашению с Советской Россией. Переговоры, которые на этой почве стали возможными, шли без особых задержек; теперь эти переговоры подвигаются настолько успешно, что есть основания надеяться на подписание в ближайшие дни договора о полном признании нас итальянским правительством.

СССР и Франция.

Третья великая держава, с которой нам приходилось до сих пор встречаться на поле брани, это — Франция. Мы — реалисты и потому не всегда обязаны принимать к сведению только одни дипломатические документы. Мы можем позволить себе роскошь анализировать действительные мотивы. И я думаю, что мы будем недалеки от истины, если скажем, что настоящие мотивы, которые заставляют французское правительство явно начать пересмотр своих отношений к Союзу ССР, заключаются в том, что французская буржуазия, считаясь с фактом растущей мощи Советского Союза, не хочет притти последней, не хочет, чтобы признание, а следовательно, и торговля с Союзом ССР для Франции пришли и после Италии, и после Англии. Этим можно объяснить тот поворот, который мы замечаем в политике французского правительства.

Мы готовы приветствовать те шаги, которые предпринимаются французским правительством. Мы знаем по газетам о том, что министр иностранных дел Чехо - Словакии — государства, дружественного с Францией и недавно только подписавшего с Францией специальное соглашение, — что г. Бенеш счел возможным выступить с заявлениями, которые должны были бы проложить дорогу для переговоров между Францией и Россией. Мы считаем, что г. Бенеш, конечно, по своему правильно служил тому делу, которое он считает полезным для своей страны. Но, с другой стороны, мы считали бы гораздо более рациональным и плодотворным, если бы эти неизбежные переговоры могли вестись непосредственно. Мы полагаем, что посредники в этих переговорах излишни и что с нашей стороны не встретилось бы никаких препятствий к тому, чтобы деловым образом подойти к вопросам торговли и обмена экономическими услугами, к вопросам, которые явно назрели и неразрешенность которых приносит и нам и Франции ущерб.

Вы знаете, что в последнее время мы должны были перенести часть своего торгового аппарата из Франции в Англию. Я боюсь, что мы должны будем продолжать подобные действия по мере того, как будет становиться все яснее и яснее, что отсутствие какого-либо договора о торговле создает для нас и для наших торговых органов во Франции совершенно невозможное положение. Мы, конечно, будем отдавать предпочтение и организовывать свои торговые станции в тех государствах, с которыми у нас налаживаются нормальные отношения, и не пожелаем подвергать себя риску таких инцидентов, как, например, дело Опторга и Бупатиана. По этому делу французская фирма Опторг, действующая в Париже и закупившая у нас товар, должна была заплатить за этот товар не нам, а некоему г. Бупатиану по приговору французского суда, который признал, что товары, проданные нами, были нами национализированы у этого господина.

Надо, чтобы французская буржуазия раз навсегда поняла: то, что национализировано — национализировано.

Не для того приходили на нашу территорию французские войска, ведя за собой в помощь цветные войска, чтобы потом пытаться достигнуть тех же целей путем приговора гражданского трибунала Сенского департамента. Не для того бесчисленное количество наших красноармейцев проливали свою кровь, чтобы потом этому гражданскому суду Сенского департамента было позволено переделать то, что этой кровью завоевано. Мы понимаем, что взаимные интересы и Франции, и наши требуют делового общения, что отсутствие этого общения наносит взаимный ущерб. Мы поэтому готовы в любой момент приступить к переговорам, но с теми кругами французского правительства, которые готовы будут признать некоторые азбучные истины, хотя бы те, которые признала Англия, которые теперь признает Италия.

СССР и Германия.

Перехожу к Германии. С Германией, товарищи, нас связывает ближе, чем с каким-нибудь другим государством, географическое положение и общность экономических интересов, связывает нас также и то, что, раздавленная торжествующим империализмом, Германия нашла в себе в известный момент достаточно мужества и прозорливости, чтобы подписать Раппальский договор. Поэтому укрепление дружественных отношений с Германией, увеличение экономических связей, взаимная поддержка в развитии этих экономических связей нами преследовались в прошлом и остаются также для будущего одной из основ нашей политики.

В течение отчетного периода обнаружилось, однако, не только это. Советское правительство не могло пройти мимо того октябрьско-ноябрьского кризиса, который потряс всю Германию. Не только потому, что пролетарское сознание не может относиться равнодушно к тому, что где бы то ни было на земном шаре пролетариат напрягается для завоевания лучших условий существования; не только потому, что наши советы служат рупором настроений, интересов, энтузиазма широких пролетарских масс и не могут отказаться от своего долга и своей обязанности этим рупором служить, но и по другим, деловым, государственным соображениям. Министр иностранных дел Штреземан заявил, что в дни этого октябрьско-ноябрьского кризиса судьба Советской России была связана с судьбами Германии. И это как раз такой пункт, в котором мы были абсолютно согласны с министром иностранных дел Германии Штреземаном. Для нас, как и для Штреземана, было совершенно ясно, что победа фашизма, победа милитаристическо-реакционных кругов в Германии означала бы открытие дверей для мирового империализма и в Советскую Республику. Продвижение французских войск из Рейнской области, где они стоят твердой ногой, на плечах торжествующей германской контр-революции, дальше в глубь страны, означало бы потрясение тех основ устойчивости и равновесия в мировом положении, на которых стоит Советская Республика. Было бы странно требовать, чтобы в этот момент нами не были приняты все предупредительные меры, которые диктовались тем обстоятельством, что мы находились накануне момента, когда вся система Средней Европы могла быть потрясена.

Чувство охраны государственной безопасности и чувство охраны завоеваний Октябрьской революции требовали от нас принятия этих предупредительных мер, и эти предупредительные меры были приняты. Лучшим выражением нашей политики в эти месяцы служит поездка т. Коппа в Латвию, Литву и Польшу. С чем ехал тогда т. Копп? Чего добивались мы? Двух вещей. Мы пытались добиться, мы требовали от наших соседей гарантии их невмешательства в германские дела; с другой стороны, мы пытались добиться, мы требовали таких соглашений, которые обеспечивали бы нам свободный транзит между Союзом ССР и Центральной Европой, независимо от тех политических изменений и изменений социального порядка, которые могут там наступить. Оба эти требования свидетельствуют о неизменном нашем миролюбии; и вместе с тем, эти же требования, заявленные через т. Коппа нашим соседям, свидетельствуют о том, что мы желали упрочить мирное состояние Восточной Европы и ее беспрепятственный контакт с Центральной Европой.

Таким образом, товарищи, все новые явления из области определяющих факторов мировой политики указывают на то,

что Союз ССР давно перешел уже в Европе тот Рубикон, когда он должен был добиваться признания или покупать признание. Дело обстоит иначе. И горе тем правительствам, которые не видят глубоких изменений, происшедших в положении Советского правительства.

СССР и народы Востока.

Прежде, однако, чем подвести итог и сделать некоторые указания насчет возможного будущего в области европейской политики, я должен остановиться на нашем отношении к народам Востока. Вы знаете, что политика наша здесь может быть определена немногими словами. Прочная дружба с угнетенными народами Востока была первым лозунгом Советского правительства. И этот лозунг неизменен. Дружба с народами Востока, стремящимися к независимому национальному развитию, не есть результат той или другой ситуации, той или другой политики дня. Это — одна из основ, определяющих общую политику Советской власти, составляющих ее неизменный признак. Братское сочувствие народам Востока, братское содействие им в деле того могучего движения, которое должно привести к освобождению и самостоятельности этих народов, есть, повторяю, неизменная основа политики Советской власти.

И мы должны сказать, что этой дружбой, что этим братским сочувствием, мы, в отличие от всех других правительств, не торгуем. Этого мы не продаем, насчет этого сделок мы не заключаем. Мы не делаем этого по очень простой причине.

В связи с великим горем, которое постигло нас и весь трудящийся люд, мы получили сотни и тысячи всякого рода заявлений и приветствий, но среди них выдаются приветствия, которые идут именно с Востока. В меджилисе, в парламенте турецкого народа, в парламенте, который куплен был ценою ожесточенной борьбы, сказаны были следующие слова:

«Смерть Ленина опечалила нас всех. Этот великий человек оказывал нам помощь в самые черные дни, всегда желал нам успеха в нашей борьбе за независимость. Ленин пользовался всяким случаем для того, чтобы приветствовать наше Национальное Собрание».

Следующий оратор добавил: «Когда наш народ переживал самые тяжелые времена, Ленин протянул нам руку. Он всегда ободрял нас».

Товарищи, это заявление, раздавшееся и громко прозвучавшее на Востоке, куплено прямой и открытой политикой поддержки и дружбы с народами Востока. И признание такое в устах представителей этого народа является лучшим свидетельством правильности и прозорливости нашей политики.

То, что здесь сказано, что Ленин в черные дни освобождения народов Востока протягивал турецкому народу братскую руку, это вошло в историю, это будет служить и заветом для дальнейшей политики Союза ССР.

Из далекого Китая, за подписью вождя демократических сил Китая, мы получили телеграмму, которая тоже отмечает некую историческую дату, вносит в историю мира некоторые факты, являющиеся вместе с тем заветами для нашей дальнейшей политики. Телеграмма эта следующего содержания:

«Собравшийся национальный конгресс гоминдана (китайской демократической партии. *Л. К.*) с глубокой скорбью узнал о смерти т. Ленина, работа которого положила главное основание новой России и в настоящий момент воодушевляет присутствующих на конгрессе в их главной задаче придать своей партии значение национального орудия для объединения Китая, а также для прогресса и благосостояния китайского народа под сенью демократической власти».

Мы гордимся, товарищи, тем, что наш вождь вдохновляет в далеком Китае силы освобождающейся демократической нации на новую освободительную работу. Этот завет останется нашим заветом, и от этого завета, мы, конечно, никогда не отступим. Пусть знают народы Востока, что то, что они ныне видят, как результат работы Ленина, что то, что они выразили словами о помощи нашей в черные дни борьбы за национальное освобождение, эти факты остаются для нас столь же священными, как и для них.

Товарищи, конечно, и в наших отношениях с Турцией и в наших отношениях с другими восточными государствами бывают моменты недоразумений, столкновений, трений, но мы всегда проявляли здесь и готовы проявить всю свою добрую волю для улажения всех этих недоразумений. Так, например, недоразумения относительно торгового договора, положения внешторга, консульских конвенций и т. д.,—которые одно время вспыхнули между нами и национальным правительством Турции, в данный момент окончательно улажены, и улажены к полному удовлетворению обеих сторон.

На переломе.

Итак, товарищи, дружба со всеми народами, братское сочувствие угнетенным народам, деловые и мирные отношения со всеми правительствами, — вот содержание нашей политики.

Мы видим в общей обстановке начало конца первого периода — периода, когда Советская власть должна была бороться за признание. Мы явно находимся на пороге нового периода, — периода, который будет представлять некоторые определенные опасности, — опасности капиталистического нажима, этот нажим

мы должны преодолеть, с ним нам придется бороться экономическими методами. Наше мировое положение явно находится на переломе. Могущество Союза ССР, его непрестанный экономический рост на фоне общего разложения и распада капиталистической цивилизации является таким фактом, который уже ничем не может быть прикрыт и никем оспорен.

Но, вступая в этот новый период, мы должны будем повторить те слова, которые несколько лет тому назад были произнесены по этому поводу т. Лениным, так как эти слова и сейчас остаются руководящими в нашей внешней политике. Ленин говорил, — и пусть эти слова будут услышаны еще раз:

«Чем позже признание, тем хуже условия этого признания».

Мы не добиваемся, мы не торопимся. Мы прошли самые тяжелые годы, мы перенесли интервенцию и блокаду. Мы стали фактором мирового экономического развития. Без нас дальнейшее развитие мирового хозяйства невозможно. И потому ошибаются те, которые думают, что признание де-юре есть нечто такое, за что мы готовы заплатить каким-либо материальным ущербом для себя. Признание де-юре прежде всего для нас обозначает легализацию наших торговых отношений. Эта легализация торговых отношений нужна нам, но она нужна и тому, кто нуждается в нашем хлебе, кто нуждается в нашем лесе, кто нуждается в нашей нефти, кто нуждается в том, чтобы мы покупали у него машины и хлопок.

Требование признания де-юре не есть стремление получить какой-то международный чин. Признание де-юре не милость. Великие народы, создавшие под руководством гениального вождя Союз Советских Социалистических Республик, не нуждаются в юридическом миропомазании жрецов капитала.

Легализация деловых, промышленных, торговых отношений включает в себя признание наших законов, нашего законодательства. Признание де-юре есть признание силы наших законов и нашего законодательства, обязательности наших законов для тех, кто хочет находиться с нами в деловых, торговых и хозяйственно-экономических отношениях. Вот что значит «де-юре». И, конечно, это признание мы получим. Мы его получим, конечно, не потому, чтобы изменились чувства капиталистов к нашей Республике, а потому, что мы выдержали испытание огнем и голодом, что мы доказали свою силу, потому что прочие государства без сотрудничества 130 миллионов, объединенных Союзом Советских Социалистических Республик, не могут развиваться. Участие нашего нового государства в общемировой хозяйственной жизни возможно только на почве признания нашими противниками равенства двух систем: их хозяйственной системы, которую мы осуждаем, как систему эксплуатации миллионов, и нашей хозяйственной системы, в которой мы видим прообраз

будущего мирового устройства. Им некуда уйти, нашу хозяйственную систему они должны будут признать, а затем уже нашей задачей будет показать всему миру, что наша система, система социалистического хозяйства и братского сожительства народов, сильней, могущественней их системы, системы эксплуатации и войн.

Грозовые тучи.

Товарищи, из этого обзора не видно, чтобы какие-либо грозовые тучи непосредственно угрожали нашей независимости или нашей территории. Но не будем обольщаться. Вспомните минувший год, вспомните последние 9 месяцев. И вы увидите, как в течение этого времени дважды неминуемая беда стучала к нам в двери. В мае к нам постучал самый типичный представитель мирового империализма и консерватизма — Керзон, постучал к нам своим ультиматумом и поставил всех нас на ноги. В октябре, в ноябре новые события снова заставили нас насторожиться.

Не думайте, что те факты, которые я вам сообщил и которые указывают на несомненное укрепление нашего международного положения, на рост нашего значения, на рост стремления к торговым и политическим соглашениям с нашей пролетарской трудовой республикой, — не думайте, что все это гарантирует нас от новых потрясений. Мир в хаосе. Всюду кипят противоборствующие тенденции в нем. Мы в глазах всех других правительств все-таки безумные смельчаки, которые осмеливаются итти против их принципов, против их цивилизации, против основ их хозяйственного строя, и мы должны быть готовы к тому, что в каждый момент новое испытание может постучаться к нам в двери. Мы должны быть готовы к тому, что мы будем получать не только договоры о признании, к тому, что мы можем в любой день оказаться перед таким поворотом событий, который опять, как в мае 1923 г., как в октябре 1923 г., потребует от нас напряжения всех наших сил и является испытанием для нашей обороны и боеспособности. Мы помним зверское и покрытое судом Швейцарской республики убийство одного из наших лучших товарищей, В. В. Воровского. Мы помним ультиматум Керзона.

На страже советской земли.

Товарищи, для нас священна та земля, на которой впервые победили пролетариат и крестьянство. Мы никогда не останавливались и не задумывались ни на минуту, когда нужно было кинуть все силы объединенных народов на защиту территории, достоинства, независимости и самостоятельности нашего Союза. Независимость, честь нашей страны, достоинство ее стали для нас еще священнее с того момента, когда земля эта приняла

в свои недра то, что было смертного в нашем вожде. И на защиту независимости этой земли, этой территории, этого государства вся страна, рабочие и крестьяне всех национальностей Союза станут, как один человек, если чья-либо безумная рука попытается нарушить наш покой, помешать нашему хозяйственному строительству.

Я перехожу теперь к тем областям нашей политики, которые стоят на границе между политикой внешней и внутренней. Вы знаете, что мы обращены к внешнему миру не только нашей дипломатией, но и нашим торговым аппаратом, монополией внешней торговли.

Монополия внешней торговли — броня нашего хозяйства.

Мне придется ниже еще указать на то, каким образом монополия внешней торговли, провозглашенная нами, как один из устоев Советской власти, в самом начале ее организации, — каким образом эта монополия стала теперь практическим орудием, в сохранении которого заинтересован каждый крестьянин, каждый рабочий, каждый гражданин Союза ССР. Сейчас мне хотелось бы указать только на то, что монополия внешней торговли, нами удержанная в самые трудные моменты, была и остается незыблемой основой нашей политики. Мы знаем, что это — броня, которая предохраняет нашу страну, наш Союз от расхищений, от превращения его в объект колониальной эксплуатации. Мы знаем, что это именно обстоятельство вызывает со стороны всех капиталистических сил Европы больше всего ненависти по отношению к монополии внешней торговли, больше всего стремления разорвать эту броню, продырявить ее. Но мы должны сказать прямо, что принципом монополии внешней торговли мы тоже не торгуем, что мы готовы лучше подождать с тем или другим договором, с тем или другим соглашением, чем пойти на изменение принципа монополии внешней торговли. Здесь наша позиция непримирима, и тем, которые хотят с нами иметь экономические отношения, придется с этим фактом считаться.

У нас есть терпение, мы знаем неизбежность включения нашего хозяйства в общемировую систему. Мы абсолютно уверены, что монополия внешней торговли необходима для охранения богатств и хозяйственного развития нашей страны, и что поэтому с этим фактом всякому государству, желающему иметь с нами дело, придется считаться, как с фактом незыблемым.

Конечно, мы не собираемся ни в чем изменять системы привлечения иностранных капиталов. Мы заявили давно устами т. Ленина (и здесь, как и в других областях, мы не собираемся

ни в чем менять его политики), что иностранный капитал нам нужен, что мы понимаем, что эти иностранные капиталы могут притти в Россию, в наше государство, лишь при условии получения определенных прибылей, определенного заработка. Мы готовы попрежнему предоставить им и эту прибыль, и этот заработок с единственным, однако, условием,— с тем, чтобы тот капитал, который идет к нам или собирается итти к нам, отдал бы себе точный отчет в том, что мы не колония и не годимся как объект колониальной эксплуатации; что мы не данники, и дани взять с нас никому не удастся. Работайте на тех условиях, на которые согласится пролетарское государство. Зарабатывайте то, что мы договоримся с вами предоставить вам в виде прибылей. Но не думайте, однако, что это участие иностранного капитала вы можете превратить в орудие хозяйственного порабощения Советской страны. Было опасное время, были тяжкие дни. Эти дни прошли, они уже больше не вернутся.

Крепость нашего союза.

Товарищи, обращаясь к нашим внутренним делам, я должен прежде всего в самых кратких чертах отметить, что в течение минувшего года Союз Советских Социалистических Республик, провозглашенный, в виде договора самостоятельных частей, на прошлом съезде, что этот Союз, работой целого ряда государственных учреждений, и союзных и республиканских, превращен, наконец, в практическую организацию. Мы совершили этим великое дело. Мы сознательно построили новый тип государства. История дает нам образцы того, как хаотично, стихийно, в процессе долгих наслоений складывалось государство. Мы с вами в течение года проделали громадную работу на основе того боевого единства, которое сложилось в годы борьбы за существование; мы сознательно создали новую конституцию и положили ее в основу нового государственного строя. Мы перелили боевое единство в новые организационные формы. Это была сложная работа, потому что мы преследовали задачи, которых не ставил перед собой никто из творцов государственных конституций. Мы создали государственную форму, которая должна представлять гарантию свободного развития культуры и государственности отдельных национальностей, входящих в наш Союз, и вместе с тем гарантировать единство этим нациям в деле общей борьбы против капитала и в деле строительства социализма.

Вот почему наша государственная форма, наша конституция представляет довольно сложное построение. Нам, несомненно, придется проверять эту систему на практике, нам придется, по всей вероятности, ее улучшать, но, во всяком случае, мы создали новое государство, мы создали новый государственный тип. Мы

попытались в своем государственном устройстве дать миру образец решения труднейшей задачи, над которой человечество билось и будет еще биться: соединить полную свободу развития национальной культуры, государственности с единством хозяйственных и боевых сил в деле постройки социализма. Это задача, достойная того, чтобы она была на шестой год пролетарской революции поставлена как практическая задача и нами решена.

По докладу о конституции Союза ССР, который будет вам сделан и который, как мы надеемся, вы примете, вы сможете подробно познакомиться со всеми деталями этой государственной постройки. Я хотел указать только на то, что это — новый мировой фактор и что наша сила оказалась настолько значительной, что этот новый мировой фактор был признан всеми нашими соседями без всякого сопротивления. Ясно было, что сопротивляться вхождению в мировую историю этого нового государства бессмысленно и нелепо.

Правда, у нас есть один сосед, который попытался, — да будет мне прощено это слово, — поартачиться перед тем, как признать СССР: это Польша. Но у нас, товарищи, с Польшей длинная история. Правда, последний этап ее начинается с Рижского мирного договора, который для нас, конечно, обязателен, как всякий договор, который скреплен Советской властью, и который мы храним и исполняем, ибо хотим, — и мы доказали это, — мирных и дружественных отношений на нашей западной границе. Однако, в определенный момент благоразумие взяло верх и в Польше. За последнее время политика ее стала несколько более миролюбивой. И, попытавшись противостоять признанию того грандиозного мирового фактора, каким является рождение нового государства — СССР, Польша должна была склониться перед фактом его существования.

Существует ли у нас проблема власти.

Переходя к нашей внутренней политике, я прежде всего должен поставить вопрос: существует ли у нас в Союзе Советских Социалистических Республик проблема власти? Я думаю, что точный ответ на это будет следующий: проблемы власти, как политической проблемы, у нас нет. Она решена, и решена надолго. Это не требует, пожалуй, и доказательств. Мы не видим никаких претендентов на власть. Какие бы то ни было претенденты на власть были бы встречены массами, миллионами крестьян и рабочих только с насмешкой. Только с насмешкой относимся мы к тем группам, которые претендуют на какое бы то ни было политическое влияние в нашей стране.

Разложение всех политических партий, которые пытались строить свою политику на отрицании Советской власти, на войне

против Советской власти, на подрыве Советской власти, — это разложение определенный факт, который не подлежит оспариванию. На основе такого укрепления Советской власти, в обстановке распада всех политических партий и смехотворности всякого движения, предпринятого, чтобы сменить рабоче-крестьянскую власть какой-либо другой, мы имели возможность провести ту амнистию нашим врагам, ту амнистию преступникам против Советской власти, которая недавно была опубликована от имени ЦИК. И я хотел бы показать одной только цитатой, что признание непоколебимости нашей власти, отсутствие у нас политической проблемы власти признано уже и нашими врагами.

Вот передо мной политический журнал «Воля России» за октябрь 1923 г., — журнал центра социалистов-революционеров, журнал людей, вождем которых является Чернов. В этом журнале приведена беседа одного из этих с.-р. с человеком, недавно прибывшим из России, с человеком, который отнюдь не относится сочувственно к Советской власти. Вот что там пишут:

«У вас здесь говорят: конечно, надо все делать, но прежде всего надо скинуть большевиков. А я вам замечу: так вы же видите, что они не «скидываются». Значит, на этой логике далеко не уедешь».

Вот именно, далеко на этой логике не уедешь, разве только в тот исторический музей, куда складываются один за другим, начиная с Керенского, меньшевиков и с.-р., все исторические покойники, претендовавшие на власть.

Почитаем, товарищи, дальше. Полезно иногда почитать эту литературу.

«И когда в России читают статьи о «скидывании» большевиков и о жестокости режима, то читатели или улыбаются или раздражаются. И хотя бы только потому, что это слишком все устарело. При таких условиях нужно сказать: зачем же пишутся подобные статьи в эмигрантской прессе?»

Товарищи, конечно, это свидетельство нужно не для того, чтобы рабочие и крестьяне чувствовали всю мощь политической власти, которая сосредоточена в их руках и которая делает эту власть непоколебимой. Полезно, однако, иногда посмеяться и проследить за тем процессом, который превращает всех этих политических деятелей в политических покойников. Поэтому неудивительно, что в этой же самой прессе мы читаем заявления, которых, признаться, мы оттуда не ожидали.

В последней книжке журнала группы тех же эсэров «Современные Записки» пером автора, который предрекает неизбежный провал всей нашей экономической политики, перерождение рабоче-крестьянского правительства в правительство буржуазное или мелкобуржуазное и который рисует крах нашей экономики (на

этом я подробнее остановлюсь в дальнейшем), — пером этого же господина написаны следующие слова:

«Государственный капитализм — строй, который характеризует сейчас Советскую Россию, дает правительству возможность создать для занятого промышленного пролетариата относительно благоприятные условия труда, ибо проистекающая от непомерно высокой заработной платы... (послушайте, товарищи, мы считаем, что заработная плата наша низка, мы считаем, что должны итти к повышению заработной платы, и никогда ни у кого из нас не могли бы сорваться слова о непомерно-высокой заработной плате, а эти господа, сидящие за границей, указывают на то, что рабочий класс в России получает, оказывается, «непомерно высокую заработную плату») убыточность промышленности покрывается за счет государственных средств». В результате сей меньшевистско-эсэровский мудрец делает следующий вывод: рабочие, занятые на государственных предприятиях, глубоко заинтересованы в сохранении существующей системы. Чего же нам еще надо?

Если мы у врага вырвали признание, что рабочие г л у б о к о заинтересованы в сохранении существующей системы, то это, пожалуй, все, что можно требовать от врага.

Забавы угрюмых идиотов эмиграции.

Поэтому не будем удивляться, что вынужденные к подобного рода признаниям, неспособные противопоставить нашей политике какую-либо другую политику, эти господа, переходящие мало-по-малу в ряды покойничков, занимают себя и те небольшие эмигрантские круги, которые к ним еще прислушиваются, всякими россказнями на ту тему, что ежели большевиков нельзя свергнуть, ежели рабоче-крестьянское правительство нельзя скинуть, то, может-быть, оно само разложится, разрушится, погибнет в разногласиях. Эти надежды по человечеству можно понять; можно допустить, что и этим людям необходимо какое-нибудь утешение.

Поэтому, когда мы читаем на страницах этой эмигрантской прессы совершенно нелепые сообщения, забавные выдумки относительно отставки т. Троцкого, перемен в составе правительства, новых перетасовок в личном составе руководящего ядра рабоче-крестьянской власти, мы говорим себе: да пусть себе забавляются угрюмые идиоты эмиграции.

Да, у нас бывают разногласия. Да и как можно думать, чтобы при том трудном деле, которое мы взяли на себя, не происходило никогда споров, трений и разногласий? В самые трудные моменты нашей истории бывали эти споры; мы спорили перед Брестским миром, мы спорили перед поворотом к новой экономической политике, мы спорили недавно о тех экономических

мерах, которые должны быть приняты для улучшения нашего хозяйственного положения, но из всех этих споров мы выходили еще более едиными. В спорах мы проверяли свою политику и всегда находили правильный путь для ее продолжения. Мы поэтому спокойно смотрим на все сплетни и россказни буржуазной и белогвардейской печати: пусть себе эти покойнички забавляются, а мы с прежним единством, в дружном сотрудничестве, крепко держась за руки, будем продолжать нашу работу.

Задачи социалистического строительства.

Теперь я перехожу к нашему хозяйственному строительству. Заранее извиняюсь, что я буду утомлять ваше внимание достаточно большим количеством цифр. Но мы вступаем в такой период, когда самые сухие цифры насчет цены пуда ржи, аршина ситца, насчет цены пуда керосина, становятся одним из важнейших политических факторов. У нас нет политической проблемы, но зато у нас есть проблема хозяйственная. Эта проблема — построение социалистического хозяйства. и вот вопрос, к а к мы решаем эту проблему, является определяющим и для нашей политики, и для дальнейших судеб нашего государства. Как мы строим социализм, и строим ли мы социализм, растут ли элементы социализма. крепнет ли союз рабочих и крестьян, возрастает ли материальное благосостояние трудящихся, — вот вопросы, которые нас интересуют.

Мы имеем 18 милл. самостоятельных производителей, производственных ячеек крестьянского хозяйства. Рядом с этими 18 милл. самостоятельных производственных крестьянских ячеек мы имеем национализированную промышленность, национализированный транспорт, национализированную внешнюю торговлю. Задача построения социализма заключается в том, чтобы увязать эти две раздельные, отличные друг от друга общественные формации, увязать национализированную промышленность — базу пролетариата — с этим морем крестьянских мелких хозяйств, самостоятельных, не связанных между собою ничем, кроме рынка.

Продразверстка, продуктообмен, товарообмен.

Эта увязка крестьянских хозяйств и промышленности у нас, в нашей истории, прошла уже определенные стадии. На первых порах мы пытались увязать национализированную промышленность и крестьянское хозяйство путем прямого снабжения крестьянства продуктами промышленности. — Это была эпоха продразверстки и пайка. Вы знаете, что этот способ увязки, представлявший собою экономическую основу эпохи военного коммунизма, не удался и не мог удаться; это выяснилось, как только

железный обруч военного положения был с нас снят. Промышленность оказалась не в достаточно цветущем положении, чтобы иметь возможность обеспечить крестьянство всеми необходимыми продуктами. С другой стороны, продразверстка привела к сокращению посевов. Мы тогда должны были перейти и перешли на некоторые моменты от системы пайка и продразверстки к системе продуктообмена. Мы не хотели переходить на товарообмен. Это была только переходная стадия. Сейчас мы перешли и находимся в периоде, когда увязка национализированной и государственной промышленности и крестьянского хозяйства совершается путем товарообмена, на почве свободной купли и продажи. Это, товарищи, и есть нэп.

Сущность нэп'а.

Ни в чем другом не заключается нэп, как в том, что мы предоставили возможность крестьянину свободно располагать продуктами своего труда. И, переходя понемногу от продразверстки к продналогу, от продналога к смешанной форме денежного и натурального налога, и предполагая в этом году перейти к чистоденежному налогу, мы совершаем все время дальнейшие шаги в деле предоставления крестьянину полной свободы распоряжения продуктами его хозяйства.

Если вы теперь, товарищи, вспомните, что крестьянское хозяйство дает у нас продукции на пять с половиной миллиардов рублей, что в то же время наша промышленность дает продукции в золотых довоенных рублях на два с половиной миллиарда, что вся крестьянская продукция — вне нашего непосредственного управления, контроля и руководства, что она свободно обращается на основе свободной купли и продажи, то вы увидите, что суть нэп'а заключается именно в этом — в свободном обращении продуктов сельского хозяйства и крестьянского труда. Нет никакого сомнения, что таким образом нэп не является ни методом калькуляции, ни каким-нибудь методом, который затрагивает только поверхность наших экономических отношений. Нет. Он затрагивает самую основу этих отношений, он создает новое соотношение классов. И вот, ставши на этот путь, допустив, чтобы увязка нашей национализированной промышленности и крестьянского хозяйства происходила только на рынке, мы открыли таким образом дорогу стихии вольного рынка, которая и представляет собой как раз ту стихию, на основе которой произрастают буржуазные отношения.

Было бы неизмеримой глупостью, если бы, вступая на этот путь, мы не отдавали себе отчета в том, что мелкобуржуазный рынок есть тот питательный бульон, на котором произрастают элементы капиталистического накопления и капиталистического хозяйства.

Оправдал ли себя нэп как путь к социализму?

Поэтому вопросы о том, увеличиваются ли в нашем хозяйстве элементы социализма, производим ли мы увязку между промышленностью и крестьянским хозяйством, правильна ли эта увязка, уходит ли она из наших рук и не переходит ли в чьи-либо другие — есть основные политические вопросы.

Рынок уже дал нам себя знать. Мы пережили с вами за отчетный год очень острый кризис, и немало было голосов, говоривших нам, что этот кризис — кризис новой экономической политики, что он касается самых основ этой политики. Поэтому мы должны самым внимательным образом остановиться на этом вопросе. Возьмем меньшевиков — они пишут в последнем номере своего журнала: «Мы имеем дело со специфическим кризисом новой экономической политики, знаменующим крах той политики, при помощи которой пролетарская диктатура пытается восстановить народное хозяйство». Это говорят меньшевики. А с.-р. пишут: «На очередь ставится вопрос о ликвидации системы государственного капитализма (т.-е. новой экономической политики) и о решительном переходе к свободному частно-капиталистическому обороту. Кто сказал «а», должен сказать «б».

Вы видите, что вопрос поставлен этими нашими классовыми врагами в совершенно определенной и ясной форме. Наши враги не только утверждают, что пережитый нами кризис есть кризис самых основ нашей экономической политики, у них, как вы слышите, есть вполне ясный ответ на вопрос о том, как лечить наше хозяйство. Ответ этот мы слышим уже в течение нескольких лет, о нем кричит вся буржуазия, этот ответ таков: надо призвать частный капитал — русский и иностранный, надо восстановить частную собственность, и тогда кризиса не будет, все пойдет по-хорошему. Вот ответ меньшевиков и эсэров. Они говорят русским крестьянам и рабочим: видите, у вас ничего не выходит, у вас кризис, позовите назад помещиков и капиталистов, они наладят хозяйство. За эти советы мы вышвырнули их за наши пределы. Этих советов классовых врагов никогда не примут русские рабочие и крестьяне. Но какой же у нас был кризис? Действительно ли мы переживаем кризис о с н о в новой экономической политики? Требуется ли от нас пересмотр этой политики? Может-быть, да. Мы не догматики, мы не связали себя ничем. Для нас новая экономическая политика есть один из путей построения нового социалистического хозяйства. Может-быть, действительно, испытавши этот путь, мы должны будем признать, что он не годится. В таком случае мы должны будем его переменить. И мы переменили бы его, если бы пришли к убеждению, что, действительно, этот путь не ведет к той цели строительства социалистического хозяйства, которую мы себе поставили. Дала ли новая экономиче-

ская политика ту атмосферу и обстановку, при которой может происходить развитие производительных сил страны? Поставлены ли крестьяне и рабочие в отношении материального благосостояния в лучшие условия, чем прежде, или нет? Увеличились ли богатства страны? Если нет, нашу новую экономическую политику нужно пересмотреть. Нужно тогда избрать другой путь построения социализма.

Поэтому на этом вопросе, на вопросе о том, какого рода был кризис, касался ли он, действительно, основ политики, или это какой-то другой кризис, мы должны сосредоточить свое внимание. Ответ на это должен быть ответом фактами. Тут нельзя отвечать ни резолюциями, ни революционным энтузиазмом. Тут нужно сопоставление фактов. Вот на этом я на минуточку задержу ваше внимание.

Чем был вызван нэп?

Вспомните, с чем мы подходили к нэп'у, вспомните обстановку начала 1921 г. В тогдашних речах В. И. Ленина вы найдете полную характеристику того времени. Три основных экономических кризиса сделали для нас переход к нэп'у, по словам Владимира Ильича, абсолютно необходимым. Мы имели глубочайший продовольственный кризис, сокращение запашек, замирание сельского хозяйства, прекращение посева технических культур; сельское хозяйство почти перестало играть роль сырьевой базы для промышленности. Мы имели топливный кризис, — тогда в 1921 г., в начале, мы должны были закупать за границей уголь, потому что наша всероссийская кочегарка, разрушенная долгой гражданской борьбой, не могла доставить необходимого минимума пищи нашей промышленности. Отсутствие топлива привело к параличу промышленности. Наконец, мы имели кризис транспортный, который моментами доходил до таких размеров, что все правительство в центре и важнейшие представители Советской власти у себя на местах сидели и следили за каждым вагоном хлеба. Для того, чтобы продвинуть какой-нибудь один состав, необходим был иногда специальный отряд, который проталкивал доставку специальным приказом Владимира Ильича. Это было в начале 1921 года. Замирание сельского хозяйства, паралич промышленности на почве острого недостатка топлива, паралич нашей кровеносной системы — транспорта — и на этой почве кризис экономический, кризис политический, кризис недоверия, трения между крестьянством и рабочей властью, нарастание элементов недовольства и смуты даже в рабочем классе.

Вы знаете, что этот политический кризис, созданный этими экономическими противоречиями, экономическим параличом, получил свое выражение в памятных событиях марта 1921 г. Вот картина, которую мы имели. Что же мы имеем сейчас? Я обращаюсь, прежде всего, к состоянию сельского хозяйства.

Кризис сельского хозяйства и голод.

Сельское хозяйство — это основной резервуар нашей хозяйственной энергии и хозяйственной мощи. К 1920 г. мы имели общее сокращение посева на 20 милл. дес.; сокращение сырья для промышленности, а именно сокращение посевов льна — на 50%, а посев хлопка к 1920 г. сократился на 90%. Имело место общее сокращение количества скота. Это было в 1920 г. Затем нас ударил голод.

Очень часто, когда оценивают ныне наши успехи, забывают, что мы работали весь 1921 — 1922 г. в ненормальных условиях, что мы должны были затрачивать дополнительно усилия на ликвидацию последствий голода. Эта работа еще и теперь не закончена. Когда вы, таким образом, оцениваете добытые итоговые цифры наших успехов, не забывайте, что в них входят те дополнительные затраты энергии, продуктов, денег, которые производились специально на покрытие той ямы, которая называется голодом.

Что принес нам голод? Он дал нам, по некоторым подсчетам, потерю 1300 милл. пуд. хлеба, потерю 5 милл. голов крупного скота, 4 милл. лошадей. По голодным районам всего нашего Союза, — если считать в 1920 г. общее количество посева за сто,— то в 1921 году мы имели 88, а в 1922 г. — 60, т.-е. мы потеряли из-за голода посевов на 40%. Таким образом, не только те бедствия, которые являются результатом шести лет революции, внешних и внутренних войн, блокады, но и дополнительные, т.-е. голод, бросили наше сельское хозяйство в очень глубокую яму разрухи.

Возрождение сельского хозяйства.

Что же мы имеем теперь? К чему мы пришли? В 1921 г. 60 милл. дес. всех посевов, в 1922 г.—51 милл., в 1923 году — 61 милл. дес.

Это значит, что за этот год мы подняли цифру наших посевов на 10 милл. дес., т.-е. на 19%. Мы имеем теперь 75% посевной площади 1916 г. Для более наглядной характеристики процесса, наблюдающегося в нашем сельском хозяйстве, приведу еще некоторые цифры. Крупного скота в 1923 г. у нас на 4 милл. голов больше, чем в 1922 г. Рабочего скота на 1 милл. больше, чем в 1922 году. Наконец, и это очень важно, посевы льна за год увеличились на 10%, конопли — на 16%, а хлопка — на 300%. Для нашей текстильной промышленности очень важно, вместо 53 тыс. дес. хлопка, которые мы имели в 1920 г. — иметь сейчас 153 тыс. десятин.

Вы видите, что эти цифры сравнительно невелики. Мы ни в одной области сельского хозяйства не перешли еще 75% довоенного производства. И в общей продукции сельского хозяйства, ценность которой равняется 5½ миллиардам, и в области животно-

водства, где мы имеем 71% числа 1913 г., и во всех других областях, сравнительно с довоенным уровнем, мы еще отстаем. Но, вместе с тем, мы имеем перед собой несомненно картину роста сельского хозяйства.

Общая продукция сельского хозяйства в довоенных зол. руб.:

в 1913 г.	8	миллиардов	зол.	руб.	
» 1922 г.	5	миллиардов	250 тыс.	зол.	руб.
» 1923 г.	5	»	500 »	»	»

Значит, общая сумма продукции сельского хозяйства достигла у нас 70% довоенной продукции. То же мы наблюдаем и в области животноводства. Животноводство:

в 1913 г.	давало	2	миллиарда	200 тыс.	зол.	руб.
» 1922 г.	»	1	»	400 »	»	»
» 1923 г.	»	1	»	600 »	»	»

т.-е. 71% довоенного.

Увеличивается общее количество посевов, интенсифицируется сельское хозяйство, увеличивается количество высокотехнических культур; сельское хозяйство как поставщик сырья для промышленности также начинает подниматься. Это дает возможность некоторым из наблюдателей нашей сельскохозяйственной жизни сказать, что через 2 — 3 года, при среднем урожае, сельское хозяйство твердо станет на ноги и будет способно выбросить на рынок на $1^1/_2$ — 2 миллиарда рублей золотом своей продукции. Таким образом, нет никакого сомнения, что за этот год, в области сельского хозяйства, мы не только не остановились на прежнем уровне, но пошли, и значительными шагами, вперед.

Рост промышленности.

Обратимся к нашей промышленности. И тут вам придется также выслушать несколько цифр. Вещь скучная, но необходимая.

Общая валовая продукция промышленности в довоенных в золотых рублях в 1913 г. оценивалась в $6^3/_4$ миллиарда, в 1921 г. — 1.300 милл., в 1922 г. — 1.900 милл., в 1923 г. — 2.410 милл. Мы дошли, таким образом, до 36% довоенной продукции, в то время как в 1922 г. мы имели только 20 — 22 — 23% довоенной продукции.

В течение одного года общая сумма продукции нашей промышленности увеличилась чрезвычайно значительно — на 500 милл. зол. руб. Теперь попытаемся проверить эти общие цифры на отдельных достижениях как раз тех отраслей хозяйства, которые создали перед нами, перед новой экономической политикой, тогдашний острый кризис. Мы увидим, что угля в 1920 — 1921 г. мы имели 464, в 1921 — 1922 г. — 589, в 1922 — 1923 г. мы имеем 648 милл. пуд. (таблица № 1, стр. 345*).

---

* Все диаграммы и таблицы — в конце тома.

Если мы возьмем Донбасс, нашу кочегарку, то мы имели в 1921 г. — 284, в 1922 г. — 406, в 1923 г. — 448 милл. пуд. угля. Тут взят хозяйственный год. По последним сведениям, которые у меня имеются за год календарный (с 1 января по 1 января), включая не только государственную промышленность, но и работу комбинатов, работу Наркомпути, мы добыли за этот год по Донбассу 576 милл. пуд. угля. Обратимся к нефти. Здесь мы имеем такие цифры: в 1920 — 1921 г. добыча составляла 224 милл. пудов, в 1922 г. — 274, в 1923 г. — 317 милл. пуд. Как видите, мы можем сказать, что 1923 г. принес окончательное разрешение топливного кризиса. То, над чем мы так бились, то, что заполняло страницы наших газет выкриками: Все на топливо! — Дать топливо во что бы то ни стало! — В ударном порядке необходимо топливо! — эта проблема решена. Топливо в этом году поставлялось всем потребителям без отказа и в полной мере. Мало того, мы должны признаться вам, что в Донбассе у нас лежит 70 милл. пуд. угля, которые превышают плановые задания и потребности страны.

Мы дошли до такого момента, когда правительство серьезно должно обсуждать вопрос о том, что для нашего донецкого угля необходимы и заграничные рынки. Это результат всего 2—3 лет работы в Донбассе. Мы, наконец, дожили до того, что ни одна отрасль промышленности и ни один потребитель не получили отказа в удовлетворении нефтью и углем. Если вы вспомните теперь всю трудность этой задачи, как мы ее себе рисовали, задачи дать пищу промышленности, обеспечить топливный фонд для всей нашей промышленной деятельности,—то надо удивляться тому, что в условиях новой экономической политики мы добились таких результатов.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с добычей нефти. Мы добыли в этом году 315 милл. пуд. нефти. На внутреннем рынке мы продали 215 милл. пуд., 20 милл. пудов мы уже вывезли за границу в этом году, и у нас имеется остаток 80 милл. пуд. на 1 октября этого года.

Топливный кризис — дело прошлого. Промышленность обеспечена необходимой ей пищей и может развертываться на имеющейся топливной базе нормально и планомерно, зная, что по простому заказу, по простой телеграмме, без толкачей, без специальных распоряжений т. Калинина или т. Рыкова топливо будет доставлено.

Это крупнейшее завоевание. Топливо — пища промышленности. Без решения вопроса топлива смешно говорить о развитии промышленности. Отсутствие топлива было одной из главных причин кризиса весны 1921 г. Теперь эта задача решена.

Перехожу к другим областям промышленности. Рудная промышленность — основа нашей металлургии — добыча железной руды возросла за один год в два с половиной раза; выплавка чугуна также.

Пряжа — это основной крестьянский товар, именно через эту, текстильную, промышленность решается проблема смычки национализированной промышленности и крестьянства. Вот цифры выработки пряжи в тысячах пудов: 1.075 тыс. пуд. — в 1921 г.; 3.065 тыс. пуд. в 1922 г.; 4.515 тыс. в 1923 г. Готовая ткань в аршинах: 205 милл. арш. — в 1921 г.; 437 милл. арш. — в 1922 г.; 760 милл. — в 1923 г.

Если взвесить эти сухие цифры, которые, однако, решают проблему: строим ли мы социализм или бессильны — то мы увидим, что выработка пряжи дала нам за два года увеличение общей суммы производства на 420%, причем за один последний год — на 147%. По готовой ткани увеличение за два года — на 370%, за один год, последний, — на 170%.

Вот основные цифры по главным отраслям промышленности. Но я не хотел бы на этом останавливаться; я боюсь вас утомить. Поэтому прочту лишь некоторые цифры. Вы, строители нового хозяйства, должны знать, имеете право знать, каков результат длительной работы, проделанной в этом отношении. Вот вам выплавка нового чугуна: за один год увеличение на 77%; мартеновское за один год увеличилось на 86%; прокатка — на 65%; производство разных машин за один год возросло на 55%; инструменты и прочие изделия из металлов — увеличение за один год на 63%; орудия транспорта — увеличение за один год на 115%. Общая продукция металлургическая и крупного машиностроения дала увеличение на 63%, при чем товарищи, которые проверяли эти цифры, свидетельствуют о плавности движения из месяца в месяц за последний год. *

Мы имеем по машиностроению, если взять продукцию первого квартала за сто, в следующем квартале — 117, в третьем 155 и в четвертом — 173. Таким образом, это не случайное повышение, не то, что какая-нибудь случайная ситуация дала нам вопреки нашей политике такую картину возрастания нашей промышленности. По всем этим отраслям вы видите страшно малые цифры в 1921 г., несомненный рост в 1922 г. и ускорение темпа роста от 1922 к 1923 г. Это обстоятельство должно преисполнить нас, конечно, не оптимизма, который нам не нужен, а спокойной уверенности в том, что дело восстановления основной базы пролетариата, основной базы пролетарской диктатуры, находится на верном пути.

Еще несколько цифр. Кожевенная промышленность увеличила свою продукцию на 37% за один год; резиновая — на 42%; спичечная — 95%; бумажная — 104%; стекольная — 102%; общее увеличение основной химической промышленности — 63%. **

---

* Точные цифры см. в конце тома в таблице № 2, стр. 345.

** Цифры валовой продукции разных отраслей промышленности в миллионах довоенных зол. руб. см. в таблице № 3, стр. 346.

Каков же итог? В итоге мы имеем общий рост промышленности. Планомерность этого развития из года в год, из месяца в месяц.

Вот, товарищи, в диаграмме № 3 * представлены различные отрасли нашего хозяйства только за этот последний год, и если исключить деятельность хлопчатобумажной промышленности в летние месяцы, когда фабрики были закрыты, то вы увидите планомерный подъем. Нефть, Донбасс, от октября до ноября, добыча угля — все это показывает подъем.

Вы видите, что это есть планомерное развитие из месяца в месяц, которое свидетельствует об оздоровлении в основном самого процесса, самой организации производства.

Собирание пролетариата.

На этой почве, — на почве роста промышленности, — мы отмечаем и важнейший политический фактор — консолидацию пролетариата. Мы имеем в государственной промышленности такую картину: в 1921 г.—1.120 тыс. пролетариев, в 1922 г.—1.250 тыс., в 1923 году—1.450 тыс., т.-е. увеличение нашей рабочей армии за год на 200 тыс. пролетариев. Мы дошли, наконец, до того, что в промышленности занято 60% всего пролетариата довоенного времени.

Вспомните, товарищи, как в той самой речи, которою Ильич твердой рукой поворачивал нас к новому курсу, курсу новой экономической политики, он с горечью говорил:

«Где наш пролетариат, где та промышленность, которая может собрать пролетариат, консолидировать его, укреплять его классовое самосознание, его классовые чувства? Где он?»

Мы на этот вопрос можем теперь ответить: процесс рассасывания пролетариата закончился. Мы присутствуем при новом важнейшем политическом факте. Пролетариат собирается обратно в города. Города растут, процесс консолидации пролетариата усиливается. Вместе с тем растут и его культурный уровень, и его материальное благосостояние. Происходит процесс повышения заработной платы, еще далеко не достаточный, но несомненный. Мы имеем определенно тенденцию роста заработной платы, и мы должны эту тенденцию развивать дальше. Совершается возрождение пролетариата как политически-организованной силы, имеющей под собой твердую базу в промышленности, которая развивается уже не скачками, а планомерно. Благодаря этому увеличивается удельный вес пролетариата в нашем государстве.

---

* Диаграмма № 3 в конце книги.

Транспорт работает без отказа.

Еще, товарищи, один показатель за два года получили. Увеличилось количество нашей сельскохозяйственной продукции, увеличилась продукция промышленности. Но есть ли у нас тот аппарат транспорта, без которого невозможен товарооборот? Вспомним наш аппарат транспорта, когда он являлся величайшим препятствием обороту, когда он лежал в параличе. Может-быть, транспорт и теперь является препятствием обороту торговли, развитию связи между городом и деревней, может-быть, у него не хватает сил, чтобы поднять этот товарооборот? Нет, товарищи, вот цифры, говорящие о длине сети, действующей, работающей сети железных дорог. В 1914 г. (это максимальная длина довоенной сети) — 63 тыс. верст. В 1918 г. мы скатывались до 25 тыс., а в 1923 г. мы превысили длину довоенной сети, у нас работают 64 тыс. верст. Работают, а не числятся на бумаге. На одну тысячу верст больше, чем в 1914 г.

А что мы перевозим? Если принять перевозку 1913 г. за 100, то в 1918 г. мы перевозили только 27%, в 1919 г. — только 23% того, что мы перевозили до войны. В 1922 г. — уже 33%, и в 1923 г. — 45%. Это значит, 45% от размеров от 1913 г., и увеличение на одну треть общего количества грузов, перевозимых железными дорогами за один год. Мы можем смело сказать: наш транспорт работает без отказа. Не получали отказа в этом году в транспорте ни наш товарооборот, ни крестьянское хозяйство, ни промышленность. Прежнее время, когда мы сидели все на телефоне и ждали отдельных вагонов, давным-давно прошло и кануло в вечность. Транспорт работает без отказа. Мало того, все данные о его состоянии говорят за то, что он способен удовлетворить потребности товарооборота страны, как бы этот товарооборот ни увеличился. Мы можем смело увеличивать все больше и больше и производство сельского хозяйства, и производство промышленности. Транспорт не будет отставать. Да, мы здесь должны сказать, что кровеносная система нашего народного хозяйства работает правильно и планомерно. Тов. Дзержинский своим напором, своей энергией добился того, что ни промышленности, ни сельскому хозяйству, ни государственной власти не приходится теперь оглядываться на транспорт. Вопросы транспорта сняты с порядка дня. Мало того, тов. Дзержинский хочет порадовать нас в наступающем году, — и мы ему поможем этой радости добиться, — сделать так, чтобы вся эксплуатация транспорта была бездефицитна, была бы сбалансирована. То, что мы тратили из народного кармана, из общенародных сбережений на поддержание этого транспорта, теперь останется на другие нужды. Эксплуатация железных дорог поставлена так, что она сама себя будет окупать.

Наконец, мы знаем, что мало только перевозить товары при наших условиях, при нашей экономической политике, — для того, чтобы они обращались, мы должны иметь еще некоторое орудие обращения, которое называется деньгами.

Организация кредита.

Я буду еще говорить о деньгах и о наших задачах в области финансов, но сейчас, разбирая вопрос, чего же мы достигли за этот год новой экономической политикой, и что у нас, — действительно ли кризис нашей политики, или какой-то другой кризис, — я сообщу только одно: в этом году мы добились того, что поставили кредитную организацию таким образом, что она смогла оказать кредит государственным и кооперативным организациям на сумму 532 млрд. руб. зол. Хозяйствовать нельзя, если нет кредита, хозяйствовать и планомерно хозяйствовать невозможно, если вы сидите только на одном бюджете. Эту истину мы поняли не очень давно. Кредитные учреждения мы стали организовывать только 2 года назад. И если мы в 2 года так сорганизовали кредит в нищей, бедной стране, не имеющей международных связей, окруженной врагами, только что пережившей голод с людоедством, если мы организовали кредит для кооперации и госпромышленности в 532 млрд. руб. зол., то это очень большое достижение. Мало того, наш кредитный аппарат — государственный банк — сумел за это время, как основу своих кредитных операций, как основу для червонцев, накопить золота и иностранной валюты на 150 млрд. руб. зол. и, опираясь на это, пустить в народное хозяйство здоровую, твердую деньгу — на 300 млрд. черв. руб.

Экономическая политика советской власти оправдала себя.

Имея перед собой эти факты, мы можем ответить, правы ли те господа, которые говорят, что мы имеем кризис нэп'а, имеем кризис самой политики. Это неверно. Наоборот, мы имеем рост всех отраслей народного хозяйства. Основной резервуар нашей хозяйственной энергии — сельское хозяйство — развивается и находится на правильном пути. База социализма, база диктатуры пролетариата — крупная промышленность — развивается из года в год, улучшает свою организацию и идет вперед. Транспорт — кровеносная система наша — работает без отказа. Деньги — важнейший теперь элемент народного хозяйства — улучшаются равным образом. Кризисы продовольствия, топлива и транспорта разрешены, пролетариат консолидируется.

При наличии этих факторов может ли стоять вопрос о том, что новая экономическая политика не оправдала себя, что мы находимся перед кризисом основ нашей политики? Нет. Страна наша за эти 2 года и в особенности за последний год стала богаче: она стала богаче хлебом, она стала богаче сырьем, богаче товарами и богаче деньгами. Благосостояние крестьянства и рабочего класса улучшилось и поднялось, и поэтому для нас нет никаких оснований пересматривать основные элементы той экономической политики, на почве которой все эти процессы развились. Не назад нам нужно итти, а вперед. И мы пойдем вперед. Это не значит, что перед нами гладкая дорожка, нет, для того, чтобы двигаться вперед, нам придется преодолевать затруднения и кризисы. Тот был бы величайшим утопистом, тот не был бы политиком, не был бы коммунистом, кто представлял бы себе, что новая экономическая политика есть умощенная гладенькая дорожка, по которой мы прямехонько въедем в социализм. Нет, новая экономическая политика есть попытка построить социализм в аграрной стране, ее задача — пригонка национализированной пролетарской промышленности и крестьянского раздробленного хозяйства. Эта пригонка нам удастся не сразу. И ни в одной книжке не говорится, как строить социализм на деле, как регулировать промышленность и пригонять ее к 18 милл. крестьянских хозяйств. Рецептов на это нет — это делается только на опыте. Тут мы будем учиться изо дня в день. Пригонка государственной промышленности к крестьянскому хозяйству, сочетание интересов промышленности и деревни — длительная практическая задача. И тот кризис, который мы пережили, показывает, с какими затруднениями мы в этой практической задаче будем встречаться. Тот кризис, который мы переживали, есть кризис не основ нашей экономической политики, а кризис несоответствия между отдельными отраслями народного хозяйства. Наша промышленность развивается, растет, но она еще не научилась производить по такой цене, которая была бы доступна крестьянскому рынку.

Наше сельское хозяйство развивается, растет, но оно еще не способно потребить продукты нашей промышленности. Вот несоответствия, вот основа кризиса: высокие цены на продукты промышленности, низкие цены на хлеб. Мы имеем не кризис основ нашей политики, как кричат наши враги, а кризис сбыта. Этот кризис свидетельствует только об одном, — что мы должны вновь и вновь учиться пригонять промышленность к крестьянскому хозяйству.

Те, которые с самого начала предсказывали нам провал Октябрьской революции, говорят нам и теперь: видите — кризис; значит, выход в частном капитале, — пожалуйте к частному капиталу.

Социализм и частный капитал.

Мы имеем на этот счет совершенно точные, бесстыдные, можно сказать, формулировки и мы должны к ним внимательно прислушиваться, так как они дают нам ту программу, которая может быть противопоставлена нашей.

Вот что эта программа говорит:

«Основной процесс возрождения народного хозяйства должен поэтому протекать в частно-капиталистических формах, а для этого требуется широкая денационализация и такие политические условия, при которых возможен приток внутреннего и иностранного капитала во все отрасли промышленности». Так говорят с.-р. и меньшевики. Так пишет газета, которая, издеваясь над здравым смыслом, осмеливается называть себя: «Социалистический Вестник».

Это рецепт серьезных людей, серьезных в том отношении, что за ними кроется весь мировой капитализм, который смотрит на наши цифры, на наш кризис и говорит:

«А, господа рабочие, не удастся вам социализм построить».

А мы им докажем на деле: нет, социализм строится. Не так быстро, как мы бы хотели, в гораздо более трудных условиях, в условиях пригонки национализированной промышленности к условиям свободного рынка. Но элементы социализма все же растут, и эта смычка между национализированной промышленностью и крестьянским хозяйством все время будет крепнуть. Они говорят: зовите капиталистов и помещиков; а мы говорим: нет, мы делаем другой вывод из наших затруднений: надо поднимать благосостояние крестьянства, надо поднимать национализированную промышленность, надо смыкать развивающуюся промышленность и развивающееся сельское хозяйство в единый противокапиталистический союз. Это трудное дело, но, ведь, сбросить царя, помещиков и капиталистов было тоже трудно. Рабочие и крестьяне справились с тем делом, справятся и с этим.

Мы должны помнить, что на хозяйственном фронте мы сейчас не одни. Нет, мы с вами допустили и буржуазию. Она стоит тут около нашей работы, глядит на «ножницы». И мы знаем, что всякое наше упущение в деле смычки между пролетариатом и крестьянством превращается в экономический капитал новой буржуазии. Мы с вами достаточно марксисты и реалисты, чтобы понимать, что всякий экономический капитал пытается превратиться в капитал политический. Рост новой буржуазии, происходящий в результате недостаточно правильного решения вопроса о смычке между рабочими и крестьянами, есть явная угроза, которой мы должны смотреть в глаза, но от которой нам нечего приходить в панику.

Нас учил Владимир Ильич, что мы должны допустить нэп-

мана. Если мы допустили, чтобы $5^1/_2$ милл. продукции сельского хозяйства обращались на вольном рынке, путем купли и продажи, — как же не вырасти буржуазным отношениям, как не пытаться буржуазии встать между рабочим и крестьянином?

Но буржуазия допущена нами лишь до известного предела. Этот предел определяется нашей экономической мощью, успехом смычки между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, а эта смычка, в свою очередь, на деле находится в зависимости от товарооборота между национализированной промышленностью и крестьянским рынком. Поэтому-то «ножницы», т.-е. расхождение цен на промышленные продукты и продукты крестьянского труда, приобретают для нас основное значение. Цена пуда ржи — с одной стороны, и цена ситца, железа, керосина — с другой стороны; величина накладных расходов промышленности, работа нашей государственной торговли и кооперации — становятся поэтому основными вопросами политики. Всю энергию и все наше внимание мы должны обратить теперь на то, чтобы эти цены, эти накладные расходы, эта работа государственной торговли и кооперации не разъединяла, а объединяла рабочих и крестьян. Тогда никакая буржуазия нам не будет страшна, тогда дело социализма будет двигаться вперед, несмотря на все затруднения и все препятствия. Мы должны помнить, что всякой нашей ошибке в этой области радуются наши классовые враги. Поскольку на основе рынка, который мы с вами не отменили и не собираемся отменять, растет новая буржуазия, присмотр за нею со стороны рабочих и крестьян должен быть самый строгий.

Мы должны смотреть правде прямо в глаза и принимать свои оборонительные и наступательные меры, но прежде всего должны видеть реальные очертания этой опасности.

Борьба с «ножницами».

Взгляните на «ножницы» (диагр. № 4).* Эти «ножницы», понятно, перестали быть экономическим вопросом. Они единственные политические вопросы, которые существуют у нас в республике, ибо они определяют уже смычки между рабочими и крестьянами. Вы видите, что эти «ножницы» приблизительно до сентября 1923 г. не только не смыкаются, но, наоборот, все шире и шире растворяют свою пасть, и с этого момента начинается решительная борьба правительства с этими «ножницами». Мы пытаемся, нажимая с той и другой стороны, превратить эти «ножницы» в клещи, которые сдавливали бы тот нэп'овский капитал, пробирающийся в пасть этих «ножниц». Насколько это нам удается, и как удастся нам дальше

* Диагр. № 4, см. конец книги.

направлять эту политику? Решение вопроса о «ножницах» есть, действительно, решение основного вопроса.

Позвольте, товарищи, перед этой картиной «ножниц», в абстрактной форме рисующей вам расхождение цен на сельскохозяйственные продукты, цен, которые, как видите, ниже уровня, и на продукты промышленности (цены), которые выше уровня,— позвольте вам нарисовать конкретную картину того, как правительству приходится с этим вопросом сталкиваться и как в реальной жизни приходится решать этот вопрос. На Нижегородской ярмарке Центросоюз решил закупить как можно больше товаров. Руководствовался он простым соображением: крестьянин соберет хлеб к осени, продаст его и обратится ко мне, Центросоюзу, за продуктами промышленности. Поэтому покупай побольше, а так как у крестьянина после реализации урожая будут деньги, то не скупись. Но так как Центросоюз сам денег не имел, а надеялся заплатить трестам и синдикатам теми деньгами, которые он получит от крестьян, то он выдал на всю сумму закупки векселя. Этих векселей было выдано на очень большую сумму. Я возьму один только месяц. В ноябре Центросоюз должен был заплатить 20 милл. нашим трестам, нашим синдикатам, нашим заводам. Товары свои он, благодаря прекрасной работе т. Дзержинского, свез на места, они лежали там, и он ждал получения из райсоюзов, из низовых ячеек, своих 20 милл. руб. для того, чтобы отдать их через Госбанк трестам и синдикатам. Подходит ноябрь месяц, и из всех райсоюзов Центросоюз вместо денег получает сообщения: товары лежат, крестьянин не покупает, поэтому выслать вам деньги не можем. Тогда т. Хинчук собирает все полученные сообщения, является, конечно, в СТО и говорит: я, товарищи, должен был в этом месяце внести трестам и синдикатам 20 милл. руб., но у меня их нет. Почему нет? Крестьянин не покупает. Но не забудьте, товарищи, что в то время, как в одну дверь вошел т. Хинчук с заявлением, что он не может заплатить, в другую дверь пришли к тому же правительству представители фабрик и заводов с заявлением такого рода: мы рассчитывали получить в ноябре 20 милл. от т. Хинчука: эти деньги мы должны были обратить на выплату заработной платы, на закупку сырья, обновление машин, а теперь мы узнаем, что он платить не будет. Что же нам делать? Видите, как эта цепь обрушилась и на промышленность, и на крестьянство. Крестьянин стоял перед товарами, видел эти товары, ему абсолютно необходимые, но по существовавшей цене он не мог их купить, а в это время промышленность, выпустившая свои товары и ожидавшая получить деньги для выплаты заработной платы, для покупки сырья, для развития производства, получила известие— платежей не будет. Что же делать промышленности? Закрывать

заводы, сокращать производство, сорвать постепенный рост нашей промышленности, потому что крестьяне не купили товаров? Тут, действительно, цепь, которая ударила одним концом по крестьянину, другим концом — по рабочему. И если бы мы не приложили всех усилий к тому, чтобы эти разошедшиеся лезвия сжать, если бы на обоих фронтах мы не стали действовать так, чтобы этого достигнуть, то тогда получилось бы то, от чего предостерегал нас т. Ленин. Он говорил нам: товарищи, смотрите за крестьянином. Если придет такой момент, когда крестьянин скажет: мне ваша социалистическая организация не подходит, она дорога; оплачивать советский ситец я не могу, покупать керосин, который произведен на нефтяных промыслах, принадлежащих государству, я не в силах, — это будет грознейшим признаком того, что мы смычку между рабочим и крестьянином проводим скверно, что социализм строим очень плохо. Вот почему этот вопрос для нас стал центральным вопросом.

Что же тут можно сделать? Прежде всего, надо поднять то лезвие «ножниц», ту линию, которая указывает нам цены на сельскохозяйственные продукты. Эта линия (см. диагр. № 4) говорит о довоенном уровне. Если до войны цена пуда хлеба стояла на этой линии (см. диагр. № 4), то нынешние цены на хлеб падали все ниже и упали чрезвычайно низко до уровня (см. диагр. № 4). Потом они стали подниматься. Вся энергия Советского правительства должна быть ныне сосредоточена на том, чтобы всеми силами притти на помощь крестьянину в поднятии крестьянских цен на хлеб. Но что же тут можно сделать? Первое, что определяет цену на крестьянский хлеб, это — размеры его потребления. Наша промышленность теперь уже, чем до войны, города меньше, чем до войны, область потребления крестьянского хлеба внутри России менее обширна, чем до войны. Единственная, реальная помощь, которую может государство оказать крестьянину для того, чтобы цена на хлеб повысилась, это — усилить вывоз хлеба за границу.

Экспорт хлеба.

Надо помнить, что наше сельское хозяйство было построено как часть мирового хозяйства. Мы вывозили до войны продуктов сельского хозяйства на миллиард золотых рублей, а потом, в течение войны и революции, совсем не вывозили. Это перестроило все наше хозяйство. Если хозяйство приспособилось к тому, чтобы ежегодно вывозить на миллиард золотых рублей, а потом вывоз прекращается, то это должно было подействовать разлагающим образом на все строение хозяйства. Только в прошлом году проблема вывоза хлеба стала перед нами реально. Только после голодного года мы могли поставить эту проблему, и пра-

вительство немедленно взялось за эту задачу. В прошлом году хлеба мы вывезли 40 милл. пуд. В этом году мы увеличили это задание в 6 раз — до 250 милл. Вы знаете, товарищи, что этот вывоз в 250 милл. пуд. составляет только одну четверть того, что вывозила Россия до войны, и, следовательно, это еще далеко не достаточный вывоз. Мы считаем, что главнейшей задачей нашей внешней политики, главнейшей задачей нашей дипломатии является отвоевать для русского крестьянского хлеба, для хлеба союзного крестьянства те мировые рынки, которые были потеряны во время войны и революции и были захвачены американцами. Это не так просто. Эта задача требует усиленной работы и внутри — заготовляющих органов, и во вне — органов внешторга и нашей дипломатии. Мы ее начинаем решать благополучно. Отзывы, которые мы имеем, показывают, что реализация нашего хлеба на заграничном рынке идет хорошо, и что мы этот рынок начинаем завоевывать.

Вот что пишет «Берлинская Биржевая Газета» в номере от 30 декабря 1923 г. относительно нашего хлеба:

«Главным результатом предыдущего и нынешнего сезона является то, что все ожидания, касающиеся русского экспорта, особенно экспорта хлеба, оказались превзойденными. Русская рожь быстро успела занять первое место на германском рынке сбыта ржи, которое со времени окончания войны нераздельно занимала американская рожь, и привоз из России, как и новые предложения ржи, заметно возрастают. На этот раз русская рожь обнаруживает особенно хорошие качества для помола. Она тяжела на вес и в то же время обладает тонкой шелухой. Заслуживает особенного упоминания, что очистка зерна под контролем Советского правительства, в противоположность прежним временам, безупречна».

Если мы так будем продолжать, если мы завоюем внешний рынок для хлеба нашего крестьянства, то это окажет благодетельное влияние и на внутренние цены: цена на крестьянский хлеб будет подниматься, ибо будет расти спрос на него.

Мы должны понимать, что вне развития экспорта, вне завоевания свободной широкой дороги для продуктов русского сельского хозяйства за границей, у нас нет выхода из «ножниц».

Наш заграничный вывоз.

Я бы хотел здесь, кстати, остановиться и вообще на нашем положении с заграничным вывозом. Не думайте, товарищи, что наши экономические сношения с заграницей начались только недавно. Нет. Мы сносились с заграницей уже в 1921 г. Картину, которую дают нам импорт и экспорт, изображает табл. № 4. *

* Строение импорта см. стр. 346, табл. № 4.

Из этой таблицы видно, насколько больше мы ввозили, чем вывозили. Мы, бедная, нищая и голодная страна, должны были затрачивать последние крохи накопленных ценностей, чтобы ввозить, и мы почти ничего не имели для вывоза. В начале 1921 г. наш вывоз за границу равнялся нулю. В голодном 1921 г. мы вынуждены были ввозить продовольственные продукты. Но заметьте, линия экспорта все время повышается, колеблясь, идет вверх. Только к осени этого года линия нашего вывоза побеждает линию нашего ввоза, и мы начинаем вывозить больше, чем ввозили. Это, товарищи, и есть создание того активного баланса, который нам необходим. Мы должны как можно больше вывозить, потому что нам надо очень много ввозить. Нам надо ввозить сырье для промышленности, машины для сельского хозяйства, лучшие семена, различные материалы, орудия и т. п.

Все это надо ввозить. Чем мы можем оплатить наш ввоз? Только нашим вывозом. Мы должны комбинировать ввоз и вывоз так, чтобы у нас накоплялась разница, получающаяся от превышения вывоза над ввозом. Нам нужна некоторая разница, которая доставалась бы Наркомфину. Зачем нам эта разница? Может повториться опять несчастный голод, мы не гарантированы от неурожая, и нам нужен некоторый маленький запас. Если бы нам понадобилось ввозить в случае неурожая, необходимо, чтобы у нас был такой денежный запас. Мы помним, кроме того, что могут быть такие моменты, какие были в октябре — ноябре. Нам нужно на такой момент, когда потребуется напряжение всех сил, быть немного обеспеченными. Наконец, нам нужно, — и это наша очередная задача, — получить хорошие деньги. На деньги, на которые мы жили последний год, жить нельзя. Чтобы иметь хорошие деньги, надо, чтобы в Госбанке и в кассе НКФ лежал некоторый запас золота.

Вот почему развитие нашей внешней торговли, экспорта, есть, с одной стороны, единственное реальное средство поднять цены на крестьянский хлеб, с другой стороны — единственное средство, при помощи которого мы можем развить ввоз некоторых необходимых нам предметов.

Я сейчас задержу ваше внимание на изменении состава нашего импорта. Табл. № 4 показывает нам движение ввоза предметов личного потребления и предметов производственного потребления. Первое — это то, что мы съедаем, второе — это то, что необходимо для развития нашей промышленности нашего сельского хозяйства. В 1921 г. почти все ушло на покупку предметов продовольствия. В 1922 г., как видите, немножко меньше предметов продовольствия и немножко больше предметов производства и орудий производства. А в 1923 г.? вы видите, как в 1923 году сокращается из квартала в квартал, из месяца в месяц, становится менее значительной величиной ввоз предметов личного потре-

блепия, и как громаднейшим образом вырастает ввоз в нашу страну машин, сельскохозяйственного сырья и всего того, что необходимо для развития городской и сельской промышленности. Это — правильная линия. Правительство считает, что это — правильный путь, и что по этому пути надо будет итти дальше: не ввозить никаких предметов роскоши, производить внутри страны все, что можно, ввозить только то, что произвести мы не можем, и что кладется в основу дальнейшего развития нашей промышленности и земледелия.

Наконец, из области внешней торговли еще одно сравнение — наших внутренних цен на хлеб по месяцам с конца 1922 и по конец 1923 г. и цен на хлеб на внешнем рынке (диагр. № 5).* Вы видите, как отстают одни цены от других. Вы видите, что появление русского хлеба на мировом рынке заставило хлебные цены понизиться. Но все же внутренняя цена еще отстает от мировой цены. Разница между ценой на внешнем рынке и внутреннем будет всегда, но нам надо использовать внешний рынок для того, чтобы поднять цену крестьянского хлеба и внутри страны. И тут встает перед нами и крестьянством вопрос: кто же положит в карман эту разницу? При капиталистическом строе разница между внутренними и внешними ценами идет в карманы капиталистов, хлебных скупщиков, в карманы банкирских фирм, которые держат в своих руках мировую торговлю хлебом. Монополия внешней торговли даст нам возможность направлять эту разницу в государственную казну и использовать ее в интересах рабоче-крестьянского государства. Вот почему для крестьян монополия внешней торговли в этот момент является одним из важнейших орудий восстановления крестьянского хозяйства. Пусть наша дипломатия станет для крестьянства орудием того, чтобы крестьянский хлеб получил доступ на внешний рынок. Пусть монополия внешней торговли станет орудием того, чтобы крестьянский хлеб продавался за границей как можно более выгодно для крестьянства, и чтобы весь доход от этого шел на пользу ему, крестьянству, а не частному посреднику. Тогда мы справимся с тем кризисом, который у нас есть.

Надо поднимать сельское хозяйство.

Но, конечно, не только вывозом будем мы лечить эти «ножницы». Вывоз за границу показал, между прочим, и то, что крестьянское хозяйство наше должно приспособиться к мировому рынку. Когда мы собирались заготовить 250 милл. пуд. хлеба для вывоза за границу, то главная доля этого количества пала естественно на рожь и лишь небольшая часть на пшеницу. А когда мы

* Диаграмма № 5 в конце книги.

спросили за границей, какой им нужен хлеб, то большинство стран ответило: мы едим пшеничку, поэтому подайте пшеничку.

До войны одно животноводство, птицеводство, яйца и масло давали русскому сельскому хозяйству вывоз на 80 милл. руб. Заграница требует не ржи, а пшеницы, требует яиц, масла. Это указывает на то, что наше крестьянское хозяйство должно реорганизоваться, приспособиться к мировым потребностям, поднять свой технический уровень, стать более культурным, более высокого типа, производить более ценные культуры. Здесь государство должно притти на помощь. Мы должны помочь крестьянству совершить этот поворот, ибо, товарищи, не забывайте, крестьянство — единственная база для нашей промышленности. Крестьянство, не покупающее предметов нашей промышленности, создает неизбежно крах национализированной промышленности. С другой стороны, социализм без крупной промышленности не существует. Отсюда ясно, что нити развития социализма приводят к проблеме платежеспособности и емкости крестьянского рынка.

Помощь сельскому хозяйству.

Государство должно помочь крестьянству наладить и повысить технический уровень его хозяйства, но наше государство бедно. Мы знаем, что каждая сотня рублей, вложенная сейчас в сельское хозяйство, дала бы через год, через два громадную общенациональную прибыль. Нет более плодотворного для увеличения богатства страны дела, как вложить капиталы в землю, как снабдить крестьянина машинами, как дать ему лучшие семена, как дать ему оборотные средства. Это верно, но обстоятельства, которые задерживают развитие мировой революции, делают нас бедными и заставляют на это величайшее дело отпускать сравнительно жалкие суммы.

Правительство ставит своей задачей создать дешевый сельскохозяйственный кредит для крестьянина, организовать с этой целью специальный сельскохозяйственный банк. Мы полагаем, что в этот банк в качестве основного капитала можно вложить 40 милл. зол. руб. Это то основное, вокруг чего должны будут нарастать новые и новые капиталы.

Правительство идет дальше: весь запас сельскохозяйственных машин, которые были произведены за последнее время и лежали на наших складах, мы решили немедленно пустить в среду крестьянства по довоенным ценам и ниже довоенных, с длительной рассрочкой платежа.

Кроме того, как новый способ добиться тех же результатов, развязать хозяйскую энергию крестьянина, дать ему возможность лучше приспособиться к рынку, повысить уровень последнего, нужно рассматривать наше решение окончательно отказаться

в этом году от натуральной части налога и перейти на чисто-денежный налог. Наконец, завершением всех этих мер, которые необходимы для того, чтобы поднять нижнее лезвие ножниц, чтобы повысить ценность крестьянского труда, чтобы увеличить покупательную способность крестьянина, должен быть переход к новым деньгам. Мы должны будем крестьянству, так же, как и рабочим, дать эти новые деньги. Мы долго ездили на совзнаке, и он имеет много заслуг, но, видимо, дальше на этом «коньке» не поедешь, — пора ему и в отставку.

Я буду еще говорить о денежной реформе, сейчас же только ограничусь указанием, что денежная реформа нами рассматривается, как орудие увеличения благосостояния сельского хозяйства, как необходимое орудие поднятия этого самого нижнего лезвия ножниц.

Итак, открыть для крестьянского хлеба заграничный рынок, повысить технический уровень крестьянского хозяйства, снабдить крестьян при помощи дешевого кредита оборотными средствами, снабдить крестьянство машинами, перейти на чисто-денежный налог, дать крестьянину новые, твердые, хорошие деньги, — вот что должно будет сделать правительство. Все это направлено к одной цели: крестьянство наше должно стать богаче. Поднятие крестьянского богатства, крестьянской силы в интересах и рабочих, и крестьян. Ведь, крестьянин — главный потребитель продуктов промышленности: чем больше потребляет он этих продуктов, тем шире будет развиваться наша промышленность; чем шире будет развиваться наша промышленность, тем сильнее будет рабочий класс. Но крестьянин в то же время — поставщик сырья для промышленности: чем больше будут развиваться посевы льна, конопли, хлопка, тем больше сырья будет у нашей промышленности. Рабочие и крестьяне одинаково заинтересованы в подъеме нашего сельского хозяйства, и этот подъем будет ближайшей задачей нашего рабоче-крестьянского правительства.

Равняйся по крестьянской силе!

Я уже сказал, что наша тревога по поводу крестьянского рынка потому так велика, что крестьянский рынок есть единственная база нашей национализированной промышленности. Не на городском рынке построим мы нашу тяжелую промышленность, — он узок и мал, — не на заграница, ибо туда мы своих продуктов вывозить не будем, так как нам не выдержать конкуренции, — наша промышленность должна опереться на крестьянский рынок, научиться приспосабливаться к крестьянскому рынку.

Как вы видели по ценам, имеющимся на диагр. № 4, по этим ножницам, мы в области приспособления достигли еще небольших результатов. Здесь, несомненно, не ошибка. Это трудно назвать ошибкой, поскольку это не есть результат каких-нибудь

сознательных усилий. Стихийные обстоятельства сложились так, что дело приспособления промышленности, ее цен к крестьянскому рынку до сих пор шло у нас плохо. Ничего не было неестественного в том, что промышленность наша развивалась, промышленность, которая упала до 10% довоенной, что эта промышленность, когда почувствовала некоторую возможность расти, — что она вся целиком налегла: восстанавливай! развивай! И мы все ее поддерживали. Все мы глядели с трепетом на каждую новую трубу, которая начинала дымить, на каждый новый станок, который приходил в движение. Но мы тут не соблюли темпа. Правило: равняйся по крестьянской силе — не было нами соблюдено. И что же у нас получилось? Получилось то, — и в этом, товарищи, трагичность, если можно так выразиться, этих самых ножниц, — что наша промышленность достигла только одной трети довоенной промышленности; только треть наших труб работает, дымит, только треть наших станков стучит, и эта вот одна треть нашей промышленности наткнулась на стену крестьянской бедности, вследствие которой крестьянство не может потребить продуктов промышленности. Мы при 36% довоенной промышленности наткнулись на то, что крестьянин сложил руки и говорит: не могу взять твоей продукции.

Выход — снижение цен.

Как же нам развертывать промышленность дальше? Может-быть, действительно, положение таково, что имеют основание радоваться наши враги, что выхода нет, что надо свертывать промышленность? Нет, мы думаем, есть другой выход, он заключается в директиве: производи дешевле, равняйся по крестьянской силе, снижай цены. Для нас лозунг и приказ — снижай цены — есть политический лозунг, который говорит промышленности, промышленным организациям, который всем нам напоминает: приспособляйся к деревне! Наша промышленность реализовала три десятых своей продукции в деревне, а семь десятых в городе, который богаче, который больше платит. Мы говорим: неверно, — ты должен в своем производстве производить такие продукты, которые легче найдут доступ к крестьянству. Но мало того, что ты должен производить такие продукты, — производи их дешевле. Тут перед нами встает вопрос: производить дешевле не значит ли производить в убыток? Можно иметь сбыт, но тогда надо работать ниже себестоимости, в убыток. А кто будет доплачивать? То же государство. А государство откуда берет? Да с того же крестьянина. Или же возникает другая дилемма: иметь высокие цены, а сбыта не иметь. Тоже нельзя. Поэтому единственный выход — снижать цены, рационализировать, улучшать элементы производства.

Приводим цены (диагр. № 6 и табл. № 5*), оптовые московские цены, начиная хотя бы с железа. Вот как они ползут вверх, как затем, по нашему приказу, они начинают снижаться. Цена на ситец, начиная с октября, резко и решительно начинает падать вниз; мы надеемся, что это падение будет продолжаться и дальше. Падает вниз приблизительно с того же времени и цена на уголь и чугун.

Цены на сапоги, наоборот, лезли вверх. Мы не добились их снижения, но, по крайней мере, за последние три месяца добились их стабилизации.

То же было с сахаром. Теперь мы добились понижения цен на сахар и их стабилизации.

Рожь — единственный товар, цена которого имеет право лезть вверх. Все остальные товары надо в смысле цен загнать вниз, и мы видим, что эти цены уже начинают снижаться. Мы, товарищи, должны будем, естественно, преодолеть некоторое сопротивление в этом отношении, некоторую традицию, так сказать, автоматизм, но снижения цен мы добьемся.

Хотя я задержал вас очень, но не могу не указать вам, тоже на конкретном примере, каков темп восстановления промышленности. У нас есть таблица (№ 1), которая показывает рост нашей нефтяной добычи. В один прекрасный, или, вернее сказать, непрекрасный день, к правительству являются представители одной из многочисленных наших комиссий, люди, которым мы привыкли верить, люди, достойные всякого внимания, и говорят: цена пуда нефти была в прошлом году 24 коп., теперь мы решили, что цена эта должна быть повышена до 34 коп., 10 коп. надбавьте. Дело было в ноябре. Мы тогда спросили их: почему же 34 коп.? Что эта цена заключает в себе? Они нам объяснили: 17 коп., это — себестоимость пуда нефти, а 17 коп. еще надо прибавить на капитальные восстановительные работы и расширение дела.

И тут перед нами встал вопрос: может ли наша бедная, разоренная страна, вот теперь, в 1923 г., когда мы только-только начинаем подниматься, на 17 коп. себестоимости нефти дать еще 17 коп. на восстановление и развитие нефтяной промышленности?

Конечно, нам всем хочется, чтобы эта промышленность получила громадный толчок вперед. В этом году произвели 315 милл. пуд., — на 50 милл. пуд. больше, чем в прошлом году. Давайте произведем еще на 50 милл. пуд. больше. Но для этого надо, чтобы население заплатило не только восстановительную цену, но еще добавило бы на темп восстановления 17 коп. Мы вызвали товарищей коммунистов, которые стоят у самого источника этого дела, превосходных товарищей, людей, которым Республика обязана грандиозным развитием нашей нефтяной промышленности, товарищей, которые вложили свой ум и рево-

* См. прил. диаграмма № 6 в конце книги, а табл. № 5 на стр. 347.

людионную энергию в дело хозяйственного строительства. Мы вызвали т. Серебровского и т. Красина и спросили их: по вашему 34 коп. будет вам довольно? Маловато, надо бы прибавить. Почему? Психология этих товарищей понятна — они поставлены на работу в нефтяной промышленности. Они знают, что задача их: качай нефти как можно больше, до довоенного уровня еще далеко. А, ведь, коммунист разве будет удовлетворен, если он довоенного уровня добьется? Ему нужно перешагнуть и за этот довоенный уровень, а до этого еще далеко.

Мы спрашиваем: ты всю нефть продал? Нет, говорит, запасец есть. Сколько? Миллион — два? Нет, десятками надо посчитать. Как же так? Ты думаешь увеличить цену и увеличить производство, а за это вся страна должна будет тебе приплачивать на 17 коп. — 17 коп. или же приплачивать на 20 коп. — 14 коп., или же на 24 коп. — 10 коп. И это в то время, когда обращение этой продукции все еще не налажено, продать-то ты дешево не умеешь. И мы решили. Нет, товарищи, вы — прекрасные работники в своем деле, но превращать эту отрасль промышленности в насос, который будет выкачивать из народного хозяйства средства для того, чтобы его так быстро, как вам хочется, восстановить, нельзя. Мы им сказали: по 34 коп. продавать не позволим, продавайте по 25 коп.

Тов. Серебровский приехал на съезд. Я его спрашиваю: «Как работаете?» — «Правильно, — говорит, — что не дали. Хорошо работаем и прибыль получаем».

Вот, товарищи, эта история с нефтью показывает, как подобное стремление, вполне естественное и неизбежное, — как оно заставляет прекрасных товарищей совершать хозяйственные ошибки.

Из этого примера мы должны сделать один вывод: необходимо равнение по крестьянской силе, равнение по крестьянскому рынку: возможность продать товар, а не копить его на складах, должна быть обязательно использована каждым хозяйственником и всеми нами вместе взятыми.

Ситец в июне месяце стоил 43 коп. (по 43 коп. его продавали на Нижегородской ярмарке), а когда завопили, что очень дорого, то в октябре Комвнуторг приказал продавать его (отпускная фабричная цена) по 27 коп., на 16 коп. дешевле, — при этом получается полторы копеечки прибыли на аршин.

То же самое произошло и с керосином: летом цена одного пуда керосина в Москве доходила до 3 руб., теперь, согласно приказам, отданным правительством, отпускная цена пуда керосина в Москве доведена до 1 р. 92 коп. Только таким путем, только этой политикой мы действительно сможем завоевать рынок, расширить производство и обеспечить нашей промышленности дальнейшее развитие. Мы должны помнить, что из всей массы предметов потребления, произведенных промышленностью в 1913 г.,

деревня взяла 42%, и на складах оставалось 19%, а в 1923 г. деревня взяла из всей нашей продукции того же рода только 23%, а на складах осталось 37%. Это гибельная политика, она не соответствует интересам крестьянства, и в то же время она никуда не годится даже с точки зрения интересов самой промышленности. Те, кто при наших условиях вздутыми ценами думает достичь большей прибыли, глубоко ошибаются, — товар остается на складах, и вместо прибыли промышленность получает убыток.

Снижение цен, умение найти дорогу к крестьянину и крестьянскому рынку есть единственный способ укрепить смычку с крестьянином и развивать промышленность.

Найди дорогу к крестьянину.

Значит, вопрос стоит не так, что ради приспособления к крестьянскому рынку мы должны продавать себе в убыток, должны продавать ниже себестоимости. Если бы вопрос стоял так, выхода бы не было. Вопрос поставлен иначе. Рынок может быть расширен. Крестьянский рынок, благодаря экспорту, благодаря кредиту, благодаря понижению цен, может быть расширен, и очень сильно расширен. Нужно только уметь проложить себе дорогу к этому рынку. Надо, действительно, произвести рационализацию всего производства, надо рассчитать темп восстановления промышленности на более долгие сроки, надо помнить, что говорил Владимир Ильич: может-быть, не так быстро пойдем, но зато пойдем так, что крестьянская масса не будет от нас отставать. И тогда, говорил он, когда мы первые этапы пройдем, не прорываясь вперед, не отрываясь от крестьянской массы, тогда сразу наступит такое ускорение всего движения в целом, движения к социализму, которого мы даже и не можем сейчас представить.

Как это сделать? Товарищи, этого не сделает ни Совет Народных Комиссаров, ни Совет Труда и Обороны, ни директор, ни трест, ни синдикат. Это должна будет сделать вся рабочая масса. Сокращение накладных расходов, улучшение производства, а вместе с тем и понижение себестоимости требует энергии, напряжения, энтузиазма самих рабочих масс.

Навалившись всей силой, мы должны здесь, в области производства, добиться прямых и быстрейших результатов. Иначе трещит смычка с крестьянином, и в эту трещину лезет новая буржуазия.

Когда рабочая масса вся целиком поймет важность этого дела, когда она, в лице своих профсоюзов, ближе примкнет к производству и будет рассматривать каждую калькуляцию, каждую цену, каждый выпущенный продукт производства, как орудие завоевания доверия крестьян к рабочему государству, к рабочему хозяйству, тогда мы с этим делом сладим, тогда мы эту задачу решим.

Все мы должны как можно чаще вспоминать заветы Ильича. Они просты, понятны каждому рабочему и крестьянину и вместе с тем дают единственно правильный ответ на все наши больные вопросы.

Ильич писал: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленней, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики.

Сомкнуться с крестьянской массой и вместе с ней в сто раз медленней, но зато твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед; тогда наше дело будет абсолютно непобедимо и никакие силы в мире нас не победят».

Тяжелая индустрия.

Конечно, на крестьянском хозяйстве, на крестьянском рынке не может держаться вся наша промышленность. Тяжелой металлургии не разовьешь на основе крестьянского потребления. Она работала для железных дорог, она работала для судостроения, на оборону. И поэтому мы должны будем все, что мы сможем сэкономить, уделять нашей тяжелой индустрии. Мы добились того, что нефть сама себя оплачивает, что нефтяная промышленность твердо стала на ноги. Мы добились того, что Донбасс стал на твердые ноги. Перед нами, в области промышленности, третья очередная задача — металлургия. Так же, как раньше, мы поддерживали добычу угля, как потом поддерживали нефтяную промышленность, так теперь придется сосредоточить все наши свободные средства на поднятии металлургии. Для памяти укажу вам, что промышленность взяла у нас громадную долю всего нашего кредита, что из 515 милл. всех кредитных средств, которые мы имели, 415 милл. мы отдали на поддержание промышленности. И мы делали это сознательно, по той простой причине, что промышленность не только — база для диктатуры пролетариата, этим не исчерпывается значение промышленности, поскольку только она может закрепить тот общественный порядок, при котором крестьянство, действительно, будет освобождено от эксплуатации капитала. Поэтому, нет тех жертв, которые мы не должны были бы принести, которые мы остереглись бы принести промышленности. Но промышленность, с своей стороны, должна понять, что она не может стать насосом; она должна приспособиться к крестьянскому рынку; она должна найти дорогу к крестьянину. Эта дорога лежит через торговлю.

Торговля.

Буду очень краток. Тот, кто владеет торговлей, в данный момент командует на известных высотах. Тот, кто владеет и овладевает торговлей, тот распоряжается на рынке. Поэтому-то Владимир Ильич два года назад учил нас: «учитесь торговать». Странным показался этот лозунг многим и многим коммунистам. Как это — коммунист, советский работник, рабочий и крестьянин должен учиться торговать? А вот теперь, перед лицом этих «ножниц», мы видим: да, действительно, социализм строится сейчас умением торговать. Тот, кто проторгует, помогает нэпману; тот, кто не умеет торговать, прокладывает дорогу буржуазии. Кризис показал, что мы торгуем скверно, что мы не научились делать того, чему учил нас Владимир Ильич. Не надо приходить в панику от того, что частный капитал заработал 200—300 милл. Частный капитал, к счастью, охватил у нас покуда только розничную торговлю, распыленную. Крестьянство в деревне обслуживается не госпромышленностью, не кооперацией, а частным капиталом, поэтому он распылен и лежит мелкими ядрышками. В самом деле, перепись в 1923 г. в городе и поселках городского типа говорит следующее: оптовая торговля находилась в руках государства на 77%, в руках кооперации на 8% и в частных руках на 14%, а розничная—в руках государства на 7%, в руках кооперации на 10%, и в частных руках на 83%. Значит, государство и кооперация держат в своих руках громаднейшую долю всей оптовой торговли, но зато мелкая, розничная, обслуживающая деревню, находится в частных руках. Из всего оборота частной торговли 80% сосредоточено было в торговле мелочной и в торговле в розницу. Это само по себе еще не представляет ни экономической, ни политической опасности. Но мы должны видеть возможную угрозу: этот частный капитал, распыленный по всей деревне, будет собираться один к одному; из мелкого капитала будет составляться крупный капитал, если мы здесь не примем своих мер, если мы не пойдем наперерез.

Кооперация.

Каким образом итти наперерез? При помощи кооперации и государственной торговли. И вот для того, чтобы сказать вам кратко и ясно, как обстоит дело с кооперацией, я выбрал одну таблицу из превосходного исследования, сделанного т. Дейчманом, под редакцией т. Микояна на основании работ Юго-Восточного Бюро Ц. К. Это исследование худший обвинительный акт против нашего советского и коммунистического неумения торговать. См. диагр. № 1 и табл. № 6 *.) Здесь представлено движение спички от фабрики до крестьянина. Вот спичка вышла из

* Диаграмма в конце книги, а таблица на стр. 347.

фабрики. Стоит она 100. Проходит она через трест, затем идет в синдикат. Выходя из синдиката, она стоит уже 195. Она переходит в Центросоюз, и по выходе оттуда стоит 207. Затем, так как тт. Дейчман и Микоян обследовали Юго-Восточный край, у них есть там Ростовское отделение Центросоюза, — оттуда она выходит и стоит уже 215, потом идет в Донсоюз — стоит уже 313, затем в Миллеровское отделение — 407, наконец, в Чертковский пункт — 455, откуда переходит в ЕПО в деревню, и тут крестьянин получает эту спичку за 527. Это, товарищи, дорога не к социализму, это дорога от социализма. Если где-нибудь какой-нибудь ловкий нэпман поймает эту коробку спичек на том или другом этапе, ведь он заработает еще 100% и продаст крестьянину дешевле. И за что же крестьянину уважать того трестовика, того синдикатчика, того кооператора, который ему таким путем продает? И как вы будете говорить ему о союзе рабочих и крестьян? Вот поэтому эта картина — не только экономическая, а политическая картина. Она говорит нам, что если таким образом будет двигаться наша торговля и наша кооперация, то мы не сделаем того дела, ради которого взяли власть, так быстро, как нам этого хотелось. Нам надо сосредоточить все внимание на этом обстоятельстве. Заметьте, ведь, тут эта спичка двигалась только в кооперативном кругу, ведь, тут нет ни одного частного посредника, нет перекупщика, нет ни одного взяточника, — она шла по всем кооперативным инстанциям. Эти инстанции надо уничтожить, если они только для того годятся, чтобы то, что сделал рабочий и что стоит 100, продать крестьянину за 527. Тут надо действительно принять самые решительные меры.

Мы запоздали. Мы скверно торгуем. Мы запоздали потому, что кооперацию давно нужно было перевести на добровольные начала. Надо было чистить кооперацию так, чтобы она сокращала свои звенья, чтобы кредит предоставлялся не Центросоюзу, а местным организациям, и чтобы этим местным организациям предоставлено было право свободно торговать с трестами и фабриками, а не только через главкистскую верхушку Центросоюза.

Мы должны и в этой области сделать то, что сделано в других областях. Главкизм в кооперации нужно уничтожить. Для всей нашей торговли, для нашей кооперации законом должно стать следующее правило: снижай цены, продавай дешевле, борись со всеми накладными расходами, ищи и находи дорогу к крестьянину, докажи ему на деле, на каждой покупке, что для крестьянина выгодней, что фабрики и заводы находятся в руках трудящихся, чем если бы они находились в руках частного капитала.

Следующая мера, которая может быть направлена против всякого роста частного капитала, это регулирование оптовых и нормирование розничных цен. Мы встали на этот путь в отношении сахара, керосина и соли, где у нас есть запас. Там, где можно

учредить надзор, мы переходим к нормированию цен, к твердым ценам, по которым продукт должен доставаться крестьянину.

Я не буду больше останавливаться на вопросах торговли; думаю, что вы понимаете, какое громадное значение имеет торговля, как область смычки между рабочим и крестьянином, и какие громадные задачи стоят перед нами в этой области. Мы должны помнить завет Ильича: учитесь торговать. Ибо через торговлю, как это ни странно, как ни странен этот поворот исторического пути, создаются элементы социализма. А через торговое растяпство создаются элементы буржуазного капитала.

Деньги.

Но для того, чтобы правильно развивалось народное хозяйство в наших условиях, чтобы рос и правильно совершался товарообмен между городом и деревней, чтобы росло доверие крестьян к рабочим, нам необходимо обратить серьезнейшее внимание еще на один наш инструмент — на наши деньги. Тут перед нами были величайшие трудности, и мы стоим в этой области накануне реформы, которую, если мы проведем, мы совершим еще одно чудо в дополнение к тем другим чудесам, которые показали рабочие и крестьяне Союза Социалистических Республик.

Объем нашего денежного обращения в данный момент — 366 милл. черв. руб.* В январе 1922 г. объем нашей денежной массы, общее количество денег в стране было гораздо меньше. Мы начали с малого и все время увеличивали этот объем. Общий объем денежной массы у нас растет, — это есть признак общего роста благосостояния страны. В стране стало больше товаров, увеличился товарооборот, в частности — между городом и деревней, денег требуется больше, поэтому мы в течение одного года могли увеличить денежное обращение в три раза. Но страна требует не только денег, — она требует хороших денег. Хороших денег в январе прошлого года у нас было 117 милл. Теперь их значительно больше!* Остаток плоховатых советских знаков составляет 16%, все же остальное переведено в твердые деньги, в червонцы.

Мы имеем на 366 милл. общей суммы денежного обращения 300 милл. устойчивых денег — червонцев и только 50 милл. советскими знаками. Завоевание червонца есть живое опровержение того, что будто рабочие и крестьяне, которые не проходили никаких университетов и не учились финансовой науке, не могут поставить правильно своего хозяйства. Вся буржуазная Европа толковала: ну, да, рабочие и крестьяне умеют сражаться, свергать тропы, занимать банки. Но вести финансовую политику — куда же им. А теперь картина такова, что при падении франка, при катастрофе марки, при общем кризисе всех валют, у нас в Союзе ССР

* См. диаграмму № 7 в конце книги.

введено в обращение на 300 милл. руб. твердой валюты, а те банкиры, те правительства, которые нас не признают де-юре, очень хорошо признают бумажку, на которой написано: сие считать за 10 руб., и подписано: Сокольников.

Мы должны дать рабочему и крестьянину твердые деньги.

Мы жили двумя валютами. Из диаграммы вы видите, как вся масса расширяется, как все большее место занимает червонец. Четыре пятых уже в твердой валюте, одна пятая еще в советских знаках. Наличие двух валют дальше становится политически и экономически уже невыносимым. Советский знак ныне орудие размена червонца. Но кто теряет на советском знаке? Больше всего рабочие и крестьяне, особенно крестьяне, которые не научились еще пользоваться сберегательной кассой, страхующей советский знак, заработную плату рабочего. Существование советского знака дает возможность поднимать цены. Завершение денежной реформы, переход на твердую валюту, — вот та задача, которую ставит перед собой правительство. Эта задача заключается в том, чтобы рядом продуманных и систематических мер ту одну пятую часть денежного обращения, которая осталась еще в форме неустойчивого совзнака, заменить твердым казначейским рублем: один, три, пять рублей, — и дополнительно к нему выпустить серебряную монету. Я сказал, что если нам в течение не недель, а месяцев удастся провести эту реформу и завершить ее, — создать твердые деньги, — это будет чудом, достойным строителей нового социалистического общества. Вся Европа, которая бьется над валютным кризисом, должна будет признать экономику страны здоровой, если эта страна могла достигнуть тех результатов, которых мы достигли за этот год, — если она создаст твердую валюту. Твердая валюта, твердые деньги освободят крестьянина от убытков, освободят его от дополнительного налога, который он платит, получая за хлеб совзнаки. Новые деньги освободят и рабочего от потери на курсе; новые деньги поставят на здоровую основу все народное хозяйство и весь обмен между городом и деревней, они дадут твердую мерку для всех хозяйственных расчетов, как отдельного крестьянина или рабочего, так и всего государства в целом. С твердыми деньгами в руках мы двинемся вперед с гораздо большей быстротой, чем до сих пор, но создание твердых денег — это не дело простого декрета, простого распоряжения.

Бюджет.

Почему этот переход может быть заторможен, с какими опасностями мы должны считаться? Основная опасность — дефицитность нашего бюджета. Это — последнее, что я имею вам здесь сказать. Бюджет наш мы сводим с максимумом экономии,

которая нам предписана всем положением страны. Вы сами все великолепно знаете на своем опыте, как мы вынуждены урезывать все потребности. И вот, несмотря на сведение к минимуму наших расходов, мы все же должны израсходовать в этом году 1.100 милл. Это, товарищи, одна треть того, что расходовало правительство России до войны. Сюда не входят железные дороги и Наркомпочтель, потому что они тратят то, что получают с некоторой дотацией. Мы должны израсходовать 1.100 милл. Откуда мы должны их взять? Из 1.100 милл., которые израсходовало наше государство в прошлом году, 460 милл. мы покрыли эмиссией совзнака. Мы не скрываем этого, — об этом писалось, об этом говорилось. Это форма налога, тяжелая форма налога, на которую нам надо было пойти, чтобы вырваться из той экономической разрухи, которая была. Вот почему мы должны быть благодарны советскому знаку, вот почему, когда он уйдет на покой, ему надо будет поставить памятник. Но экономическая разруха проходит. Мы становимся на правильный путь. Силы страны растут. И в этот момент общего роста благосостояния страны мы должны итти на сокращение эмиссии. Оздоровление нашего бюджета заключается в том, что, если в прошлом году 460 милл. мы получили при помощи налога, который мы условились называть эмиссией, то в этом году мы хотим прекратить эмиссию. Благодаря выпуску бумажных твердых денег и выпуску серебряной монеты мы хотим получить те 180 милл., которые нужны нам для покрытия бюджетного дефицита.

Я уже сказал, что мы собираемся в этом году, ограничив все свои потребности, сжавши зубы и кулаки, израсходовать и на оборону страны, и на культурные потребности, и на промышленность, и на сельское хозяйство 1.100 милл. Из них 250 милл. — на помощь промышленности и крестьянскому хозяйству. Откуда мы возьмем эти деньги? Мы не должны итти на увеличение налогов, лежащих на трудовом населении, поэтому мы можем получить прямыми налогами не больше, чем взяли в прошлом году, приблизительно 250 милл. Косвенными налогами мы получили 250 милл. Государственное имущество: фабрики, заводы, предприятия, банки дадут нам еще 250 милл. Таким образом, на покрытие самых необходимых наших нужд мы получим 750 миллионов. Нам придется присчитать сюда еще 180 милл., которые получатся благодаря тому, что мы выпустим твердые деньги и серебро. Это все вместе составит 900 милл. На 200 милл. придется прибегнуть к кредитной операции.

Таким образом, бюджет следующего года основан на сокращении налога, какой представляет собой эмиссия, и отказе правительства от повышения каких-либо налогов, падающих на трудовые слои населения. Вот, товарищи, общие итоги, к которым мы подошли в нашей работе по бюджету.

Итоги года.

Вы имеете право спросить, как же мы характеризуем теперь наше общее положение, на какую работу ушел этот год? Я, подводя итоги, сказал бы, что в этом году мы укрепляли свои крепости — те командные высоты, которые мы оставили за собой, когда открыли дорогу нэп'у. И мы эти основные крепости нового социалистического порядка укрепили. Мы укрепили промышленность и на этой базе собрали вновь мощную силу пролетариата. Мы научились пользоваться, как орудием восстановления хозяйства, заграничным рынком для крестьянского хлеба. Мы впервые в Союзе ССР создали, как орудие хозяйственного возрождения, кредит. Мы подошли к окончательному укреплению нашего денежного обращения. Мы занялись усиленной работой над улучшением нашего торгового аппарата и нашего аппарата кооперации. Наконец, в области плановой работы мы достигли целого ряда реальных планов.

Я рекомендовал бы всем товарищам обратить серьезное внимание на краткий отчет Госплана, показывающий, как в практической работе, изо дня в день, не увлекаясь бюрократическими проектами всеобщего планирования, а создавая основы и предпосылки для этого планирования, мы подвигаемся вперед в области плановой работы. Уже в конце ноября можно подвергнуть первому обсуждению перспективный план по всем отраслям промышленности на грядущее пятилетие. На стр. 26 отчета вы найдете таблицу, которая покажет вам, что за 1923 г. по 13-ти отраслям промышленности достигнуто было 100% выполнение наших плановых предположений. Наконец, там же вы найдете указание, что наши бюджетные сметы достигли уже 80 — 86% выполнения, т.-е. почти нормального соответствия планов и практического их выполнения. Если вы вспомните, каким пустяком оказывался на практике всякий бюджетный план еще год назад, то вы поймете, какой большой шаг сделан нами и в этом отношении. Создав твердую валюту, организовав кредит, накопив некоторый материальный фонд, которым мы можем маневрировать, обладая реальным планом по отдельным отраслям хозяйства и добившись, наконец, более или менее твердых бюджетных планов, мы получили необходимые предпосылки для выработки общих планов народного хозяйства, для усиления работы по увязке отдельных частей народного хозяйства.

В наступление!

И теперь, имея эти крепости в своих руках, осмотревшись в них, укрепив их, отремонтировав их, научившись пользоваться плановыми методами работы, мы можем смело сказать, что за этот год в промышленности, экспорте, в денежной системе, транс-

порте и т. д. созданы основные предпосылки для планомерного, систематического, изо-дня в день, ведущегося наступления рабоче-крестьянского союза против стихии капитализма, для укрепления начал социализма. Мы смело можем смотреть вперед. Общее благосостояние страны растет, политическая и экономическая мощь нашего Союза увеличивается. На почве роста общего благосостояния выросла и укрепилась роль национализированной промышленности, собирается, крепнет, консолидируется рабочий класс, растет и крепнет союз его с крестьянством. Строительство наше приобретает более планомерный характер. Мы не сдали частному капиталу ни одной мало-мальски важной для нас позиции. В незыблемости власти рабочих и крестьян теперь уже не сомневается никто. Мы научились владеть новыми орудиями строительства и во всех областях двинулись вперед. Еще 2—3 года, и то указание движения к социализму, о котором мечтал Ленин, будет актом, который поразит весь остальной мир. Мы работали все вместе, всею массою рабочих и крестьян для выполнения той задачи, которую поставил Ильич — для постройки социализма. Мы работали для достижения этой цели тем способом, который указал Ильич — расширением и усилением Союза рабочих и крестьян. Так же мы будем работать и дальше. Камень за камнем мы будем класть фундамент нового общества.

Цель наша велика, метод правилен, достижения налицо. У нас были ошибки, ошибки в этом трудном деле неизбежны, общим коллективным разумом мы их будем исправлять, но с каждым днем мы убеждаемся, что недалеко то время, когда мы покажем всему человечеству, что рабочие и крестьяне нашего великого Союза не только умели разрушить старый мир, но умеют своей энергией, революционным энтузиазмом, беззаветной преданностью делу строить новый мир братства и равенства, мир социализма.

Заключительное слово.

Товарищи, правительство чрезвычайно радо, что одна из самых важных отраслей его руководства — руководство международной политикой — на нашем съезде не вызвало ни сомнений, ни колебаний. Пусть, действительно, все те державы, с которыми нам придется иметь дело, знают твердо, что международная политика Советского правительства отражает не только интересы, но и сознательную волю и разум всех делегатов нашего съезда.

Наша национальная политика.

Наше правительство с большим вниманием отнесется к тем заявлениям, которые здесь были сделаны представителем Украинской Советской Социалистической Республики, т. Скрыпником,

относительно угнетения родственных нам масс в соседних с нами государствах. Язва, о которой говорил т. Скрыпник, не единственная на нашей западной границе. Нет. Мы, ведь, знаем и другое обстоятельство, мы знаем, что до сих пор чисто-захватническим путем от нашего Союза оторвана громадная область — Бессарабия, — над трудящимися которой румынские бояре позволяют себе форменные издевательства. Мы сейчас можем сказать только одно: мы знаем эти факты, мы слышим эти стоны, мы с этим считаемся и будем считаться.

Товарищи, вопрос об обеспечении прав всех национальностей, входящих в наш Союз, является не таким вопросом, который может быть решен одним декретом или одним постановлением. Мы получили в наследство много предрассудков, много некультурности, такую традицию угнетения, шовинизма, национализма, которая воспитывалась в царской России не годами, не десятилетиями, а столетиями. Вы знаете, что натравливание одной нации на другую, натаскивание всего правительственного аппарата против всех наций, которые царскому правительству казались ниже стоящими, эта традиция глубока, она осталась в нервах, в умах, и этой традиции нельзя вырвать одним только постановлением, одной формальной конституцией. Мы должны напрягать все свои силы, чтобы выкорчевать до основания это проклятое наследство национальной розни, национальных предрассудков, национального презрения и национального неравенства. Мы в продолжение шести лет, по указанию Владимира Ильича, ни на минуту не упускали из виду этой громаднейшей задачи. Мы отнюдь не можем сказать, что она уже решена. Из месяца в месяц мы предпринимаем для этого новые шаги.

Одним из важнейших шагов последнего времени является предрешенное уже в порядке Союзного строительства значительное укрупнение Белорусской Советской Социалистической Республики. В два с половиной раза увеличивается территория этой республики, и делается это во имя того, чтобы те уезды и части губерний, которые были расположены вокруг этой республики, но в которых большинство населения принадлежало белоруссам, получили возможность организоваться в свою Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Я указываю на этот пример только для того, чтобы показать, что задача обеспечения национальных прав, задача урегулирования национального вопроса в жизни, на практике, в правах еще стоит перед нами. Мы, несомненно, находимся на правильной дороге, но должны будем долго и долго работать над тем, чтобы до конца выжечь из нашего сознания, из нашего быта, из нашей практики все остатки национального недоверия и национального угнетения.

Мы знаем, что одним из огромнейших препятствий к этому является наш государственный аппарат. Прав был т. Элиава,

когда указал на это обстоятельство. Приспособление нашего аппарата к новому порядку национального устройства, к Союзу равноправных республик, который мы создали, громаднейшая задача.

Мы помним, как характеризовал Ильич наш аппарат. Мы знаем, что до сих пор этот советский аппарат отнюдь не всегда является инструментом диктатуры пролетариата. Он не является еще орудием правильного проведения той политики, которую мы намечаем. В этой области мы можем принять только две меры: во-первых, мы можем провести постепенную замену оставшегося в нашем аппарате старого человеческого материала новым составом, вырабатывающимся и выдвигающимся снизу, — рабочими и крестьянами. В этих целях Союзное правительство обратило особое внимание на постановку дела подготовки красных спецов во всех отраслях. За последний год мы развернули очень широко сеть школ, средних и высших, которые должны нам дать нашего молодого советского деятеля, советского чиновника. Только тогда, когда этот новый состав придет на место старого, спецовского состава, оставшегося нам в наследство, только тогда слово «советский чиновник» потеряет тот неприятный привкус, который оно имеет до сих пор, и станет достойным званием. Эта подготовка рабоче-крестьянской молодежи для замены аппарата, для того, чтобы старый неприспособленный аппарат превратить в действительное орудие нашего нового государства, — это одна наша задача.

Другая заключается в том, чтобы установить над нашим аппаратом строжайший и решительнейший контроль. Мы должны идею орабочивания аппарата, идею постоянного надзора за аппаратом, идею, которая положена в основу создания новой рабоче-крестьянской инспекции, по мысли Ильича, иметь у себя перед глазами. Мы можем уверить вас только в одном: мы работаем над этой задачей. Задача эта, оказывается, не такая легкая.

Аппарат, который мы имеем, охватывает до миллиона человек. В этом аппарате, несомненно, гнездится противодействие, психологическое сопротивление той новой постройке нашего государства, которая базируется на Союзе равноправных республик. Дело ваше, товарищи, дело власти на местах, дело руководителей национальной жизни этих республик — смотреть за тем, чтобы аппарат не вносил в нашу работу старых привычек, старого, неправильного представления о государстве. Вы снизу должны сигнализировать нам о всех опасностях, которые тут могут встретиться.

Да, мы знаем, что централизованное управление железными дорогами, централизованная связь, централизованное управление хозяйством, централизованная армия наша может быть проводником политики, недостойной равноправного Союза, и поэтому

борьба с возможным в этой области извращением национальной политики должна вестись и снизу, и сверху. Остатки этой старой психологии будут еще сказываться.

Всем нам надо переучиваться. Помните слова Маркса, что создание социалистического государства требует не только низвержения буржуазии, но и перевоспитания той массы, которая создает этот новый социалистический строй. Необходимо перевоспитание сверху донизу, перевоспитание всей массы. Перевоспитываться должны и те, которые поставлены для руководства.

Оборона союза.

Теперь перехожу к вопросу, который был поставлен не в речах, а в записках — о нашей обороноспособности. Позвольте быть здесь чрезвычайно кратким, по понятным вам причинам. Вопрос об обороноспособности не сходил с нашего порядка дня. Мы должны были помнить и помнили и майский ультиматум Керзона, и убийство светлой памяти тов. Воровского, и угрозы, которые стояли перед нашими дверьми в октябре и ноябре, и вы не можете сомневаться в том, что все эти факты направляли наше внимание на повышение обороноспособности страны. Внимательный анализ нашего бюджета покажет вам, что, несмотря на всю нашу бедность, мы уделяли Красной армии, защитнице наших границ, защитнице достояния наших народов, защитнице завоеваний Октябрьской революции, все то внимание, которое она вправе от нас потребовать. И я могу вам сказать, что в смысле материального положения в Красной армии замечается несомненное улучшение; несомненно, будут предприняты шаги и к дальнейшему улучшению. Позвольте ограничиться на этом собрании только этими заявлениями.

Безработица.

Перехожу к следующему вопросу, поставленному в прениях, — к вопросу о безработице. Да, товарищи, безработица замечается у нас, в нашем Союзе. Но мы должны принять во внимание, что рядом с этим фактом есть другой, на который я указал в своем докладе: непрерывный, из года в год идущий количественный рост пролетариата. Я вам указал, что за последний отчетный год количество пролетариата, занятого только в государственной промышленности, увеличилось на двести тысяч человек. Я могу вам привести такой простой, но чрезвычайно характерный, чрезвычайно важный факт: в Питере за один год количество только одних металлистов увеличилось вдвое. К тем 30 тыс. металлистов, которые работали в Питере в прошлом году, прибавилось еще столько же, еще 30 тыс. металлистов. Это

накопление, собирание пролетариата, это явление обратное тому, что нами замечалось в последние годы, и оно есть, несомненно, крупнейший экономический и политический факт. Но это увеличение занятых в промышленности пролетариев не поспевает за ростом безработицы.

В настоящее время в промышленности занято 60% всего того количества пролетариата, которое было занято в промышленности России до войны.

Я указал в своем докладе, что работает только одна треть наших станков, дымит только одна треть наших труб. При этих условиях некоторый резерв безработных у нас неизбежен. Выход тут только один — дальнейшее развитие промышленности, дальнейшее поднятие производительных сил, подъем от одной трети, которой мы сейчас добились, к половине и дальше.

Мы должны, не поддаваясь панике, принять во внимание и то, из какого слоя состоит та безработная масса, которую мы имеем. В ней есть, конечно, известное количество квалифицированных рабочих, но в ней есть и большая доля того советского чиновничества, над сокращением которого мы работаем. Ведь, вы нам дали приказ, — и этот приказ мы считаем своим долгом исполнять, — что необходимо сокращать советский аппарат. А сокращение советского аппарата есть создание безработицы среди советского чиновничества. Но нельзя же смешивать в этой общей массе того безработного пролетария, которого мы должны впитать обратно и появление которого есть свидетельство болезни, с той советской барышней, безработица которой есть результат оздоровления советского аппарата. И, наконец, мы имеем большой прилив из деревни в города нового слоя, выталкиваемого из деревни низкими ценами на хлеб, недостаточной емкостью нашего сельского хозяйства. Этот элемент появляется на рынках нашего труда. Рассасывание этого слоя будет происходить в результате подъема нашего сельского хозяйства. Получивши кредит, развивая экспорт, поднимая свой технический уровень, наше сельское хозяйство сможет впитать в себя целую группу тех безработных, которые теперь из голодной деревни, не имеющей правильных цен на хлеб, выталкиваются на городской рынок. Так обстоит вопрос с безработицей. Мы должны прямо сказать, что сразу, с сегодня на завтра, мы эту болезнь излечить не можем; это работа длительная. На данный момент мы имеем другую обязанность — поддержать тот квалифицированный рабочий состав, который временно, мы надеемся, кратковременно, выброшен теперь на рынок безработицы. Мы делаем тут все, что возможно.

Я не буду затруднять вас цифрами, но прошу помнить только одно: мы за последнее время подняли ту ставку, которая дается безработным; но мы — бедное рабоче-крестьянское государство, мы не располагаем достаточными средствами на

осуществление самых необходимых для нас мероприятий и, между прочим, не располагаем достаточными средствами для оказания той помощи безработному составу рабочего класса, которая была бы необходима.

Заработная плата.

Что же происходит в среде рабочего класса, стоящего у станка? Вопрос касается заработной платы. Заработная плата неизменно в течение этого года поднималась. Заработная плата в некоторых местах, как, например, в Москве, по отчетам Московского совета профессиональных союзов, достигла 79,9% довоенной заработной платы, в среднем. Мы, отнюдь, не считаем, что та заработная плата, даже возросшая в течение года, которую сейчас получает рабочий класс, удовлетворительна или покрывает минимум его потребностей. Нет, мы не обманываем ни себя, ни рабочий класс. Мы знаем, что дело оплаты рабочего труда полностью, такой оплаты, которая покрывала бы все возросшие материальные и культурные потребности пролетариата, есть дело будущего. Над этим делом мы должны работать. Но мы констатируем процесс возрастания зарплаты, и мы считаем своей обязанностью — уплачивать эту недостаточную плату не так, как мы были вынуждены уплачивать ее в прошлом. Своевременность выплаты заработной платы и не суррогатами, не займами, не теми купюрами, которые фактически понижают заработную плату, а выплаты ее полностью и своевременно — есть ближайшая наша задача. Вы понимаете хорошо, что те меры, которые были приняты: введение в заработную плату суррогатов: займов, больших купюр, и, с другой стороны, несвоевременность выплаты объясняются не отсутствием доброй воли у правительства или хозяйственников, а тяжелыми хозяйственными затруднениями.

Теперь, когда тяжелые моменты, которые мы переживали, оставлены нами позади, когда промышленность наша находится на подъеме, и перед ней расчищен путь планомерного, постепенного развития, мы можем покончить с этими методами выплаты заработной платы. И мы с ними покончим. Своевременность выплаты заработной платы, уплата ее в срок является для нас, для правительства и по нашему приказу для всех хозяйственников, первою обязанностью. Мы надеемся, что в ближайшие недели или в ближайшие месяцы докажем рабочим у станка, что эту директиву мы сможем выполнить.

Изъятие из заработной платы всех суррогатов, платеж одними деньгами уже проведен нами, поскольку с 1-го января запрещена какая бы то ни была уплата какой бы то ни было части заработной платы купюрами или облигациями золотого займа. Окончательное решение этого вопроса связано с завершением денежной реформы. Мы знаем, что эта реформа необхо-

дима для того, чтобы рабочий получал полную заработную плату, чтобы он в самой форме выдачи этой заработной платы не имел понижения оплаты своего труда. Мы знаем, что не должны платить советскими бумажками, которые, переночевав в рабочей квартире, на следующее утро стоят уже меньше, и хозяйка — жена рабочего — за них на базаре купит меньше, чем в тот день, когда муж получил эту заработную плату. Интересы реального повышения заработной платы, как и интересы крестьянства, требуют от нас скорейшего завершения денежной реформы для того, чтобы мы могли платить крестьянину за хлеб, за его продукты, рабочему за его труд твердой деньгой, новым денежным знаком, покупательная способность которого благодаря нашим усилиям не будет падать.

Еще одно замечание по поводу заработной платы. Рабочий и служащий являются одними из главнейших потребителей продукции и нашей промышленности и нашего сельского хозяйства. Подъем благосостояния рабочих масс, в результате повышения заработной платы, расширяет рынок для нашей промышленности. Таким образом, курс на повышение заработной платы вполне совпадает с общей линией нашей политики как в рабочем вопросе, так и в вопросе об увеличении и укреплении элементов социализма в нашем хозяйстве.

Рабочий глаз.

Теперь я обращаюсь к чрезвычайно занимательной речи т. Терентьева. Я думаю, мы все, здесь присутствующие, с громаднейшим вниманием и интересом слушали его речь, и думаю, весь Союз ССР с таким же интересом будет читать ее. Я указал на те затруднения, которые мы имели в этом году и которые перед нами еще станут. Мы — борцы и должны знать, что нам придется еще преодолевать затруднения. Мы не должны закрывать на это глаза. Один из самых действительных способов преодолеть эти затруднения заключается, как я выразился в докладе, в том, чтобы вся рабочая масса навалилась всей своей силой на те задачи, которые перед нами стоят, чтобы она увеличила свой контроль над теми хозяйственными процессами, которые происходят в нашей стране.

Мы отдаем приказ, мы проводим политику снижения цен. Но разве, в самом деле, эту политику можно будет провести, если тысячи и сотни тысяч товарищей Терентьевых у себя на фабриках, на местах, в нашей кооперации, в нашей государственной торговле не будут понимать, что это — их задача, что они должны взять это дело в свои собственные руки? Один советский аппарат приказом сверху этих задач улучшения производства, удешевления товаров, облегчения товарооборота, практи-

ческой, деловой смычки между рабочим и крестьянином, — один советский аппарат, сверху, своими силами без участия товарищей Терентьевых в массе, без приложения их миллионной силы, один он этой задачи не выполнит. Вот почему я говорю, что та строгость, то внимательное отношение и к тому, что мы вывозим за границу, и к тому, как мы ввозим, какие прибыли получаем, и к тому, нельзя ли это сделать как-нибудь иначе, то внимание, которое проявил здесь перед нами тов. Терентьев, служит для меня лучшим признаком того, что наше очередное хозяйственное дело будет всеми нами, товарищами Терентьевыми, в массе их, разрешено.

Наше хозяйство и заграничный рынок.

Это не исключает, впрочем, того, что т. Терентьев сделал несколько практических ошибок, которые я считаю своим долгом разъяснить. Он поставил чрезвычайно важный вопрос, который, в общем, можно формулировать так: можем ли мы обойтись без заграничного рынка? Зачем, говорил т. Терентьев, вывозить нам хлеб за границу, разве у нас нет голодных? Зачем вывозить уголь за границу, разве мы не можем раздать его рабочим, часто еще холодающим? Зачем вывозить керосин за границу, не лучше ли его отдать крестьянам? Да, товарищи. Если бы, действительно, мы могли существовать и поднимать наше хозяйство вне мирового рынка, вне связи с мировым хозяйством, программа, которую высказал т. Терентьев, была бы хороша. Но это для нас в данный момент недостижимо. Да, мы находимся в таком положении, что должны и хлеб, и уголь, и керосин вывозить за границу. Я скажу более того, — чем больше мы будем вывозить за границу этих продуктов, оставляя, конечно, себе все то, что нам необходимо, тем быстрее пойдет у нас дело восстановления промышленности и нашего сельского хозяйства.

Мы оказались в данный момент перед таким явлением: у нас имеется 70 милл. пуд. угля в Донецком бассейне, которые не могут быть размещены на внутреннем рынке. Эти 70 милл. пуд. давят мертвым грузом на производство Донецкого бассейна. Для того, чтобы нам развивать производство Донецкого бассейна, нам надо реализовать эти 70 милл., и, увы, т. Терентьев, не в кредит, не в длительный кредит, потому что рабочему-шахтеру надо заработную плату платить из месяца в месяц, каждые 1-е и 15-е число. Эти деньги надо иметь, и их откуда-нибудь надо получать. Если у нас есть эти 70 милл. пуд. угля, то для того, чтобы обеспечить дальнейшее развитие Донбасса, для того, чтобы платить в Донецком бассейне во-время заработную плату, а т. Терентьев — харьковец, и знает, как знаем и мы, к чему приводила

в Донецком бассейне несвоевременная выплата заработной платы, — для этого нам надо поскорее реализовать эти запасы, и не в кредит, а за наличные денежки.

Вопрос может быть поставлен таким образом: а не продаем ли мы за границу то, что нам самим абсолютно необходимо? Нет, товарищи, этого мы не делаем. Мы имеем в данный момент 3 миллиарда пудов хлеба. Из этого количества мы определили вывезти за границу 250 милл. пуд. — только всего. Это значит — одну двенадцатую часть общего количества.

Пусть вспомнят товарищи, обеспокоенные нашей политикой вывоза, что до войны наше сельское хозяйство вывозило около 1 миллиарда пудов хлеба за границу, и за это получало около 1 милл. руб. зол., что наша нефть также шла за границу, и что мы в этом году имеем вывоз наших нефтяных продуктов всего только на 20 милл. руб. зол., в то время, как наша нефтяная продукция может быть повышена до таких размеров, при которых экспорт ее давал бы сотни миллионов рублей. Значит, задача не в том, чтобы отгородиться от заграничного рынка китайской стеной, чтобы прекратить вывоз. Нет, мы вывозим излишек. По мере того, как будет подниматься наше народное хозяйство, нам потребуется для себя больше хлеба, потому что возрастает пролетарское население, возрастут города; потребуется больше керосина, потому что крестьянский рынок поднимается, и крестьянин не захочет обходиться лучиной. Нам потребуется больше нефти, больше угля для развивающейся промышленности. Но вывозить мы все же будем.

Почему мы вывозим?

Куда мы направляем те доходы, которые получаются от заграничного вывоза? Я должен сказать, прежде всего, что доходы эти очень малы. Я вчера демонстрировал перед вами диаграмму, которая ясно показывает, что мы только-только добились того, чтобы наш вывоз превышал ввоз, чтобы разница получалась в нашу пользу, а не в пользу заграничных купцов. Ведь, дело обстоит не так, что мы вывезли так много, и заработали так много денег на этом вывозе, чтобы можно было обеспокоиться и сказать: может-быть, мы вывозим слишком много, давайте сокращать! К сожалению, дело обстоит наоборот, — мы только-только начали поднимать наш вывоз над нашим ввозом. Баланс в нашу пользу только-только начал складываться. Мы до 1923 г., до середины 1923 г., доплачивали иностранным купцам.

Одно мы можем сказать, что всякая копейка, полученная на вывозе леса, хлеба и нефти, идет исключительно на подъем нашей промышленности, на подъем сельского хозяйства.

Нам нужно вносить капитал в крестьянский банк. Мы, по бедности своей, говорим, что вложим 40 милл. Но, ведь,

40 милл. — это капля в море. Нам для дешевого крестьянского кредита надо было бы сейчас вложить не 40, а 400 милл. Тогда мы помогли бы крестьянской кооперации, тогда мы дали бы возможность крестьянину улучшить свое хозяйство, обзавестись машинами, семенным материалом. А мы, поскребши во всех наших государственных закромах, наскребли только 40 милл.

Вывоз нам нужен для того, чтобы эта цифра росла, а с нею параллельно увеличивалась бы и дотация тем металлургическим заводам, которые близко интересуют т. Терентьева и которые на крестьянский рынок работать не могут.

Вот еще один пример. Мы говорим т. Дзержинскому: заказывай паровозы! Тов. Дзержинский заявляет: мне ваших паровозов не надо, я на 5 лет обеспечен теми паровозами, которые у меня есть. Тов. Дзержинскому мы привыкли верить, а он говорит: какие бы требования вы — хозяйственники — к нам ни предъявили, я гарантирую вам полные перевозки с теми паровозами, которые у меня есть. Избавьте Наркомпуть от необходимости платить за те паровозы, которые заказаны и в Харькове, и в Москве, и на Урале, и которые не нужны Наркомпути. И при таком положении вещей мы говорим т. Дзержинскому: нет, заказывай! — Почему? Потому, что мы не можем пойти на закрытие паровозостроительных заводов. Мы говорим: заказывай впрок те паровозы, которые понадобятся тебе через 5 — 10 лет.

Мы в Архангельской губернии рубим лес для вывоза в Англию, которой он необходим. И при помощи этих денег мы можем впрок, на 5 лет вперед, готовить паровозы, которые в данный момент нам экономически не нужны, но которые нужны нам политически, потому что только на работе этих паровозов окрепнет, не распылится рабочий класс, и наши крупные пролетарские крепости сохранятся. Нам надо было бы закрыть Путиловский и Брянский заводы, потому что экономически они нам невыгодны. К Путиловскому и Брянскому заводам мы прилачиваем миллионы. Откуда же мы берем эти деньги? Между прочим, и от вывоза за границу леса, нефти и т. п.

Вот почему взгляд т. Терентьева, который выражает здоровое пролетарское беспокойство, здоровую тревогу, законную тревогу, — он в данный момент, в данной обстановке неправилен.

Что мы ввозим?

Дальше т. Терентьев говорит о том, что вы вывозите то-то и то-то, а ввозите всякую дрянь. Я не отрицаю, товарищи, что у нас могли быть здесь ошибки. Я не слышал о том, чтобы специально ввозили мандарины, — за это надо было бы не ман-

даринами, а кампями побить на советских площадях. Но, товарищи, я думаю, что дело не обстоит так трагически. Я вам вчера показал диаграмму, по которой вы видели, как ввоз предметов потребления сокращается из года в год и из месяца в месяц. С другой стороны, ввоз предметов производства растет. У нас имеется, — и это один из элементов нашего планового хозяйства, — импортно-экспортный план. Мы сидим над этим планом ввоза и вывоза, как над одной из самых важных частей нашего хозяйства, и мы вытравляем оттуда какие бы то ни было элементы ввоза того, что может быть произведено внутри страны, нашими собственными силами. Вы можете быть спокойны, что ни один предмет, который может быть произведен у нас, мы не позволим ввезти.

Да, много есть жуликов, мошенников, воров в нашем советском аппарате, этот род людей имеет в нашем аппарате порядочное количество своих представителей, это несомненно, и поэтому всякое мошенничество возможно; но разве мы не помним, что борьба с воровством, взяточничеством, мошенничеством есть одна из основных наших задач, что мы одним приказом его не прекратим, что рабочий контроль над этим необходим? Поскольку этот план есть сознательный план Советской России, он основан на следующих принципах: долой все предметы роскоши, никакого ввоза мандаринов, шелков, белья и т. д., сокращай ввоз предметов потребления, не допускай ничего, что может быть произведено внутри нашей страны, ввози только то, что мы не можем произвести и что необходимо, как средство производства, для нашего сельского хозяйства и для нашей промышленности. Вот из чего должен складываться наш ввоз.

Я сейчас, прослушав речь т. Терентьева, развернул таблицу ввоза, который по нашему плану состоит из следующих предметов: 19% всего нашего ввоза, около одной пятой, составляет хлопок. Почему мы ввозим хлопок? Потому, что Туркестан, который был базой для всей нашей текстильной промышленности (а текстильная промышленность — самая старая и одна из основных промышленностей нашего Союза, являющаяся, вместе с тем, промышленностью центрального пролетарского района; кроме того, эта промышленность больше всего связывает нас с крестьянином), — Туркестан не может дать необходимое количество хлопка. Можем ли мы допустить здесь остановку? Нет. А между тем, гражданская война и английское нашествие в Туркестан сделали то, что посев хлопка сократился на 90%. В этом году мы подняли посев на 300%. Мы имеем засеянных 153 тыс. дес. Но это капля в море. Это даст нашим фабрикам максимум $2 — 2^1/_2$ милл. пуд. сырья. Для того, чтобы наши текстильные фабрики работали, и для того, чтобы крестьянин имел ситец, нам нужно вдвое, втрое, вчетверо больше этого количества волокна. Мы должны поку-

пать хлопок за границей, если хотим, чтобы текстильный пролетариат работал и крестьянин имел дешевый ситец, потому что, чем больше работает фабрика, чем больше мы производим, тем дешевле обходится каждый аршин ситца. Чем меньше фабрики работают и чем больше лежит на нашей шее мертвого груза, который мы должны охранять, смазывать и т. д., тем дороже производство. Следовательно, вы видите, что мы должны покупать хлопок за границей. Хлопок и составляет 19% нашего завоза.

Дальше. Мы поставили себе задачей техническое переоборудование наших фабрик. Не надо забывать, что мы, хозяева-пролетарии, получили в области промышленности наследство, которое совершенно не соответствует нашему плану. Фабрики создавались не по какому-нибудь плану, который имел бы в виду интересы народного хозяйства нашего Союза, а строились, создавались, — выбирались места для них, определялся их размер — в интересах бельгийского, французского, шведского капиталов. Много фабрик было построено для обороны, для целей, которыми мы с вами не занимаемся и не собираемся заниматься в таких размерах. Это наследство давит на нас. Кроме того, 10 — 15 лет на этих фабриках не производилось переоборудование, машины износились, станки не годятся, понижается производительность труда не только потому, что наши рабочие голодны и не могут дать всего того эффекта, который дают при достаточной заработной плате, но и потому, что орудия производства износились, ослабли, не годятся. Переоборудование фабрик, снабжение новыми машинами и инструментами — это одна из основных задач.

А электрификация? Мы ведь помним и всегда будем помнить, что настоящий подъем нашего хозяйства, поднятие его на высший уровень решается не какими-нибудь частными мерами, а коренной задачей перехода от паровой силы к электрификации. Это задача на десятилетие, мы никогда не будем упускать ее из виду. В прошлом году мы дали на электрификацию 32 милл. руб. В этом году мы повысили эту сумму и даем 39 милл. руб. Мы хотели в этом году закончить строительство одного из величайших технических чудес мира — Волховстроя. Я хотел бы, чтобы вы имели хотя бы маленькую возможность, хотя бы краешком уха послушать те заседания СТО, СНК и всех других высших инстанций, когда мы обсуждали вопрос, — дать ли в этом году 20 милл. руб. на окончание постройки Волховстроя. Какое, действительно, трагическое положение было у нас, как трудно было нам решить эту задачу. Мы знали, что Волховстрой — величайшее достижение, он даст в ближайшие годы громадную экономию в угле, поднимет питерскую промышленность, двинет хозяйство, поднимет уровень нашего хозяйства на высокую ступень, а вместе с тем взять 20 милл. в момент кризиса, «ножниц»,

когда товары лежали без движения, было трудно. Мы долго мучились, чтобы найти правильное решение этой задачи, посылали несколько комиссий, проверяли, можно ли остановить работу, не снесет ли Волхов те сооружения, которые возведены, и мы, желая получить экономию, не потерпим ли ущерба. И после долгого, мучительного и честного труда решили, что на этом фронте мы не отступим, Волховстрой в срок окончим, на электрификацию 39 милл. — больше, чем в прошлом году — даем. Но, товарищи, это переоборудование заводов, снабжение новыми машинами, снабжение этих мощных электрических станций необходимыми предметами оборудования требует заказов за границей. Вот почему доставка нам металлических изделий типа турбогенераторов, громадных машин и т. д. в нашем ввозе занимает 33%. Нет, мы не мандарины ввозим.

И, наконец, последняя крупная статья нашего ввоза: химические продукты. Вы знаете, что химическая промышленность была очень слаба у нас, в России, до революции. Она очень слаба и сейчас, а между тем, химические продукты необходимы и для того же текстиля, для фармацевтического производства, необходимы, наконец, лекарственные изделия, — всего этого мы ввозим 12%. Если посмотрите состав нашего импорта, то увидите, что 33%, одну треть всего, составляет ввоз металлических изделий, которые мы у себя произвести не можем и которые должны поднять и нашу промышленность, и сельское хозяйство; 19% — хлопковое сырье для наших текстильных фабрик; 12% — всякие химические продукты, которые мы произвести не можем; 10% — уголь для нашего Севера и каучук. Эти данные говорят о том, что здесь достигнуты значительные улучшения. Не все еще достигнуто, и есть мерзавцы и воры, которые, может-быть, пользуясь этим, провозят и мандарины, и сковородки. Мы будем продолжать с этим бороться, имея в руках монополию внешней торговли, при помощи которой мы контролируем каждый фунт чего бы то ни было, что мы ввозим, — потому и важна монополия внешней торговли, иначе у нас ввозили бы чорт знает что. Мы будем монополию всячески совершенствовать, контроль усиливать, и он может стать лучше и крепче, поскольку рабочий класс своим пролетарским глазом будет строго глядеть за этим делом.

Орабочение аппарата.

Орабочение нашего аппарата, рабочий контроль над всем ходом нашей хозяйственной жизни, начиная с цены продуктов и кончая тем, что мы ввозим и вывозим за границу, есть настоятельная, необходимая задача. Только при таком улучшении нашего аппарата, при этом привлечении рабочей массы, при

заинтересовании рабочей массы снизу доверху тем, чтобы ситец был дешев, чтобы накладных расходов не было, чтобы содержание какого-нибудь автомобиля не повышало цены спичек, чтобы кооперация не превращалась в орудие разъединения рабочего и крестьянина, а наоборот, стала бы аппаратом сближения, — только привлечением всей рабочей массы, партийной и беспартийной, в лице профсоюзов, ближе к производству, только этим можно решить хозяйственную задачу данного момента. Такова директива, которая дается для пышнего времени партией.

Предпосылки планового хозяйства.

Товарищи, подходя к концу заключительного слова, я хотел бы еще раз повторить общую мысль моего доклада в самых кратких чертах. Я пытался доказать, — и думаю, что это было доказано для всякого беспристрастного слушателя, — что кризис, который мы переживаем, не есть кризис нашей экономической политики, что мы имеем рост во всех областях народного хозяйства и что этот кризис есть только кризис нашего роста. Мы растем, но растем не гладко, мы переживаем при этом росте определенный кризис. Поэтому нет места ни для каких сомнений в том, что основа нашей экономической политики остается неизменной, что она по-старому будет служить нам путеводной звездой, что из этого кризиса для нас последует только один вывод: сделать все возможное в советском аппарате сверху донизу, чтобы работа по смычке рабочего и крестьянина была в десять раз усилена и приняла чисто-практические формы. Надо понять, что эта смычка достигается не резолюциями, не митингами, а ценой ситца, расторопностью нашего советского приказчика в кооперации, ценой керосина, нашим умением доставить этот керосин в деревню. Вот где настоящая смычка. Это задача вполне разрешимая, и, если мы навалимся всеми силами, мы ее разрешим.

Мы будем разрешать эту задачу планомерно. Много было в нашем деле хаоса. Нужно помнить, что мы строили среди хаоса, среди руин, что поэтому точного определенного плана нашей постройки у нас еще не могло быть. Попробовать построить единый план, который охватил бы нашу промышленность, живущую на социалистических началах, и 18 милл. крестьянских частных хозяйств, — это значит вдаться в чисто-бюрократический утопизм. Но мы работали над другим, мы создавали предпосылки плана и теперь смело можем сказать, — эти предпосылки созданы. Не может быть плана ни общенародного, ни общегосударственного, ни общехозяйственного, не может быть плана работы отдельных фабрик и заводов, если у вас нет твердой деньги, если вы не знаете, как считать, если покупа-

тельная способность денег каждый день падает, если нет мерки для построения плана, для того, чтобы наше наступление носило бы планомерный характер. Надо было разрешить предварительно задачу — дать твердую мерку в виде твердой деньги. И мы дали ее за последний год в виде червонца, и мы хотим дать ее в течение ближайших месяцев окончательно в виде новых денег. Не могло быть плана, пока не было маневрового фонда, не было накопленных запасов, которые мы могли бы по плану бросать в том или другом направлении, в то или другое место.

Нет плана без кредита. Мы в этом году создали кредит, как главное маневровое средство. Мы бросаем его то в сельское хозяйство, то в промышленность, то на Нижегородскую ярмарку, которую, — конечно, прав т. Малышев, — надо развивать, как связывающую нашу страну и восточный рынок. Эти рынки имеют громадное значение. Повторяю: кредит есть необходимая предпосылка планового хозяйства. Мы его создали в этом году.

Мы в этом году добились более или менее точного государственного бюджета. Вы все здесь практические работники, вы все составляете местный бюджет, и вы должны знать, что еще 2 года назад мы не могли мечтать о создании твердого государственного бюджета, который мало-мальски походил бы на действительность. Вы знаете, что в 1921 г. мы такую попытку делали, бюджет создали, и даже Владимир Ильич его подписал. В нем было учтено все, но одна беда была в этом первом нашем бюджете: он не содержал ни одной цифры, которая соответствовала бы действительному положению вещей. Бюджет был сам по себе, а жизнь развивалась сама по себе. Мы тогда поняли, что размахнулись слишком широко, — на год нельзя составлять; давайте, сказали мы себе, создадим бюджет на месяц. И мы жили месячным бюджетом. Какой-либо из наркоматов, скажем, Наркомпрос, спрашивал: сколько ты, правительство, даешь мне на школы в год? Я буду знать, сколько мне учителей нанять, сколько школ открыть, сколько топлива иметь. А мы ему говорили: нет, этого сказать мы не можем. На этот месяц ты получишь столько-то, а сколько на следующий месяц, — не знаем.

Потом от этих месячных планов мы перешли к трехмесячному плану, и только в этом году мы впервые имеем бюджет, о котором все, самые большие скептики, — а в этом деле чем больше скептиков, тем лучше, — говорят: этот бюджет на 15%, вероятно, только будет разниться от действительного положения. Ну, если только на 15%, то мы получим некоторую действительную ориентировку. Вот теперь, когда мы подходим к решению задачи о твердой мерке, в виде твердой деньги, когда мы накопили маневровые фонды, когда мы научились орудовать экспортом, кредитами, когда мы имеем более или менее твердый

государственный бюджет, когда Наркомпрос может знать, хотя бы на полгода, сколько он получит, когда промышленность может составить план на год, когда транспорт может знать годовой размер своей работы, — теперь мы можем сказать: основные элементы плановости у нас действительно есть. При таких условиях распространение плана на все государственное хозяйство не будет уже чисто-бюрократическим измышлением, измышлением, которое все хочет покрыть. Нет, реальный план частично создан, и потому усиление плановости в нашем хозяйстве, несомненно, происходит. Для этого и в связи с этим был реорганизован СТО, и из комиссии междуведомственной, которая должна была согласовывать разногласия между ведомствами, мы в средине этого года перестроили его так, что он должен быть центральным органом, направляющим всю нашу хозяйственную экономическую жизнь. Мы составили его не из представителей ведомств, а персонально, поставив туда таких крупных товарищей, которые могли бы, имея перед собой общий план хозяйства, развивать, направлять его целиком.

Мы пошли дальше. Одного из заместителей председателя Совнаркома — Цюрупу — мы назначили председателем Госплана. Не потому, конечно, что мы были бы, хотя бы мало-мальски, недовольны работой нашего заслуженного и уважаемого экономиста т. Кржижановского. Нет, заслуги т. Кржижановского в деле создания плана электрификации, в работе Госплана, никогда не будут забыты, как заслуги одного из важнейших строителей советской экономики. Но нам необходимо было Госплан подтянуть к правительству, поднять его авторитет, связать тех, которые изо дня в день руководят плановым делом, с той работой, которая идет в правительстве, и поэтому т. Цюрупу, как одного из заместителей председателя Совета Народных Комиссаров, мы назначили председателем Госплана.

Наступление.

Таким образом, усиление плановости в нашем хозяйстве — несомненно, а эта плановость нам тоже необходима для того, чтобы исполнить завет Ильича и из периода отступления перейти к периоду систематического постоянного нажима в сторону наступления. Нам нужно сейчас наступление. Прежде всего, наступление против всех остатков старья, которые сохранились в нашем организме, против старья в нашем аппарате, против старья в решении национального вопроса, против старья в культуре, против нашей отсталости, выражающейся во взяточничестве, в хозяйственной распущенности, — против этого нужно наступление.

Еще одно наступление нам нужно, — наступление против частного капитала. Мы допустили создание новой буржуазии, мы

позволили ей развиваться, но мы сказали — в той же резолюции — до известного предела! Чем определяется этот предел? Нашей хозяйственной мощью в той борьбе, в той схватке, которая идет между элементами социализма в нашем хозяйстве, элементами плановости его, регулирования, между элементами роста пролетарской базы, роста объединения с крестьянством, элементами свободной торговли, частного рынка. В борьбе со скупщиком, деревенским ростовщиком, кулаком, который эксплуатирует чужой труд, — в этой борьбе нам необходимо наступление. Нам необходимо систематическое усиление элементов социализма.

Вы, товарищи, можете быть уверены, что здесь мы ни в чем не изменим заветам т. Ленина. Политика нашего правительства есть продолжение политики Ленина. Никаких изменений не будет. Политикой Ленина мы побеждали до сих пор. Мы будем побеждать этой политикой и впредь.

XIII СЪЕЗД РКП (б)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА. *

Товарищи, впервые съезд нашей партии собирается после того, как от нас ушел Владимир Ильич. Партия наша росла в испытаниях и под тяжкими ударами враждебных сил. Мы пережили много поражений. Казалось временами, что дело наше, дело всемирного социалистического переворота, отодвинуто на долгие годы. Мы пережили, как партия, поражение 1905 г. Мы боролись в эпоху реакции, мы одни отстаивали лозунги революционного марксизма. Мы пережили испытания войны в первые месяцы, когда казалось, что дело всемирного социализма погребено. Но не было более тяжкого испытания и не будет его у партии, чем тот удар, который нам принесло 21 января 1924 г. В этот день человечество потеряло гениальнейшего представителя своего собственного будущего. Трудящиеся массы всего мира потеряли гениального полководца, который вел их к лучшему будущему в беспрерывных сражениях. Наша партия потеряла руководителя, который создал партию, вел ее и привел к победе. Все мы, и каждый из нас в отдельности, потеряли лучшего товарища, которого только могла дать нам история, и которого у нас никогда уже больше не будет.

Дни, когда международный пролетариат прощался с Владимиром Ильичем, были днями величайшей сплоченности, величайших чувств коллективности, охвативших всех трудящихся всего мира. Из этих дней, из этих чувств, из этого сплочения родилось то, что единственно способно смягчить, хотя бы несколько, боль, которую чувствуют вся партия и весь пролетариат с момента кончины Владимира Ильича. Из этих дней родился ленинский призыв. Партия вновь прикоснулась в эти тяжелые дни к самым широким пролетарским массам. Массы откликнулись на призыв партии. Вновь между нами, коммунистами, и широчайшими кругами рабочего класса завязалась неразрывная связь. Опираясь на эту связь, на ленинский призыв, мы смелее и более уверенно, чем когда-либо, можем теперь сказать, что заветы Вла-

* 23 мая 1924 г.

димира Ильича,—то, что им оставлено нам и всему мировому пролетариату в поучение и к чему в продолжение годов и десятилетий будут обращаться борющиеся пролетарии, чтобы найти там уроки, которые предотвратят ошибки и колебания, чтобы найти там указания на прямой путь к окончательной победе,—наша коммунистическая партия выполнит. Нашим знаменем будет — Ленин, нашей программой будет — ленинизм, и чем горше наша потеря, чем тяжелее нам ощущать свою партию без ее гениального руководителя, без Владимира Ильича, тем горячее наш привет рабочему классу, ленинскому призыву, мировому большевизму.

Под знаменем Ленина, с учением Ленина в руках мы пойдем по тому пути, который он нам указал, и мы знаем, что этот путь есть путь победы мирового коммунизма над всеми врагами.

РЕЧЬ ПО ОТЧЕТУ ЦК.

Товарищи! ЦК партии, отдавая свой отчет съезду, в одном смысле, в одном отношении находился в несколько сложном положении. Мы все, конечно, чувствовали, что партия не хотела возобновлять старых споров, и что отчет должен быть построен таким образом, чтобы, учтя все те уроки, которые партия извлекла из дискуссии, он не дал, однако, возможности вернуться к пережитой уже стадии. К сожалению, речи, которые мы здесь выслушали со стороны тт. Троцкого и Преображенского, именно возвращают нас назад. А раз эти товарищи заставляют партию оглянуться на те вопросы и решения, которые были вынесены раньше, то члены ЦК не могут обойти этого молчанием. Политический смысл этих обеих речей,— а их, конечно, нужно рассматривать вместе, ибо речь т. Преображенского была только продолжением речи т. Троцкого, она была немного более откровенна, так как сказана менее опытным политиком,— политический смысл этих двух речей заключается в том, что перед партией поставлен один из основных политических вопросов. Не личный, конечно, вопрос,— т. Троцкий был прав, когда отделял общий вопрос от личного. Я надеюсь, что мне тоже удастся совершенно оставить в стороне всякие личные осложнения. Политический вопрос заключается в том, правилен ли был тот приговор, который партия вынесла по спорному вопросу. И не только мы, члены ЦК, но и партия в целом должна эту постановку вопроса принять. Действительно, правилен ли был тот приговор,— приговор, ведь, есть, он записан, он существует, как исторический документ в резолюции XIII конференции коммунистической партии, в котором под заголовком об итогах дискуссии и мелкобуржуазном уклоне партии приведено решение по всем вопросам, поднятым в течение дискуссии,— правилен или не правилен этот приговор?..

Теперь, после речей тт. Преображенского и Троцкого, совершенно сознательно и хладнокровно должен ответить на это партийный съезд. Другого выхода у нас после этих речей нет. Тот же самый вопрос поставил т. Троцкий, когда сказал о «преувеличенной атаке на мелкобуржуазный уклон». Действительно, преувеличена ли атака на этот мелкобуржуазный уклон? Если

она преувеличена, то нельзя тут поступить так, как, видимо, рекомендовал бы нам т. Троцкий, или так, как он выбрал для себя, т.-е. сказать, что приговор этот несправедлив, что партия имеет право быть несправедливой к отдельным своим членам, и этим отдельным членам ничего другого не остается, как подчиниться несправедливому приговору.

Товарищи, в анналах нашей партии несправедливых приговоров не должно существовать. И после того, как в прямой или косвенной форме на этот приговор конференции подана апелляция партийному съезду, вопрос поставлен не в области сантиментов и чувств, не в области того, обижен или не обижен товарищ, справедливо или несправедливо, резко или недостаточно резко постановление, а политически, т.-е. подлежит ли сей приговор отмене верховной партийной инстанцией — съездом? Этот вопрос поставлен в очень изящной форме т. Троцким и в очень откровенной форме т. Преображенским.

Т. Троцкий свою апелляцию на приговор, вынесенный конференцией в резолюции о мелкобуржуазном уклоне, построил на том, что сам ЦК в резолюции 5 декабря признал необходимым и провозгласил изменение своей политики. Да, это так. Верно, в резолюции 5 декабря заключается констатирование со стороны ЦК ряда недомоганий в нашей партии. Хорошо это или нет? По-моему — хорошо, что ЦК нашел в себе силы, мужество, достаточно прозорливости, чтобы констатировать ряд недомоганий в партии. Он, может-быть, сделал это даже с преувеличением. И это не беда. Беда началась с того момента, когда для лечения констатированных болезней были предложены такие средства, которые угрожали партии гораздо большей опасностью, чем сама болезнь. Не в том беда, что мы 5 декабря нащупали диагноз некоторых болезненных явлений. В том беда, что в среде ЦК нашлись товарищи, которые предложили средства лечения явно губительного характера. Нашлись члены ЦК, которые после того, как вместе с ними была констатирована болезнь, не помогли эту болезнь лечить, а наоборот, применили такие методы, рекомендовали партии такие лекарства, которые эту болезнь превратили в изнуряющую лихорадку, занявшую у нас три месяца. И партия имеет право спросить, когда ей напоминают о резолюции 5 декабря: а вы, т. Троцкий, помогли ли вы партии изжить по возможности безболезненно те болезненные явления, которые вы вместе с другими членами ЦК констатировали? На этот вопрос ответила конференция, и, я уверен, ответит партийный съезд: Троцкий рекомендовал партии такие методы лечения, которые не помогали против болезни, а углубляли и усугубляли болезнь. И в этом состоит его основная и коренная ошибка.

История не кончилась 5 декабря, как пытался представить дело т. Троцкий. Вся речь его была построена на том, что

5 декабря история кончилась. Увы, 8 декабря открылась новая страница истории. Ее развернул т. Троцкий своим известным письмом в районы о «Новом курсе». И вся дискуссия, вся лихорадка приходится не на момент до 5 декабря, а на момент после 8 декабря, когда своим письмом по поводу резолюции ЦК т. Троцкий предложил партии метод лечения, который она вынуждена была отвергнуть.

Вот в чем заключается подлинная сущность истории нашей дискуссии, о которой нельзя забывать и не следует надеяться на то, что ее другие товарищи забудут. Это — детские приемы или приемы, рассчитанные на детей, когда говорят: давайте поговорим о резолюции 5 декабря. Ведь, резолюция 5 декабря была принята единогласно. Разве о ней шел спор? Спор начался с того момента, когда т. Троцкий, не удовлетворенный единогласно принятой резолюцией, апеллировал к партии помимо ЦК. С чем? С известным методом проведения тех реформ, которые были предложены в резолюции 5 декабря. Методы лечения, которые были предложены в этой резолюции, могли быть действительно внутрипартийными реформами, и ЦК на том и стоял, чтобы, констатировав известные болезненные явления, затем так же единодушно, как единодушно была принята резолюция 5 декабря, проводить эти реформы в жизнь. Тов. Троцкий вместо реформ предпочитал попытаться произвести в партии революцию. Вот в чем основной грех, основная каверна, из которой развился весь процесс. Это он преподнес партии в своем письме,— в письме, в котором констатировал опасность перерождения верхушки, клеймил верхушку, как законченное выражение аппаратного бюрократизма, в котором призывал партию «подчинить себе свой аппарат», в котором упрекал аппарат в том, что он готовится бюрократически свести на-нет резолюцию ЦК, и в котором, наконец, указывал те резервные силы, какие должны осуществить «лечение» против загнивающей верхушки и бюрократизма аппарата, сводящего на-нет реформу ЦК,— в лице молодежи, получившей название «баромстра». Это есть в общем элементы, которые свидетельствуют о том, что вместо пути партийной реформы на почве резолюции 5 декабря перед нами была попытка произвести внутрипартийную революционную перестановку сил. Против этого восстали и ЦК, и партия. Если мы это будем упускать из виду и будем представлять дело так, что 5 декабря история кончилась и больше ничего не было, если т. Троцкий, выступивший здесь с длинной и подробной попыткой объяснить свою позицию в дискуссии и упустивший толкование своего письма и своей брошюры «Новый курс», не скажет, как он не сказал этого во время дискуссии и сегодня, о своем отношении к оппозиции вообще, то мы получим извращенное представление о действительных уроках дискуссии. Ведь, действительно, что́ больше всего нервировало партию, заставляло ее

биться в лихорадке и обострило кризис? То, что партия ждала ответа на вопрос, как относится т. Троцкий к линии оппозиции, к выступлению оппозиции, к той идеологии, которая была развернута тт. Преображенским, Осинским, Сапроновым, Дробнисом и др. Как относится ко всему этому т. Троцкий? Не к резолюции 5 декабря, отношение т. Троцкого к которой засвидетельствовано тем, что он голосовал за нее, а как относится он к этой волне оппозиции, которая поднялась и на почве этой резолюции 5 декабря пыталась вести партию по другой линии, чем хотел ЦК? Т. Троцкий тогда промолчал, промолчал и в сегодняшней речи. Об этом не было ничего сказано. Был подробно обоснованный рассказ о его отношении к резолюции 5 декабря, которую он подписал, которая хороша, и о которой сейчас не спорим. А вопрос, который нервировал партию, который создал эту лихорадку,— вы все помните, как партия ждала, что скажет т. Троцкий по поводу выступления оппозиции,— он и тогда, и сейчас этот вопрос обошел молчанием. Поэтому у выступавших здесь товарищей с мест создалось впечатление о речи дипломатической, потому что сказано не все, что имела бы право потребовать партия.

На второй вопрос, который поставил т. Троцкий, он равным образом дал не удовлетворяющий нас ответ. Он спросил, почему вопрос о резолюции 5 декабря осложнился вопросом о поколениях. Повторяю, партии было бы гораздо интереснее узнать, почему вопрос о резолюции 5 декабря осложнился вопросом о Троцком, а не о поколениях.

Но если т. Троцкий хочет ответа на вопрос о поколениях, давайте поговорим. Как же, действительно, вышло так, что резолюция 5 декабря о внутрипартийном обновлении, об оживлении партийной жизни, о проведении внутрипартийной демократии осложнилась вопросом о двух поколениях в нашей партии, о стариках и молодежи? Т. Троцкий отвечает: задача была в том, чтобы обеспечить возможность молодому поколению выбраться на широкую дорогу ленинизма. Даже такая осторожно выбранная формула, естественно, ставит вопрос: кто же мешает, где же препятствия, которые молодежь должна преодолевать, чтобы выбраться на дорогу ленинизма? Естественно, что всякий политик, которому дана такая формула, задает себе вопрос: тут, видимо, есть какие-то препятствия; нормальное участие в партийной жизни не обеспечивает молодому поколению возможности сменять в естественном потоке времени стариков и замещать их. Тут я не могу не сказать, что в такой постановке вопроса на партийном съезде, даже под аккомпанимент прекрасных фраз, что партия всегда права, мы чувствуем апелляцию к молодому поколению против каких-то групп и факторов, препятствующих ему выбираться на широкую дорогу. Если мы попытаемся так апеллировать к молодому поколению внутри нашей партии, намекая

па факторы, которые мешают ему выбраться на широкую дорогу,— это будет игра очень большая и, скажу прямо, игра опасная, которая не дает твердой надежды на мирное пзживание тех разногласий, которые были, ибо, как правильно сказал Суварин, то, что написано пером, не вырубишь топором. А, ведь, в книге «Новый курс», которая переведена на французский язык Суварином в поучение французским коммунистам, указаны те факторы, к которым надо применить некоторое сверхсметное насилие, чтобы очистить дорогу молодежи. Не являются ли теми факторами, которые мешают молодежи «выбраться» на широкую дорогу, вот эти старики, которые перерождаются и становятся законченным выражением аппаратного бюрократизма, не мешает ли этому разложение верхушки, не мешают ли те товарищи, о которых, или по поводу которых, своевременно было вспомнить о перерождении Гэдов, Шейдеманов и т. д.? Можно произносить дипломатические речи, но, ведь, живая политическая мысль партии будет связывать то, что говорилось 3 месяца тому назад, с тем, что говорится здесь. Если действительно демократия, как говорил сегодня т. Троцкий, не есть какой-то формальный признак (хотя я думаю, что Троцкий напрасно делал какие-то оговорки,— демократия есть именно формальный признак, демократия внутри нашей партии есть известные права, принадлежащие членам партии и партийным организациям, записанные в уставе), то зачем же тут ссылки на демократию? Этот вопрос нельзя оставлять в тени. Нет, демократия внутри нашей партии есть не нечто вообще, не благодушное отношение стариков к молодежи, не есть, вообще говоря, условия, при которых легче продвигаются молодые группы в нашей партии, а есть формальный признак, следствием которого, ежели требуют, должны явиться формальные предложения и поправки к нашему уставу, иначе это — болтовня (простите за выражение). Когда нам говорят: это не формальный признак, когда не предлагают никаких фактических поправок к резолюции, принятой партией, и к тому партийному уставу демократического централизма, по которому партия живет, а вместо этого утверждают: «Внутрипартийная демократия есть режим, с одной стороны, обеспечивающий руководство старого поколения большевиков, а с другой стороны, обеспечивающий равным образом молодому поколению выход на широкий путь активности и самодеятельности» (слова Троцкого), то я говорю: неужели из-за этого стоило действительно партию держать в лихорадке в продолжение трех месяцев?.. Я буду очень рад, когда вы выйдете и скажете нам, где те формальные признаки, которые должны быть внесены в наш устав для того, чтобы обеспечить молодому, подрастающему поколению активное участие в партийной жизни. Я боюсь, т. Ваганян, что даже при помощи цитат из Плеханова вы их не найдете. Но, товарищи,

о чем же здесь идет речь? Действительно ли речь идет о тех товарищах, о которых заботится т. Ваганян, о нашей учащейся подрастающей молодежи, о которой шла речь и в брошюре «Новый курс», и в письме в районы, о необходимости для нее с боем отвоевывать себе понимание лозунгов и т. д. Разве об этом идет речь? Я думаю, что если идет об этом речь, как следует понимать из восклицания т. Ваганяна, то опять-таки вы, т. Ваганян, и те, у которых вы учитесь, попали не туда. Ибо сейчас задача не в том, чтобы этому молодому поколению, молодняку, формальным уставом или внеуставным путем обеспечить возможность смепять старое поколение. Сейчас речь идет о том, чтобы приобщить к партийной жизни пролетариев ленинского призыва. Это вопрос гораздо более важный. Я попросил, когда услышал речь т. Троцкого, статистику ленинского призыва и подумал: может-быть, ленинский призыв состоит сплошь из этого возрастного молодняка, в защиту которого необходимо расширить партийные рамки, немножко потеснить стариков и т. д. Предо мной статистика московского ленинского призыва. Товарищи, работающие над этим делом, оказывается, так тщательно работали, что дали статистику возраста ленинского призыва. Оказывается, что на 18 тысяч новых принятых ленинцев-пролетариев в возрасте до 24-х лет — 4.000, в возрасте от 25 до 34-х лет,— это уже не очень молодой народ, — 8.700 человек, в возрасте от 35 до 44-х — 4.500, в возрасте 45 и старше,— этих уж никак в молодняк не запишешь,— 1.500 человек. Наконец, комсомольцев в этом числе 700 человек. Как видите, товарищи, 80% приходящих к нам рабочих, при чем по Москве это, главным образом, квалифицированные рабочие, — 80% представляют собой возраст выше 25 лет. И, право же, вопрос о барометре, о том, на что держать партии курс, как понимать демократию и для кого эту демократию давать, и уставную, и внеуставную, решается этими справками в совершенно определенном смысле.

Барометр — здесь, демократия — для них, ориентировка — сюда, хотя многим из них больше 35-ти лет.

Теперь, товарищи, следующий вопрос: о фракциях и группировках. Я не только выслушал с большим вниманием и, скажу, с утешением слова т. Троцкого насчет этого, но я рекомендовал бы всем товарищам, которых постигла лихорадка дискуссии, сообщить во все те ячейки, где происходили эти споры, новую формулу т. Троцкого о фракциях и группировках. Т. Троцкий заявил, что он «не признавал и не признает свободы группировок, ибо при данных условиях группировки есть другое название для фракции». Вот уж где у места повторить пословицу: дорого яичко к христову дню! Если бы нам, москвичам, и мне лично, позвольте сказать, эту формулировку т. Троцкий дал или опубликовал в ноябре месяце, сколько бы мы с т. Пре-

ображенским сохранили усилий и энергии! Насколько сократились бы те часы, в которые мы заседали в спорах о том: есть ли группировки — фракции, как утверждали мы, или как утверждал т. Преображенский, думая, — и многие тогда думали, что он находится в полном согласии с т. Троцким, — что фракций устраивать нельзя, а группировки можно. Вы говорите, т. Ваганян, что этого не говорилось. Ну, знаете, дорогой друг, мы можем позвать на суд все вузовские ячейки, всю свердловию, весь коммунистический университет народов Востока, захватить ячейку Академии генерального штаба, прихватить сюда госзнак и, наконец,— спросите у Преображенского!

Т. Троцкий сказал, что он был болен и не мог выступать с опровержением. Товарищи, вы знаете, что партия относится ко всем нам, как хороший хозяин к работнику, и относительно нездоровья, болезни или ослабления сил, или работоспособности отдельных членов она чрезвычайно внимательна, и т. Троцкий имел немало свидетельств того, с каким вниманием к возможности его возвращения к практической работе относилась вся партия, и, конечно, и члены ЦК. Но тут, товарищи, вопрос шел не о личной болезни. Т. Троцкий в декабре поместил маленькое письмо в «Правде», где он писал, что он опровергать несколько «грубых» статей не желает, потому что это не выгодно, как он сказал, для партии и даже для ведущейся дискуссии. Если бы он прибавил к этому: прошу принять во внимание, что я группировки приравниваю к фракциям, то, мне кажется, помогло бы очень т. Троцкому, и очень помогло бы правильному и плавному ходу дискуссии. Но вышло как-раз наоборот. Т. Троцкому, заболевшему, к несчастью, удалось поставить дело таким образом, что вся партия заболела. Не только т. Троцкий заболел, но вся партия была больна, и партия была больна между прочим потому, что т. Троцкий счел нужным, возможным и тактичным помолчать о своем отношении к той оппозиции, которая, только опираясь на его имя, получила возможность нервировать партию. Т. Ленин свою брошюру, которая называется «Кризис партии», по поводу профдискуссии начал такими словами: «Из маленьких расхождений и разногласий выросли большие, как всегда бывает при сравнительно маленьких ошибках, если на маленькой ошибке настаивают и сопротивляются изо всех сил ее исправлению, или если за маленькую ошибку одного или нескольких уцепляются люди, делающие большую ошибку».

Не повторила ли наша дискуссия этого предсказания т. Ленина? Не видели ли мы именно этой картины, когда на маленькой ошибке сначала настаивали и, к сожалению, продолжают настаивать, как я заключаю из тех речей, которые мы сейчас выслушали? Когда исправлению этой ошибки из всех сил сопротивляются, когда к этой ошибке присоединяются товарищи, которые делают гораздо

большие ошибки, тогда этот поток нарастающих ошибок превращается в опасные уклоны от основ партии. Так растут уклоны, и так подготовляется дезорганизация партии.

Если т. Троцкий сказал, что он выполнил свой долг, когда мысль свою отстаивал перед партией, он был прав. Конечно, его право, его обязанность, его долг отстаивать то, что он думает, перед партией. Но есть и у партии долг: долг поправлять всякого, который ошибается, и поправить т. Троцкого, когда он ошибается.

Несколько слов о т. Преображенском. Здесь я должен буду ссылаться, главным образом, на документы, но я думаю, вопрос поставлен им в такой форме, которая требует от нас ответа. Он сказал:

«Прошла проверка. Мы можем подвести итог на фактах за время, прошедшее от дискуссии до нынешнего момента».

Но знаете, товарищи, возможность проверить на реальных фактах итоги дискуссии — это такая драгоценная вещь, что, конечно, каждая партийная ячейка, каждый член партии без всякого предубеждения, без всякой излишней горячности должен этой возможностью воспользоваться. Это — драгоценная вещь иметь возможность на реальных фактах проверить, кто был прав из тех групп, из тех течений, которые появились несколько месяцев тому назад. Т. Преображенский проверил для себя эти факты и пришел к утешительным для себя выводам. Он сказал: мы отстаивали четыре пункта в экономической области, мы проверили это на фактах, и факты подтвердили правильность того, что мы предсказывали. Но если это так, товарищи, — мимо этого пройти нельзя, — так надо это записать в партийную летопись, надо, наконец, исправить ошибку партии и сказать: мы очень пренебрежительно относимся, мы слишком пренебрежительно относимся к тому, что в наших рядах есть группа товарищей, которые прекрасно видели направление нашей экономической политики, которые нас предупреждали, которых мы по своему невежеству обругали грубыми словами, и которые оказались правы. Как же мимо пройти? Нельзя. Я поэтому взял на себя труд проверить путь т. Преображенского. Он указывает четыре пункта, которые они выдвигали, которых мы не принимали или не понимали, и в которых они, по их словам, оказались правы. Первая их заслуга и заслуга, якобы, оправдавшаяся, заключается в том, что они настаивали на усилении планового начала. Во-вторых, они подчеркивали необходимость борьбы с нэповским капиталом. В-третьих, они говорили относительно допустимости торговой интервенции, и, в-четвертых, они настаивали на реорганизации кооперации. И вот, товарищи, выясняется, что всего этого мы не поняли, партия этого не послушалась, а их за это обвинили в мелкобуржуазном уклоне, и т. Преображенский разводит здесь руками и спрашивает: помилуйте, в советском социалистическом

государстве говорить о плане, о борьбе с нэповским капиталом и за это получить кличку мелкого буржуа! Несправедливо!

Действительно, какая-то непонятная история. Что-нибудь одно: или наша партия есть партия крупных капиталистов, которые хозяйственный план и борьбу с нэповским капиталом рассматривают, как мелкобуржуазную утопию и реакцию, и поэтому ругают их защитников мелкими буржуа, или неправ т. Преображенский.

К сожалению, он до сих пор не понял, за что его называют человеком, который поддался мелкобуржуазному уклону. Неужели же вы, т. Преображенский, думаете, что партия приняла резолюцию о вашем мелкобуржуазном уклоне за то, что вы настаиваете на плановом начале в хозяйстве, или за то, что вы предлагали бороться с частным капиталом? Если вы так поняли, то вы не поняли ничегошеньки.

Если бы вы только говорили: усиливай плановое начало, борись с нэповским накоплением, развивай кооперацию против частного капитала, — если бы вы только это говорили, то никому не пришло бы в голову обвинять вас в уклоне. Вы говорили таким образом, что это резало наши коммунистические уши. Не за настаивание на необходимости усиления планового начала получили они то название, которое есть в резолюции конференции, а за ту карикатуру на плановость, за то извращение планового начала, которое действительно имеется во всех их предложениях. Я беру знаменитую резолюцию, резолюцию четырех экономистов: Осинского, Пятакова, Преображенского и В. М. Смирнова, которая была предложена, кажется, в конце декабря, и где этот вопрос о плановости поставлен, и читаю:

... «Почему эта смычка не наладилась за истекший период, и почему смычка деревни с кустарной частной промышленностью и торговым частным капиталом развивалась успешнее? Основными причинами являются: отсутствие плана и бесистемность в деятельности руководящих органов и в связи с тем разнобой и стихийность».

Вот когда партия оказалась перед первым и явным проявлением стихийной несогласованности национализированной промышленности и мелкобуржуазного окружения; когда нам в ответ на анализ этого положения говорят: беда была бы невелика, если бы у нас был план; когда при этом обнаруживают полное непонимание того, как строится социализм из национализированной промышленности в аграрной крестьянской стране, базирующейся на мелком хозяйстве, и когда нам здесь подсовывают план, — мы говорим: это есть то выражение плановости, которое приводит к карикатуре на марксизм, к карикатуре на социализм, которое есть не план, а абстрактные схоластические рассуждения, ничему не помогающие. И не за плановость и не за то, что вы говорили: надо побольше плановости, а за подобное применение хороших

слов о плановости в совершенно несоответствующих местах, за это партия, конечно, должна была вас учить и будет учить.

На вопрос о том, где же наш план, я отвечаю: наш план заключается не в этих абстрактных схемах. План, который проводила наша партия в течение последних месяцев, начиная с дискуссии, воплощен в двух словах: в денежной реформе. Никакого другого плана в том смысле, что это есть реальное направление и увязывание всего хода народного хозяйства вокруг одного стержня, в том смысле, чтобы мы имели определенное звено, ухватившись за которое, мы могли бы тянуть всю цепь, — никакого другого плана не могло быть в прожитые месяцы.

Но этот план, план денежной реформы и увязки народного хозяйства вокруг этой денежной реформы для ее выполнения, был проведен вопреки тем товарищам, которые подписывали эту резолюцию. То же самое со вторым вопросом: «О накоплении нэп'а». Теперь приходят и говорят: «вы нас обозвали «мелкобуржуазным уклоном», потому что мы говорим, что надо бороться с нэповским капиталом». Это совершеннейшая ерунда, дорогие товарищи, потому что не за это вас назвали «мелкобуржуазным уклоном». То, за что вас назвали «мелкобуржуазным уклоном», написано в резолюции XIII партийной конференции, написано по пунктам под заглавием: «Идейная сущность оппозиции». Вот, т. Преображенский, вы почаще читайте эту главу.

Там в шести пунктах указано, за что те мысли, то направление, то течение, которое вы представляете, партия охарактеризовала «мелкобуржуазным уклоном».

За это, за то, что тут написано, а не за активный баланс и не за товарную интервенцию, хотя и тут вы ошибаетесь, но не в этом дело, — и не за то, что вы говорили, что надо бороться с нэповским капиталом. Вот эти шесть пунктов я опять-таки и рекомендую вам прочитать. И если вы пришли сюда говорить о том, что вас обвинили напрасно, или, как говорил т. Троцкий, «это преувеличенная атака на мелкобуржуазный уклон», то благоволите опровергнуть эти шесть пунктов. А там сказано то, что объясняет, почему вас, дорогие товарищи, назвали «мелкобуржуазным уклоном».

...«Огульная критика и попытка прямого дискредитирования партийного аппарата объективно не могут привести ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии».

Вот первое. Почему вы этот документ не попытались опровергнуть, а пришли жаловаться партийному съезду, что мы вас назвали «мелкобуржуазным уклоном» за то, что вы хотели бороться с нэповским капиталом? Вы думаете, кто-нибудь вам поверит? Второй пункт. Потому вы названы мелкобуржуазным уклоном, что пытались... «противопоставить партийный молодняк основ-

ным кадрам партии», и потому, что считали, что «барометром для партии является учащаяся молодежь». Вот это надо было опровергнуть. Вот за это мы вас назвали «мелкобуржуазным уклоном», а не за то, что вы, как коммунисты, хотите бороться с нэповским капиталом. Ведь, мы с вами боремся против него вместе, в одной партии и признаем, что вы хотите действительно бороться с нэповским капиталом. Только это надо делать умно. Третий пункт.

...«Т. Троцкий выступил с неопределенными намеками на перерождение основных кадров нашей партии». Четвертый пункт осуждения. В нем сказано, что мы осуждаем то, что: «одна часть оппозиции отдает обильную дань «левой» фразе против нэп'а вообще, делая такие заявления, которые имели бы какой-либо смысл лишь в том случае, если бы товарищи предлагали отказаться от нэп'а и вернуться к военному коммунизму».

Были и есть такие нотки в нашей оппозиции? Есть! И тут я должен добавить, что есть некоторые товарищи, которые дуют в эту дуду, считая себя вне оппозиции. Мы сегодня видели одного такого товарища. Т. Ларин вышел перед нами и в этом пункте стал говорить так, как, конечно, не сказать более осторожному оппозиционеру.

Т. Ларин предлагал нам ввести «условный нэп». Я думаю, что это предложение об «условном нэп'е» может быть понято безусловно только как шутка. Нэп, т.-е. новая наша экономическая политика, есть, конечно, вещь чрезвычайно условная. Нэп есть в основе свобода торговли. В чем обусловленность ее? в чем ее ограниченность? В том, что эту свободу торговли ввела пролетарская власть, ввела, по словам Ленина, постольку, поскольку это нужно для строительства, которое предстоит нашей пролетарской власти. Этот нэп ограничен нашими пролетарскими законами, ограничен налогами, которые устанавливаем мы, господствующий пролетариат, ограничен, наконец, нашей администрацией. И когда я беру новую экономическую политику и условия, в которых она осуществляется, т.-е. условия политической власти пролетариата, экономического законодательства пролетариата, налогового законодательства пролетариата и административного воздействия пролетариата, то я говорю: что же нужно еще более условного? Нет, товарищи, здесь никаких дальнейших условий нам не нужно. Нам надо научиться, наконец, пользоваться теми условиями, теми законами, теми правами и той властью, которые мы имеем, а вы увидите из доклада о хозяйстве, как мало мы умеем пользоваться своими собственными законами, всем объемом нашей политической власти для регулирования нашей экономической политики. Никакой новый «условный» нэп нам не нужен. Ленинскую экономическую политику заменить ларинской экономической политикой мы отнюдь

не собираемся. Но вот, видите, товарищи, эти «левые фразы», подрывающие нэп в только что указанном смысле, мы заметили раньше в выступлениях оппозиции. Ведь, дело не в том, что эта ошибка сегодня проскользнула у т. Ларина, а в том, что это нашло себе выражение в дискуссии. Мы сказали, что эта струя есть, что эту струю мы не разделяем и что эту струю мы отметаем.

Перед партией была демонстрирована и другая струя, — она здесь персонально названа. Зачем же говорить о том, что мы хотели зачислить вас в «мелкобуржуазный уклон» потому, что вы хотели мясо ввозить, а мы не хотели его ввозить, и что потому вы оказались «мелкобуржуазным уклоном», а мы — «пролетарским уклоном»? Даже т. Троцкий попытался — и напрасно — встать на эту позицию! «Эта часть оппозиции (т. Радек) выступила с прямым предложением пересмотреть те условия, которые партия наметила в связи с генуэзской конференцией, и пойти на большие экономические уступки международному империализму, в целях усиления деловых сношений с иностранным капиталом». Если кто-нибудь считает, что приговор по этому пункту неправилен, или что оппозиция в сем неповинна, или что это не есть ошибка, то надо внести прямое предложение сие вычеркнуть. Но этого никто не сделал. А вы говорите, что вас обвинили в «мелкобуржуазном уклоне» потому, что вы хотите социалистического плана и усиления социалистического накопления за счет нэповского капитала! И, наконец, шестой пункт, — это допущение образования фракционных группировок. Вот все 6 пунктов, по которым вы осуждены.

И, наконец, товарищи, — для того, чтобы покончить с обвинением в попустительстве нэп'у, — т. Преображенский должен был сказать, как это обвинение действительно отражалось в той агитации, в той политической работе, которую вела оппозиция. Это, ведь, тоже написано. И, ведь, этого тоже никаким топором не вырубишь. Вот передо мной резолюция, предложенная одним товарищем в декабре 1923 г., 4 месяца назад, — о новых задачах партии, на собрании рабочих Кремля. Называется резолюцией сторонников Преображенского и Сапронова, и в ней говорится: «Основной ошибкой ЦК в области экономической политики была бесплановость в попытках руководить хозяйственной жизнью страны, что по своим последствиям способствовало усилению хозяйственного кризиса, беспрепятственному быстрому росту частного капитала за счет социалистического накопления». Я и спрашиваю, товарищи, я имею тут два вопроса. Во-первых, что это — борьба с нэповским капиталом или с ЦК? Это — первое. А второе, давайте по-товарищески спросим: что, т. Преображенский, если бы товарищ, который предлагал эту резолюцию, сейчас бы пришел к вам посоветоваться насчет резолюции, которую надо предложить, — резолюции, на которой надо учить рабочих

Кремля или каких-либо других учреждений, посоветовали бы вы предложить рабочим резолюцию о том, что ЦК способствует беспрепятственному росту частного капитала за счет социалистического накопления? Я думаю, что эти четыре месяца оказались полезными в том смысле, что и т. Преображенский, и т. Сапронов такую резолюцию поостереглись бы предложить.

Ограничиваюсь этими замечаниями и прихожу к такому выводу: надо сравнить, когда дело дошло до попытки апеллировать к партсъезду по поводу дискуссии, итог нашей политики и экономической жизни с теми обвинениями, которые были выдвинуты против ЦК.

Можно выбрать любую тактику. Или сказать: я был неправ, или наоборот: я продолжаю думать, что был прав, я буду продолжать отстаивать в той или другой легальной и лояльной форме перед партией свое мнение, но нельзя жить внутри партии одной дипломатией. Когда мы подводим итоги, я обращаюсь к основному документу, под которым стоят подписи Преображенского, Серебрякова, Пятакова, Осинского, Сапронова и т. д. и с которым идейно, если не по форме, солидаризировался т. Троцкий. Вот этот документ 46-ти, который мне надоел так же, как и меньшевики, и который, я надеюсь, вы вспомнили тоже без удовольствия. Но раз вы поставили вопрос о пересмотре приговора конференции, раз вы поставили перед партийным съездом вопрос, какой же приговор вынесет история, раз т. Троцкий говорит: «атака на мелкобуржуазный уклон была преувеличена», надо обратиться к этому документу.

Не было никакого мелкобуржуазного уклона, — вот что явствует из речи т. Троцкого, поскольку эта речь — политика, а не страница из личной биографии т. Троцкого. Вопрос о том, что каждый член партии подчиняется решениями партии, — это для нас аксиома, она не подлежит новому подтверждению на XIII партийном съезде. Еще, пожалуй, на III партсъезде можно было бы об этом говорить. Это — вопрос личной биографии. А вопрос политики действительно заключается в том, права ли была конференция, которая по шести пунктам представила перед партией идейное содержание всей оппозиции и сказала: в этих шести пунктах сказывается уклон, который в нашей обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке мелкобуржуазного окружения, когда крестьянство и буржуазия, о чем говорил отчет ЦК, давят и проникают в партию, — этот уклон должен быть осужден. В этой обстановке действительно ли преувеличили мы опасность мелкобуржуазного уклона, и права или не права была конференция, которая этот приговор записала? Когда нам этот вопрос ставят, мы обращаемся к этому документу 46-ти и читаем там:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать

вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года финансовый и хозяйственный кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партии, как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

«Случайность и необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненно крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства, не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым обще-экономическим кризисом».

Вот перед каким обвинением стоял ЦК. Это обвинение отвергнуто в резолюции конференции. И вот это обвинение вновь выдвинуто теперь в более смягченной форме, более дипломатичной форме перед партийным съездом. Мы думаем, что партийный съезд должен взять весь вопрос так, как он поставлен здесь в речах т. Троцкого и Преображенского, и сказать, оправдались ли эти перспективы и пророчества, или это было не пророчество, как хочет представить т. Троцкий, а это была паника, та самая паника, которая была перед первым кризисом новой экономической политики и которая потом бросила партию в дискуссионные потрясения. Мы думаем, что приговор конференции был прав, что партийный съезд должен его подтвердить. Мы думаем, что *окопы против мелкобуржуазного влияния в нашей партии надо держать в порядке*, и мы думаем, что если т. Троцкий выполнял свой долг, высказываясь перед партией, то партия выполняла свой долг, поправляя т. Троцкого и разъясняя широким пролетарским массам ошибочность его позиции. Если бы мы это делали, не опираясь на объективные факты и имея за душой только хорошо повешенный язык, не имея роста народного хозяйства, улучшения положения рабочего класса, мы были бы побеждены оппозицией во главе с т. Троцким. Если она оказалась политическим банкротом, то потому, что объективная действительность смяла их теорию, их предсказания и их доводы. И поэтому мы, отдавая власть, в завет, так-сказать, новому ЦК, могли бы только одно пожелать, чтобы история позволила ошибки т. Троцкого поправлять как можно реже, как можно позже, ибо поправка этих ошибок стоит очень дорого партии.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ И НАША ЭКОНОМПОЛИТИКА.

Доклад на XIII съезде РКП (б)

Товарищи, мой доклад должен послужить некоторым общим введением к тем конкретным сообщениям, которые будут сделаны вам по отдельным вопросам, соприкасающимся с внутренней торговлей и кооперацией. Таковы формальные рамки моего доклада.

Мы неоднократно на съезде уже говорили о том, что торговля является сейчас очередным звеном, за которое надо ухватиться на данной ступени развития нашего хозяйства по направлению к социализму.

Владимир Ильич о торговле.

Что касается не формальных рамок моего доклада, а его существа, то я хотел бы ответить в нем на вопрос о том конкретном содержании, которое вся обстановка нашей хозяйственной работы вкладывает в лозунг Владимира Ильича: «учитесь торговать».

Ясно совершенно, что этот лозунг, данный уже $2^1/_2$ года назад, меняет свое конкретное содержание в ходе нашей хозяйственной работы, и задача заключается в том, чтобы в каждый данный конкретный момент точно определить, как надо понимать этот лозунг Владимира Ильича, и как надо его применять.

Что касается теоретического значения торговли в том хозяйственном строе, очень своеобразном, в котором мы живем и руководим политической и хозяйственной жизнью Союза наших республик, то это теоретическое определение роли и значения торговли дано Владимиром Ильичем с совершенно исчерпывающей ясностью, в таких формулах, которые не допускают ни дополнений, ни изменений, и которые для начала перед вами в самых кратких чертах повторю, чтобы иметь те общие теоретические рамки, в которых будут применяться дальше конкретные данные.

Владимир Ильич говорит:

«Торговля есть единственная возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии, сети электрических проводов,— индустрии, способной и по своей технической мощи, и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами, в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это «если» уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить фактически новую связь с промышленностью, с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных, «осадных» действий».

В другом месте это же теоретически обоснованное значение торговли в общем ходе социалистического строительства в отсталой аграрной стране,— а нам именно в этих условиях приходится осуществлять диктатуру пролетариата,— в другом месте Владимир Ильич обрисовал это, быть-может, еще рельефнее. Он сказал так:

«Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы ввести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудования для них. Тогда мы должны дать это через торговлю; но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения».

И, наконец, последнее:

«Торговля — вот то звено в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всею цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка».

Вот — совершенно точное, резко поставленное политико-экономическое определение роли торговли в ходе развития нашего социалистического строительства. Надо отдать себе точный отчет, о чем здесь идет речь.

В торговле мы имеем область хозяйственного соприкосновения государственной национализированной промышленности и мелкого крестьянского хозяйства. Иначе говоря, именно в области торговли на рынке происходят соприкосновение и увязка элементов социалистического хозяйства, воплощенных в нашей индустрии, с элементами мелкобуржуазных остатков капиталистического хозяйства, воплощенных в свободном обороте мелкого крестьянского хозяйства. Эта область соприкосновения должна

быть поставлена нами под особое наблюдение, ибо именно здесь решается вопрос, какие из этих элементов возьмут верх, и поэтому в этой плоскости и разворачивается процесс соревнования, конкуренции, борьбы начал частно-капиталистического строительства и социалистического строительства.

Эти два процесса, разворачивающиеся в плоскости торговли, должны быть нами изучены самым ближайшим образом, если мы отдаем себе отчет, что хозяйственное строительство социализма идет на данном зигзаге исторического пути пролетариата через торговлю. Теоретически этому нас научил Владимир Ильич. Практически к этому подвели нас события начала 1921 г. Теоретически мы все это знаем. Практически, на деле, к достаточному пониманию этих процессов, к умению управлять этими процессами мы только подходим.

Осенний кризис и его уроки.

Было два толчка, которые перед всей партией и перед каждым отдельным коммунистом поставили этот вопрос в наглядной, конкретной форме, привели нашу партию из области абстрактных рассуждений о торговле и об умении торговать, к конкретному пониманию элементов торговли. Первым таким толчком, ударившим нас по загривку довольно основательно, был осенний кризис. Мы за него заплатили порядочно, и уроки, которые мы извлекли из осеннего кризиса, окажутся для нас чрезвычайно полезными.

Вы знаете, что осенний кризис некоторые товарищи пытались объяснить отсутствием плана. Я приводил в своей речи по отчету ЦК цитату, исходившую из рядов видных работников в экономической области, которые прямо пытались объяснить осенний кризис недостаточностью начал плановости в нашей работе.

Глубочайшая иллюзия полагать, что осенний кризис объясняется отсутствием достаточно продуманного плана, и что лечение этого кризиса заключается в том, чтобы запастись на будущее время таким планом. Это объяснение — схоластическое и скрывает иллюзии насчет самого существа строительства социализма в мелкобуржуазной аграрной стране. Осенний кризис был ярким выявлением несоответствия между темпом хода и типом развития национализированной социалистической промышленности и хозяйством мелкобуржуазного уклада. Неужели можно предполагать, что это несоответствие между находящейся в руках пролетариата промышленностью, которой мы управляем непосредственно, и между теми хозяйственными процессами, которые происходят в среде 18 миллионов крестьянских дворов, живущих не на основах социалистического хозяйства, а на основах частно-капиталистического обмена, на основах рынка и рыночной продажи,— неужели можно предполагать, что установление соответ-

ствия между этими двумя элементами есть только вопрос продуманного плана? Это чисто-абстрактное, чисто-бумажное решение. Мы должны смотреть на вещи реально и понимать, что установление соответствия между этими двумя элементами — ведь, это и есть фактически дело строительства социализма, что иного пути к построению социализма, чем приспособление социализированной промышленности к крестьянскому хозяйству, нет, и что это приспособление, уничтожение существующего несоответствия будет в себе заключать весь процесс дальнейшего усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве. Мы должны предвидеть в будущем, что это приспособление будет итти через ряд кризисов. Нельзя сказать, что осенний кризис научил нас таким методическим действиям, которые помогут нам избежать в дальнейшем каких бы то ни было кризисов несоответствия между социализированной промышленностью и крестьянским хозяйством. Нет. Мы должны отдать себе отчет, что процесс социалистического строительства будет итти через постоянные колебания, что наша задача заключается только в том, чтобы по возможности облегчать формы выражения этих кризисов.

Что мы вынесли из осеннего кризиса?

Первый урок, который мы вынесли, должен гласить: надо приспособлять темп развития нашей промышленности к мощи крестьянского хозяйства.

Второй урок, который мы вынесли, — это то, что наша промышленность должна искать крестьянского потребителя, и что только найдя этого потребителя и базируясь на широком массовом крестьянском рынке, можно двигать дальше и развивать усиленным темпом нашу промышленность. Из этих теоретических положений было ясно для всякого, кто живую реальную работу построения социализма в аграрной стране не затемнял для себя бумажными схемами и преувеличенными надеждами на схематический план, что осенний кризис всю нашу партию в целом и всех коммунистов в отдельности подвел к конкретному выводу: соразмерять развитие социализированной промышленности с крестьянскою силою, учиться искать именно в крестьянской массе ту хозяйственную базу, на которую можно опереть развитие государственной промышленности. Вот — дальнейшие уроки кризиса, и мы видим, что наша партия сумела этим воспользоваться.

Денежная реформа.

Следующим толчком, который побудил нас к усилению внимания к вопросам торговли, была денежная реформа.

Вы знаете, что и здесь в партии, на известном ее крыле происходили некоторые колебания, и приблизительно формула

этих колебаний казалась такой: раньше чем задумывать денежную реформу, раньше чем стремиться к такой роскоши, как твердые деньги, надо создать производственную базу,— без соответствующей производственной базы денежная реформа не удастся. В известном смысле это, конечно, было правильно. Конечно, если бы мы попытались провести денежную реформу на базе падающего хозяйства, на базе разложения хозяйственных процессов, в момент сокращения и падения товарооборота, в момент продолжающегося обеднения страны, мы были бы утопистами, ибо каждому понятно, что денежную реформу и твердые деньги можно создать только на базе повышающегося развития общего богатства страны и на базе развивающегося и усиливающегося товарооборота. Но естественно задать этим товарищам вопрос: можно ли, однако, было бы поставить дело таким образом, чтобы мы при помощи совзнака попытались создать эту производственную базу, а потом, создавши ее при помощи совзнака, на ее основе задумали бы и стали бы проводить денежную реформу? Денежная реформа была нам подсказана в сроках ее выполнения именно тем, что совзнак отказывался служить: отказывался служить и на крестьянском рынке, отказывался служить и на городском рынке, и мы были поставлены в необходимость ускорить момент ликвидации совзнака и заменить его твердыми деньгами, если мы не хотели привести страну к действительной катастрофе, а наш государственный бюджет и государственную промышленность к полному разложению.

Совзнак отказался служить. Вопрос заключался в том, сможем ли мы в этот момент, хватит ли у партии умения, сумеет ли она использовать все те данные, которые дает развитие страны, для того, чтобы без замедления заменить падающий совзнак твердою валютой. Эта задача была чрезвычайно трудна. Вы знаете, что пессимизм относительно возможности выполнения ее был знаменем, под которым велось нападение на хозяйственную политику нашей партии со стороны всех наших врагов. Они думали, что именно на этом камешке мы и поскользнемся; они представляли себе, что коммунистическая партия может удержать экономическую власть только благодаря совзнаку, только благодаря тому, что она путем эмиссии выкачивает из народных масс и, главным образом, из крестьянства добавочные налоги, которые позволяют ей осуществлять свою политическую и экономическую власть.

Но этот пессимизм был распространен и в известных кругах нашей партии. Теперь мы имеем итоги. База денежной реформы заключалась в том, чтобы, с одной стороны, по возможности сократить государственный дефицит и итти к уничтожению его, а с другой — чтобы повести систематическую и решительную борьбу против дороговизны. Без этих двух предварительных условий — сокращения государственного дефицита и установления стабили-

зованных цен, прекращения пляски цен, прекращения возможности для спекулятивного частного капитала наживать на падающих совзнаках,— без этих двух предварительных условий, конечно, никакая денежная реформа не могла бы быть осуществлена. А мы теперь смело можем сказать, что денежная реформа нам уже удалась, хотя мы не должны закрывать глаза на новые трудности, которые могут перед нами возникнуть. Действительно, позиция твердого рубля нами завоевана, но на эту позицию будут итти нападки со всех сторон, потому что мы только-что встали на твердую почву, но кругом нас в этом отношении еще болото, и это болото может нас затянуть, если мы не примем всех необходимых мер, если мы не окопаем своей позиции, если мы не будем применять всех необходимых мероприятий для того, чтобы та твердая почва, на которой мы сейчас стоим, не покрылась опять болотными водами. И здесь главное, что нам необходимо,— это сокращение дефицита, с одной стороны, а с другой,— удержание стабилизации цен и дальнейшее их понижение. Вы видите, что этим самым мы целиком опять-таки сталкиваемся с вопросом товарооборота, с вопросом торговли.

Расширение товарооборота — залог успеха денежной реформы.

Денежную реформу можно опереть исключительно и только на расширение нашей политики товарооборота. Если бы этот товарооборот стал сокращаться, паче чаяния, если бы общее количество продуктов страны стало падать, мы денежной реформы не сумели бы довести до конца. Денежная реформа во всех странах потребовала известных жертв. Эти жертвы заключались в необходимости временного сокращения кредитов. И мы с вами очень хорошо знаем, что все те органы и учреждения, для которых первый шаг денежной реформы обернулся, как сокращение их кредитов, неоднократно становились на такую позицию, которая фактически приводила к срыву денежной реформы. Надо было проявить известную выдержку, хладнокровие и твердость для того, чтобы не поддаться тем настроениям, которые временно вырастали из-за сжатия кредитов, тем затруднениям, которые были временными, ради той конечной цели, которую можно было осуществить только в ряде месяцев. С другой стороны, мы должны были пойти на то, чтобы путем решительных мер в области регулирования цен добиваться того действительного снижения цен, которое позволило бы нам в момент денежной реформы не увеличивать дальше известного предела общих фондов зарплаты, которую выплачивает наше государство. Обратите внимание на результаты, полученные нами в продолжение нескольких месяцев. На диаграмме вы увидите наше денежное обращение, начиная с января 1923 г.

и по 1 мая 1924 г. (См. диагр. № 7*).) На этой диаграмме вы увидите, как шла эта денежная реформа, увидите наши главнейшие достижения в этой области. Мы имели следующее: общая сумма денег, которые обращались в стране, и которых было для страны достаточно, на 1 января 1923 г. равнялась 117 млн. руб. На 1 мая мы имеем общую сумму денег в 445 млн. руб., а на сегодняшнее число, по данным Наркомфина, — 473 млн. руб. Вы видите, что в продолжение 15 месяцев мы увеличили общую сумму денег, обращающуюся в стране, в 4 раза, при чем процесс этого увеличения стал особенно силен с того момента, когда мы приступили к денежной реформе. На 1 января нынешнего года мы имели 304 млн. руб., а сейчас мы имеем через 5 месяцев 473 млн. руб. Это значит, что общая сумма денег в продолжение 5 месяцев увеличилась больше, чем в $1^1/_2$ раза. И мы увеличили эту сумму денег таким образом, что не уронили нашего рубля. Вот в этом и заключается главное достижение нашей денежной реформы, и поэтому мы можем сказать, что денежная реформа, действительно, проведена, и что мы в этой области стоим на твердых ногах. Увеличение общей денежной массы означает громадное развитие товарооборота и хозяйства. Нельзя было бы увеличить в 4 раза в продолжение 15 месяцев общую сумму денег, если бы в стране этой общей сумме не соответствовало определенное количество товаров, соответствующий размер товарооборота и соответствующие размеры продукции промышленности и сельского хозяйства. Эти цифры свидетельствуют не только о процессах оздоровления и обогащения страны, но эти цифры свидетельствуют и о быстром темпе этих процессов, особенно увеличившемся с момента, когда мы приступили к проведению денежной реформы.

Самоограничение в выпуске денег.

Другая сторона дела заключалась в том, чтобы уметь вводить в страну эту сумму денег и чтобы этим не сломать ценности нашего рубля. Этому мы научились впервые. Вы знаете, что пускать деньги в страну мы очень быстро научились. Это та наука, которую мы преодолели первой. Как только товарищи пришли в Государственный банк и как только в наших руках оказалась экспедиция заготовления государственных бумаг, так мы немедленно начали печатать деньги. Но вы знаете, каким образом эту науку мы должны были употреблять, и как мы должны были переучиваться с момента денежной реформы и отвыкать от старой привычки давать столько денег, сколько позволяет печатный станок. Мы научились только теперь сосчитывать количество денег, выпускаемых нами, и сопоставлять их

*) Диаграмма в конце книги.

с действительными потребностями страны. Только при этих условиях можно было получить твердую деньгу. Это, конечно, означало, что мы должны были учиться урезывать свои расходы. Мы идем с государственным бюджетом в 2 миллиарда руб. Мы тратим ежемесячно 150 милл. руб. Вы знаете, что этим бюджетом, который для наступающего 1924—1925 г. не может превышать 2.400 млн. руб., далеко не удовлетворяются стоящие перед нами потребности. Каждый из вас может написать длиннейший список требований, оставшихся неудовлетворенными, список основных потребностей хозяйства и культуры страны, которые мы принуждены откладывать, потому что не можем их удовлетворить сейчас. Мы знаем уровень нашей заработной платы, знаем недостаточное обслуживание в области народного просвещения, знаем недостаточность тех кредитов, которые государство может дать поднимающейся промышленности, государственной торговле, нашей кооперации,— все это мы знаем. И, несмотря на это, мы уже сейчас идем с государственным бюджетом в два, а в следующем году в два с половиной миллиарда рублей. Для покрытия этих государственных расходов источники наши гораздо более ограничены. Поэтому соблазн заткнуть дыру между нашими расходами и доходами деньгами, которые мы печатаем, чрезвычайно велик, и все надежды врагов денежной реформы базируются, главным образом, на том, что мы перед этим соблазном не устоим, и что, воспитавшись на совзнаке, мы поскользнемся на том, чтобы превратить и новый твердый рубль в тот же самый совзнак, выпустив его на покрытие нашего дефицита в бóльшем размере, чем может принять страна. Поэтому я думаю, что политика нашей партии оправдана не только тем, что мы в продолжение 15 месяцев вчетверо увеличили объем денежной массы на почве растущего хозяйства, но и тем, что мы не преувеличили этих выпусков и сумели удержаться в тех рамках, которые гарантируют твердость рубля.

Какие могут быть дальнейшие перспективы? Каким темпом может развиваться наше денежное обращение? Расчеты, которые мы имеем, свидетельствуют о том,— и это понятно, конечно, каждому товарищу,— что к моменту реализации урожая нам понадобятся добавочные денежные средства для того, чтобы купить государству, а не отдать в руки частных купцов, продукцию сельского хозяйства в тех размерах, которые необходимы для того, чтобы поддержать уровень крестьянского хозяйства. Нам ясно, что к осени понадобятся дополнительные большие средства, и мы должны будем увеличить выпуск денег. Есть известный предел, относительно которого могут быть споры в десятках миллионов, но в общем и целом мы здесь идем к тому, что имеем, как предел, как границу, сумму в 700 млн. зол. руб. к моменту реализации урожая — к 1 октября. Значит, в общем и целом мы имеем воз-

можность за июль, август, сентябрь, частью за октябрь выпустить не больше 200 млн. дополнительно к той массе денег, которую мы уже выпустили. Эта сумма, по нашим предположениям, будет такой суммой, которая удержит стабилизацию рубля, которая не даст ему упасть, но дальнейший выпуск был бы уже опасен. Поэтому у нас есть известный предел выпуска. Но мы должны помнить, что из этого дополнительного выпуска в 200 млн. руб., вероятно, не менее 150 млн. должно уйти на хлебозаготовки. Следовательно, все те товарищи, которые претендуют на дополнительные отпуски из государственных средств, должны иметь в виду, что здесь мы чрезвычайно ограничены, что денежная реформа требует от нас еще определенного ограничения. Это ограничение выражается в том, что мы имеем общую сумму в 200 млн. как перспективу на ближайшие 3 — 4 месяца, и из них 150 млн. должны пойти в деревню, чтобы купить у крестьян хлеб и произвести с этим хлебом необходимый оборот, а на долю остальных нужд мы имеем сумму чрезвычайно маленькую. Это свидетельствует о том, что денежная реформа, поставленная на твердые ноги, находящаяся на правильном пути, только тогда действительно будет доведена до конца, если мы твердо будем вести предпринятую нами политику, если мы будем помнить, что эта денежная реформа, этот процесс увеличения суммы денежного обращения до 700 милл. руб. к октябрю этого года, с примеркой на то, чтобы не уронить нашего рубля ни на одну копейку, и есть план, реальный план народного хозяйства, который даст действительную наметку и действительное взаимоприспособление отдельных отраслей хозяйства.

Реальная проверка осуществимости социализма.

Денежная реформа представляет, несомненно, громаднейшее достижение. Слова Владимира Ильича настолько важны и настолько ценны для того, чтобы измерить пройденный нами путь, что я позволю себе их процитировать. 13 ноября 1922 г., т.-е. полтора года назад, Владимир Ильич выступал перед Коминтерном с докладом о нашей внутренней политике, выступал перед высшим судилищем, заинтересованным в том, чтобы мы показали, что не только умеем уничтожать буржуазию, но что умеем и строить социализм, ибо мы производим реальную, практическую проверку осуществимости социализма вообще. И поэтому Коминтерн имеет право и должен самым внимательным образом смотреть на то, как же передовой отряд пролетариата, получивший в свои руки власть в громаднейшей стране, строит социализм, выходит ли у него из этого что-нибудь или не выходит? И вот, отвечая перед этим международным судилищем, Владимир Ильич говорил:

«Что действительно важно, — это вопрос стабилизации рубля. Над этим работают лучшие наши силы, и этой задаче мы при-

писываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, стабилизировать этот рубль — значит, мы выиграли. Тогда мы сможем наше хозяйство твердо поставить и твердо вести. Я могу вам привести по этому вопросу довольно важные и решающие факты. В 1921 г. период устойчивости курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев. В текущем 1922 г., хотя он еще и не закончился, этот период продолжается свыше 5 месяцев».

Вы видите, какой путь проделан от того момента, когда Владимир Ильич перед Коминтерном месяцами исчислял периоды стабилизации бумажного рубля, к тому моменту, когда мы можем сказать, что та реформа, которая не удается в буржуазных странах, та реформа, которая вообще возможна только на почве общего оздоровления народного хозяйства, — эта реформа проведена нами настолько твердо, что мы, конечно, не месяцами, а годами будем измерять стабилизацию нашего рубля. Мы получили в этом твердом рубле прекрасный инструмент измерения нашего хозяйственного строительства, впервые мы теперь знаем и можем говорить о рассмотрении балансов доходов и расходов, мы впервые можем построить план, мало-мальски похожий на какой-нибудь план, мы можем учитывать прибыли, можем избавиться от той схоластической игры на индекс, которая отравляла всю хозяйственную атмосферу и приводила к политическим последствиям. Но мы должны отдать себе отчет во всем этом. Мы имеем теперь превосходный термометр, который может показывать и здоровье, и болезнь, и не надо сердиться на этот термометр, если он, нами выработанный, будет показывать болезненные явления, не надо ставить это дело так, чтобы, рассердившись на этот термометр, разбить его. Надо сохранить этот термометр, и общее, что мы можем сказать относительно его показания сейчас, — это не совсем то, что мы уже окончательно расстались с плохой нищеты и болезни.

Мы еще бедны.

Этот термометр, несмотря на то, что он создан нами на основе улучшения хозяйства, показывает, что мы еще бедны.

Мы еще нищая страна. Если от 117 милл. руб. мы довели общую сумму денежного обращения до полумиллиарда, то это все-таки для нашей страны, для нашего населения, для нашей территории признак только начала выхода из нищеты и бедности. Для того, чтобы провести денежную реформу, у нас должны быть приведены в движение не только рычаги сокращения государственного дефицита, но и рычаг, который бы прямо направил наше внимание на состояние внутреннего рынка, — на борьбу с дороговизной и за стабилизацию цен. Мы и здесь имеем успех, — я на этом останавливаться не буду. Но

совершенно ясно, что без систематического проведения борьбы с дороговизной, без того, чтобы приостановить скачки цен вниз, без того, чтобы создать крутой перелом цен вниз и удержать их на одном месте, денежную реформу осуществить нельзя. И это подводит нас целиком к основному вопросу о том, что наша денежная реформа базируется на расширении товарооборота, на почве расширения производства.

Мы должны отдать отчет в том, что мы вступили сейчас в период, когда в области внутренней экономической действительности мы не можем ожидать серьезных событий, в то время как во внешней политике мы живем в периоде громадных социальных сдвигов: вчера обрушился консервативный блок в Англии, обрушился национальный блок во Франции... Но внутри у нас, — в хозяйственной области, — мы вышли из периода обвалов, неожиданных потрясений, катастроф; мы вошли в период медленных хозяйственных процессов, которые надо уметь наблюдать, и поэтому мы не можем предполагать, что в области товарооборота, в области расширения рынка есть средства, применив которые, мы можем завтра или послезавтра получить громадный эффект. Здесь, как учил нас Владимир Ильич, мы имеем дело с процессами медленного типа, которые надо только уметь видеть, которым в известной форме можно содействовать, а в известной — противодействовать. Сейчас расширение товарооборота на почве расширения общего производства, — и сельского хозяйства, и городской промышленности, — есть основная задача.

Емкость рынка — база развития социалистического хозяйства.

Какие факторы определяют этот товарооборот? Первый фактор — это вопрос о емкости рынка. Если бы мы оказались перед таким положением, что емкость нашего внутреннего рынка, городского и деревенского, сократилась, то никакая денежная реформа удержать и двинуть вперед хозяйственное развитие не сможет. Однако, те данные, которые у нас есть, работы по этому вопросу, которые выпущены рядом ученых и товарищей, свидетельствуют, что в области емкости рынка происходят процессы, которые вполне гарантируют нам, при известной политике, возможность дальнейшего удержания денежной реформы и возможность дальнейшего развития нашего хозяйства. Передо мной книжка т. Струмилина, называющаяся «Емкость нашего рынка». Эта тема очень важная, она определяет на ближайшие месяцы ход и темп всего нашего хозяйственного строительства. Емкость рынка внутри будет определять развитие крупной индустрии. У нас нет другого рынка для крупной индустрии, как внутренний, на мировом рынке мы с продуктами нашей промышленности

в смысле мало-мальски серьезной конкуренции выступать еще не можем. Следовательно, состояние внутреннего рынка, его объем и его емкость, есть база развития нашего социалистического хозяйства, а нельзя создавать социалистическое государство и нельзя оправдывать название Союза Советских Социалистических Республик, если крупная индустрия, тяжелая наша промышленность не будет развиваться. Вот почему емкость рынка и наблюдение за тем, как развивается этот рынок, — сужается ли он, сокращается, расширяется или сжимается торговый оборот, — есть один из кардинальных вопросов. Это для нас — вопрос, куда мы действительно идем? Идем ли мы к перерождению в аграрную страну, в которой небольшие островки крупной промышленности будут тонуть в аграрном море, — и при таком положении это аграрное крестьянское море, прямо или косвенно, и скорее косвенно, чем прямо, будет диктовать нам свою политику; или, несмотря на наличие этого аграрного моря, мы нашу крупную промышленность построим и расположим так, что нам будет принадлежать решающее слово в общем направлении политики?

Цифры, которые приводит Струмилин и которые, конечно, чрезвычайно приблизительны, в общем показывают, что в 1922 — 23 хозяйственном году мы на нашем городском и сельском рынке достигли в смысле емкости суммы в 5.000 милл. руб. Более подробно т. Струмилин дает такие цифры, что приобретение продукции городской составляет 3 миллиарда руб., приобретение продукции деревенской — 2.250 милл., — общая емкость внутреннего рынка определяется от 5.250 до 5.500 милл. руб. Таким образом, мы здесь, в емкости рынка, в наличии рынка не можем видеть никаких опасностей, которые заставляли бы предполагать возможность перерождения нашей страны, идущей от мелкобуржуазного крестьянского хозяйства к социализму. Мы не можем предполагать здесь обратного процесса, который вел бы к разложению крупных индустриальных центров, к распылению их в мелкобуржуазном окружении. И не только емкость рынка, и соотношение цен на рынке играет роль в деле развития торгового оборота.

Мы ликвидировали «ножницы».

Соотношение цен на рынке, это есть вопрос о «ножницах». «Ножницы» эти показаны у меня на диаграмме (№ 8)*), которую, по-моему, рядом с диаграммой о денежной реформе, мы можем показывать без стыда, как доказательство того, что мы умеем вести хозяйство, что наша партия уже обладает способностью управлять известными и основными рычагами в области народного хозяйства. Вы видите, как приблизительно в сентябре-

*) Диаграмма в конце книги.

октябре 1923 г. раствор «ножниц» получался самый большой. На верхнюю линию ценностных отношений продуктов промышленности, приходящуюся на сентябрь-октябрь, на момент, когда раствор «ножниц» получил самое большое выражение, мы должны и экономически, и политически обратить особенное внимание.

Не кажется ли вам иногда, когда вы рассматриваете всю ситуацию и оглядываетесь на весь прошедший год, что здесь, при рассмотрении этого раствора, мы должны будем вспомнить, что вся сила нашего Союза, наша стойкость заключаются в союзе рабочих и крестьян, и не следует ли сказать, что этот момент раствора «ножниц» был наиболее опасным политическим моментом в деле укрепления нашего союза? Не слышим ли мы при виде этого раствора напоминание о том, как необходимо хранить этот союз и как наша экономическая политика должна строго примериваться к общему положению об укреплении союза рабочих и крестьян?

Что мы видели в этот момент? Естественные колебания среди крестьянства, недовольство его, отход его от пролетариата. Это понятно. Если перевести эти «ножницы» на простой язык, то нужно сказать, что в этот момент город брал, благодаря дороговизне промышленных продуктов и дешевизне с.-х. продуктов, у крестьян дополнительный замаскированный налог, который исчисляется приблизительно в полмиллиарда рублей. Если этот налог город берет с деревни, то это не укрепляет союза. Это есть достаточное экономическое основание для порождения в крестьянстве известных колебаний.

«Ножницы» и внутрипартийная дискуссия.

Оглядываясь теперь назад, можно сказать, что на почве этих мелкобуржуазных, стихийных колебаний и в партии народились те колебания, которые потом выразились в нашей дискуссии. Нет сомнения, когда мы оглянемся через два-три года и сопоставим политические и экономические явления нашей жизни, то мы скажем, что в этот момент раствор «ножниц» ознаменовал надлом в отношениях рабочих и крестьян, породил колебания в крестьянстве, которые отразились в рядах нашей собственной партии и среди людей, находящихся около партии. Вот суть кризиса, который мы пережили осенью прошлого года. И вопрос проверки нашей партии и нашей политики заключался в том, во-первых, нашли ли мы теоретически правильный выход, и, во-вторых, практически смогли ли мы это осуществить.

Теоретически выход был найден в том, что вся промышленность вообще должна понижать цены и найти крестьянский рынок. Теоретически нужно было сказать, что мы, как государ-

ство, пользующееся рычагами внешней торговли и своим хозяйским положением на рынке хлебозаготовки, должны поднять крестьянское лезвие «ножниц». Это теоретически было правильно. И теперь, через несколько месяцев, видно, как неправильна, как, простите, неумна была та политика, которая в момент этого раствора, когда ЦК говорил, что этот раствор требует от нас понижения цен на промышленные изделия, установления принципа минимальной прибыли, как неумно говорила эта политика: нет, этот лозунг понижения цен на промышленные изделия, дальнейшего приспособления к крестьянскому рынку не правилен. А сейчас мы видим, что единственно этот лозунг теоретически и практически был правилен. Он вывел нас из кризиса осени 1923 г., сравнительно незначительного кризиса, потому что лучше иметь этот кризис, лучше на этом кризисе учиться, чем на кризисах начала 1921 г.

Борьба за уравнение цен.

Второй вопрос заключался в том: хорошо, партия теоретически определила, как надо выйти из этого кризиса, но надо не только теоретически определять, а надо иметь возможность провести это практически. И эта таблица (см. диаграмму № 8) свидетельствует не только о том, что мы *теоретически* правильно определили ход дальнейшей политики и путь, выводящий нас из обстановки надлома во взаимоотношениях между рабочими и крестьянами, — она показывает, что не только теоретически правильно мы указали путь, но что у нас хватило уменья и сил *практически* этот путь осуществить. Разве падение линии цены промышленных продуктов и поднятие с.-х. линии не показывают, что партия не только умела правильно смотреть на дело, но она обладала достаточным аппаратом, достаточной энергией и достаточным уменьем, чтобы добиться этого перелома. У нас есть рычаги, и теоретически мы знали, что они есть у нас. В наших руках внешняя торговля, хлебная заготовка и государственный кредит. Мы являемся хозяевами промышленности. Но надо было при сопротивлении целого ряда организаций, которые ради своих цеховых интересов или интересов ведомственных, не понимали действительно правильного направления нашей политики в данный момент, крутой рукой изменить эти две линии (см. диаграмму № 8): верхнюю — понизить, нижнюю — поднять. Это было сделано. Поэтому вместе с диаграммой о денежном хозяйстве диаграмма о снижении цен на промышленные продукты и повышении на крестьянские свидетельствует не только о том, что мы теоретически правильно продумали наш путь, но и умеем уже практически осуществлять его. Это — не все, чему нас учит эта диаграмма.

Обращаю внимание на последние отрезки в этих линиях. Вы видите, что они идут почти параллельно, значит, мы добились не только крутого перелома, — что очень важно, но что далеко еще не все, — мы добились и идем по пути того, чтобы укрепить положение, при котором эти колебания с подъемом и повышением стали бы делом прошлым, потому что не только важен был перелом, но надо было **прекратить колебания**. «Ножницы» не тем опасны только, что представляют собой известный раствор, а тем, что их развитие идет волнистыми линиями. Это не дает возможности вести сколько-нибудь планомерно хозяйство. Задача наша будет заключаться в том, чтобы мы имели в дальнейшем не раствор, не сужение, а **прямые параллельные линии**. Когда мы добьемся этого? Когда для хлеба и промышленных продуктов будет определенная цена, меняющаяся, конечно, в зависимости от сезона, но не находящаяся в такой лихорадке, какую рисуют эти кривые, — тогда только мы сможем сказать твердо, что усиление социалистических элементов у нас действительно есть. Есть ли достаточно данных, чтобы сказать, что так дело пойдет и в дальнейшем? Да. Мы входим в эпоху реализации урожая. Ближайшая экономическая работа, которая стоит перед нашей партией, будет заключаться в том, чтобы умно реализовать урожай, чтобы при этой реализации не допустить ни в коем случае новых колебаний «ножниц». Мы собираемся получить с крестьянства налог, который в общей цифре приблизительно измеряется в 40 млн. рублей. Мы должны, кроме того, закупить на крестьянском рынке количество хлеба, которое дало бы увеличенную сумму нашего экспорта. Мы должны иметь в виду, что тем, что мы купим у крестьянина, мы определим его покупательную силу, и что если приобретенное крестьянином за свой хлеб будет ниже известного уровня, то его покупательная сила относительно городских продуктов тоже равным образом понизится. Таким образом, при определении ближайших задач проведения кампании, которая нам предстоит по реализации урожая, мы должны помнить, что **цены на хлеб будут определять не только мощность крестьянского хозяйства, но и темп дальнейшего развития нашей промышленности**, потому что, повторяю, главным образом, крестьянство будет поглощать нашу продукцию. Вопрос: где должны пройти эти параллельные линии? Должны ли они совершенно сравняться с этим довоенным отношением или пойти выше или ниже? Это — задача практической политики, которую наша партия будет решать, исходя из того положения, что цены на хлеб будут определять покупательную способность крестьянского рынка для нашей индустрии, что, следовательно, цены на хлеб будут диктоваться интересами промышленности.

Твердое соотношение цен.

Главное, чего мы должны добиться, это того, чтобы эти линии (не в зависимости от того, будут ли они итти выше середины или ниже или по самой этой середине), чтобы они дальше уже не испытывали колебаний, чтобы они дальше представляли действительно параллельные линии.

Дальнейший вопрос в отношении нашего товарооборота определяется тем, что наша промышленность имеет предъявить крестьянству. Вы знаете, что мы пережили кризис сбыта. Мы говорили уже и об его характере. Мы ни в коем случае не должны допустить кризиса сбыта, — об этом не может быть и речи, не можем допустить и того, чтобы политика промышленности создала хотя бы малейший намек на какое-либо бестоварье, потому что положение этих «ножниц» зависит не только от цен на хлеб, которые, в конце-концов, благодаря тому, что мы являемся на хлебном рынке главным заготовителем и скупщиком, будут зависеть от нашей кредитной и финансовой политики, — но и от политики нашей промышленности. Если бы наша промышленность отстала в деле удовлетворения предъявляемого крестьянством спроса, если бы создалась заминка в деле снабжения крестьян, мы получили бы бестоварье, а при нем цены полетели бы вверх, частный капитал воспользовался бы этим, и «ножницы» пришли бы в лихорадочное движение. Следовательно, не только наблюдение за хлебными ценами и регулирование их, но также и наблюдение за продолжением промышленностью линии приспособления к крестьянскому рынку на почве расширения производства являются очередными нашими задачами.

Завоевание крестьянского рынка — наша очередная задача.

Теперь, раз мы знаем объем рынка и основные соотношения цен сельскохозяйственных и промышленных на рынке, мы можем обратиться к следующему важнейшему вопросу — к вопросу о строении этого рынка, о соотношении частного и государственного капитала на этом рынке.

Но раньше, чем обратиться к этому моменту, я хочу обратить ваше внимание еще на одну диаграмму. Эта диаграмма (№ 9) и следующая (№ 10),* приведены мною только для того, чтобы иллюстрировать именно вопрос о снижении цен и о стабилизации цен и, главное, о том, как наша промышленность, как наши экономические органы в целом исполняли директиву партии относительно завоевания крестьянского рынка. По инициативе

* Обе диаграммы в конце книги.

А. Д. Цюрупы, составлены диаграммы, которые показывают цены на товары, которые должны были бы войти теперь в крестьянский набор. Вы знаете, что мы имели бюджетный набор рабочего. Пора, действительно, иметь перед глазами и крестьянский набор. Этот крестьянский набор и цены, элементы, которые составляют этот набор, свидетельствуют о том, идем ли мы вперед в деле завоевания крестьянского рынка, или нас кто-либо обгоняет. Вот цены по главнейшим товарам, входящим в состав набора. Эта линия представляет уровень цен октябрьских, 1923 г. Вы видите, как сахар стоял в ноябре 1923 г. И вот — новое падение к марту. Это есть снижение цен. Это есть проведение директивы о минимальной прибыли, это есть завоевание нашей государственной промышленностью крестьянского рынка.

Сравним уровень цен ситца в ноябре и в марте (см. диагр. № 9), цены на полотно и на грубое сукно. Сапоги вырвались из нашего контроля и убежали вверх. На них придется накинуть узду. То же самое и мыло. Но, вы видите, здесь у нас есть еще небольшие достижения, но достижения, которые указывают на правильное направление. Мы идем, во-первых, к пониманию того, что крестьянский набор для нашей промышленности есть термометр, который показывает темп ее возрастания. С другой стороны, этот набор показывает ход развития дела завоевания крестьянского рынка. Более яркая картина относится к спичкам, соли и керосину. (См. диагр. № 10.) Кто-то здесь из остроумных людей нарисовал также и селедку. Эта селедка с октября побежала так, что за ней не угонишься, но, к счастью, селедка не играет такого большого значения в предметах крестьянского потребления.

Если вы в претензии, что мы не угнались за селедкой, обещаю к следующему съезду ее поймать и на место посадить. Но попрошу обратить ваше внимание на линии (см. диагр. № 10), представляющие цены на спички, на соль и на керосин. Тут в этом пучке — соль, керосин, спички — мы имеем несомненнейшие достижения, — именно падение с октября по март, которое нам необходимо и которое при продолжении этой политики действительно покажет, что завоевывать крестьянский рынок мы начали. Мы далеко еще его не завоевали, далека еще та смычка, которая необходима, она еще не установлена, но мы научились блюсти за крестьянским набором, примеривать к нему темп развития нашей промышленности, продавая дешевле, производя больше и завоевывая многомиллионный крестьянский рынок.

Роль частного и государственного капитала на рынке.

Теперь я обращаюсь к строению нашего рынка, к роли частного и государственного капитала на этом рынке. Я уже

сказал, что то, чему нас учил Владимир Ильич, заключается в наблюдении двух процессов: одного процесса — сближения города и деревни на почве торговли; этот процесс измеряется теми факторами, о которых я говорил: твердостью денег, емкостью рынка, соотношением цен. Но на этой арене разыгрывается другой процесс — процесс борьбы частного и государственного капиталов: кто скорее и кто лучше осуществит эту смычку. В докладе ЦК были определенные цифры о соотношении этих явлений, и здесь я только проиллюстрирую их в более наглядном виде (см. диагр. № 11).* Сумма оборота государственной торговли в оптовой торговле — 77%, кооперация в оптовой торговле — 8%, частного капитала — 14%. В общем — это 100% нашей оптовой торговли. Вы видите, как понижается здесь доля государства, остается почти незыблемой доля кооперации и как сильно — наполовину — возрастает роль частного капитала в оптово-розничной торговле. Наконец, участие государственного капитала в розничном обороте, кооперация в розничном обороте, частный капитал. (См. диагр. № 11.) Это за 1922 — 1923 г.

Товарищи подсчитали на основании этих данных общую сумму, и в этой последней таблице (см. диагр. № 11) вы видите, что если взять оптовый, розничный и оптово-розничный оборот вместе, то государство составляет здесь 26%, кооперация — 10% и частный — 64%.

Этот последний столбец я привел для того, чтобы показать, как не надо считать. Эти столбцы нам необходимы для того, чтобы ориентироваться в социальном строении рынка и знать соотношение государства, т.-е. социалистического элемента, и частного капитала, т.-е. капиталистического элемента, на рынке. Но сложение всех этих отраслей вместе и вывод средней, это есть та самая средняя, против которой во всех своих экономических работах возражал и которую высмеивал Владимир Ильич. Нельзя, действительно, сложить оптовую торговлю государства и розничную, обслуживание мелкого распыленного потребления в деревне, и потом вывести среднюю. Мы и здесь должны итти от звена к звену, мы и здесь должны понимать, что задача заключается в том, чтобы захватить командные высоты. Дело обслуживания распыленной деревенской торговли, конечно, чрезвычайно важно, но мы ни в коем случае не можем претендовать на то, чтобы обслуживание распыленной деревенской торговли было бы непосредственно и на ближайшее время передано или взято в руки государства. Было бы очень желательно, чтобы это дело целиком перешло в руки кооперации, но вы только-что видели цифры кооперации и понимаете, что ни кооперация, ни государство обслужить сейчас все потребности деревни, конечно,

* Диаграммы № 11 и 12 в конце книги.

не могут. И поэтому, выбирая для своего наступления на частный капитал наиболее важные позиции, распределяя свое наступление во времени, мы должны сказать: первая позиция, на которой мы должны дать решительный бой, это — опт. Государственный опт есть позиция, которую мы уступить не можем и в которой мы должны отвоевать то, что мы упустили. Завоевавши здесь, мы можем и должны будем перейти к оптово-розничной торговле, которая наполовину находится в руках частного капитала. Но когда мы подходим к розничке, то мы рассматриваем не количество оборота этой розницы, но характер этой работы. Толстый тип на диаграмме (№ 12), конечно, должен служить нам предостережением. Вот когда этот господин передвинется в оптовую торговлю, тогда наступит политический бой. Пока же этот господин сидит на базаре, где он имеет 153 тыс. заведений, и сидит на розничке, где он имеет 108 тыс. заведений, задача наша будет заключаться в том, чтобы систематически вытеснять его, памятуя, однако, что вытеснять его надо, замещая нашим капиталом.

Как бороться с частным капиталом?

Т. Ленин учил нас торговать умело. Уменье торговать заключается в данный момент в том, чтобы заместить частный капитал во всех областях, не сокращая торгового оборота. Когда, как один товарищ рассказывал нам, в одном очень важном учреждении он умудрился повести борьбу с частным капиталом таким образом, что все частные фирмы у него в городе закрылись, что у нашей кооперации стояли хвосты, а потом он пришел к нам с просьбой дать разорившейся кооперации дотацию в несколько миллионов рублей, мы сказали ему: ты торговал плохо, потому что ежели мы борьбу с частным капиталом будем вести таким образом, что будем разбазаривать наши запасы, продавая их ниже себестоимости, а потом приходить к государству и говорить: дай нам дотацию на бедность, потому что мы расторговались, — то наших запасов ненадолго хватит. Надо учиться торговать таким образом, чтобы наша доля в деле торговли все время возрастала, но чтобы мы замещали частный капитал своим государственным и кооперативным капиталом. Надо помнить, товарищи, что частный капитал в том виде, в каком он есть, представляет известную сумму. Эту сумму мы можем подвергнуть двум операциям. Мы можем ее экспроприировать. Каким образом? При помощи налогов. У нас есть подоходно-поимущественный налог. Его аппарат по мере роста буржуазных элементов должен становиться все более и более точным и все более и более зорким в области обложения тех элементов новой буржуазии, которые выскаки-

вают вперед. С другой стороны, мы можем эту сумму капитала передвинуть из одной области в другую. Если мы его выгоним из области торговли, он перейдет в область ростовщичества. Он не рассеивается в воздухе, мы его не экспроприируем еще, а следовательно мы должны наблюдать за тем процессом, где он аккумулируется и собирается, и не давать этому капиталу накопляться там, где он представляет опасность для дела социалистического строительства.

Где может быть в ближайшее время опорный пункт этого капитала? В области оптовой и оптово-розничной торговли. Здесь должна быть объявлена самая решительная борьба. Здесь замещение частного капитала должно итти самым быстрым порядком. Дело идет о том, кто будет снабжать крестьянский рынок. Но раньше, чем ответить на этот вопрос, займу еще только одну минуту для ответа на вопрос о емкости крестьянского рынка.

Емкость рынка и расслоение крестьянства.

Мы рассматривали емкость вообще. Емкость крестьянского рынка, конечно, значительно ниже; она определяется разными авторами различно. Я беру опять данные т. Струмилина, который считает емкость крестьянского рынка в 1922—1923 гг. от 1500 милл. до 1800 милл. и полагает, что наш крестьянский рынок представляет собою емкость от 60 до 70% довоенной емкости сельскохозяйственного рынка.

Проф. Литошенко высчитал, что емкость нашего сельскохозяйственного рынка сократилась в 7 раз. Т. Попов емкость сельскохозяйственного рынка на предметы промышленности исчислял в прошлом году в 987 милл. руб., а в нынешнем году — в 1108 милл.

Итак, сопоставляя все эти различные данные, я думаю, мы будем правы, когда скажем, что исчисления т. Струмилина более или менее близки к действительности, и что перед нами крестьянский рынок общей емкости приблизительно в 1500 милл. рублей; при этом на долю потребления продуктов промышленности крестьянство может выделять больше 1000 милл. руб. Такова общая емкость крестьянского рынка.

Но нас сейчас уже должна интересовать не только общая емкость и строение самого крестьянского рынка. Здесь мы переходим к вопросу, на котором я остановлюсь очень коротенько, к вопросу, который, однако, в ближайшей экономической политике встанет, вероятно, рядом с вопросом о борьбе с частным капиталом. Это — вопрос о расслоении крестьянства и о различной хозяйственной роли различных групп крестьянства в хозяйственном обороте. Есть уже целый ряд монографий, которые, к сожалению, по нашему обычаю, выпущены как-раз к самому моменту съезда,

и одну из этих монографий, чрезвычайно важную и интересную,— монографию Хрящевой, выпущенную Центральным Статистическим Управлением под названием «Классы и группы в крестьянстве», я успел рассмотреть. Сопоставляя цифры, которые здесь даны, с тем, что говорят наши отдельные исследователи, например, т. Яковлев в своей последней брошюре,* можно составить себе общее представление о структуре крестьянского рынка и о его расслоении. Торговля любит счет. Я поэтому задержу ваше внимание на расслоении крестьянства и определении относительной мощности его отдельных слоев.

Разбито все крестьянство на три группы: маломощное, среднее и зажиточное. И вот, очень приблизительно, с вариациями по районам, но в общем и целом картина рисуется такая: маломощное крестьянство представляет 63% крестьянского населения. В его руках 74% хозяйств, 40% посева и только половина рабочего скота — 50%. Эта группа крестьянства, представляющая $^3/_4$ всех хозяйств, имеющая 40%, — меньше половины, — посева, имеющая половину рабочего скота, покупает половину всей промышленной продукции, которая идет в деревню. Вот первая прослойка. Вторая — среднее крестьянство. Оно представляет 23% населения, — около четверти, будем считать грубо, — имеет 18% всех хозяйств, одну четверть всех посевов, одну четверть рабочего скота, покупает 30 — 35% всей продукции промышленности, которую берет у нас деревня. И, наконец, — зажиточные, богатые. Они составляют 14% населения, имеют 8% хозяйств, но 34% всего посева, одну четверть всего рабочего скота и покупают одну пятую всех продуктов нашей промышленности. Вот та грубая, очень приблизительная, — конечно, нуждающаяся в поправках по районам и областям, — примерная прикидка, которая даст нам возможность мало-мальски ориентироваться. Вы знаете, что первая и основная работа по анализу расслоения крестьянства была сделана Владимиром Ильичем в его книге «Развитие капитализма в России». В этой книге есть таблица, которая чрезвычайно наглядно показывает удельный вес зажиточного, среднего и бедняцкого крестьянства в различных отраслях народного хозяйства. Я всячески старался, чтобы съезд имел ясную картину процессов, происходивших в крестьянстве, получившихся в результате социального сдвига в крестьянстве, — процессов, которыми ознаменовалась революция. К сожалению, это мне не удалось. Ни я, ни ЦСУ не нашли тех рельефных форм, в которых можно было бы сравнить эти данные. Но во всяком случае, я думаю, что та таблица, на которую нанесена сравнительная хозяйственная мощь различных хозяйств деревни, дает возможность основной оценки всех процессов, которые происходят

* Я. Яковлев. Наша деревня. Изд. «Красная Новь».

в стране. Так же, как в этом году мы примеривались по «ножницам» и при всяком новом явлении смотрели, как это на «ножницах» отразится,— не на один этот год, а на ближайший исторический период, который будет исчисляться несколькими годами, а, может-быть, и десятилетиями, — примерка к таблице Ленина, данной им еще в книге «Развитие капитализма в России», процессов расслоения среди крестьянства будет основной задачей нашей партии, вернее сказать, основной ориентировкой нашей партии, ибо нет никакого сомнения, что корни нэп'а — в деревне, корни новой буржуазии — в свободе обращения продуктов сельского хозяйства, корни новой растущей буржуазии — в кулацких зажиточных элементах деревни. И для того, чтобы вести правильную политику, чтобы, не сокращая нашего экспорта хлеба, не сокращая нашей продукции, в то же время поднимать маломощные и средние слои и не давать из кулацких элементов в деревне рождаться новой враждебной нам политической силе, — мы должны самым внимательным образом присматриваться к этим процессам.

Среднее и маломощное крестьянство — решающая сила на нашем пути.

Если мы подведем итог приведенной мною таблице, то мы получим, что главными покупателями нашей городской продукции являются именно бедняцкие и середняцкие массы. Из всей городской продукции, которая идет в деревню, 66% куплено бедняками и середняками, одна треть куплена более зажиточной и богатой или богатейшей частью деревни.

Задача наша будет заключаться в том, чтобы поднять бедняцкие и середняцкие слои, увеличить их покупательную силу. Вы знаете то орудие, которое мы имеем для этой цели. Это орудие увеличения покупательной силы средних и бедняцких слоев деревни известно нам, известно и нашим врагам, и я думаю, что нам следует присмотреться, с какой ясностью один из не самых глупых наших противников видит именно те основные, экономические и политические проблемы, которые встают перед нами через рынок в области соотношения классов у нас. Господин Милюков, редактор «Последних Новостей», — очень неудачливый политик. Он в своей политической карьере не пропускал ни одной ямы, чтобы не свалиться в нее. Но все же он — историк, он — очень внимательный ученый, который чует новые процессы, и вот что он пишет сейчас о нас и о нашем отношении к крестьянству:

«Советская власть все более принуждена разжимать руку, державшую крестьянство за горло. Правда, остаются еще монополия промышленности, внешней торговли и привилегированное

положение советских органов в области внутренней торговли. Как мы отмечали в одной из последних статей, в настоящее время имеется в виду еще усилить последнюю привилегию путем борьбы с частной оптовой торговлей и с самостоятельной деятельностью крестьянской кооперации... Центральный вопрос и экономического, и политического положения будет поставлен тогда, когда крестьянство решительно потребует ликвидации этих преград, стоящих на пути его свободного экономического развития».

Итак, сторонники капиталистического развития в России полагают, что по этому пути, по которому, по их мнению, должно пойти крестьянство, они увидят три преграды для капиталистического типа развития нашего хозяйства. Эти преграды: во-первых, монополия, как они называют ее, или национализация промышленности, во-вторых, монополия внешней торговли и, в-третьих, наше хозяйское положение на внутреннем рынке. Милюков в этом смысле прав. Наша партия ставит в центре своего внимания эти три преграды, которые диктатура пролетариата выдвигает на пути капиталистического развития нашего хозяйства, и вместе с тем, те три рычага, при помощи которых мы можем направить развитие крестьянской массы по социалистическому пути. Вопрос заключается для нас в том, чтобы убедить крестьянство, что эти три преграды Милюкова или три наших рычага — национализированная промышленность, монополия внешней торговли и хозяйское положение нас, как купцов, на внутреннем рынке, — что они являются не преградами к развитию благосостояния крестьянской массы, а подлинными рычагами к поднятию ее материального благосостояния.

Национализированная промышленность может доказать это крестьянству, если она будет продолжать работать по тому пути, который я вам указывал, — расширяя производство и снижая цены. В области внутренней торговли мы докажем крестьянству выгодность нашего господствующего положения на рынке, если сумеем, — а для этого мы создали теперь вместо комиссии СТО — Народный Комиссариат Внутренней Торговли, — если сумеем доказать, что пролетарское государство в состоянии доставлять крестьянской массе товары дешевле, лучше, скорее и более сподручно через кооперацию, чем делает это частный торговец.

И, наконец, внешняя торговля должна будет доказать крестьянству, что она даст ему возможность выступать на внешнем рынке со своей хлебной массой, как крупнейшей монопольной фирме, которая может диктовать на мировом рынке свои цены, при чем прибыль от государственной торговли идет не в руки частного предпринимателя, а на общее улучшение нашего хозяйства. Таким образом, в том, о чем говорил Милюков, мы имеем три основных рычага социалистического направления нашего хозяйства.

Я закончу только указаниями на то, что у нас задача повышения покупательной способности, в первую очередь бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств, является основной задачей. что для этого мы имеем, главным образом, два орудия: сельскохозяйственный кредит и экспорт. Во-первых, сельскохозяйственный кредит. Сельскохозяйственный кредит и организация его должны быть не только орудием повышения покупательной силы бедняцкого и середняцкого хозяйства, но орудием нашей борьбы с торговым и ростовщическим капиталом в деревне. Эксплуатация одной группы крестьян другой группой сейчас в минимальных размерах происходит на почве арендования земли, в большей мере — на почве эксплуатации инвентаря и рабочего скота, сдачи в наем и т. д., но, главным образом, — путем ростовщического капитала. Эту позицию мы должны выбить, и только организация мелкого сельскохозяйственного дешевого кредита может нам здесь помочь.

Второе орудие повышения покупательной способности есть наш экспорт, увеличение которого представляет очередную задачу. Здесь мы сделали громадные успехи: в прошлом году вывезли 40 милл., в этом году 200 милл. Я не могу сказать, сколько мы вывезем в настоящем году, — во всяком случае, вывезем больше, чем в этом году, и увеличение этого экспорта, снабжение таким образом крестьянина дополнительными средствами для покупки продуктов промышленности — очередная задача.

Еще раз об активном балансе.

Я хотел бы в заключение немного развеселить товарищей некоторыми соображениями относительно активного баланса. Буду очень краток. Когда мы спорили об активном балансе, были противопоставлены две линии. Одни говорили таким образом: товарищи, заведующие нашей промышленностью, благоволите увеличить наше производство, благоволите завоевать крестьянский рынок. И вот отражение. Всероссийский текстильный синдикат в январе вывез в провинцию 280 вагонов текстиля, в феврале — 350 вагонов, в апреле — 570, в мае — 800. Я спрашиваю, что стояло на очереди дня в ноябре? Сказать ли текстильному синдикату: партия требует от тебя на почве увеличения производства и снижения цен увеличенного снабжения крестьянских масс, партия требует от тебя, чтобы ты вместо 200 вагонов давал 800 вагонов, и по такой цене, по которой это было бы доступно для крестьянских масс, — это ли стояло на очереди, или на очереди стояло то, что надо ввозить текстиль из-за границы и устанавливать товарную интервенцию? По-моему, совершенно ясно, что партия была права, когда она весь свой нажим направила на то, чтобы товарная интервенция, нужная

нам на крестьянском рынке, была интервенцией Всероссийского Текстильного Синдиката. Это было достигнуто, когда мы повысили в течение двух месяцев с 200 до 800 вагонов отправки текстиля в провинцию, — мы употребили ту товарную интервенцию, которая нам была нужна. На почве этой товарной интервенции мы имеем возможность провести государственный план текстильной промышленности и дать задание увеличить с 30 до 100% продукцию текстильной промышленности. Не значит ли это, товарищи, — как нас здесь пытались упрекать, — что мы раз навсегда отказались ввозить какие-нибудь товары? Не в этом дело, а дело в том, что партия сказала, что план нашего экспорта и импорта должен быть составлен таким образом, чтобы оставался остаток в нашу пользу. Как мы будем распоряжаться этим остатком? Иногда — по плану, а иногда — по нужде. И когда мы находимся в таком положении, что, будучи хозяином на хлебном рынке и диктуя цены на хлеб и тем регулируя заработную плату, мы остаемся бессильными в области мясного рынка потому, что мы по глупости, по неуменью не заготовили мяса, когда в этот момент приходит нужда, и из этого активного баланса, из того, что мы накопили, кое-что можем взять, чтобы купить мяса и диктовать свои цены на рынке, — что это — план или наша беда? Я думаю, что такая интервенция есть результат нашей беды, нашего недосмотра. То же и в области текстиля.

Как нам использовать иностранную валюту? У нас иностранной валюты осталось 100 млн. руб. Когда стали рассматривать, как можно использовать эти 100 млн. руб., то товарищи, которые непосредственно на этой валюте сидят, по своему профессиональному долгу говорили, что, во-первых, у нас никакой иностранной валюты нет, во-вторых, что она нам нужна и ее трогать нельзя, а в-третьих, — если вы будете ее трогать, то трогайте очень мало. Но это уже профессиональная обязанность. Другие говорили, что нужно взять все 100 млн. руб. и купить на них немедленно побольше ситцу. Мы решили, что можно истратить 50 млн. На что же? Купить ли нам иностранного ситцу и распродать его, или купить нам хлопок, переработать его на наших текстильных фабриках и сделанный из этого хлопка ситец продать на крестьянском рынке. Мы, товарищи, избрали второй путь. (Возгласы: «Правильно».) Я тоже думаю, что правильно. Но если бы нам текстильный синдикат сказал, что в 2 месяца он не может приготовить необходимое количество ситцу, и ему угрожает то, что того количества ситца, которое у него есть, не хватит и пойдет дороговизна, — нам пришлось бы, быть-может, купить этот ситец за границей. И это был бы план? Нет, это была бы беда. Это означало бы, что мы недостаточно предусмотрительны в деле развертывания текстильной промышленности, и за это мы должны были бы заплатить покупкой за границей.

Если мы с этим согласны, то я укажу только на последний пункт, который представляет собою арену приложения всей нашей экономической политики в области торговли.

Оптовые и розничные цены.

Вот таблица, которая по одной линии внизу показывает уровень оптовых цен. Эта прямая линия — условная. Выше — розничные цены, из них пунктирная — розница сельскохозяйственных продуктов, сплошная тонкая — розница промышленных продуктов, а средняя сплошная жирная — это средняя всех товаров. При взгляде на эту таблицу вы ясно видите, в чем же беда, и куда должны быть направлены наши усилия. Если оптовые цены идут по этой линии, а розничные вот куда забираются, это значит, что партия должна приложить все усилия к тому, чтобы розница не летела так далеко от оптовых цен. Вся эта площадь, которую занимает разница между оптовыми и розничными ценами, есть область приложения внимания партии в борьбе с накладными расходами, в борьбе за снижение цен, в борьбе за регулирование частного капитала. Вот на что нужно обратить внимание, это — первое. И второе — допустим даже, что наша розница должна очень высоко подниматься над оптовыми ценами, но одного мы можем потребовать, чтобы она не лихорадила так, как мы видим здесь. Значит, мы имеем две задачи: во-первых, снизить розницу с помощью регулирования внутренней торговли, нажима на частный капитал, улучшения кооперативного аппарата, борьбы с накладными расходами и тем завоевать крестьянский рынок, и, во-вторых, добиться того, чтобы нас перестала бить лихорадка в области розничных цен. Зубья (см. диагр. № 13) свидетельствуют о том, что мы не научились торговать сами и не научились еще наблюдать за тем, чтобы те капиталисты, которым мы позволили торговать, торговали так, как нам это выгодно, и в тех пределах, которые нам выгодны. Нам надо и надо еще и еще учиться.

Кооперация.

Главное орудие, которое здесь мы имеем, кроме регулирования цен, которое передано в руки Наркомвнуторга, это, конечно, — кооперация. Если мы из промышленных центров раскинем сеть кооперации по всем крестьянским периферням, если мы приучим крестьянство к мысли, что мы в эту кооперативную сеть влили живую струю из города в деревню, из деревни в город, тогда эта кооперация станет тем, чем она должна стать, — той самодеятельной организацией, которая представляет наиболее удобные условия, дает более дешевые продукты промышленности крестьянству; тогда мы приблизим периферийную сеть

кооперации к нашим крепостям — промышленным и индустриальным центрам. Только при этом условии мы сможем бороться с теми элементами в расслоении крестьянства, на которые я самым кратким образом указал.

Организация бедняцких и середняцких слоев, которые являются на 66% потребителями нашей промышленности, организация их против кулачества, ростовщического капитала, против эксплуатации этих низших слоев, при помощи сдачи в наем лошадей, инвентаря и т. д., возможна только на почве кооперирования этих слоев, на почве общественной аренды рабочего скота, товариществ по закупке скота, инвентаря, общественной обработки земли и т. д. Иной формы борьбы сейчас с кулачеством в деревне, борьбы длительной, систематической, которая не позволит развиваться кулачеству и даст возможность проводить подлинные основы социалистического строительства в деревне, у нас нет. Поэтому кооперация является не только орудием борьбы с расхождением цен оптовых и розничных, но в то же время и орудием нашей социальной политики в деревне, организации вокруг пролетарской диктатуры бедняцких и середняцких слоев и средств поднятия их экономической мощности против элементов кулацких.

Итоги.

Подводя итоги, я думаю, что мы основные сражения, выигрывать которые нас учил Владимир Ильич, — основные сражения на почве соревнования социалистических и мелкобуржуазных элементов, — можем выиграть, что мы начали их уже выигрывать, что рычаги, которыми мы уже овладели, — национализированная промышленность, хозяйское положение на внутреннем рынке, монополия в области внешнего рынка, наша кооперация, нами созданные твердые деньги, — что этими рычагами мы начинаем, как следует, управлять. И со спокойной уверенностью мы можем сказать, что мы двигаемся вперед быстрее даже, чем можно было предвидеть и чем даже рассчитывал Владимир Ильич в своих последних речах, которые я вам приводил. Рабоче-крестьянская власть поднимает нашу страну из нищеты быстрее, чем можно было предполагать, и, несомненно, поднимет ее из нищеты окончательно.

ОТЧЕТ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ О ПАРТИЙНОМ СЪЕЗДЕ.

9 июня 1924 г.

Ниже напечатан мой отчет московской партийной организации о работах XIII партийного съезда, участие в котором я принимал как делегат этой организации.

Мой краткий отчет не стремится — и ни в коем случае не может — заменить ознакомления с протоколами и решениями съезда. Я пытался лишь установить те точки зрения, с которых всего удобнее охватить всю работу съезда.

Основные линии работы.

Съезд — экзамен.

Товарищи, в моем докладе о XIII партийном съезде я не буду пытаться ни излагать тех резолюций, которые приняты съездом, ни пересказывать тех докладов, которые съездом заслушаны, ни повторять тех цифр, которые в большом количестве были представлены съезду. Все эти материалы вы имели возможность, — и наверное уже воспользовались ею, — прочитать в отчетах съезда в газетах.

Моя задача другая; я хотел бы осветить несколько общих точек, которые можно считать основными для той работы, которую проделал XIII съезд. И, соответственно этой задаче, мне кажется удобным разделить работу съезда на две части.

Как перед всеми нашими съездами, и перед XIII съездом проходили, с одной стороны, вопросы нашего внутрипартийного, так сказать, хозяйства, вопросы, имеющие значение для внутренней жизни нашей партии. С другой стороны, перед съездом проходили вопросы, которые стоят перед нашей партией, как перед партией, которая держит в своих руках государственную власть. Одни, конечно, неотделимы от других. Но для того, чтобы яснее представить картину XIII съезда, мне кажется полезным разделить эти две категории вопросов.

Что касается всей суммы вопросов, стоявших перед съездом, то здесь партия явно сдавала экзамен на XIII съезде, сдавала экзамен в двух направлениях: во-первых, в том направлении, что не только пролетариат нашего Союза, не только наша партийная организация, но и международный пролетариат, Коминтерн, глядели на этот съезд, как на такой, на котором партия должна дать отчет, смогла ли она справиться со всеми очередными трудностями коммунистического строительства без Владимира Ильича.

Другой экзамен, который партия держала одновременно, заключался в том, чтобы дать ответ, освоилась ли партия с той страшно осложненной обстановкой, в которой проходил последний год.

Усложнение обстановки.

Если мы присмотримся к той обстановке, международной и внутренней, в которой нам приходилось работать последний год, то мы должны будем признать, что она, сравнительно с прошлыми периодами, значительно усложнилась.

Собственно говоря, задачи, которые стояли пред нами 2—3—4 года тому назад, исчерпывались боевыми задачами — сначала, ниспровержения буржуазии, затем уничтожения всяких попыток сопротивления буржуазии и, наконец, закладки самых основных, самых грубых камней нашего строительства.

В последние годы, и с каждым годом все сильнее, идет усложнение той обстановки, в которой коммунистической партии приходится осуществлять свои задачи. Мы должны отдать себе отчет в том, что это усложнение обстановки будет итти в возрастающей прогрессии с каждым годом, с каждым месяцем, причем усложнение обстановки, в которой мы работаем, часто выражается в чрезвычайно противоречивых формах.

Мы все понимаем, что развитие материального благосостояния страны, повышение ее материального уровня, есть несомненнейший плюс и что в этом направлении должны быть приложены наши усилия, как коммунистов. Вместе с тем, мы ясно отдаем себе отчет, что рост товарооборота одновременно знаменует рост частного капитала, что рост сел.-хоз. продукции, повышение технического уровня и социальной мощи крестьянского хозяйства и деревни вместе с тем знаменует, и неизбежно будет знаменовать впредь, рост зажиточных элементов в деревне. Таким образом, рост социалистических элементов нашего хозяйства сопровождается неизбежным ростом противоборствующих, противоположных нам тенденций, и на каждой новой ступени улучшения хозяйственного положения, на которую мы поднимаемся, мы видим все возрастающее несоответствие между различными груп-

пами населения, усложнение их взаимоотношений и необходимость для коммунистической партии применять все более и более тонкие, все более и более гибкие методы отстаивания и укрепления своей позиции в общей усложняющейся обстановке.

Съезд имел это в виду и в своей резолюции зафиксировал это обстоятельство. Краеугольное положение, которое на XIII съезде только отмечено и которое в дальнейшем представит явление, с которым нам постоянно придется считаться, это нарождение и появление на свет не только в области экономической, но и в области политической новых буржуазных элементов.

Эта в самых общих чертах изложенная характеристика усложненности обстановки, в которой мы работаем, и противоречивости форм, в которых происходит восстановление страны и возрастание социалистических элементов нашего хозяйства, наложила особый отпечаток на весь ход работ XIII съезда.

Внутрипартийные задачи.

По сути дела, внутрипартийные задачи, стоявшие и решенные XIII съездом, можно характеризовать так: каким образом укрепить коммунистическую партию, как организацию пролетарских элементов, в обстановке поднимающегося хозяйственного развития, в обстановке усиления противоборствующих коммунизму тенденций, — и в городе, в форме частного капитала, и в деревне, в форме кулацкого хозяйства? Нашел ли XIII съезд те методы укрепления партии, которые необходимы в этой усложняющейся обстановке? Если вы с этой точки зрения проанализируете решения XIII съезда, то увидите, что задача укрепления пролетарских коммунистических элементов, а следовательно в первую очередь, укрепления нашей партии, в противопоставление всем чуждым слоям, группам и тенденциям, — съездом решена в разных направлениях.

Укрепление партийной идеологии.

Первое и основное, чего требует от нас усложнение обстановки и рост противопролетарских элементов, это укрепление нашей собственной партийной идеологии. Теперь можно смело сказать, что та осенняя дискуссия, которую мы имели, оставила нам в наследство гораздо более внимательное отношение к элементам пролетарской идеологии в нашей партии, оставила нам в наследство указание на опасность всякого рода хотя бы малейших уклонов в нашей партии и указание на необходимость решительной борьбы с этими уклонами.

Обострение этой внутрипартийной дискуссии и борьба с теми уклонами, которые во время не проявлялись, потребовали

от партии экстренных мер в смысле созыва конференции за несколько месяцев до съезда. Там этой борьбе внутрипартийных тенденций и течений был подведен определенный итог, и оппозиционные течения были охарактеризованы как мелкобуржуазные уклоны в нашей среде. Это не значит, что мы обвиняем того или другого товарища, на наш взгляд ошибающегося, в том, что он есть представитель мелкой буржуазии. Так грубо нельзя понимать нас. Характеристикой «мелкобуржуазные уклоны» мы указали только на то, что те колебания, которые осенью этого года под влиянием чисто материальных причин, под влиянием определенной экономической ситуации, оказались в окружающей нашу партию среде, что эти колебания известным образом повлияли и создали колебания и внутри нашей партии, что внутри нашей партии в известных предложениях, в известных подходах к решению той или другой очередной задачи, отразились колебания, главным образом, мелкобуржуазной крестьянской массы, которая партию нашу плотно окружает, от которой мы не отгорожены каменной стеной и колебания которой неизбежно передавались, передаются и, вероятно, будут передаваться в пролетарскую среду, а через нее и в нашу партию.

Решения конференции, которая вполне разобрала эти уклоны, которая точно их охарактеризовала, конечно, должны были подвергнуться испытанию на съезде. Съезд должен был вернуться к этим вопросам, и если бы даже мы хотели обойти вопросы, которые были поставлены во время дискуссии, то этого не позволил бы нам в первую очередь рабочий класс, который, послав к нам ленинский призыв в количестве нескольких сот тысяч человек, естественно, должен был получить от партии не только общую идейную подготовку, но и ответ на те коренные вопросы, которые интересуют партию в данный момент и которые были затронуты в дискуссии. Съезд не мог бы не затронуть этих вопросов, если бы даже тот или другой докладчик хотел этого, потому что как раз к данному моменту вопросы партийной дискуссии стали уже вопросами международного обсуждения, потому что нет такой коммунистической партии, которая бы по этому поводу, в связи с дискуссией РКП, не произнесла бы своего решения. Таким образом, съезд неизбежно был поставлен перед этими вопросами.

Держать в чистоте оружие ленинизма!

Вы знаете, что съезд подтвердил решения XIII партийной конференции, а резолюцию конференции о внутрипартийных уклонах он сделал своей резолюцией. В резолюции по отчету ЦК он подчеркнул, что позиция ЦК была правильной как по существу той позиции, которую он занял, так и по той энергии,

с которой он бросился в борьбу в тот момент, когда ЦК казалось, что основы наших партийных воззрений и нашей партийной дисциплины колеблются теми или другими товарищами. Резолюция по докладу ЦК и утверждение резолюции конференции не были, однако, приняты без того, чтобы товарищам из оппозиции не дана была возможность последний, так сказать, раз попытаться защитить перед партийным съездом сделанные ими шаги и их выступления.

Конечно, съезд, как и вся партия, больше всего и с наибольшим нетерпением ожидал выступления т. Троцкого, который в силу болезни не мог непосредственно сам принимать участие в дискуссии, по крайней мере, устно, потому что в письменной форме он участие в дискуссии принимал и рядом газетных статей и своей брошюрой «Новый курс». Т. Троцкий сам отметил это в начале своего выступления, сказав, что он понимает, что и партия и весь съезд ждут этого выступления.

Я должен сказать, что съезд не был удовлетворен выступлением т. Троцкого, что т. Троцкий не смог найти аргументов, которые заставили бы партийный съезд усумниться в правильности позиции ЦК, в правильности позиции конференции, в правильности резолюции о мелкобуржуазных уклонах, которая была принята этой конференцией. Мне думается, что неудовлетворенность съезда выступлением т. Троцкого объяснялась тем, что съезд ждал от т. Троцкого заявления, точного и категорического, о том, в каких пунктах т. Троцкий признает неправильности со своей стороны и в каких он, наоборот, считает или продолжает считать позиции партии неправильными. К сожалению, именно этих категорических, точных указаний в речи т. Троцкого не было.

Мы все, конечно, весь съезд, с удовольствием подчеркнули готовность т. Троцкого подчиниться всем решениям партии. Съезд, конечно, с удовлетворением констатировал заявление т. Троцкого о том, что каждый член партии должен подчиниться решениям партии, даже если он считает их несправедливыми (т. Троцкий, видимо, считал решения партконференции несправедливыми). Но делегаты съезда в своих выступлениях после речи т. Троцкого, а их был целый ряд, заявили, что никто в партии не сомневался ни в дисциплинированности оппозиции во главе с т. Троцким, ни в том, что они считают себя обязанными подчиняться решениям партии. Но в то же время эти ораторы говорили о своей неудовлетворенности тем дипломатическим и парламентским методом обсуждения партийных вопросов, который был принят со стороны оппозиции на съезде.

Таким образом, несмотря на то, что т. Троцкий имел возможность в подробной речи обосновать свою точку зрения, подчеркнуть то, что он считает несправедливым, попытаться заста-

вить съезд еще раз оглянуться на спорные вопросы и еще раз обдумать их, несмотря на это, съезд целиком подтвердил последнюю резолюцию конференции и, повторяю, еще раз по отчету ЦК подтвердил правильность позиции, занятую ЦК, и по существу и по той энергии, с которой он проводил линию, казавшуюся ему правильной в борьбе с неправильными уклонами. Мне думается, что, подтвердив правильность позиции ЦК, съезд партии тем самым прямиком осуществил ту задачу по укреплению внутрипартийной идеологии, без которой в сложной хозяйственной обстановке и при росте антикоммунистических тенденций, о которых я говорил выше, нашей партии управлять государством невозможно.

Единогласное осуждение оппозиции.

Нужно еще подчеркнуть, что эта резолюция по отчету ЦК, заключающая в себе прямое осуждение всех взглядов оппозиции, всего ее поведения, была принята на съезде единогласно: не нашлось ни одного делегата, который голосовал бы против резолюции по отчету ЦК или хотя бы воздержался при голосовании. Мы имели, таким образом, здесь неслыханное единство в рядах нашей партии и вместе с тем такое авторитетнейшее и громогласное осуждение линии оппозиции, выше и сильнее которого в нашей партии не существует.

Повторяю, что для нас теперь, когда мы на эти дискуссионные вопросы можем смотреть спокойно и хладнокровно, ясно, что в форме этой дискуссии и в форме решения партийного съезда мы имеем стремление партии еще раз пересмотреть свой идейный и организационный багаж перед новыми задачами в нэповской обстановке, еще раз почистить свое идейное и организационное оружие, для того, чтобы уже дальше не сбиться в той сложной обстановке, в которой нам приходится работать.

Ленинский призыв — высшая форма пролетарской демократии.

Но, конечно, товарищи, было бы очень слабой позицией, если перед новыми задачами, стоящими перед партией, мы ограничились бы только тем, что посчитали свои собственные ряды, почистили свое собственное оружие. Обстановка усложняющейся социальной борьбы, в которую мы вступили в третий год нэпа, требует не только того, чтобы наше оружие было очищено от всякой ржавчины и блестело, но и того, чтобы это оружие держали в руках гораздо более широкие массы, чем это было до сих пор. И потому вторая категория внутрипартийных вопросов, которым съезд уделил громаднейшее внимание, это были во-

просы ленинского призыва. Первое — держать в чистоте наше оружие, беспощадно бороться со всякими уклонами, второе — увеличивать пролетарский состав нашей партии, стремиться к тому, чтобы партия наша все более и более была действительным, подлинным отражением того рабочего класса, на который мы опираемся.

Вопросы ленинского призыва проходили почти по всем пунктам порядка дня съезда. Эти вопросы не мог обойти и политический отчет ЦК, потому что ленинский призыв, это — громадный политический фактор. Этого вопроса не мог обойти и организационный отчет ЦК, потому что вступление в нашу партию четверти миллиона новых членов в течение нескольких месяцев есть громаднейшего значения организационный факт, создавший подлинную, собственно говоря, организационную революцию в нашей партии. Этого вопроса не могли обойти докладчики по вопросам о работе среди молодежи, этого вопроса не могли обойти докладчики по вопросу о работе в деревне. Одним словом, вопросы ленинского призыва, как и вопросы дискуссии, проходили красной чертой через все работы съезда.

Это естественно. Привлечение в нашу партию новых элементов рабочего класса, установление непосредственной связи нашей партии с подлинной рабочей массой имело значение, конечно, всегда; но, быть-может, никогда оно не имело такого значения, как в данный момент, когда результаты нэпа, результаты допущения нами известных элементов капитализма, начинают все более и более ярко проявляться и в экономике, и в политике, и в сфере идеологии.

Ленинский призыв партийным съездом рассматривался лишь, как одна из мер, ведущая к переработке социального состава нашей партии. Это есть громаднейший шаг к ее орабочиванию, если можно употребить по отношению к нашей партии это слово. Это есть усиленное повышение роли пролетариата и пролетарских элементов во всем хозяйстве нашей партии в целом. Съезд дал тут определенное задание, формулированное в резолюции об очередных задачах партстроительства, как стремление к тому, чтобы в кратчайший период половина нашего партийного состава состояла из рабочих у станка. Выполнение этого конкретного задания означало бы громадный шаг вперед в деле усиления роли пролетарского состава в нашей партии; оно должно определить ход работы наших пролетарских ячеек на ближайший период.

На съезде было указано, что самый характер того, как вливались в нашу партию эти 250 тыс. новых членов партии, делает ее партией, выбранной рабочими. Выборной партией постольку, поскольку ленинский призыв посылался или являлся не индивидуальным делом того или другого рабочего, а резуль-

татом общего подъема и общего сознательного стремления самых широких масс пролетариата. Вместе с тем, этот выборный характер, который придает нашей партии тот путь, которым вступили в наши ряды новые четверть миллиона пролетариев, решает и решил, на взгляд съезда, вопрос о внутрипартийной демократии.

Резолюция съезда прямо говорит о том, что именно здесь, в вопросах ленинского призыва, в тех массах членов партии, которые пришли к нам теперь, мы получили высшую форму осуществления пролетарской демократии,—не той словесной демократии, на которую было столько слов затрачено во время партдискуссии, а той подлинной пролетарской демократии, которая заключается в том, что партия работает и осуществляет все свои задачи под самым широким и самым тесным контролем широких пролетарских масс, являясь в своей работе подлинным выражением этих масс. Мы теперь, благодаря ленинскому призыву, соприкоснулись с рабочим классом в том его виде, каким он создан революцией и каким он вырос после революции. Если мы, как съезд подчеркнул в другой резолюции, должны, конечно, отдавать себе отчет во всем значении старой гвардии, то одновременно мы должны отдавать себе отчет, что на одной только старой гвардии далеко не уедешь. Старая гвардия, как и всякая гвардия, имеет шансы сходить с постов и должна уступить место молодой гвардии.

Воспитание молодой гвардии.

Вопросы о том, какова будет эта молодая гвардия, откуда она будет рекрутироваться, какими путями она подойдет к этим постам, что она с собой принесет — это кардинальнейшие вопросы. Рядом с вопросом о нашем идеологическом оружии, иначе говоря с вопросом о дискуссии, рядом с вопросом о ленинском призыве или о нашей подлинной смычке с широчайшими массами рабочего класса таким, каким он создан после революции, стоит вопрос о воспитании нашей партийной молодежи, о переработке нового молодого поколения, о подготовке его к тому, чтобы занять руководящие посты в нашей партии. Это есть третий существенный вопрос, на котором остановился съезд и который представляет собой третью гарантию против всяких антикоммунистических, нэпмановских настроений или переживаний, которые неизбежно в нашей стране растут.

Вопрос о молодежи не в первый раз был поставлен на наших партийных съездах и, вероятно, не в последний раз он стоит на них. Но на этом съезде больше, чем на каком-либо из предшествующих, вопросу о молодежи уделено было особое внимание; он получил здесь, быть-может, более широкую теоретическую

постановку, чем на предшествующих съездах. В докладе т. Бухарина, в резолюции, принятой съездом, мы имеем исчерпывающую, на мой взгляд, разработку вопросов охвата и вовлечения молодого поколения в дело нашего партийного строительства, охвата этого молодого поколения нашей партией всесторонне, начиная с детской организации юных пионеров и завершая комсомолом, и, наконец, точное выяснение тех заданий, которые партия может сейчас возложить на организацию пролетарской молодежи.

Не буду повторять или излагать здесь резолюции по вопросу о молодежи. Достаточно указать, что там со всех точек зрения оценены те задания, которые сейчас стоят перед нашей пролетарской молодежью. Для нас сейчас важно, что партия обратила внимание на работу среди молодежи, и даже среди детей, гораздо больше, чем мы уделяли до сих пор, именно потому, что молодежь является в порядке постепенности третьей нашей гарантией против того, что дело коммунизма не будет засосано, не будет рассосано тем мелкобуржуазным болотом, среди которого нам приходится сейчас строить социализм.

Работницы и крестьянки.

Наконец, съезд в той же самой связи поисков подлинной гарантии против рассасывания коммунизма, в нескольких резолюциях подчеркнул очередные задачи партии в деле работы среди работниц и крестьянок. Если не ошибусь, об этом говорится в трех резолюциях съезда, хотя особым пунктом порядка дня этот вопрос не стоял, — говорится именно потому, что, как я уже пытался указать вам, внутренняя логика XIII съезда заключалась в том, чтобы попытаться укрепить все коммунистические позиции перед разрастающейся волной усиления нэпмановских элементов, социального усиления значения новой буржуазии и капиталистических элементов в нашем хозяйстве.

Трудовая интеллигенция.

С этой же точки зрения, съезд, как это на первый взгляд ни покажется странным, выделил особую группу интеллигенции и в специальной резолюции фиксировал внимание партии на этой группе интеллигенции. На съезде произошла известным образом даже внешне демонстративно эффектная встреча между коммунистической партией и учительством. Но, независимо от того, что эта встреча получила именно на данном съезде внешне эффектное выражение в виде демонстраций, заявлений, приветствий и т. д., независимо от этой внешней формы, ясно, что

внутренняя логика развития нашей партии и задача ее укрепления подвели нас к вопросу о том, что среди интеллигенции, и, главным образом, соприкасающейся с крестьянством, надо найти опорные пункты для нашей партии. Эта интеллигенция: учительство, — сельское, в первую очередь, а затем и городское,— агрономы, стоящие близко к крестьянству, — представляет тот материал, на завоевание которого партия, согласно решению XIII съезда, должна будет отныне обратить серьезное внимание. Рост противоборствующих нам тенденций заставляет нас искать новых завоеваний и в среде рабочего класса, и в среде молодежи, и в среде крестьянства, и в среде той трудовой интеллигенции, которая способна помочь нам в деле антинэпмановского, антикапиталистического, антимелкобуржуазного строительства.

Таким образом, хотя программа работ съезда была построена не по этой схеме, хотя резолюции его строились по другому типу, но, исходя из той обстановки, в которую наша партия сейчас поставлена, съезд фиксировал внимание партии на ряде тех спорных пунктов, укрепление которых дает нам возможность выполнить свою задачу, как пролетариата, организованного во власть.

Опорные пункты в борьбе против мелкобуржуазной стихии.

Кончая эту часть доклада, повторю еще раз эту схему, которая вскрывает подлинную логику работ XIII съезда.

Схема такова. Рост мелкобуржуазных тенденций и в экономике, и в политике, и в идеологии — на почве роста общего благосостояния, повышения активности — экономической, а затем и политической — самых разнообразных слоев,— не только активности пролетариата, но и активности кулака, не только активности батрака в деревне, но и активности инженера, учителя, советского служащего и т. д. Все это на фоне того, что мы вышли из периода голода и вступили уже в полосу активного строительства, что эта волна активности хозяйственной и политической идет по всей стране, поднимает все слои населения, что на почве этого повышения активности и расслоения отдельных классов все более и более проявляется создание новых группировок, экономических и политических. Это — процесс, который будет развиваться дальше. Поэтому столь важно, что XIII съезд сейчас же мог указать, где те опорные пункты, при помощи которых мы можем преодолеть эту стихийность, устоять в борьбе с противоборствующими течениями и направить эти процессы по тому руслу, по которому они должны быть направлены для достижения социализма.

Съезд сказал: во-первых, партия должна держать свое идейное оружие — ленинизм — в полной чистоте и без всякой пощады очищать оружие ленинизма от всякой ржавчины, от всякой мелкобуржуазной паутины, которая на это оружие могла бы быть накинута. Во-вторых, партия должна с этим ленинским оружием в руках как можно ближе примкнуть к рабочим массам; в ленинском призыве она получила наглядный образчик того, как она смыкается с рабочей массой, как она строит подлинную, выражающую волю пролетариата организацию, непосредственно пролетарскую в общей ее массе. В-третьих, чтобы получить третью гарантию против нэпмановских влияний, партия должна воспитать молодежь, начиная с детей, создавать из них коммунистов через организацию юных пионеров, комсомол и т. д., добиваясь этим того, чтобы следующее поколение продолжало дело, над которым мы бьемся. В-четвертых, необходимо усиление работы и пропагандистской, и агитационной, и организационной среди наиболее отсталых элементов пролетариата и в городе и в деревне, а этими отсталыми группами, к сожалению, до сих пор являются работницы и крестьянки. Наконец, использование, в целях усиления влияния на наиболее тяжело поддающиеся нашему влиянию слои крестьянства, трудовой интеллигенции в виде учителей, агрономов и т. д., которые могут быть использованы именно теперь, после того, как советская власть утвердилась, после того, как готовность поддержать ее охватила гораздо более широкие круги, чем это могло быть в первые годы нашего существования.

Состав центральных органов партии.

Эта работа съезда нашла завершение в том составе центральных органов партии, выбором которых закончился съезд и которые после съезда должны выполнять партийную линию и руководить партией до следующего съезда. Прежде всего следует отметить, что партия пошла дальше по тому пути, который был намечен XII съездом в смысле усиления и орабочения центральных органов руководства. ЦК, состав которого был в прошлом году увеличен до 40 чел., теперь увеличен до 53. Если вы вспомните, что у нас в 1917 г. ЦК состоял из 13 членов, а теперь мы имеем 53, при чем это увеличение совершилось именно за последние годы, и сейчас при помощи этого увеличения мы добились в громаднейшей степени орабочения самого ЦК, то вы поймете, что и здесь есть известная политическая линия, намеченная в статьях Владимира Ильича, по которой партийный съезд пошел дальше, продолжая линию XII съезда.

Вокруг этого рабочего ядра в ЦК все более и более растут силы. XIII съезд как бы сконцентрировал все те коммунистиче-

скпе силы, которые могут помочь ЦК в деле руководства различными областями партийной и советской работы. Товарищи, вероятно, отметили, что партийный съезд ввел в состав ЦК таких товарищей, как т. Красин. Политический смысл этих выборов заключается в том, что съезд хотел вокруг ленинской линии, после того, как он единогласно наметил линию ЦК, после того, как создано было рабочее ядро, сгруппировать вокруг ЦК и в его составе все выдающиеся силы, работающие на коммунизм, чтобы, сконцентрировав эти силы в их разнообразных оттенках, заменить то руководство, которое незаменимо, но к которому должны стремиться, — руководство Владимира Ильича.

Вы знаете, что не только за границей, но и здесь, у нас, распускались сплетни в том смысле, будто товарищи, которые участвовали в дискуссии, во главе с т. Троцким, не получат возможности участвовать в дальнейшем руководстве партией. Вы знаете, что ЦК с самого начала дискуссии заявил, что это только глупая сплетня, что он будет проводить другую линию. Т. Троцкий и т. Пятаков выбраны в ЦК, и этим избранием съезд подтвердил, что, осудив единогласно те уклоны, в которые впал т. Троцкий и от которых он не нашел возможным ясно и категорически отказаться на съезде, съезд все-таки считает, что участие в руководстве жизнью партии должно быть обеспечено и этим товарищам.

Вопросы хозяйственного строительства.

Главнейшие достижения.

Теперь разрешите перейти к другой группе вопросов. Это вопросы, которые стоят перед нашей партией, как руководителем государства. Съезд собрался в обстановке несомненного экономического подъема и экономического улучшения. Доклады и сообщения с мест, которые заслушал съезд, свидетельствуют, что этот подъем не случайное и эпизодическое явление, что он составляет общий фон, на котором приходится работать нашей партии во всех областях и районах.

Съезд находился перед лицом двух крупнейших достижений, которые наша партия сделала: во-первых, удавшейся и завершившейся денежной реформы, во-вторых той громадной энергии и гибкости, которую проявила партия в деле борьбы с раствором ножниц. Денежная реформа и сжатие ножниц свидетельствуют о двух вещах. Во-первых, о том, что основная хозяйственная политика, усвоенная партией, правильна, ибо без правильной хозяйственной политики никак нельзя было бы достигнуть успеха и в деле денежной реформы и в деле сжатия ножниц. С другой стороны, эти два достижения доказали, что наша партия научилась, — пожалуй, это

слишком сильно сказано, — не научилась, но учится, и недурно учится, — владеть теми рычагами экономической и хозяйственной политики, которые находятся в нашем распоряжении. У нас довольно комбинированная аппаратура, — сложную систему рычагов мы держим в своих руках. Для того, чтобы уметь пользоваться этими рычагами, и каждым в отдельности и в известной комбинации, меняя скорость и ход нашей машины в определенные моменты, нужен громадный опыт, и, прежде всего, нужно научиться находить эти рычаги, понимать их. Такими рычагами в области хозяйства являются: денежная реформа — раз, огосударствление кредита — два, национализация промышленности — три, монополия внешней торговли — четыре, система налогов и акцизов — пять. Здесь целый ряд рычагов, пользование каждым из них представляет большие трудности; комбинирование и управление ими, конечно, может быть достигнуто и установлено только после целого ряда ошибок и их устранения.

Необходимое условие практических успехов.

И вот, когда мы на съезде обсуждали ход денежной реформы, методы сжатия ножниц, ход нашего ввоза и вывоза и установления цен, мы могли убедиться, что не только в центре, но и на местах мы все более и более научаемся комбинировать различные элементы и, комбинируя эти рычаги, достигать необходимых результатов. Было бы недостаточно, если бы мы только теоретически наметили проблему осуществления денежной реформы или сжатия ножниц. Теоретическое решение этих проблем нам, марксистам, учившимся у самых сведущих людей, конечно, не трудно. А вот практическое проведение правильного теоретического решения, — это и было экзаменом и для характера нашей партии и для ее аппарата.

Чтобы провести денежную реформу, потребовался сильнейший нажим в различных областях. Чтобы сжать ножницы, потребовалась строжайшая дисциплина финансовая и бюджетная, дисциплина в области импорта и экспорта,—в целом ряде партийных и государственных областей.

Только при соблюдении этой дисциплины, только при том положении, когда весь партийный аппарат действовал так, как ему было указано, без отказа — только благодаря этому, мы не только нашли теоретически правильное решение, но могли это теоретическое решение на практике осуществить.

Поэтому, те диаграммы, которые демонстрировались на съезде и показывали рост денежного обращения, рост снижения цен и сжатия ножниц, свидетельствовали о том, что наш партийный аппарат, с одной стороны, в известной мере уже научился действовать всеми теми орудиями, которыми мы располагаем, с другой—

идет правильно по раз намеченному пути, работая, если не без ошибок, то с минимально возможным для нас количеством этих ошибок.

Съезд, конечно, не мог удовлетвориться одним признанием того факта, что у нас есть известные достижения. Съезд посмеялся, когда другой, кроме т. Троцкого, вождь оппозиции — т. Преображенский, попытался поставить вопрос таким образом, что, собственно говоря, все эти достижения вызваны тем, что товарищи, идущие за Преображенским, указали на эти обстоятельства партии. Пришлось доказать ему, что он как-раз указывал на другие обстоятельства и предлагал рецепты, которых партия не приняла, и что если имеются известные достижения, то не потому, что оппозиция помогала, а несмотря на то, что оппозиция мешала нам.

Пути дальнейшего развития.

Но ни тем, чтобы поставить на место т. Преображенского, ни тем, чтобы констатировать известные успехи, съезд ограничиться не мог. Он должен был итти дальше и наметить пути дальнейшего развития. Съезд исходил из общей оценки того, следует ли продолжать ту экономическую политику, которая известна под названием «нэпа» и которая зовется «новой экономической политикой», а на самом деле, есть наша старая, обычная экономическая политика; ей ровно столько лет, сколько предшествовавшей ей политике военного коммунизма: тому было 3 года, и ей 3 года...

Вы знаете, что в последнее время именно по вопросу о том, надо ли продолжать эту экономическую политику, можно ли достигнуть на путях этой экономической политики усиления социалистических элементов в нашем народном хозяйстве,— по этому вопросу была довольно обширная полемика, и не столько полемика в наших газетах, сколько по поводу наших газет у наших врагов. Вся заграничная пресса, русская и иностранная, подстегиваемая различными желаниями, — в первую очередь, желаниями, чтобы наши международные отношения были подорваны, чтобы были сорваны переговоры с Англией и чтобы намечающиеся франко-советские переговоры не привели к желательным для нас результатам,—распространяли усиленно слухи о том, будто уход от нас т. Ленина есть вместе с тем и конец новой экономической политики.

Основные положения нэпа незыблемы.

Т. Зиновьев рассказал на съезде, вызвав смех делегатов, как в заграничных газетах сообщается, что существует «тайное завещание» Владимира Ильича, в котором его наследником назначается т. Дзержинский для целей ликвидации нэпа. Конечно, это

пишется для того, чтобы испугать английских банкиров, которые под Дзержинского вряд ли дадут какой-либо заем, а немножко и для того, чтобы успокоить нервы наших белогвардейцев, ибо для их растрепанных нервов не было бы ничего приятнее, чем какая-либо крупная ошибочка с нашей стороны. И они нас к этой ошибке, в смысле отмены нэпа или коренного поворота от него, помаленечку подталкивают: вот здесь оступитесь — тогда вы и провалитесь в яму, а мы будем, конечно, радоваться. Но этого удовольствия меньшевикам, эс-эрам и кадетам,— этого удовольствия, которое они предчувствуют, если бы мы, испугавшись подрастания кулака и частного капитала, взяли да и свернули с путей новой экономической политики,— этого удовольствия XIII съезд, как и предшествующие съезды, господам белогвардейцам и английским реакционерам не доставил.

Борьба с частным капиталом на почве расширения товарооборота.

Наоборот, как XIII конференция, так и XIII съезд в своих тезисах подтвердили, что основные положения новой экономической политики остаются незыблемыми. И резолюция партийного съезда, равным образом, к великому огорчению для белогвардейцев, опять-таки подтвердила, что новая экономическая политика, задуманная Владимиром Ильичем, вполне себя оправдала и что мы не видим никаких оснований от нее отказываться. Это не значит, что мы, как дятлы, в 1924 г. должны делать буквально то, что мы делали в 1921 и 1922 гг.

Наоборот, именно потому, что основа этой экономической политики заключается в предоставлении крестьянству свободной торговли продуктами своего труда со всеми вытекающими последствиями для свободной торговли, мы на этой основе все время должны варьировать свои методы работы, чтобы увеличить наши коммунистические элементы и наши коммунистические позиции за счет позиций нэпманов. Здесь мы имеем, конечно, противоречивую задачу.

Подобно тому, как противоречива вся обстановка, так противоречива и эта задача. Но мы достаточно марксисты для того, чтобы знать, что история движется противоречиями и чтобы понять эти противоречия. Одно из этих противоречий заключается в том, что основная экономическая задача наша сейчас в расширении товарооборота, что наша денежная реформа, представляющая громаднейшее завоевание, удержима лишь постольку, поскольку она будет опираться на все расширяющийся товарооборот, т.-е. на все увеличивающееся количество продукции в стране и на все более интенсивное обращение этой продукции внутри страны и между нашей страной, между нашим Союзом и между-

народным рынком. Но это расширение товарооборота должно, конечно, дать более широкую базу и частному капиталу. Наиболее «простое» решение вопроса, казалось бы, такое: придавить этот частный капитал. Но XIII съезд отверг это «простое» решение.

В большой комиссии из представителей нашей партии, ближе всего соприкасающихся с экономическими вопросами, он стал пред вопросом, как вести борьбу с частным капиталом, которая является очередной нашей задачей, в каких формах вести ее. Единогласный ответ комиссии, а затем и съезда состоит в том, что эта борьба с частным капиталом должна совершаться на почве расширения товарооборота, а не его сужения, на почве замещения частного капитала нашим государственным и кооперативным капиталом.

Если товарооборот сейчас равняется 100 единицам, если на нем держится наша денежная реформа, если для ее укрепления, для дальнейшего увеличения емкости нашего крестьянского рынка, а следовательно и для дальнейшего поднятия продукции нашей промышленности и сокращения безработицы требуется расширенный товарооборот, требуется, чтобы этот товарооборот, который сейчас исчисляется в 100 единиц, дошел до 150 единиц, и если в этом обороте в 100 единиц сейчас частный капитал занимает долю в 30 единиц, то задача не в том, чтобы эти 30 проц. частного капитала вышибить прочь и получить оборот не в 100 единиц, а в 70 единиц, а задача в том, чтобы итти от сотни дальше, замещая 30 проц. частного капитала своим капиталом — государственным и кооперативным, т.-е. добиться того, чтобы общий товарооборот не снизился до 70, а наоборот, увеличился до 150, но чтобы в этом расширившемся обороте частный капитал имел только 20%. Значит, делай таким образом, что если ты на 5 единиц вышибаешь частный капитал, то вышибай его так, чтобы на это место встал кооперативный или государственный капитал, капитал, находящийся под контролем государства. Замещай частный капитал, но при этом расширяй товарооборот.

Емкость крестьянского рынка и развитие госпромышленности.

Это положение особенно ясно было съезду еще и потому, что съезд происходил накануне тех месяцев, когда мы вступаем в эпоху реализации нового урожая. До самых последних дней сведения об урожае были очень благоприятны; они немножко испортились теперь в связи с некоторыми симптомами засухи на Украине и на Волге, симптомами, не имеющими покуда решающего значения, но угрожающими. До этого мы могли рассчитывать на урожай средний и выше того, который был в прошлом году. Этот урожай заставляет нас строить свою экспортную политику таким образом, что если в этом году мы вывезли 200 милл. пуд.

хлеба, то в следующем году мы должны вывезти вдвое больше— до 400 милл. пуд.

Это означает увеличение покупательной способности крестьянства на соответствующую сумму. Увеличение покупательной способности крестьянства будет для нас играть громаднейшую роль, поскольку она создает рынок для нашей индустрии и для нашей промышленности. В известном соотношении к тому, как будет расширен крестьянский рынок, может быть расширена и продукция нашей промышленности. Мы идем покуда вверх и на съезде мне приходилось докладывать,—как приходилось об этом докладывать и т. Зиновьеву в политическом отчете ЦК, потому что этот факт имеет громаднейшее политическое значение,— что мы имели возможность несколько недель тому назад добиться, чтобы текстильная промышленность наметила свою работу на 30% больше предварительной производственной программы: мы требуем, значит, сейчас не 100% от текстильной промышленности, а 130%. Благодаря чему появилась такая возможность? Благодаря снижению цен на продукты текстиля, благодаря повышению емкости рынка вследствие этого и благодаря тому, что мы рассчитываем, что при снижении цен, при повышении покупательной способности крестьянства наша промышленность сможет, таким образом, развиваться дальше и дальше.

Но одна отрасль промышленности тянет за собой и другую; расширение текстильной промышленности требует расширения металлической промышленности, расширение металлической промышленности требует расширения угольной промышленности и т. д. и т. д. Это расширение оборотов есть основная задача именно в предвидении момента реализации урожая. Перед этим моментом переделать торговый аппарат, переделать тот аппарат, при помощи которого совершается обмен между городом и деревней, представляло бы большую опасность, которая сказалась бы и на самой промышленности, угрожая ей сокращением, и т. д.

Таким образом, всемерное расширение товарооборота и на почве этого расширения борьба с частным капиталом путем его замещения государственным и кооперативным капиталом, — вот как разрешается это противоречивое положение, которое, с одной стороны, требует расширения товарооборота, а с другой — усиливает в результате этого расширения товарооборота возможности буржуазных и мелкобуржуазных элементов.

Это противоречивое, повторяю, положение, совершенно ясное съезду, ставит перед нами сложную задачу: борись с частным капиталом, но так, чтобы его замещать, но так, чтобы товарооборот не сужался, чтобы не понижалась емкость нашего рынка, потому что в противном случае возможны, как говорит резолюция XIII съезда, не положительные, а отрицательные, т.-е. вредные для нашего хозяйства и строительства Союза, результаты. Так точно гласит резолюция XIII съезда.

Торговля и кооперация—очередное звено работы.

Эта задача может быть решена лишь при том условии, если наши собственные капиталы будут брошены в борьбу с частным капиталом в более организованном, в более систематическом виде, чем это было до сих пор. Поэтому, именно, вопросы торговли и вопросы кооперации стоят в центре экономических вопросов; потому они и были центральными вопросами на партийном съезде, что они являются сейчас очередным звеном, ухватившись за которое мы можем потянуть всю цепь социалистического строительства в данный момент. Что, собственно, обозначает для нас сейчас правильное решение вопросов государственной торговли и кооперации? Правильное решение этих вопросов и обозначает систематический, планомерный поход на частный капитал на почве расширения производства, а не сужения его, расширения товарооборота, а не сужения его. Пускай тогда любые дурачки из меньшевиков или эс-эров кричат о том, что мы прекращаем или убиваем нэп. Наоборот, если мы поставим правильно, как указано XIII съездом, вопросы государственной торговли и кооперации, мы, которые умели заставить себе служить нэп до сих пор,—а он нам послужил,—мы заставим эту новую экономическую политику служить социализму еще в большей мере, чем до сих пор. Тогда наша задача будет действительно решена.

Кооперация поэтому, повторяю, имеет громаднейшее значение. Ни повторять резолюций, ни рассказывать о кооперации я вам сейчас не буду; укажу только на практические выводы. Никак нельзя ограничиться тем, что на съезде было прочитано об этом несколько докладов, что съездом принята очень длинная, быть-может, чрезмерно длинная резолюция, никак нельзя думать, что, имея эту резолюцию в кармане, можно считать дело частного капитала похороненным. Эпитафию мы написали, могилу, где он будет лежать, указали, но к этой могиле еще порядочная дорожка. Нужно эту дорожку пройти, чтобы частный капитал похоронить. Это дело годов, это дело внимательного изучения, большого опыта, большого подбора работников, овладения коммунистами кооперацией и т. д. и т. д. Обо всем этом зри в резолюции съезда.

Крестьянство.

Вопросы кооперации приводят нас еще к одному вопросу, который тоже стоял в порядке дня съезда, который, я думаю, у нас на XIII съезде обсужден только начерно. Мы там положили, так сказать, начало его обсуждения, и на последующих съездах он будет играть все большую и большую роль. Это—

вопрос о крестьянстве. Собственно говоря, с того момента, когда на X партсъезде Владимир Ильич перевел нас на новые рельсы в области отношения к крестьянству, внимательного и достойного этой темы обсуждения этого вопроса у нас еще не было, и мы сейчас только подходим к этому.

Именно в крестьянстве развиваются те социальные явления, которые в общем и целом определят в дальнейшем ход социалистического развития нашего Союза. Явления, которые сейчас совершаются в крестьянстве, еще очень мало обследованы, но можно констатировать радостный факт, что все больше и больше товарищи этим вопросом интересуются, появляются специальные обследования, производятся систематические специальные изучения. Это тот путь, на который нам нужно встать, если мы действительно хотим быть ленинцами, т.-е. понимать, что нашу пролетарскую революцию мы можем совершить только, если будем вести за собой крестьянство.

Ежели мы зазеваемся и крестьянство от нас отпряжется, то, как бы мы ни бегали хорошо рысью, мы обязательно сломаем себе ноги.

От изучения тех процессов, которые происходят в массе, от умения сцепляться с крестьянской массой в каждый данный момент, может-быть, меняя приводные ремни от пролетариата к крестьянству, но всегда поддерживая эту систему приводов в полном порядке, — от этого будут зависеть ближайшие наши шаги. Поэтому мы считаем, что то обсуждение, которое было на съезде, это только начало обсуждения крестьянского вопроса.

Крестьянский рынок для нас является сейчас основным рынком нашей госпромышленности. В дальнейшем именно емкость крестьянского рынка будет определять темп развития промышленности, а от темпа развития нашей промышленности зависит темп сосредоточения на фабриках и заводах пролетариата; темп же консолидации этого пролетариата будет определять вообще всю нашу социальную силу и социальную мощь против всяких мелкобуржуазных тенденций. Следовательно, крестьянство, как рынок для промышленности, для нашей пролетарской промышленности, само по себе уже определяет громаднейшее значение крестьянства.

Расслоение в деревне.

Дальше мы видим, как в крестьянстве начинается расслоение. Правда, это расслоение сейчас совершается не по линии владения землей. Земля более или менее поравнена, и выделение кулаков, с одной стороны, и бедняков — с другой, не идет по линии владения землей, а по линии владения и эксплуатации инвентаря, рабочего скота, улучшенных машин и, наконец, по

линии торгового капитала, который превращается в деревне в капитал ростовщический, при помощи которого известные слои деревни начинают эксплуатировать и закабалять другие слои.

Но, если у известной группы крестьян имеется земля, но не имеется рабочего скота, нет возможности обработать эту землю, они становятся пролетариями с той маленькой поправкой, что этот пролетарий не имеет возможности приложить свой труд на фабриках и заводах, и он становится кандидатом в армию безработных. Покуда у него есть землица, он еще кое-как удерживается в деревне, но если у него нет возможности обработать землю, то она ему ни к чему. Ведь, у нас в некоторых волостях уже есть 50% безлошадных, — не потому они безлошадные, что у них завелись тракторы, а просто безлошадные. Такой пролетарий становится грузом, который висит на нашей промышленности, который увеличивает армию безработных, которого деревня выталкивает, а город не принимает. Вот этот бедняцкий элемент, выталкиваемый деревней и непринимаемый городом, который должен ближе всего стоять к нам, может стать в тот момент, когда он не может войти в пролетарскую семью и уже отбился от крестьянства, элементом, расшатывающим весь наш строй.

Защита маломощного крестьянина.

Поэтому вопросы о защите маломощного крестьянства есть ближайшие вопросы, которые должны интересовать пролетариат в городах, если он хочет сократить армию безработных, если мы хотим правильного всасывания в промышленность лишних элементов деревни, а не того напора, который получается от того, что кулак вышибает бедняка, а город его не принимает.

Чем мы можем поддержать маломощного крестьянина против богача? Так как это расслоение сейчас идет не по земле, так как земля есть у крестьянина, он попадает в кабалу к кулаку потому, что должен занимать у него скот, инвентарь, семена, и за это отрабатывать ему и попадать в кабалу, то единственная реальная помощь, которую пролетарское государство может оказать маломощному крестьянству, это — применение кооперативных форм обработки земли, владения инвентарем, государственным рабочим скотом, соединение маломощного крестьянства и объединение его во всякие формы взаимопомощи, товарищества, которые дадут возможность маломощным иметь машину, хотя каждый из них в отдельности иметь ее не может, которые дадут им возможность арендовать лошадь не у кулака, а у государства, желающего им помочь и имеющего возможность помочь, но при условии объединения в кооперативы и т. д. Следующая форма помощи, которую мы можем оказать, это — кредит.

Кредит — это есть громаднейшее оружие в руках пролетарского государства, при помощи которого оно может связать себя с маломощными слоями крестьянства.

Обстановка в деревне тоже усложняется. Действительно, мы хотим вывезти 400 млн. пудов, и нам это необходимо вывезти. Если мы хотим ввезти машины, двинуть электрификацию, получить достаточное количество хлопка из Америки для наших текстильных фабрик, мы должны вывезти 400 млн. Но кто нам даст эти 400 млн.? Маломощный крестьянин? Нет! Мы должны сказать, что 400 млн. пудов хлеба, которые надо вывезти за границу, будут произведены середняком и отчасти кулацкими элементами. Бедняк не только вывезти хлеб не сможет, но ему самому прокормиться не хватает. Следовательно, тут как будто бы противоречие: с одной стороны, надо, чтобы деревня давала побольше хлеба, а это может дать только более мощное хозяйство; с другой стороны, более мощное хозяйство — это есть кулацкое хозяйство, социально нам враждебное, развивающее капиталистические отношения, а не социалистические.

Где выход из этого противоречивого положения? Кооперативные объединения, поддержка общественной запашки, поддержка общественного объединения землеробов! Конечно, это дело не одного месяца, это дело не будет сделано одной резолюцией партийного съезда. Но здесь указан путь, при помощи которого подлинные элементы коммунизма и социалистического строительства в деревне могут быть заложены, а нас учил Владимир Ильич, что надо посмеяться над тем человеком, который скажет, что коммунизм в деревне может быть проделан в год, два, три. Когда мы только одни еще имеем на международной арене власть, когда мы не можем бросить в деревню десятков и десятков тысяч тракторов, когда не можем электрифицировать ее и т. д. и т. д., тогда дело в деревне идет медленным темпом. Шаг за шагом отвоевываем мы позиции путем кооперации против торгового, ростовщического и кулацкого элемента в деревне. Вот почему, не только с точки зрения торговли, но и с точки зрения политики, не только с точки зрения хозяйства, но и с точки зрения поддержания политической власти рабочего класса в нашей аграрной стране, перенесение кооперации в деревню, овладение через кооперацию хозяйством маломощных крестьян и обобществление этого хозяйства на этих началах, — есть основная задача нашей партии, на которую партийный съезд и указал.

Белогвардейские разочарования.

Мы можем быть вполне уверены, что решения нашего съезда будут встречены с удовлетворением пролетарскими и вообще трудящимися элементами нашей страны. Однако, есть,

конечно, люди, которые нашим съездом недовольны, и поэтому я позволю себе прочитать оценку съезда, сделанную не в нашей печати: чтобы нам самим не хвалить себя, послушаем, как нас ругают, т.-е. хвалят наши враги. Вот что пишут в газете «Руль» от 27 мая:

«Состоявшийся в Москве XIII съезд коммунистической партии не оправдал возлагавшихся на него ожиданий. Можно было предполагать, что оппозиция, так ярко вспыхнувшая накануне смерти Ленина..., воспользуется съездом, чтобы отстоять и укрепить свои позиции. Но по установившейся советской традиции, и на этот раз случилось как раз наоборот»...

Вот, видите, как мы огорчили белогвардейцев.

Что касается существа работы съезда, то они заявляют вот что:

«В сущности съезду ничего не оставалось обсуждать. Он стоял перед готовыми решениями. Важнейшим из них, как накануне съезда пояснил Каменев (не знаю, когда это было), было уничтожение частной торговли».

Тут кадетские мудрецы пробалтываются свои затаенные желания. Они очень желали бы, чтобы мы сделали глупость. А желаемое люди часто принимают за действительно существующее. Г-дам белогвардейцам в отчаянии кажется, что желательную для них глупость мы действительно сделали. Послушаем дальше.

«Кратковременная, но весьма печальная политика нэпа на практике подтвердила то, что нетрудно было предвидеть, а именно, что коммунисты взялись не за свое дело, что нельзя делать одними и теми же руками двух противоположных политик, что, чем безудержнее и бессмысленнее они совершили работу разрушения, тем уродливее должна была оказаться в их руках всякая попытка к воссозданию России».

Видите, что эти контр-революционеры рассуждают весьма логично со своей точки зрения. Коммунисты, говорят они, разрушили то, что им не нравилось, при чем в скобках добавляют: «даже если история признает, что работа разрушения была неизбежной». Они готовы теперь это уже подарить нам, потому что кто же о разбитых горшках спорит, кроме английских банкиров, да и те скоро перестанут, наверное. Они «уступчивы»: ну, вы разрушили, но это было несколько лет тому назад, и чорт знает, может-быть, история скажет, что это было неизбежным, а вот, кто будет строить новое? Они говорят, что коммунистам строить не удастся, что коммунисты взялись не за свое дело. Они утешают себя тем, будто бы съезд постановил частную торговлю прекратить.

Но XIII съезд не оправдал ожиданий, которые они на него возлагали, именно тем, что съезд ясно доказал, что мы не только исторически необходимую работу разрушения сумели проделать, но что мы, засучив рукава, весьма серьезно начинаем строить.

Иногда у нас выходит плоховато. Некоторые карикатуристы шутят: то сапоги куда-то ускакали, то уплыла селедка. Но в общем и целом, мы видим, что теперь у нас только сапоги скачут, а полгода тому назад скакали рубли. Теперь мы взнуздали рубли, а вместе с ними взнуздали уголь и другие немаловажные предметы. И если мы теперь хлеб за границу в размере 200 млн. пуд. продаем, если мы теперь имеем накопленные средства для того, чтобы тяжелую индустрию, металлургию, поставить на правильные рельсы, если мы транспорт уже поставили на такие пути, которые всецело оправдывают себя, тогда белогвардейские надежды на то, что коммунисты взялись не за свое дело, что разрушать они мастаки, а построить им не удастся, лопаются. И вот поэтому «Руль» кончает свою статью таким образом:

«Отныне (после XIII съезда) должны раз навсегда бесследно исчезнуть всякие разговоры об эволюции большевизма. Теперь уже не может быть никаких сомнений относительно того, что советский режим органически неспособен сколько-нибудь существенно измениться».

Это они тоже поняли, и все это оттого, что не оправдались их надежды на т. Преображенского.

«Одно теперь стоит бесспорно: всякие надежды на эволюцию советского режима надо бросить, и реально можно считаться с единственным выходом — свержением его».

Вот на это мы можем сказать: попробуйте, пожалуйста!

Итоги.

XIII съезд был съездом, на котором демонстрировалось, во-первых, единство партии с неслыханной полнотой и с неслыханным единодушием, и это единство не пустое, не единство на фразе, не единство на том, что мы все коммунисты и потому должны быть едины, но единство выстраданное, единство на определенной, твердой политической линии, единство на почве нерушимого ленинизма. На почве этого единства и с оружием ленинизма в руках XIII съезд демонстрировал деловую работу партии. Партия, действительно, с засученными рукавами работает, с одной стороны, над укреплением своих позиций, расширяя все более и более свою базу, подтягивает к себе все элементы пролетариата, вплоть до самых отсталых. С другой стороны, опираясь на эту расширенную пролетарскую базу, она всерьез работает над тем, чтобы элементы коммунистического строительства за счет элементов частного капитализма в нашем Союзе все усиливались для того, чтобы осуществить лозунг Ильича, тот лозунг, который ЦК подтвердил в своем отчете:

Из России нэповской мы сделаем Россию социалистическую.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

О ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЕ. *

Денежная реформа — экономическое мероприятие огромного значения.

— Товарищи, я имею в виду сделать чисто деловое сообщение о тех мероприятиях, которые мы принимаем в связи с денежной реформой.

О значении самой денежной реформы я говорить не буду, мы много раз говорили о ней несколько месяцев тому назад, и на партийной конференции выработали совершенно точные директивы.

Все вы великолепно понимаете, что мы пришли к необходимости проведения денежной реформы в данный момент не потому, что мы свободно выбрали этот момент, а потому, что мы ждали момента, когда окончательно будет использован тот знак, на котором мы ездили все эти годы, т.-е. советский знак. Теперь совершенно ясно, что советский знак подошел к самому концу своего существования, что нас денежная реформа начинает уже подгонять, и мы теперь не могли бы отказаться от проведения в эти месяцы денежной реформы. Если бы были какие-нибудь сомнения на этот счет или если бы теоретически можно было доказать, что лучше еще подождать, что осенью, при оживлении товарного оборота, при реализации урожая, при большей потребности страны в деньгах, денежная реформа могла бы быть легче проведена, то такие рассуждения остались бы чисто теоретическими рассуждениями, поскольку они подразумевали бы, что мы еще несколько месяцев можем держаться на совзнаке. Но повторяю, что держаться на совзнаке мы не можем не только несколько месяцев, но и несколько недель, и доказательство этого очень простое: оно заключается в том, что крестьянство за совзнаки продавать хлеб государству отказывается. Второе доказательство — то катастрофическое падение совзнака, которое мы с вами ежедневно наблюдаем. При этих условиях, повторяю, мы не можем дальше оттягивать срок проведения денежной реформы, мы должны немедленно ее осуществить.

---

* Доклад на пленуме МК РКП 2 марта 1924 г.

Тот, кто думает, что проведение денежной реформы есть чисто механическая операция, тот глубочайшим образом ошибается. Эта денежная реформа представляет собое экономическое мероприятие первостепенного значения. Это операция, которая, может-быть, очень болезненна в данный момент, но которая для спасения нашей экономики настоятельно необходима. Это в известном смысле революционный переворот в нашей экономике. Последствия денежной реформы будут благодетельны для всего народного хозяйства в целом, и для отдельных хозяйственных предприятий, и поведут к улучшению положения рабочего класса и крестьянства. Но проведение ее само собою есть, несомненно, операция, во-первых, не техническая, а политическая, и, во-вторых, не безболезненная. Я в конце доклада опять вернусь к этой мысли после того, как проанализирую те мероприятия, которые вытекают из необходимости осуществить денежную реформу.

Враги денежной реформы.

Какие враги есть у денежной реформы, с чем мы принуждены бороться для того, чтобы ее осуществить? У денежной реформы два главных врага. Это — во-первых, государственные дефициты и, во-вторых, высокие цены на товары. Вот два основных врага, и если мы их не поборем, то никакой денежной реформы не получим. Если же мы окажемся неспособными побороть этих врагов, то это будет значить, что мы легкомысленно взялись за дело. Мы тем серьезнее должны отнестись к этому делу, что подобный крах был бы не техническим, не финансовым, а политическим крахом. Так сложились обстоятельства.

Первое условие проведения денежной реформы — сокращение дефицитности.

Дефицит — враг денежной реформы, потому что денежная реформа имеет в виду заменить советский знак, покупательная способность которого падает, — твердой валютой. Если бы мы решились выпускать эту твердую валюту для покрытия государственного дефицита, то, конечно, ее постигла бы та же судьба, которая постигла совзнак. Если мы дыры нашего государственного хозяйства будем покрывать новым выпуском казначейских билетов и знаков, то сколько бы мы с вами ни твердили, что этот казначейский знак тверд, и сколько бы мы раз ни писали на нем «рубль золотом», он будет падать, как падал совзнак. Таким образом, без отказа от выпуска новых казначейских билетов на покрытие дефицита мы твердой валюты создать не можем. Самое резкое сокращение дефицита, самое резкое сокращение банкнотного выпуска червонной эмиссии есть первое условие проведения этой реформы.

На март мы это сокращение произвели самым жестким образом. В области эмиссии червонца Госбанк вместо 30 млн. черв. руб., которые мы выпускали в январе, и 25 млн., которые были выпущены в феврале, выпустил по нашему разрешению только 6 млн. черв. руб.

Мы пришли к заключению, что в марте и апреле сжимать банкнотную эмиссию неизбежно, иначе мы не можем прекратить того, что происходит с червонцем в настоящее время. Благодаря росту цен, мы ежедневно видим падение покупательной способности червонца. Если в такой период, когда покупательная способность червонца падает, мы еще увеличили бы выпуск червонцев и захотели бы в то же время проводить денежную реформу, это означало бы верную неудачу. До сих пор мы удерживали червонец на уровне с иностранной валютой, т.-е. с долларами и фунтами стерлингов. Этот паритет между нашим червонцем и мировой валютой есть величайшее завоевание, которое мы до сих пор удерживали, удерживаем и должны удержать. Но на внутреннем рынке покупательная способность червонца все-таки падает, и выпуск в марте еще нескольких миллионов червонцев означал бы дальнейшее падение их покупательной силы. Второе соображение, которое заставляет нас урезывать выпуск червонцев, заключается в следующем. Спрашивается: сколько мы можем добавить червонцев к той сумме, которая сейчас имеется в стране? В стране сейчас 300 млн. черв. руб. Мы предполагаем, что к октябрю, т.-е. к началу реализации нового урожая, страна может принять в себя вместо 300 млн. — 450 млн. черв. руб., т.-е. за промежуток времени, меньше чем полгода, мы собираемся влить в страну 50% той общей суммы червонцев, которая уже имеется. Это доза порядочная, она предполагает развитие товарооборота и товарности хозяйства. Главная масса дополнительных выпусков червонца должна быть приурочена к моменту реализации урожая.

Все эти соображения привели нас к резким мерам, к жесткому сокращению эмиссии. Это сокращение эмиссии касается в сравнительно незначительной мере промышленности.

Вторая область, по которой нам пришлось провести ножом, это бюджет. Мы свели его в марте до 147 млн. руб., в то время, как в январе и феврале роспись расходов составляла 157 — 160 млн. руб. Для того, чтобы ограничить наши расходы 147 млн. руб. в марте, нам пришлось сильно урезать бюджет всех наших ведомств. Урезан в достаточной мере сильно и бюджет комиссариата путей сообщения. Урезаны также заявки и потребности ВСНХ, не говоря уже о других ведомствах, которые в нашем бюджете составляют сравнительно небольшой расход, но которые мы все-таки значительно урезали.

Но даже эта урезанная на март смета в 147 млн. руб. не покрывается действительными налоговыми поступлениями и

должна быть покрыта частью кредитными операциями, векселями, за которые мы должны платить в дальнейшем, и частью выпуском новых денег. Но если эти новые деньги выпустить для покрытия дефицита, то в дальнейшем расширение той части новой валюты, которую мы выпустим не для товарного оборота, не для кредитных операций, а на покрытие наших бюджетных дыр, в дальнейшем увеличение этой суммы делается опасным. Это был бы как раз тот путь, по которому покатился, свалился и на котором убился наш советский знак, так что эти 147 млн. руб. мы уже расходуем с порядочным напряжением. Обратная сторона этой медали заключается в том, что, расходуя 147 млн. руб., мы заставляем все наши ведомства сжиматься в достаточной степени.

Первый враг, которого мы должны победить, — дефицит и стремление увеличить эмиссию банкнотную, червонную, и эмиссию новой валюты; этот наш враг представлен нашими советскими организациями, ибо каждое ведомство, которое мы режем, не только говорит, но и кричит: я всячески за денежную реформу, но проделайте ее, пожалуйста, на спине моего соседа.

Таким образом, для того, чтобы произвести это бюджетное сокращение и эту денежную реформу, нам приходится преодолевать сопротивление целого ряда ведомств.

Борьба с высокими ценами.

Второй враг высокие цены. Борьба с этими высокими ценами представляет после борьбы за сокращение дефицита главнейшую задачу и, собственно, определяет судьбу нашей реформы. Если у нас останутся те высокие цены, которые существуют сейчас, если они будут продолжать расти, а не будут снижаться, если на этой почве высоких товарных цен будет расти так называемый «товарный рубль», — это означает несомненнейшее крушение денежной реформы. Пленум ЦК после партийной конференции избрал комиссию, которой поручил вести политику дальнейшего снижения цен, при чем пленум ЦК имел в виду, главным образом, не только продолжение снижения цен на промышленные изделия, но и чрезвычайно выросшие за последнее время хлебные цены.

Что касается цен на продовольственные продукты, то снижение их не может быть проведено каким-нибудь приказом. Оно может быть осуществлено только путем вмешательства государства в рыночные отношения, проще говоря, мы должны сбить цены, которые определяют жизненный уровень рабочего класса, должны сбить цены, кинувши на рынок по дешевым ценам те запасы товаров и продовольствия, которые имеются в руках государства. В первую очередь это должно быть сделано по отношению к ценам на хлеб.

Тут перед нами и встал вопрос: имеем ли мы достаточные запасы для того, чтобы ударить по высоким ценам на базарах и на рынках. И оказалось, что мы можем это сделать только в том случае, если весь наличный хлеб, который находится в наших руках, мы бросим на внутренние рынки.

Таким образом, экспорт хлеба за границу заменяется в данный момент экспортом хлеба в Москву, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Донбасс и другие рабочие центры. Мы приняли поэтому постановление о временном прекращении экспорта пшеницы, ржи и овса. Для того, чтобы это вмешательство государства в рыночные отношения действительно носило тот резкий, решительный характер, который нам необходим, а не было бы чисто ведомственного свойства, мы должны были прибегнуть к системе, несколько напоминающей, как говорят некоторые товарищи, эпоху военного коммунизма. Я имею в виду систему назначения специальных уполномоченных, передачу в их распоряжение определенных запасов хлеба с тем, чтобы они действовали по методам действительно военным. Но мы этим не смущаемся, мы понимаем, что денежная реформа несомненно является войной, только несколько иными методами, а борьба за снижение цен на рынках, это — такая же очередная и решающая задача, какие перед нашей партией неоднократно выдвигались в экономической сфере. Когда мы направляли все свои силы на поднятие транспорта, на спасение Донбасса, то те кампании имели гораздо меньшее значение, чем кампания за снижение цен, кампания за проведение денежной реформы. В данной обстановке, на данном этапе нашего хозяйственного развития снижение цен, борьба с дороговизной есть то очередное звено, ухватившись за которое мы двинем вперед все дело нашего хозяйственного строительства. Партия, профсоюзы, весь рабочий класс в целом должны сделать решительные усилия, должны, наконец, пойти на жертвы для того, чтобы, ухватившись за это звено, решительно шагнуть вперед в деле оздоровления нашего хозяйства.

В общем предполагается, что для прокормления городов и крестьянства до нового урожая нам понадобится около 70 млн. пудов хлеба, из них около 40 млн. имеется в нашем распоряжении сейчас. Так как эти 40 млн. предназначались не для подобной цели, не для вмешательства в отношения внутренних рынков, а большею частью для экспорта, то они не сосредоточены, и необходимо произвести известные технические перегруппировки, известные технические меры, чтобы сосредоточить их в тех ударных пунктах, которые я наметил. Во всяком случае, мы полагаем, что хлеба в руках государства достаточно, и мы будем пополнять наши запасы настолько, чтобы стать хозяевами на хлебном рынке, а это является сейчас очередной задачей. Не выполнив ее, мы ничего не сможем провести. Таким образом прекращение экспорта и направление

хлеба на внутренние рынки, снижение путем приказа цен на этот самый хлеб — это первая мера, которая была принята комиссией и потом одобрена всеми соответствующими хозяйственными и политическими органами. Второе, что неизбежно должно было следовать — это снижение промышленных цен, которое нами принято, прошло во все инстанции и будет опубликовано. Понижение цен на керосин, соль и сахар стоит на очереди. При этих условиях, при снижении цен на хлеб и промышленные продукты, мы можем действительно овладеть рынком.

Но мы идем дальше. Исходя из того, что все торгующие организации включали в свои цены — розничные и оптовые — страховку на обесценение совзнаков, и так как с 1 марта платежи могут производиться, а с 15 марта — будут производиться исключительно в новой валюте, то эта страховка, содержащаяся в цене каждого отдельного предмета, должна быть срезана.

Для того, чтобы это снижение цен проводилось твердо, и для того, чтобы прекратилась вся игра с совзнаками, мы опубликовали постановление, обязывающее все учреждения выставлять цены в золотых рублях и серебряных копейках. Таким образом на каждом предмете покупатель будет иметь цену в новой валюте, точно обозначенную не в червонных копейках, а в тех реальных серебряных копейках, которые должны теперь войти в оборот.

Надо принять во внимание, что заработная плата будет выплачиваться и твердой валютой. Рабочие, таким образом, будут избавлены от убытка, который они несли, получая заработную плату в совзнаках. Если рядом с этим пойдет понижение розничных цен, то рабочие, несомненно, выиграют уже от первых шагов денежной реформы.

Отмена товарного рубля.

Остается один из самых трудных вопросов, это вопрос, имеющий решающее значение для успеха денежной реформы, вопрос о товарном рубле и о заработной плате. Нам пришлось с ним немало повозиться, но теперь мы пришли к единодушному решению, в котором можем объединить и хозяйственников и профсоюзников. Это решение состоит в том, что в будущем никакие договоры не могут заключаться в товарном исчислении. Впредь все договоры должны заключаться в твердой валюте, которую мы теперь вводим. Те договоры, которые заключены, поскольку они заключены между хозяйственными органами, должны быть до 31 марта переведены в твердую валюту по твердому паритету. Это касается и коллективных договоров. Коллективные договоры с 1 марта не могут заключаться в товарных рублях, а те коллективные договоры, которые заключены в товарных рублях, должны быть переведены в твердую валюту. С этого же момента прекращается публикация еженедельных и декадных индексов.

Как будет выплачиваться зарплата.

После этого остается такой вопрос: как нам в выплате заработной платы перейти от тех товарных рублей, которые лежат в основе исчисления зарплаты, на новую валюту. Этот переход мы должны сделать так, чтобы обеспечить себе понимание и сочувствие рабочего класса, и не обещать при этом того, что не сможем выполнить.

План, который принят в СТО, заключается в следующем: мы исходим из положения, что реальная зарплата, фиксированная в коллективных договорах, при переходе на новое исчисление, ни в коем случае не должна быть снижена, сама же выплата должна производиться таким образом, чтобы рабочие в марте на протяжении всего месяца получили то, что полагается по коллективному договору. Для этого выплата будет произведена в два приема. В первой половине марта будет выдана одна часть — в качестве аванса, по определенному, твердо установленному паритету. Во второй половине марта будет твердо установлена стоимость бюджетного набора в новой валюте, и при выплате второй части должно быть доплачено все то, что было недополучено рабочими в первой половине месяца. Значит, та разница, которая окажется между паритетом, установленным до 15 марта, и реальной ценой бюджетного набора на золото и серебро, к концу марта должна быть доплачена рабочим.

Итак, паритет, по которому будет выдана зарплата в первых числах марта, есть паритет для авансовой выдачи.

Какой же это будет паритет? Весь Советский Союз разделяется на три полосы: полоса с высокими ценами, средними ценами и низкими ценами. Для каждого из этих районов устанавливается разный паритет. Самого паритета в законе, о котором я рассказываю, не будет. Он будет объявлен через три дня.

Цифры, которые были представлены в СТО и около которых определяются окончательные цифры, таковы: паритет для первого района (с высокими ценами) до 15 марта — 1 руб. 50 коп., для второго района (со средними ценами) — 1 руб. 30 коп. и с низкими ценами для третьего района — 1 руб. Положим, по коллективному договору товарищ должен получить 10 тов. руб. Часто он получает до 15 марта из расчета 1 руб. 50 коп. за товарный рубль, а в конце марта, числа 22 — 25, мы производим оценку набора и устанавливаем, что товарный рубль стоит не 1 руб. 50 коп., а 1 руб. 70 коп. — и это ему доплачиваем. Таким образом, важно, чтобы товарищи поняли, что здесь нет стремления понизить реальную зарплату, а производится только известная рассрочка, неизбежная при таком перечислении на новую валюту. Это касается коллективных договоров, заключенных в товарных рублях, т.-е. громадного большинства договоров, а те, которые

заключены в червонцах, до особого постановления СТО о надбавках на дороговизну, сохраняют на март реальную зарплату, которая предназначалась к выдаче в январе с надбавками на дороговизну, ассигнованными в феврале на январь.

Таким образом, мы хороним не только совзнак, но заодно и товарный рубль, так как при его существовании самая денежная реформа, конечно, теряет всякий смысл. Мы должны перейти от системы товарных рублей к системе твердой валюты в золоте с прибавками на дороговизну, если придется считаться с новым ростом товарных цен.

Денежная реформа и борьба с нэпманом.

Денежная реформа есть введение в обращение твердой валюты, и, как следствие этого, сокращение прибыли. А со времени войны и бумажной валюты рынок построен на спекуляции, и для нэпмана денежная реформа — удар не только потому, что он видит в ней укрепление Советского государства, но и потому, что она даст твердые мерила ценности и тем самым суживает размах спекуляции. Вот почему денежная реформа, которая по сути дела оздоровляет весь хозяйственный организм, поворачивается сейчас так, что нэпман будет против нее. Это выражается в том, что он взвинчивает цены и затоваривает свои капиталы, надеясь на то, что у большевиков дело не выгорит, и тогда я, мол, свои капиталы, которые я перевел в товары, увеличу.

Нам поэтому приходится проводить денежную реформу как серьезнейшую политическую, а не техническую меру, преодолевая на этом пути большое сопротивление.

Мобилизация партии и профсоюзов.

Поэтому мобилизация партии и профсоюзов, выработка ясной определенной линии, сознание того, что это очередная кампания, которая будет продолжаться долго, являются тем более необходимыми, что в смысле мобилизации партийных сил мы в проведении этой реформы уже отстали. Я считаю очень печальным, что мы только сейчас будем беседовать об этой реформе, надо было сделать это гораздо раньше. Как бы то ни было, эта мобилизация началась, началась в виде целого ряда заявлений в газетах, и, например, послезавтра будет специальное обращение ВЦСПС, которое должно привлечь внимание всех членов партии, хозяйственников и профессионалистов к проведению реформы, на денежную реформу необходимо смотреть как на важнейшую задачу, от которой мы отступиться не можем. Совзнак мы сожгли, каждый крестьянин и рабочий знает, что его нужно сжечь. Если новая валюта покатится вниз и превратится в совзнак, она пота-

щит за собой и червонец. Если же червонец покатится вниз таким же темпом, как миллиарды и миллионы, то нам вряд ли удастся теперь вернуться назад к совзнаку и восстановить червонец с его помощью. Если мы здесь сорвемся, мы будем иметь чрезвычайно крупное поражение именно в области международной. Буржуазные государства червонцу поверили, поверили настолько, что теперь, в особенности в атмосфере признания, этот червонец держится на одном уровне с золотом английским и с золотом американским. Но они же обрушат на нас все громы, как только увидят, что денежная реформа не проходит.

На фронте денежной реформы мы должны победить.

Обстановка международная и обстановка хозяйственная внутри страны требуют, чтобы мы в этом крупнейшем деле победили. Денежная реформа — теперь наш очередной фронт, не менее важный, а быть может, и более важный, чем многие фронты, на которых мы до сих пор сражались за социалистическое хозяйство. Мы должны продолжать операцию, которая, несомненно, явится спасительной для всего нашего хозяйственного организма, которая принесет громадную выгоду и рабочим и крестьянам, но которая на первых порах может оказаться болезненной. Мы должны предвидеть, что в ближайшие два месяца, март и апрель, эта болезненная операция будет продолжаться и что только после того можно будет пожать ее плоды. Мы должны употребить все усилия, чтобы самые широкие массы рабочих и крестьян поняли громадное значение проводимой реформы и отнеслись к ней с тем революционным энтузиазмом, который обеспечивал нам до сих пор все наши победы. Нет никакого сомнения, что и на этом фронте мы победим, а победа в деле проведения денежной реформы будет величайшим нашим завоеванием. Она создаст предпосылки для поднятия всего нашего хозяйства, для укрепления его социалистических основ.

О ХОДЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ. *

Денежная реформа была необходима.

Вы все хорошо знаете, что денежная реформа начала проводиться в момент, который не совсем зависел от нас. Раздались голоса, указавшие на то, что, может-быть, лучше было бы момент этот отложить. Теоретически говоря, легко себе представить, что имея весной проводить денежную реформу труднее, чем, скажем, осенью, при оживлении товарного оборота, реализации урожая и т. д. Но вы все, вероятно, знаете те обстоятельства, которые заставили нас взяться за эту денежную реформу в феврале — марте. Одной из волн, толкавшей нас на это, являлось крестьянство, которое к этому времени явно стало отказываться нести бремя эмиссионного налога в виде потери на курсе совзнака. Это отражалось на тех закупках хлеба, которые мы производили. Другая волна шла из рабочей среды. К февралю мы явно настолько зацутались в индексах, способах исчисления зарплаты, выплаты ее и т. д., что протянуть еще несколько месяцев с совзнаком при его катастрофическом положении было невозможно. Эти два обстоятельства заставили нас приступить к проведению денежной реформы, несмотря на некоторые неблагоприятные условия, которые связаны с данным сезоном.

Основная задача денежной реформы.

Что касается задач денежной реформы, то они на вид кажутся очень простыми. Надо ввести определенное количество новых денежных знаков, но в такой форме и такими методами, которые не уравняли бы потом этот новый знак со старым, т.-е. предохранили новые деньги от падения. Основными вехами, которые мы имели в виду, были следующие: к моменту начала реформы у нас в обращении твердой валюты в червонном исчислении было, приблизительно, на 300 млн. (немного меньше). Есть основания предполагать, и из этого предположения мы исходим сейчас, что эта масса денежного обращения может быть к осени

---

* Доклад на заседании пленума ЦК РКП 31 марта 1924 г.

увеличена с 300 млн. руб. твердой валюты до 450. Я думаю, и вы увидите это из следующих цифр, что вряд ли мы придем к осени всего лишь с 450 млн. Весьма вероятно, что мы эту цифру перейдем, но как ориентировочная цифра она годится. К 300 млн. твердой золотой валюты, которые имелись в феврале, можно, следовательно, добавить еще 150 млн., т.-е. 50% того, что было, причем добавить так, чтобы эта валюта действительно оставалась твердой валютой, чтобы она не покатилась вниз. Может ли наше народное хозяйство принять к осени этого года больше чем 450-миллионную массу денежного обращения? Я думаю, что точного ответа на этот вопрос не может дать никто. Сумма денег, потребная для народного хозяйства, как вам известно, определена формулой, которую никто не оспорит. Формула эта дана в первом томе «Капитала» Маркса. Недостаток этой формулы на практике — один. Неизвестная сумма, потребная для народного оборота, определяется в этой формуле, в свою очередь, двумя неизвестными нам данными: суммой товаров и быстротой оборота. Таким образом, мы имеем уравнение со всеми неизвестными. Точно определить, сколько денег мы можем выпустить, какими именно порциями, без риска погубить валюту, выпустить ее слишком много, — точно, арифметически определить это невозможно. Тут не арифметическая задача, а задача экономической политики, которая оперирует с данными только приблизительными. Поэтому, конечно, она может подвергаться коррективам, поправкам. Можем ли мы выпустить на 5 млн. больше? Ответить на этот вопрос с арифметической точностью невозможно. Но некоторая примерка должна быть. Основы этой примерки я и буду указывать.

Для того, чтобы выпустить новых 150 — 200 млн. с тем, чтобы не упали ни новые 200, ни старые 300 млн., для того, чтобы проделать эту операцию, нам надо взять три барьера. Ни один из этих барьеров нами еще не взят. Мы сейчас находимся на полдороге. Барьеры эти следующие. Первый — дефицит, государственный бюджет и связанный с ним дефицит. Второй — дороговизна товаров и связанный с этим спекулянтский капитал. Третий — вопросы зарплаты. Эти три барьера надо взять, чтобы выйти на дорогу действительно твердого денежного обращения. Как мы брали эти три барьера?

Расходы должны быть жестко сокращены.

Первое — бюджет. Для того, чтобы дать общую характеристику нашего бюджетного положения, я скажу, что в декабре 1922 г., немного более года тому назад, мы расходовали в месяц 90 млн. руб. В декабре 1923 г. наш месячный расход составлял 172 млн. Вы видите, каким темпом шел рост расходов государ-

ственного казначейства. Ясно, что если бы наши расходы продолжали расти в таком же темпе при недостаточности поступающих к нам доходов, ни о какой денежной реформе не могло бы быть и речи. Вообще ничего, кроме худа, не могло быть, потому что совзнак служить отказывался. Затыкать эту дыру было нечем. Затыкать червонным или новым казначейским знаком означало бы уравнять их со старым знаком, а дыра, между тем, становилась бы все шире. Борьба с этим дефицитом путем сокращения наших расходов была поэтому нашей первой задачей. В феврале мы имели уже несколько пониженную цифру этих расходов. Мы израсходовали в феврале 157 млн. В марте при самом жестком нажиме расход был 147 млн. В апреле предполагаем израсходовать 151 млн. руб. Как видите, здесь сокращение по сравнению с февралем очень незначительное. Но и это далось нам с большим трудом. В области снижения государственного дефицита нам приходится преодолевать самое сильное сопротивление. Товарищи, работающие в тех областях государственного хозяйства, за счет которых происходит это снижение, сравнительно, повторяю, незначительное, но абсолютно необходимое, — эти товарищи, конечно, охотно обращаются к таким теориям, которые говорят: почему не выпустить немножко побольше денег? Мы считаем, и я надеюсь, что весь ЦК легко это поймет, что центр тяжести именно в этом споре. Если правы эти товарищи, если мы можем, не подрывая денежной реформы, увеличивать выпуск червонцев и новых денег, то в таком случае нас надо сильно наказать. Мы ведь идем на очень болезненную операцию. Зная, как нужна нашему хозяйству каждая копейка, и допуская, что каждая копейка, товарищи, может быть израсходована нами продуктивно, а не попросту пущена на ветер, мы все-таки идем и считаем необходимым итти на жесткое сокращение. Почему? Потому, что мы имеем в виду общий баланс наших расходов и доходов.

Как покрыть дефицит.

Наш годовой бюджет на текущий год сведен, приблизительно, в 1.750 млн. руб. Эта цифра в 1.750 млн. не включает в себя золотой сметы, расходов по ДВО и расходов по Закавказью. Но она достаточно выразительна и можно с нею оперировать в дальнейшем. Эти 1.750 млн. расходов, расходов абсолютно неизбежных, минимальных, имеют для своего покрытия только 1.350 млн. доходов, которые самым строгим нажимом налогового пресса и самой решительной политикой собирания госдоходов мы имеем в виду получить. Таким образом, для покрытия этих абсолютно необходимых, минимальных расходов мы имеем всего только 1.350 млн. и 400 млн. остаются непокрытыми. Это при той урезке, о которой я говорил, при том, что мы не поддерживаем

декабрьской цифры расходов в 162 млн. ежемесячно, а идем к ее снижению.

Теперь, если вы представите, что этот наш бюджет составляет половину царского бюджета, если вы при этом сравните состояние народного хозяйства, бюджет и расходы того времени и нашего, то увидите, что этот наш государственный бюджет ложится на народное хозяйство очень большой тяжестью. Это бремя государственного бюджета, который дорос почти до миллиардов, народное хозяйство выносит с большим напряжением. И при таких условиях мы не добираем 400 млн. Как мы их покрываем? Мы выпускаем второй выигрышный заем, в части своей обязательный; мы выпускаем первый крестьянский заем, т.-е. рассчитываем получить от крестьянства в виде займа около 40 млн. (мы выпускаем заем на 50 млн., но благодаря тому, что продавать будем дешевле, получим всего 40 млн.), в виде добровольных взносов со стороны крестьянства, на $2^1/_2$ года. Наконец, мы прибегаем к третьему роду займа, так наз. гарантийному, сущность которого заключается в том, чтобы все резервные капиталы промышленности в 60% были изъяты из оборота самой промышленности и переданы в государственное казначейство. В Совнаркоме, естественно, представители наших хозяйственных органов сопротивлялись и доказывали с большой долей убедительности, что эта операция для нашей промышленности будет чрезвычайно тяжка. Мы не скрываем, конечно, от себя, что и т. Дзержинский и т. Пятаков имеют основание для таких заявлений, но, повторяю, дыру в 400 млн., при страшном сокращении всех потребностей, никаким налоговым прессом покрыть нельзя. Мы хотим покрыть ее наполовину — 200 млн. — выпуском новых денег, имея при этом в виду, чтобы эти деньги не упали, а с другой стороны, такими экстраординарными мерами, как передача резервного капитала промышленности в государственное казначейство, как получение от крестьянства в виде займа 40 млн., и как принудительное размещение среди нэповских элементов еще нового займа миллионов на 35. Таким путем мы собираем вторую половину этих 400 млн. Вы видите, что при таких условиях говорить о расширении наших расходов, годовых или месячных, нет никакой возможности. Оно невозможно ни экономически, ни с точки зрения финансовой, ни технически.

Вот каким образом мы стремимся взять первый барьер, сократить наш дефицит, срезать его. Но эта общая мера, общая урезка, покрытие этой дыры займами, принудительного и всяческого другого типа, — она не избавит нас от целого ряда еще, так сказать, партизанских набегов. Одним из таких партизанских набегов является недавно принятый закон, по которому мы сознательно не выплачиваем всем советским служащим в апреле месяце 20% их заработной платы, откладывая 20% на май.

*

Это, конечно, хорошая мера, но это мера экстраординарная. Люди получают определенное жалованье, мы отсрочиваем его.

Это даст два с половиной миллиона. У нас миллионы теперь уже имеют вес, как и должно быть.

При таких условиях мы постановили израсходовать в апреле 151 млн., и те товарищи, которые несут ответственность за денежную реформу, должны, обязаны вам сказать: ни одного миллиона больше. Это грань. Ну, а если нас спросят: есть у вас арифметическое доказательство, что если мы израсходуем не 151 млн., а $151^1/_2$, то все погибнет? Такого доказательства вообще не существует в природе.

Банкнотная эмиссия и кредитование промышленности.

Это сокращение в области дефицита имеет свое дополнение в области выпуска банкнот Государственным банком. Здесь мы тоже должны были произвести самые резкие сокращения. В феврале банкнотная эмиссия, выпуск банкнот, червонцев Госбанком, достигала 20 млн. В марте, когда мы приступили к денежной реформе, мы сказали себе: так же, как мы урезаем на 10 млн. государственный бюджет, так же должны мы урезать на 14 млн. выпуск банкнот, допустив выпуск новых банкнот только на 6 млн. вместо 20, выпущенных в феврале. Это операция, конечно, тяжелая. В апреле мы повысили и дали разрешение на 14 млн., что представляет на мой взгляд и на взгляд НКФ некоторую опасность. Дело в том, что когда мы приступили к денежной реформе, никто не мог определить, какая доля выпущенных нами червонцев обслуживает оборот и какая доля спрятана, следовательно, какое поле открыто еще для выпуска новых банкнот без риска обесценить червонец. Ведь, нельзя подсчитать тех банкнот, которые находятся в кубышках и чулках, чтобы установить, сколько же можно выпустить их еще, не вызывая их падения. Но теперь оказывается, что порядочная доля червонцев находилась вне оборота, теперь их выбрасывают на рынок и червонец испытывает при этом некоторое дизажио, ценится дешевле сравнительно с казначейским знаком. Можем ли мы при этих условиях увеличивать выпуск червонцев, разрешить Гос. банку выпускать по 20—25 млн. червонцев в месяц? Мы не можем этого сделать, если не хотим сорвать денежной реформы. Но нам возражают: позвольте, вы сокращаете кредитование промышленности. Происходит ли, действительно, сокращение кредитования промышленности? Мы это отрицаем. Общая сумма на кредитование промышленности не сокращается. Она повышается, может-быть, слишком медленно, медленнее, чем этого требуют интересы промышленности, но повышается.

Но вот в чем беда. Беда в том, что громадное количество оборотных средств Госбанка увязло в крупнейших хозяйствен-

ных организациях, и в силу этого Госбанк лишается возможности гибко оперировать этими средствами. Это уменьшает возможность Госбанка оперировать в других отраслях и создает такое впечатление, как если бы мы сокращали кредитование промышленности. Но на самом деле это вызывается совсем не тем, что мы сокращаем отпуск новых кредитов, а политикой Госбанка, который увязил деньги в крупной государственной промышленности. Во всяком случае, продолжение политики сокращения выпуска банкнот совершенно необходимо. Может-быть, в апреле мы выпустим не 14 млн., а на несколько миллионов больше, но общая линия сокращения абсолютно необходима, особенно если принять во внимание наличие червонца, который ранее был вне оборота и который теперь появился. Таким образом, первым барьером, первым врагом нашей денежной реформы является государственный дефицит. Возможности наши здесь не очень велики. Мы должны будем и дальше итти по пути сокращения расходов, должны будем выдерживать характер и не поддаваться требованиям усиливать выпуск денег. Мы должны здесь держаться до конца. Я приведу вам в дальнейшем справку, как оценивают денежную реформу экономисты, правда, не нашего лагеря, но такие, с деловыми соображениями которых нам полезно посчитаться. Что они говорят? Они говорят, что мы поскользнемся именно на государственном дефиците.

Провести денежную реформу без самого жесткого сжатия и без того, чтобы кто-нибудь не треснул, не лопнул, не запищал, невозможно. Это надо знать и помнить.

Это — первый барьер. Мы его еще не перескочили, мы только пробуем его перескочить, но, несомненно, перескочим.

Стабилизация цен достигнута, но борьба с дороговизной еще не закончена.

Второй барьер — это отношение нэпа к денежной реформе и дороговизне. Для нэпа денежная реформа теоретически, как и для всех групп и классов в стране, конечно, желательна, но это только теоретически. Конкретно же прекращение выпуска совзнака и прекращение спекуляции на совзнаке для групп, которые держат в своих руках частный капитал, означает, конечно, внушительный удар по спекулятивному капиталу. Нэпман неизбежно встречает эту реформу и рассматривает ее как удар по спекуляции, которой эти слои жили уже в продолжение 10—12 лет. Поэтому Нэпман срывает эту реформу через дороговизну товаров, через манипуляции частного капитала, через затоваривание. Частный капитал говорит: вы хотите установить твердую валюту, а я утверждаю, что это не выйдет, поэтому я закуплю товар, буду держать его у себя и выпущу его тогда, когда ваша твердая валюта полетит и начнут

повышаться цены. Такова политика частного капитала. Поэтому снижение цен и регулировка цен, овладение нами рынком является той задачей, без которой денежная реформа невозможна.

Я не буду подробно говорить о тех мерах, которые мы приняли для снижения цен. Вы их знаете, я на них останавливаться не буду. Каких же результатов мы добились? Если оценивать их спокойно, то, вероятно, следует сказать так: мы добились в общем и целом стабилизации тех цен, которые определяют уровень жизни в городах. Во всяком случае, повышения цен нет. Вот передо мной табличка, показывающая возрастание цен за декаду. Как и следует ожидать, так как здесь приведено четыре индекса, то все эти четыре индекса различны. Так уж у нас повелось. Всероссийский общетоварный индекс говорит, что за 10 дней, 11 марта, цены снизились на 3%. Всероссийский конъюнктурный институт говорит, что цены повысились на $2^1/_2$%. Московский конъюнктурный институт считает, что цены повысились на 2% и, наконец, московский бюджетный индекс статистики труда, — что цены не повысились и не понизились. Как и следовало ожидать, каждый индекс говорит различно, один говорит — повысились цены немножко, другой, наоборот — цены понизились, а третий показывает, что не понизились и не повысились.

Я думаю, правильно будет сказать, что все меры, принятые нами в отношении тех товаров, которых мы являлись хозяевами, дали снижение; в области других товаров, хозяевами которых мы не были, произошло повышение, но в общем и целом мы добились стабилизации цен. Это уже большое достижение. Это для проведения денежной реформы имеет громадное, пожалуй, решающее значение. Мы должны во что бы то ни стало удержать эту стабилизацию и вести политику на дальнейшее снижение цен.

Но вы знаете, что для проведения этой стабилизации цен понадобилось применить некоторые методы, которые вообще не предусматривались в нашей политике. Опять появились на сцену уполномоченные СТО. Опять начали мы присматриваться к кооперации, при чем, когда мы стали действительно к ней присматриваться, оказалось, что она, как орудие для выполнения нашей задачи снижения цен (чего следовало, впрочем, ожидать), очень и очень слаба, что кооперация еще очень и очень мало приспособлена к действительной борьбе с частным капиталом. Наконец, мы должны были остановиться на комиссии по внутренней торговле и опять-таки убедились, что это орудие государства в области борьбы с частным капиталом тоже оказалось слабым. Уже решено расширить права этой комиссии и вопрос о превращении ее из комиссии СТО в наркомат с правами более директорпальными, чем те, которые были у этого органа до сих пор.

Я останавливался на всех этих вопросах для того, чтобы указать вам, что задача овладения рынком оказалась нам еще не

под силу. Если мы и добились стабилизации цен, то, с другой стороны, мы можем констатировать целый ряд явлений, которые чрезвычайно опасны. Усиление частного капитала за этот последний период несомненно. Неприспособленность кооперации и специального административного аппарата, в виде Комвнуторга, к решительной борьбе с этим частным капиталом, тоже выяснилась в достаточной мере.

При этих условиях борьба с дороговизной — это еще такая задача, к решению которой мы только-что приступаем, а между тем совершенно ясно, что если мы этой задачи не разрешим и если здесь частный капитал нас победит, мы не разрешим и основной проблемы — денежной реформы. Если у нас цены на внутреннем рынке будут расти, а рост цен потребует увеличения заработной платы и т. д., то, конечно, денежная реформа этого не выдержит.

Препятствия на пути к овладению рынком.

Следовательно, и здесь мы ясно видим врагов: политику частного капитала и непригодность тех орудий (кооперация, Комвнуторг), которые есть. Т. Квиринг говорит, что уполномоченный был скверный. Это верно. Это, конечно, беда. Но и кооперация тоже скверная, и это гораздо бо́льшая беда. Этого недостатка не устранить так быстро, как можно устранить уполномоченного, который оказался негодным в том или другом районе. Тут нужна работа длительная. Но если мы выпустим из своих рук стабилизацию цен, которой мы уже добились, то тут будут очень большие поражения.

Вам ясно также и то, что снижение цен приходилось проводить на деле не в атмосфере сочувствия со стороны тех товарищей, которые стоят непосредственно у торгового дела, а при сопротивлении их. Многие товарищи говорили: как это ради какой-то жатвы, которую мы когда-то соберем и перед которой мы, конечно, все расшаркиваемся и т. д., зачем заставлять нас сейчас приносить жертвы, снижая цены, а следовательно и торговые прибыли. Для того, чтобы эту политику провести, пришлось бороться с целым рядом предрассудков. Наверное, и здесь мы услышим голоса против снижения цен.

Но политика снижения цен не может быть политикой административной, и уж ни в коем случае не может быть только административной политикой. Мы не можем, просто посовещавшись, приказывать: продавайте по такой-то цене. Это время прошло. Возможность снижения цен реальна тогда, когда у государства есть реальная масса товаров, которой мы можем маневрировать. Первый вопрос, который стоял перед нами в связи с необходимостью снижения цен, это вопрос, имеем ли мы те массы товаров, при помощи которых мы могли бы понизить цены. Этот вопрос оказался

благополучно разрешимым, при чем в середине августа мы все-таки продадим и вывезем 175 млн. пудов хлеба. Нужно считать, что для второго года экспорта это далеко не плохо.

Хлебный экспорт и активный баланс.

Еще один вопрос встал перед нами в связи с дороговизной, еще один неожиданный эффект денежной реформы. Мы все — кроме очень немногих — считаем, что активный баланс — необходимое условие денежной реформы. Если бы мы имели пассивный баланс, т.-е. покупали бы заграничную валюту для расплаты, то покупательная способность нашего червонца падала бы и никакую денежную реформу при пассивном балансе провести не было бы возможно. Нас спасает то, что мы этот активный баланс отстояли. Вам известно, что наш импортно-экспортный план был составлен таким образом, что мы вывозим на 437 млн., а ввозим на 300 млн. Если считать, что кроме этих платежей за товары мы должны платить заграницу по расходам Наркоминдела и т. п., то нужно считать вместо 300 млн.— 320 млн. Таким образом, мы платили 320, а получали 437 млн., в общем балансе в нашу пользу оставалось немного больше 100 млн. Допуская некоторое снижение вывоза, о котором так кричат сейчас заграничные газеты, приходим к тому, что из этих 100 млн. мы получаем только 60 млн. И это обозначает, что мы покупать за границей иностранной валюты не должны, что мы сохраняем активный баланс.

При этих условиях можно было итти свободно на некоторое сокращение экспорта и можно, может-быть, даже пойти на некоторый ввоз из-за границы тех предметов, понизить цены на которые на внутреннем рынке России мы сейчас не можем, не ввезя их из-за границы. Этот вопрос еще не решен, но его нужно поставить. Например, мясной рынок, который является одним из важных элементов в товарном наборе, который определяет заработную плату,— этот мясной рынок сейчас совершенно дезорганизован: цены растут, а мяса в руках государства нет. Вот хлеб у нас был, и мы сбили цены; мы сумели сбить цены на ситец, на соль и т. д. А мяса у нас нет, и орудовать здесь мы не можем. Мы можем сбить мясные цены только в том случае, если у нас в руках окажется определенный запас мяса. Где мы можем его взять? Обследование внутреннего и заграничного рынка показало, что взять его мы можем легче за границей. Кроме того, если рассмотреть бюджетный набор, определяющий зарплату, то оказывается, что хлеб, который находится сейчас в наших руках, не играет доминирующей роли в зарплате, а наоборот, хлеб, плюс мясо, плюс жиры определяют таковую в достаточной мере. Так что если мы имеем сейчас в руках хлеб и будем иметь, хотя бы из-за границы, мясо (в виде исключения), то мы будем хозяевами на рынке и сможем удержать стабилизацию цен.

Стабилизация зарплаты.

Я остановлюсь теперь на третьем барьере. Вы знаете, тт., что задача здесь заключалась в том, чтобы перевести заработную плату на новые рельсы, сохранив, с одной стороны, реальную заработную плату, и с другой стороны (что также очень важно),— не сорвавшись на повышении заработной платы в момент денежной реформы. Если с точки зрения политической невозможно и недопустимо общее снижение заработной платы, то с точки зрения экономической, с точки зрения проведения денежной реформы абсолютно недопустимо именно в этот момент какое бы то ни было систематическое повышение ее. Я, конечно, не говорю об отдельных отраслях, которые отстали и где зарплату нужно будет подтянуть, но систематическое повышение совершенно невозможно именно в данный момент. Вот продефилировать между этой Сциллой и Харибдой — вещь очень трудная.

Март, на мой взгляд, мы прошли превосходно. В общем и целом можно сказать, что при принятой нами системе паритета и надбавок на 20% мы вышли благополучно. Рабочий класс оказал доверие денежной реформе.

Сможем ли мы так же держаться в дальнейшем? Задача состоит в том, чтобы перевести на твердое исчисление коллективные договоры на ближайшие месяцы. Решение, которое принято по этому поводу, гласит: мы исходим из мартовского номинала, который получился путем приравнения товарного рубля к 1 руб. 50 коп. в твердой валюте и с надбавкой 20% на дороговизну.

Это означает, что мы хотим на апрель, май и июнь удержать реальную зарплату марта месяца. Основа для этого есть — это стабилизация цен.

Мы не допускаем сейчас надбавки на дороговизну, потому что, приняв ее, мы тем самым показали бы, что в денежную реформу не верим сами. Какая же это твердая золотая валюта, которая требует надбавки на протяжении 3 месяцев? Но мы должны сказать себе, что эта политика оправдается только в том случае, если мы будем хозяевами на рынке и если те продукты, которые определяют жизненный уровень рабочего класса, не будут подниматься в цене.

Вот почему борьба за наше хозяйское положение на рынке связана с зарплатой. Если мы сорвемся, зарплату придется повышать, а это будет означать удар по денежной реформе, от которого уже трудно будет оправиться.

Как используются эмиссионные возможности.

Вот три барьера, которые мы еще не перескочили, перескочить которые мы еще собираемся. Мы — на полдороге. И здесь сейчас самое главное — не потерять духа. Если мы испугаемся

трудностей и тяжестей, которые перед нами стоят, все будет потеряно. Оснований для такого испуга нет никаких. Мы можем и должны закончить денежную реформу в продолжение 5 — 6 недель, если не «потеряем сердца» и если мы не сдадим ни в области борьбы с дефицитом, ни в области борьбы за господствующее положение на рынке.

Что же мы до сих пор сделали? Как мы вводили новые деньги? Вот несколько цифр. Выпущено новых денег на 1 апреля 51 млн. казначейскими знаками, 11 млн. серебром, 3 млн. бонами, которые заменяют медь. Всего на 1 апреля выпустили новых знаков 65 млн. руб. В апреле мы собираемся выпустить 9 млн. серебром, 36 млн. казначейскими знаками, значит еще 45 млн. руб. На 1 мая, таким образом, будет 110 млн. руб. серебром и казначейскими знаками. На 1 мая же будет при том ограниченном выпуске банкнот, о которых я говорил, на 305 млн. руб. банкнот в обращении. Таким образом, на 1 мая мы будем иметь 415 млн. руб. в обращении червонцами, казначейскими знаками и серебром. Вспомните теперь, что, как я уже сказал, можно удержать цепность элементов денежного обращения, если до осени мы не превысим 450 млн., 415 млн. мы будем иметь уже на 1 мая. Допустим, что мы слишком осторожны, что к новому урожаю страна может принять не 450, а 500 млн. Значит, тогда нам остается, как резерв на май, июнь, июль, август, сентябрь и октябрь, 80 млн.,— и для покрытия всех дефицитов, и для выкупа совзнаков, которые надо выкупить, и для кредитования промышленности. Вы видите, что возможности ограничены. Но вместе с тем вы видите, что здесь нет ничего ужасающего.

Разменный кризис.

Тот кризис, который мы имеем,— кризис разменный, он заключается в том, что мы, действительно, поздно взявшись за подготовку денежной реформы, не соблюли соотношения между крупными купюрами — червонцами и количеством разменных денег. Как общее правило, мы приняли так: мелкая деньга выпускается с таким расчетом, что она составляет половину того количества червонцев, которые есть в стране. Следовательно, одна треть всего обращения должна быть в разменных знаках. У нас сейчас этой трети нет. И даже к 1 мая, когда у нас будет 305 млн. банкнотами и 110 казначейскими знаками, то казначейские знаки будут составлять всего 25% всей денежной массы, а, по нашему мнению, надо иметь 33%. До войны разменные деньги составляли по отношению к крупным купюрам 40%. Нам же хватило бы 33%. Но мы к 1 мая будем иметь только 25%. Здесь мы сталкиваемся с финансовой проблемой, не с проблемой экономической политики, а с техникой. Техника нас подвела, вернее, мы сами себя подвели в области техники. Мы поздно начали подготовляться, мало заготовили

разменных денег, мало заготовили серебра и теперь переживаем странную ситуацию.

Когда мы начали денежную реформу, какая опасность перед нами была? Мы сказали: червонец равняется 10 руб. Если у тебя есть 10 руб. в виде казначейских знаков, ты можешь притти в Госбанк и получишь червонец. Опасность была бы, если бы эти рубли начали падать, превращаться в совзнаки. Если бы я пришел в Госбанк, имея 10 руб. казначейскими знаками, и сказал бы — дайте мне червонец, а Шейнман ответил бы — не хочу, дай 11 руб.; если бы сегодня надо было бы дать 11 руб., завтра 12 руб., послезавтра — 13 руб. и т. д., это означало бы падение новых денег, это было бы сигналом неудачи реформы. Но сейчас мы наблюдаем обратное явление, теперь за червонец предлагают 9 руб. или даже 7 руб. 50 коп. Конечно, это очень скверная вещь. Она задерживает торговый оборот в то время, когда его нужно развивать, создает нервное настроение в торговле. Но это недостаток техники, который необходимо исправить, но который экономическую сущность реформы не задевает. Основной вопрос, который перед нами стоит — удержится ли это равновесие, будет ли червонец действительно равен десяти рублям. В этой области никаких опасностей или предвестников опасностей мы не имеем. А поскольку мы можем сказать, что червонец, который стоил 10 руб. в феврале и марте, будет стоить 10 руб. также и в мае, июне, июле и т. д., постольку мы имеем твердые деньги.

В ЧЕРВОНЦЕ МЫ ИМЕЕМ МИРОВЫЕ ДЕНЬГИ.

Теперь необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство: червонец имеет золотой паритет с долларом. Казначейский знак, эта бумажка, подписанная Сокольниковым, действительно представляет одну десятую часть червонца, а червонец имеет золотой паритет с долларом. Вы можете купить теперь на наш рубль золото. Вы можете купить на него международные деньги. Это и значит, что мы имеем твердые деньги. Если вы имеете 10 руб., вы можете пойти в Госбанк, попросить червонец, потом пойти на биржу, купить за червонец 5 долларов, а на эти доллары купить настоящее золото и положить его в карман, или поехать за границу и на эти деньги купить семена, машины, орудия и т. д. Имея наши казначейские знаки, мы можем покупать на мировом рынке ценности по той цене, которая обозначена на бумажке. Вы имеете мировые деньги. Конечно, мне незачем объяснять вам, какое громаднейшее значение имеет этот факт и что при этом становятся невозможными такие явления, факты, которые мы еще недавно наблюдали. Господа концессионеры «Лены» (доклад об этой концессии будет заслушан вами

сегодня) говорят, что расплата между нами и ими должна производиться долларами. Они позволяют себе говорить, что, живя у нас, они будут расплачиваться долларами. Если то, что есть сегодня, а именно — золотой паритет между долларом и казначейским знаком — удержится, то подобные разговоры станут невозможными. Нечего и говорить о том, что и заграничные займы будут гораздо более достижимы, если этот паритет утвердится. Пока никакой опасности нет и нет признаков, которые указывали бы, что эта опасность приближается. Я говорю это не для того, чтобы успокаивать вас. Я повторяю, что мы добились сейчас золотого паритета, добились твердой валюты, но все эти завоевания держатся на сильнейшем зажиме дефицита, на том сильнейшем снижении цен, и на том доверии и кредите, который оказывает нам рабочий класс в вопросе о заработной плате. Вот три основы успеха денежной реформы. Эти три основы мы можем удержать, но можем и потерять, если начнем выпускать больше денег, чем должно, или если цены на товары начнут лезть вверх, и мы не сможем экономически регулировать рынок. Если эти три вещи из рук выпустишь — весь паритет полетит.

Как идет заготовка денег.

Каковы же перспективы? Нам понадобится гораздо больше денег осенью, к моменту реализации хлеба. Нам надо готовить деньги к осеннему сезону. Меры мы принимаем. Нами приняты все меры для того, чтобы прекратить технические недоразумения, и таким образом мы сможем накопить запас, который нам необходим будет к осени. К первому мая в обращении будет уже 110 млн. руб. новыми деньгами, из них на 20 млн. серебра. К 1 января 1925 г. у нас будет уже 100 млн. руб. серебром. Сейчас дело идет так: все, что выходит из станка, рассылается моментально. Вопрос, значит, не в том, что страна не принимает денег, которые мы ей даем; наоборот, она хочет денег, только давайте, пожалуйста, но есть техническая задержка.

Надежды врагов не оправдаются.

Я хочу теперь привести пару справок относительно того, как относится к нашей реформе наш враг. К этому стоит прислушаться. Передо мной несколько вырезок, с которыми полезно будет познакомиться. Полезно узнать, что враги считают слабыми пунктами нашей реформы, чтобы знать, на что нам нужно обратить внимание. Вот первый отклик на денежную реформу в «Руле». По-моему, это один из самых солидных врагов, не то что серьезных, а солидных. Статья говорит, что Советская власть сама осторожно подходит к денежной реформе, что есть сомне-

ния в ее исходе. «Нужно ли говорить, что действительность превратит эти сомнения в беспощадные разрушительные удары по бесспорно последнему эксперименту». Это сказано 6 марта, статья называется «Последний эксперимент». Что это «эксперимент» чрезвычайно важный, это верно. Если он не удастся, он может причинить нам и экономические, и политические, и международные хлопоты чрезвычайно большие. Что он «последний», это, конечно, неверно. 8 марта Изгоев в том же «Руле» пишет: «Удастся ли коммунистам осуществить свой план, в настоящее время — добросовестность не позволяет дать определенный положительный или отрицательный ответ. Очень многое будет зависеть и от случайностей, которые нередко благоприятствовали коммунистам». Итак, 6 марта говорится, что вся реформа пустяки и потерпит неизбежно крах, и т. д., а 8 марта Изгоев пишет, что добросовестность мешает ему сказать, что это так уж безнадежно, вспоминая, что «кое в чем» мы имели успех. На что же он надеется, где, по его мнению, мы можем поскользнуться? Первое, «немедленно после выпуска разменной серебряной и медной монеты население бросится припрятывать ее и изымет из оборота. Тут один из самых слабых пунктов реформы». Второе: «величина дефицита и обусловленный им размер выпуска червонцев, казначейских билетов и разменной монеты. А между тем в величине дефицита и обусловленного им размера выпуска червонцев, казначейских билетов и разменной монеты и заключается второй, главнейший подводный камень, на который может наткнуться денежная реформа». Тут он прав. Что касается первой опасности — припрятывания серебра, то мы уже теперь видим, что это не опасная вещь. Второе — дефицит. Вы видите, какие меры мы здесь принимаем. Враг видит опасность, мы тоже видим ее и принимаем соответствующие меры. 13 марта Изгоев пишет новую статью, и в ней говорит: «Ага, сорвалось, теперь я добросовестно могу сказать — не выйдет». Почему? Потому, — говорит он, — что они не могут выпустить медяков, а выпустили боны, следовательно, серебра и меди у них мало, а боны — это тот же совзнак. Значит, ничего не выйдет. «Побеждало, очевидно, мнение, — пишет Изгоев, — что население может снять с рынка и припрятать разменную монету. Серебряные рубли, очевидно, просто предполагается задержать в складах, а вместо разменного серебра выпустить боны». Таким образом, враги рассчитывали, что мы сделаем глупость: обещали серебро, а на самом деле его не дадим, дадим боны и, конечно, на этом будем разоблачены, боны же потеряют свое значение. Мы, конечно, не так глупы. Изгоев продолжает: «Вырисовывающиеся перспективы дефицита, намного превышающие предельные сто миллионов за вторую половину года, превратили в при-

зрак всю денежную реформу». Очень торопится г. Изгоев. Враг рассчитывает, что мы сорвемся на дефиците и что мы серебра населению не дадим. Из цифр, которые я приводил, вы видите, что серебро мы даем и будем давать реально. Мы определили выпуск серебра до 1 января в 100 млн. руб., этого совершенно достаточно, чтобы предотвратить припрятывание. Они могут быть изготовлены не так быстро, как мы бы хотели этого, есть технический промах, но все же нет никаких оснований думать, что здесь нам грозит какая-нибудь реальная опасность. Следующее заявление 18 марта уже не Изгоева. «Центр тяжести вопроса в овладении аппаратом цен на рынке. Если это овладение не удастся, если рост цен будет продолжаться, то, конечно, казначейским билетам может угрожать участь ныне упраздненного совзнака».

Мы с врагом видим одинаково. Можно было бы думать, что они откроют такую опасность в денежной реформе, которой мы и не предвидели. Этого нет. Они видят то же, что и мы. И лекарство против всех указанных врагом опасностей у нас есть.

Я хотел, наконец, привести оценку Милюкова, который длинную передовицу, посвященную реформе, заканчивает словами: «Реформа задумана далеко не глупо, но на практике она приведет к поражению». Я тоже думаю, что реформа задумана «очень не глупо» и что началась она — судя по объективным фактам, — так, что дает возможность рассчитывать на благоприятное ее завершение. Мы прыгнули, не могли не прыгнуть, направление выбрали правильное и станем, несомненно, на ноги. Надо только не испугаться того, что придется сжимать дефицит, сильно нажимать на цены, требовать у рабочих доверия в вопросе о зарплате. Если все это будет сделано, мы достигнем вполне положительных результатов. Если мы получим через полтора месяца твердую валюту, при золотом паритете за границей, если не придется от этого отказаться в июне и июле под влиянием каких-нибудь громадных дефицитов, то мы завоюем такую позицию, которую будет очень трудно отнять у нас, которая в дальнейшем нам даст возможность двигаться вперед гораздо быстрее, чем до сих пор.

Общее положение дела в данный момент.

(Дополнительные разъяснения по вопросам членов ЦК.)

Товарищ спрашивает, как, т.-е. в какой форме, выпускались новые деньги. Часть этих денег мы выпускали для покрытия дефицита, имея право выпускать их для этой цели на 15 млн. в месяц, а другую часть для обмена. Из 65 млн. 30 — пошло на покрытие дефицита, а 35 — на выкуп платежных обязательств, совзнаков и червонцев. Червонцы, которые мы выкупали, складываются в НКФ и не выпускаются в обращение. Это делается

для того, чтобы понизить количество червонцев, которое имеется в стране.

Что касается общей суммы денег, то я не привел в своем докладе нескольких цифр, которые чрезвычайно характерны. Вот они. На 1 февраля мы имели 311 млн., на 25 марта, т.-е. 5 дней тому назад 390 млн., следовательно, за 2 месяца, февраль и март, общая сумма денег в стране возросла на 80 млн. руб. Главное увеличение приходится на февраль, когда мы выпускали еще совзнаки и платежные обязательства, и за этот февраль мы подняли общую сумму денег с 310 млн. до 360 млн. Это только те деньги, которые реально выпущены из Гос. банка и Госказначейства. То, что находится в их запасах, в этот подсчет не входит. Хотя мы и кричим, что денег мало, но на самом деле мы имеем 390 млн. В эту сумму входят и 15 млн. совзнаками. Когда мы объявили о выкупе совзнаков, мы приготовили соответствующую сумму для выкупа, чтобы каждый, кто принесет совзнаки, получил в обмен новые деньги. Но оказывается, что за весь этот месяц, с тех пор как мы объявили о выкупе, нам принесли не 15 млн., а всего на 1 млн. совзнаков. 14 млн. остались в стране, в обращении и в виду недостатка разменных знаков обращаются по твердому курсу, имеют даже лаж, так что совзнак помирает, как кто-то выразился, со славой.

ПОСЛЕ ДИСКУССИИ

НАШЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ. *

Без Ильича.

Через несколько дней ЦК нашей партии придется держать ответ перед партийным съездом. Ответ этот мы будем держать в условиях очень трудных. Не только партия, не только пролетариат нашего Союза, но и международный пролетариат имеет право через посредство нашего съезда спросить ЦК, как продолжал он ту работу, которая выпала на его долю после невозвратной и незабываемой утраты, понесенной нами 21 января этого года. Впервые ЦК предстанет перед партийным съездом не покрытый авторитетом Владимира Ильича и должен будет за все свои действия отвечать сам, не имея возможности сослаться на имя, авторитет которого для всех нас был авторитетом высшим и непререкаемым.

После дискуссии.

Независимо от этого, ЦК придется держать ответ перед партийным съездом в такой момент, когда вся партия помнит еще — и не смеет и не должна забыть — тех обвинений, которые были выдвинуты против ЦК всего только несколько месяцев тому назад. Быть может, впервые с того времени, что наша партия пришла к власти, против руководящего учреждения партии были выдвинуты столь серьезные обвинения, как те, с которыми нам пришлось столкнуться несколько месяцев тому назад во время партийной дискуссии. Теперь для всех нас совершенно ясно, что дискуссия эта не была случайным эпизодом, и что партия не может позволить себе сказать: дискуссия была, и чем скорее мы о ней забудем, тем будет лучше. Все мы, конечно, единодушно скажем: чем меньше шансов на повторение подобной дискуссии, тем лучше, но если уже партии суждено было пройти через эту полосу, то она должна извлечь из этого опыта все те уроки,

* Отчет ЦК на XII Московской Губернской Партийной Конференции 14 мая 1924 г.

которые предохранят партию на будущее время от повторения ошибок, научат ее итти более твердо по намеченному ею пути. Дискуссия была особенно важна потому, что в ней приняли участие самые широкие массы членов партии, что во время этой дискуссии партия в целом оглянулась на пройденный путь, попыталась проанализировать правильность занятых ею позиций и через свою конференцию наметила твердые пути своего дальнейшего развития. Было бы безумной растратой партийных сил, если бы теперь, через несколько месяцев после этой дискуссии, мы на партийном съезде и на наших губконференциях не попытались совершенно хладнокровно, без полемического задора, без страстности, которая была естественной во время борьбы, взвесить все то, что произошло, проверить итоги нашей дискуссии на практических, фактических данных последних месяцев. В своем обзоре деятельности ЦК за последнее время я попытаюсь сопоставить те итоги, к которым мы пришли, то состояние партии и страны, которые мы имеем к партийному съезду, с теми предсказаниями и соображениями, которые высказывались в момент, когда партия обсуждала всю сумму вопросов как нашей общей политики, так и нашего внутреннего партийного устройства.

Внешняя политика — чувствительный барометр.

Прежде всего, основная проверка политики нашей партии всегда производилась и, вероятно, долго еще будет производиться в области внешней политики. Вы знаете, что материально и в смысле финансов государство, возглавляемое нами, слабее того капиталистического окружения, в котором нам приходится жить. Мы не закрываем глаза также и на то, что страна, управляемая коммунистической партией, является объектом ненависти со стороны всех окружающих ее капиталистических держав. Мы знаем также и то, что гг. капиталисты с удовольствием уничтожили бы нашу первую пролетарскую республику, что сам факт нашего существования представляет собой такой революционизирующий фактор, которого никогда еще не было в мире. Это знаем и мы, это знают и наши противники, и если они, превосходя нас силой, ненавидя нас до глубины души, искренно желая быстрейшей гибели нашего советского государства, если они не могут, однако, осуществить всего этого на деле, то не малая доля принадлежит здесь тому искусству маневрирования в области внешней политики, которому учил нас Владимир Ильич и которое мы должны применять в наших отношениях с капиталистическим миром. Вы знаете, что в последние годы мы должны были построить свою внешнюю политику в соответствии с затяжкой исторического процесса победы пролетарской революции на Западе. В этих условиях вести внешнюю политику, конечно, гораздо

сложнее. Это требует расчетливости и хладнокровия. Победоносная быстрая пролетарская революция, хотя бы в некоторых соседних с нами странах, конечно, покрыла бы наши ошибки, недочеты, она подхватила бы нашу страну, помчала бы ее на волнах растущего пролетарского прибоя и вынесла бы наш корабль. Если же подобного прибоя пролетарского революционного движения в тот или иной исторический момент нет, если силы пролетарского движения накапливаются более медленно, чем мы хотели бы и чем мы ожидали еще несколько лет тому назад, то каждая наша ошибка, каждый неверный шаг, каждый просчет может стать для нас гибельным. Вот почему в той обстановке, в которой мы живем, в обстановке задержки пролетарской мировой революции область внешней политики является особенно чувствительным барометром, показывающим наши ошибки и наши недочеты.

Капитализм смертельно болен.

Мы, однако, полагаем, что в общем и целом внешняя политика ЦК вполне оправдана фактами и что здесь мы не совершили сколько-нибудь заметных промахов. Как писал уже Владимир Ильич в своих последних статьях, как мы сами нащупывали на практике, этот темп мы переоценили в смысле быстроты, но мы не ошиблись в основном. Ошибка в оценке темпа развития свойственна революционерам и даже пролетарским революционерам. Мы знаем такого типа ошибки и у Маркса, и у Энгельса, и у Бебеля. Гарантия правильной тактики заключается не в том, чтобы безошибочно определить час и момент прихода мировой пролетарской революции, а в том, чтобы дать правильный общий диагноз, правильную общую характеристику развивающихся событий. И тогда некоторая задержка в ходе развития пролетарской революции не собьет нас с правильного пути, и тогда мы вместе с вами будем вполне подготовленными к каждому изгибу исторического пути международного пролетариата. Что же касается нашей способности перестраиваться и, оставаясь тем отрядом международной революции, который в данный момент занят черновой работой по устройству данной страны, данного участка международного фронта, моментально, в течение 24 часов, перевооружиться, чтобы немедленно направить все свои силы на тот участок фронта, где должен произойти решающий бой, — то эту способность наша партия доказала целиком. Мы оказались достаточно гибкими и приспособленными, чтобы не впасть в уныние в тот момент, когда наши расчеты на ноябрьский взрыв пролетарской революции в Германии не оправдались. Общая характеристика положения ничем не опровергнута. Она гласит, что капитализм смертельно болен и что для него средств, возможности вылечиться не существует.

Фашизм.

Вместе с тем, мы с вами наблюдаем и, вероятно, будем наблюдать еще некоторое время, как к этому смертельно и безнадежно больному строю применяются буржуазными знахарями, политиками и экономистами, разные методы спасения, разные способы искусственного поддержания его жизни. Одним из таких искусственных способов влить живую кровь в дряхлеющие сосуды капитализма, поддержать искусственно его дыхание, является фашизм, который во всех странах делает явные успехи. Для нас сущность фашизма совершенно ясна, и мы можем совершенно спокойно смотреть, как этот фашизм применяется для безнадежного дела спасения капиталистического строя. Наоборот, несмотря на все те насилия, на весь тот изменнический характер, которым отличается фашизм, на все те страдания, которые он несет трудящимся массам всюду, где он побеждает, мы видим, что при посредстве самого фашизма делается наше собственное пролетарское дело. Почему? Потому, что фашизм является величайшим свидетельством краха тех способов управления, которые капиталистические государства применяли в течение десятков лет и которые до сих пор были действительными. Эти способы управления основаны на том, чтобы прикрывать самую сущность капиталистической эксплуатации демократическими свободами и под этими ширмами демократии, народовластия, всеобщего голосования, буржуазных и парламентских свобод делать свое дело выжимания пота из рабочих масс. Фашизм помогает росту классового самосознания рабочего класса тем, что разоблачает до конца сущность капиталистического строя, показывая всем трудящимся подлинную природу ничем не прикрытой буржуазной диктатуры. Это главное средство, которым буржуазия лечит капиталистический строй, которым она хочет спастись. Мы с вами знаем, что это средство ядовито для нее самой, что, применяя это средство и тем самым причиняя рабочему классу неисчислимые страдания в данный момент, буржуазия тем самым подкладывает динамит под самую основу своего существования.

II Интернационал у власти. Банкротство II Интернационала.

В то же время, буржуазия бросается в другую крайность, к другой противоположной тактике, опять-таки в поисках спасения. Если вы взглянете на самые крупные капиталистические страны — Англию, Францию, отчасти Германию, то вы увидите, что у буржуазии, кроме голого фашизма, есть в запасе и другой способ, применяемый ею для того, чтобы удержаться в седле, из которого ее выбивает революционный пролетариат. Этот

способ — привлечение к власти II Интернационала и управление рабочим классом не непосредственно руками буржуазии, а через партии II Интернационала. Ибо что мы видим сейчас в Англии, которую можно противопоставить Италии? В Италии голая диктатура фашизма, явная, ничем неприкрытая диктатура, а в Англии как-будто бы сохранение всех парламентских демократических свобод, а во главе правительства — вождь II Интернационала, который существует, как правительство, только милостью буржуазии, ибо он не имеет в своих руках никакой конкретной власти, ибо он не имеет даже большинства в парламенте. Он держится у власти только постольку, поскольку буржуазия решила, что для данного момента это ей выгодно. Это один из последних методов, к которым прибегает буржуазия, мятущаяся между двумя крайностями — ничем неприкрытой диктатурой фашизма и, как будто бы, самой либеральной системой управления, осуществляемой уже не непосредственно руками буржуазии, а руками партий II Интернационала. В этих условиях нам и приходится вести нашу международную политику. Мы, конечно, не ставим ставки на ту или другую систему, при помощи которой буржуазия пытается спасти свое положение. Наоборот, наша международная политика заключается и основывается на том, чтобы использовать любую ситуацию, в которую попадает капиталистический строй, и все противоречия, которые существуют между капиталистическими странами, для того, чтобы укрепить нашу внутреннюю и внешнюю мощь.

Ведь, действительно, если вы взгляните сейчас на общую картину мира, то вы увидите, что на самом деле у власти находятся сейчас оба Интернационала. В нашем Союзе у власти стоит III Интернационал и на практике — перед лицом миллионов, перед лицом всего человечества — показывает, как он способен управлять, как он строит государство, как он проводит свою политику. В то же время в самой богатой стране, в Англии, у власти находится правительство, целиком состоящее из представителей II Интернационала. Если вы возьмете теперь состоявшиеся недавних выборы во Франции, то увидите, что так называемый левый блок, с чьей помощью разбит на-голову национальный блок, который все время нервировал всю Европу, милитаризм и империализм которого надоели французскому населению, — этот левый блок имеет в своем составе 102-х так называемых социалистов. Ясно, что сейчас после Пуанкаре никакое правительство во Франции невозможно, если в это правительство не войдут и если это правительство не будут поддерживать так называемые социалисты. То же самое мы видим и в Германии. И там такое положение, что необходим либо государственный переворот, который поставил бы у власти фашизм или крайнюю реакционную буржуазию, либо парламентаризм, неизбежной составной частью

которого являются партии II Интернационала — социал-демократы. Англия, Франция, Германия показывают нам, что теперь перед буржуазией только два пути и остались. Или путь ничем неприкрытой диктатуры, или путь, при котором социалисты, так называемые социал-демократы, партии II Интернационала, являются неизбежной частью правительства.

Практика двух политик: III Интернационала, стоящего у власти у нас, и II Интернационала, без которого буржуазия управлять уже не в состоянии, учит и воспитывает массы. Ибо не только английские рабочие, но и рабочие любой капиталистической страны, не только рабочие Европы, но и рабочие Азии, Африки, крестьяне, колониальные рабы Индии, Китая, — все они могут и должны будут, если не сегодня, то завтра спросить: какой хоть малейший шаг делает II Интернационал, имеющий власть в богатейших, в решающих странах, для того, чтобы хотя бы на один день оттянуть возможность войн? Разве об этом не спросит любой крестьянин, разве не спросит самый отсталый рабочий, даже тот, который вчера голосовал за Макдональда, его поддерживал, который во Франции вчера голосовал не за коммунистов, а за Реноделя, Лонге и прочих социал-предателей, шедших с буржуазией, разве не спросит мелкая буржуазия, идущая за этими социал-предателями: где же осуществление той программы, с которой вы боролись против Коммунистического Интернационала? Ведь они говорят своим мелкобуржуазным массам: «Коммунисты зовут вас к победе через гражданскую войну, а мы, социалисты, обещаем вам победу без гражданских войн, без страданий, без боев, без лишений». Естественно, каждому хочется проверить: а, может-быть, действительно можно проскочить через капитализм без гражданских войн, без боев. На этом строится сейчас политика II Интернационала. И в настоящее время, когда эти люди действительно имеют власть, часть рабочего класса, которая им еще верна, ждет и смотрит; а ну, покажите же теперь, как вы без гражданской войны попытаетесь удовлетворить наши классовые требования. И точно так же, как фашизм своей диктатурой просвещает, обостряет классовое сознание, будит инстинкт революционной борьбы в революционных пролетарских массах, так буржуазия, политика которой заключается в том, чтобы управлять не своими руками, а руками социалистов II Интернационала, разоблачает каждым своим шагом эту последнюю карту капиталистического строя и ставит даже самые отсталые слои рабочего класса, мелкую разоряющуюся буржуазию и крестьянство перед необходимостью сделать выводы. Да, скажет себе рабочий, крестьянин, мелкий буржуа, я был против коммунистов, я поддержал Макдональда, я поддержал Реноделя, я поддержал Шейдемана. Зачем я это сделал? Я это сделал потому, что думал, что они дадут мне удовлетворение в моем

тяжелом положении без тех решительных битв, которые предсказывали коммунисты. Что же я получил? Мы, товарищи, знаем заранее, что в результате будет нуль. И этот нуль, это крушение надежды на мирный путь будет громадным шагом вперед в деле развития коммунистической революции.

Рост коммунистических партий.

При наличии этих противоречий рост пролетарского сознания, рост коммунистической партии является совершенно неизбежным явлением. В ноябре рабочий класс Германии должен был отступить. Партия была загнана в подполье, рабочие организации разбиты, рабочий класс был лишен свободы собраний, свободы избирательной агитации. И, несмотря на это, через несколько месяцев мы видим, как на выборах германская коммунистическая партия сразу собирает вокруг себя 4 миллиона голосов. Это свидетельствует о том, что компартия подлинно массовая партия. То же самое мы видим на последних выборах во Франции. Вместо 13 депутатов, которых французские коммунисты имели еще несколько недель тому назад, они будут иметь в новом парламенте 29 депутатов, при чем из всего старого состава коммунистической фракции в парламенте перевыбрано всего 7 товарищей, а все остальные — это новые товарищи, вошедшие в парламент впервые. Нужно сказать еще, что французская партия выставила кандидатами в депутаты исключительно рабочих, подлинно связанных с производством. Во Франции это было сделано с особой целью, ибо там, в этой мелкобуржуазной стране, традиции парламентского разврата, парламентских комбинаций очень сильны. Это старинейшие традиции, которые неизбежно разлагали целый ряд социалистических депутатов. Коминтерн поэтому обратил внимание французских коммунистов на необходимость воспользоваться этими выборами для того, чтобы двинуть в парламент подлинных рабочих от производства. Это было сделано. Может-быть, впервые за все время существования французского парламента мы имеем там твердую сплоченную группу коммунистов-рабочих, которая в отравленной атмосфере французского парламентаризма даст возможность прозвучать подлинному пролетарскому коммунистическому голосу.

Во всех странах, больших и малых, процесс роста пролетарских сознательных элементов является естественным дополнением распространения идеи, что диктатуре буржуазии может быть противопоставлена только диктатура пролетариата. Эта идея, благодаря последним событиям, хотя они и не носили характера непосредственных революционных битв, хотя они и пришлись на эпоху задержки революционного пролетарского движения, эта идея делает громадные, хотя и не видные на поверхности завое-

вания в самой толще рабочего класса не только Европы, но и всего мира.

Из вопросов, которые связаны с ростом коммунистических партий, нашему ЦК пришлось заниматься особенно вопросом о кризисе, разразившемся в германской коммунистической партии. Мы, конечно, не должны забывать, что существуют не только болезни слабости, но также и болезни роста, и что рост коммунистических партий представляет собою известные опасности. Теперь, когда мы в германском парламенте получили вместо 26-ти 62 места, перед германской коммунистической партией встают некоторые новые опасности.

Новые трудности.

Мы должны себе дать отчет и в том, что, например, победа так называемого левого блока, т.-е. более расчетливых буржуа, над национальным блоком во Франции тоже несет нам некоторые осложнения; что в связи с теми событиями, которые произошли за последнее время на почве выборов и в Германии и во Франции, намечается возможность сговора между этими государствами; что создается возможность сгладить те разногласия, которые были между Францией и Германией и которые до известной степени позволяли нам балансировать. Так что мы имеем здесь образец диалектического развития событий, с одной стороны, и победу так называемых левых буржуа над правыми буржуа во Франции — с другой. Это видимо принесет некоторую дополнительную нагрузку тов. Чичерину, ибо весьма возможно, что этот левый блок пожелает, чтобы мы с ним разговаривали как с правительством, и мы, вероятно, эти переговоры с новым французским правительством будем вести. С этой стороны та линия, которая дала уже нам признание нас Италией, признание Англией и рядом других стран, продолжается, и весьма возможно, что переговоры с новым французским правительством могут привести к таким же результатам, как переговоры с английским и итальянским правительствами. Это будет, несомненно, шаг вперед, некоторое укрепление нашего положения на международной арене; но вместе с тем та же самая победа более левых буржуа над более правыми во Франции создает опасность соглашения между Францией и Германией за наш счет. Это последнее обстоятельство заставляет нас быть очень осторожными, поскольку имеется такое двусмысленное положение, когда, с одной стороны, мы как будто укрепляемся, а с другой стороны — это укрепление усиливает ненависть представителей всех буржуазных стран.

Мы знаем это и привыкли к этому положению, а если бы у нас были какие-нибудь сомнения, то последние германские события, события, разыгравшиеся в Берлине, нам это вновь и вновь должны были бы напомнить.

Советско-германский конфликт.

Несколько слов об этих событиях, вошедших в нашу политику совершенно, так сказать, сбоку, но за последнее время, естественно, привлекших наше внимание. Картина теперь совершенно ясна. Теперь у нас нет никакого сомнения, что все это глупое и наглое нападение на наше торговое представительство в Берлине явно было делом провокационно подстроенным, что этот самый арестант, вместе с своими двумя стражниками, которые «заблудились» и стали искать в торгпредстве пивную, чтобы отдохнуть, этот арестант очень хорошо знал, что там никакого пива не продают и что это не какое-нибудь частное заведение, а именно торговое представительство нашего Союза. Ясно для нас также и то, что стражники, которые вели этого господина, называвшего себя коммунистом, тоже знали, куда их ведут; и, что важнее всего, ясно, что берлинская полиция заранее знала, куда этот так называемый или так называвшийся коммунист идет и зачем он идет. Это дело рук провокатора. В этом сомневаться не может никто, и даже германское правительство не может отрицать этого факта.

Если германское правительство действительно было уверено, что мы используем торговое представительство для того, чтобы держать там не торговые документы и не торговые книги, а склад бомб, револьверов и пулеметов, чтобы держать там не план вывоза хлеба, а план захвата Берлина из нашего торгпредства, если оно в этом было уверено, то по-человечески можно понять то, что агенты германского правительства послали туда провокатора, за провокатором полицию, за полицией явились сами и стали искать там скрывавшегося провокатора в ящиках письменного стола. Но беда их в том, что они там решительно ничего не нашли — ни оружия, ни плана вооруженного восстания в Берлине не нашли и найти не могли. Они рассчитывали, что выйдет очень просто: если они что-нибудь там действительно найдут, то тогда их никто не спросит, по какому праву они туда пожаловали. А так как они ничего там не нашли и найти не могли, то мы от имени советского правительства имеем полное право спросить их: зачем, милые люди, вы сюда приходили, тем паче, что приходить сюда вы не имели права по договору, который подписан нами и вами? Договор 1921 г. гарантирует экстерриториальность или неприкосновенность здания нашего торгового представительства. И это вполне естественно, потому что вести от имени государства те торговые операции, которые мы ведем, операции, исчисляющиеся в десятках миллионов, вести в этом здании самые сложные, часто очень секретные концессионные переговоры мы никогда не могли бы, если бы не было договора, который гарантировал бы нас от подобных налетов германской

полиции. Следовательно, нарушение этого договора есть первое, что мы ставим в вину германскому правительству, и требуем подтверждения этого договора.

Мы требуем затем от германского правительства извинения за оскорбление, которое нанесено советскому государству этим глупым и диким налетом германской полиции, и возмещения ущерба. И, наконец, мы требуем, в качестве гарантии того, что подобные случаи не будут повторяться, устранения и наказания тех руководителей берлинской полиции, которые подстроили весь этот провокаторский заговор против торгового представительства.

У меня сейчас нет сведений о том, как предполагает германское правительство ответить на эти наши требования. Я, однако, думаю, что если оно хочет дальнейшего существования экономических отношений, которые были между нами и Германией и в которых и мы и Германия нуждаемся, то оно найдет в себе достаточно благоразумия для того, чтобы понять, что эти требования надо удовлетворить. А если не найдет, то нам придется применить такие методы воздействия, которые могли бы заставить германское правительство понять то, что, видимо, нелегко дается его мозгам. У нас есть возможность такого воздействия. Не только мы нуждаемся в германском рынке, но и Германия очень и очень сильно нуждается в нас. Если уж не говорить об общих политических задачах и общей политике, связывающей нас и Германию, поскольку Германия является страной, которую фактически разоряют, обдирают Франция, Англия и все прочие страны Антанты; если даже оставить это в стороне, если даже допустить, что в германском правительстве победила группа, которая хотела бы поставить ставку в деле возрождения германского хозяйства не на связь с нашим Союзом, а на связь с представителями Антанты; если даже предположить это, то и после того несомненным остается, что подлинные, действительные экономические интересы должны заставить Германию исправить тот шаг, который она сделала. Мы отдали уже приказ о закрытии торгового представительства, о прекращении каких бы то ни было заказов в Германии, которые мы будем переносить в другие страны. Мы приказали также прекратить переговоры о торговом договоре, которые должны были начаться на-днях, и, наконец, мы решили, что новые партии хлеба мы будем направлять не в германские, а в другие порты.

Эти средства будут достаточно сильны для того, чтобы германские деловые круги прицыкнули на зарвавшуюся германскую полицию и научили ее различать, куда она суется с обысками. Мы не предвидим и не желаем разрыва с германским народным хозяйством. Меньше всего мы желаем разрыва с германским народом. и мы твердо убеждены в том, что наши вполне законные и очень умеренные требования должны быть Германией удовлетворены.

Характер наших переговоров с Англией.

Об этом эпизоде я упомянул для того, чтобы показать, что даже самые дружественные договоры не гарантируют нас от подобных осложнений. Мы должны отдать себе вполне точный отчет, что договоры, которые заключаются между капиталистическими державами, основываются на общих интересах; договоры же между буржуазными государствами и нами заключаются вопреки глубочайшим расхождениям в основах политики и экономики. Мы этого никогда не скрываем, и поэтому предисловием ко всем тем переговорам, которые мы ведем, должно быть совершенно открытое заявление друг другу, что все эти договоры сильны постольку, поскольку они обеспечивают взаимную выгоду. И когда Макдональд предложил нам, после признания де-юре, переговоры для выяснения всех недоразумений, которые накопились между нашей страной и Англией, мы не скрыли от г. Макдональда, что предварительными условиями договора и всякого соглашения должны быть два условия: во-первых, ни одно из завоеваний Октябрьской революции, а следовательно ни одна черта установленного у нас диктатурой пролетариата экономического строя, базирующегося на уничтожении частной собственности на средства производства и средства обращения, на национализации фабрик, земли, заводов, жел. дорог, банков и т. д., — ни одна черточка этого строя не может быть затронута, и, тем паче, не может быть отменена какими-нибудь соглашениями; с другой стороны, мы в достаточной мере ясно и точно подчеркнули, что договариваемся мы как равноправные стороны. Поэтому если те или другие английские граждане захотят (а мы рассчитываем на то, что они, исходя из собственных выгод, захотят) дать нам займы, то эти граждане должны будут твердо знать, что на своей земле распоряжаемся мы сами. На нашей земле действуют суды, законы, порядки, нами установленные, и эти граждане должны будут в таком случае этим порядкам, этим законам и судам подчиняться.

Правда, не все английские буржуа сразу и с полной ясностью поняли это. Как вы знаете, английские банкиры заявили в своем меморандуме, что они, пожалуй, дали бы нам займы денег, если бы мы отказались от принципов Октябрьской революции и если бы мы изменили наши, у нас действующие, законы соответственно с тем, что находят правильным г.г. английские банкиры. Вы знаете наш ответ. Он гласил: если вы хотите дать нам деньги займы на условиях, выгодных для нас и для вас, на коммерческих основаниях, мы охотно идем на эту сделку и детали этой сделки будем обсуждать; если же вы желаете дать эти деньги на условиях, которые хотя бы в малейшей степени покушаются на основы нашего экономического и политического порядка,

установленного Октябрьской революцией, то мы обойдемся и без ваших денег. После такого ответа можно было ожидать двоякого исхода событий: или этот ответ был бы воспринят деловыми кругами Англии таким образом, что им с большевиками разговаривать не о чем, и это означало бы разрыв переговоров, или же, если бы это было понято иначе, это означало бы, что деловые круги Англии признают возможность заключения взаимно выгодной коммерческой сделки, не нарушающей, однако, ни в одном пункте тех непременных условий, на которых мы настаиваем. Вы знаете, что переговоры эти продолжаются и что мы можем рассчитывать на те или другие благоприятные результаты.

Что мы разумеем под благоприятными результатами подобных переговоров? Мы считали бы благоприятным исходом переговоров, во-первых, окончательное урегулирование всех юридических отношений, способных облегчить нам и давать нам гарантию товарообмена и товарооборота с Англией; во-вторых, и получение займа в Англии, хотя бы на условиях, что часть этого займа должна быть использована нами на заказы английским фабрикам и заводам.

Мы исходим при этом из очень простых соображений. Наша страна, несомненно, находится в периоде, когда народное хозяйство поднимается и растет. Мы не имеем никаких оснований сомневаться в том, что и в дальнейшем нам гарантирован рост народного благосостояния и всех отраслей народного хозяйства. Есть, однако, обстоятельство, которое мы должны учесть: базируясь на наших собственных ресурсах и на нашем собственном накоплении, мы можем развивать наше хозяйство сравнительно медленно. Процесс накопления, который необходимо положить в основу дальнейшего развития нашей индустрии, сельского хозяйства и т. д., будет происходить при этих условиях сравнительно медленно, и таким же медленным будет весь темп развития народного хозяйства. Против этого существует одно средство— впрыскивание в определенной дозе, на определенных условиях иностранного капитала, который дал бы возможность ускорить темп развития народного хозяйства.

Мы не считаем, что находимся в таком положении, когда от того, придет или не придет к нам иностранный капитал, зависит сущность нашего развития. Нет, от этого кое-что зависит, но только кое-что. Быстрота развития в известной степени зависит от притока иностранного капитала. Поэтому, желая ускорить темп развития народного хозяйства, расширить возможность хозяйственного развития, мы согласны заплатить известную долю из будущих прибылей нашего хозяйства тем людям, которые дадут нам в приемлемой форме заем, но не больше этого. И в этом отдают себе отчет в Западной Европе. Они понимают, что проморгали то время, когда мы находились в положении, которое

вынуждало бы нас итти на гораздо большие уступки, чем сейчас. Именно потому, что они понимают, что время работает за нас и против них, что с каждым годом мы будем становиться неуступчивее, с каждым месяцем будем предлагать им меньший процент, меньше концессий, меньше льгот, именно поэтому они торопятся, именно поэтому Макдональд, несмотря на то, что ему уже ясны пределы наших уступок, продолжает сейчас эти переговоры, которые. по всей вероятности, закончатся благополучно. Именно поэтому одним из крупных аргументов против Пуанкаре в избирательной кампании, закончившейся поражением национального блока, был аргумент той группы французских капиталистов, которая говорила: смотрите не прозевайте; Италия уже торгует, Англия уже торгует и переговаривается, Германия (хотя у нее такая полиция, которая ищет провокаторов в письменных столах) все-таки заключает торговые сделки, — а Франция остается на задворках. Этот аргумент был не последним в ряду тех, которые привел к крушению парламентского национального блока и самого Пуанкаре.

Советско-румынские переговоры.

Стоит несколько остановиться на переговорах, которые происходили за истекший период с Румынией. Вы можете спросить себя, почему ЦК пошел на переговоры с Румынией — неужели ЦК хотя бы на один момент мог думать, что Румыния выпустит из своих рук Бессарабию? Теперь, после того, как эти переговоры закончены, я могу смело сказать, что, конечно, ЦК не был так наивен, чтобы ожидать от этих переговоров каких-либо реальных последствий или уступок со стороны Румынии. Нет, мы руководствовались другими соображениями, мы хотели и должны были воспользоваться переговорами с Румынией для другой цели. Мы хотели напомнить всем капиталистическим державам, что мы прекрасно знаем, что у нас захвачено, но не считаем сейчас момент подходящим для того, чтобы вернуть себе захваченное теми способами, при помощи которых обычно возвращается захваченное насильственно; но мы оставляем за собою право в каждый момент, когда мы найдем это удобным, вновь поднять эти вопросы.

Это не воинственная политика, это политика, имеющая целью неуклонно показывать, что СССР, руководимый коммунистической партией, не представляет собою теперь такого государства, с которым можно шутить. Это слышала Румыния, сейчас это слышит Германия; и, может-быть, понадобится еще несколько уроков, чтобы показать, что перед лицом капиталистов — держава, которая может за себя постоять.

Наши экономические успехи.

Я перехожу теперь к тем внутренним условиям, которые дают нам возможность на внешней арене держаться с той степенью непреклонности, о которой я вам сейчас говорил. Конечно, если бы оправдались пессимистические указания, делавшиеся несколько месяцев тому назад товарищами, которые предсказывали, что возможный экономический развал будет неизбежным последствием той политики, которую мы ведем; если бы эти унылые предсказания оправдались, в частности, на практике последних месяцев, то нет никакого сомнения, что мы не могли бы вести той внешней политики, которую мы вели. Если иностранные биржи регистрируют очень быстро и очень точно наши успехи в экономическойобласти, то еще с большей точностью и быстротой регистрируются там все наши экономические неуспехи, и, конечно, в последнем случае мы имели бы не победу во внешней политике, а поражения.

Я не отрицаю, что для этого уныния у товарищей, обладающих недостаточно крепкими нервами, можно было бы подыскать некоторые основания. Вы помните обстановку октября, ноября и декабря прошлого года. Вы помните раствор «ножниц», раскрывших свои лезвия и угрожавших нас перерезать. Вы помните тот кризис сбыта, который многим представлялся кризисом всей нашей экономической политики, который ввергал неустойчивых товарищей в отчаяние и заставлял искать каких-либо экстраординарных мер. И мы должны признать, что и в этих «ножницах», и в этом кризисе сбыта были основания для того, чтобы внушить партии определенное беспокойство. Прошло несколько месяцев, и мы можем проверить дела партии и мощь партии, проявленную ею в решении экономических вопросов не только по резолюциям, а уже на основании фактов. Сейчас мы смело можем сказать, что те два основных и коренных кризиса, перед которыми стояла партия, — и которые на часть партии наводили уныние, а всю белогвардейщину приводили в веселое настроение, — эти кризисы уже изжиты. Ножницы, на которые мы с достаточной энергией насели с двух сторон, сомкнулись; с другой стороны, о кризисе сбыта не вспоминают не только ни один хозяйственник, но и вообще никто из товарищей. Я приведу некоторые примеры для иллюстрации. Скажем, напр., текстильный синдикат посылал в месяц в провинцию: в январе — 200 вагонов своего производства, в феврале — 200 вагонов, в марте 300 вагонов, в апреле до 800 вагонов, и в мае он собирается послать столько же.

Теперь руководители текстильной промышленности говорят: подайте только хлопок, и мы уже в мае увеличим производство текстиля на 130% против намеченной программы, в июне на

150%, и при маленькой подаче оборотных средств можем увеличить еще больше. Так обстоит дело в самой основной отрасли нашей промышленности, характеризующей нашу связь с деревенским рынком. Но так же обстоит дело и во всех других областях промышленности. Вот передо мной таблица производства угля, нефти, металлов, хлопчатобумажных и льняных тканей. Последние цифры касаются марта с. г. Я сравниваю их с декабрьскими. Беру, скажем, уголь: в декабре было произведено $72^1/_2$ милл. пуд., в январе 75 милл. пуд., в феврале 76, в марте 74. Нефть: в декабре 29 милл. пуд., в январе 30 милл. пуд., в марте $29^1/_2$. Чугун: в декабре 3 милл., в марте $3^1/_2$. Хлопчатобумажные ткани: в декабре 55 милл. метров, в марте 67 милл. метров. Льняные ткани: в декабре 7 400 тыс., в марте 8 800 тыс. Этот рост производства свидетельствует, несомненно, об общем росте благосостояния страны и увеличении отдельных отраслей производства.

Я взял эти примеры, чтобы показать, насколько глубоко необоснованы были те опасения, которые высказывались в ноябре и декабре. По всем линиям производства мы видим восходящие кривые, при чем восхождение это не спазматическое, судорожное, а постепенное, которое намечалось в течение всего последнего периода и срыва которого у нас нет никаких оснований предполагать.

Какими же орудиями действовали мы, что дало нам возможность не только прекратить кризис сбыта, но из кризиса сбыта перейти в такое положение, когда во всех отраслях промышленности и производства у нас замечается неуклонный рост? В наших руках был государственный экспорт. Нажимая на эту педаль, увеличивая государственный экспорт, мы действовали на то лезвие ножниц, которое отмечает положение крестьянства, — цены на с.-х. продукты. Государственный экспорт развит нами за последний год так, что мы целиком выполнили намеченную еще прошлой весной программу. В прошлом году мы намечали возобновление экспорта, которого не было 10 лет. Мы выработали программу в 225 милл. пуд. на этот год. Теперь мы можем смело сказать, что выполним всю программу полностью, при чем выполним таким образом, что определенно вытесним американский хлеб не только количеством, но и качеством, дешевизной и срочностью доставки. Это значит, что мы в течение полутора сезонов отвоевали наши прежние позиции на европейском международном рынке. Это чрезвычайно важное обстоятельство. В нашей внутренней политике оно сказалось в том, что мы, имея в руках этот рычаг, сумели лезвие «ножниц», выражающее цены на с.-х. продукты, поднять. С другой стороны, мы являемся настоящими хозяевами и диктаторами на рынке промышленных продуктов. Вы помните, как мы спорили о том, нужно ли предоставить трестам возможность получать максимальную прибыль и самим

определять свою торговую политику, или у государства должен быть единый общий план построения внутреннего рынка и тресты должны руководствоваться не стремлением выколотить максимум прибыли, а наоборот, общими соображениями расширения рынка вообще и завоевания рынка крестьянского. Теперь мы можем подвести итоги этого спора. Нажимая на тресты, проводя единую политику цен, мы добились того, что другое лезвие «ножниц», лезвие, характеризующее цены промышленных продуктов, снизилось. Этими итогами, я думаю, наша партия может гордиться. Перед нами, со стихийной силой, выросли эти «ножницы», вырос кризис сбыта, и партия была поставлена перед вопросом: ну, мы-то с вами, коммунисты, справимся ли с этими явлениями? Здесь была речь не о том, чтобы написать хорошую резолюцию, но чтобы в течение нескольких месяцев преодолеть эти явления. Теперь мы можем сказать партийному съезду: мы не только обнаружили эти явления, мы их преодолели. В ноябре с.-х. продукты стоили по довоенным индексам 50%, в то время как промышленные продукты — 107%. Раствор этих самых «ножниц» измерялся тогда 3,34%. В апреле — 82% для с.-х. продуктов, 116% — для продуктов промышленных. Раствор измеряется 1,41%. Эти цифры остаются и для апреля и для мая. Значит, с одной стороны, мы фактически уничтожили «ножницы» в том их виде, в каком они пугали нас осенью прошлого года; с другой стороны, мы видим, что в области экономики даже там, где стихийные силы, нами не контролируемые, выказывают себя наиболее явно, мы перестаем бродить как слепые щенята, а находим истинные рычаги и держим их в руках.

Когда на конференции была поставлена задача проведения денежной реформы, многие тт., приходившие в уныние от кризиса, о котором я говорил, предрекали неудачу. Действительно, задачу мы поставили себе не малую. Создать твердые деньги в отсталой, разоренной стране можно только в том случае, если основные хозяйственные процессы, которые в ней протекают, действительно носят совершенно здоровый характер. А сейчас мы можем сказать, что на 85% денежная реформа осуществлена, что мы имеем настоящий твердый денежный знак и можем его удержать, если, конечно, не будем зевать, если будем работать на этой позиции, укреплять ее, на нее нападения отбивать, если не опустим рук, не удовлетворимся тем, что достигнуто.

Что может привести к срыву стабилизованного рубля? Первое — развитие дефицита, второе — рынок, на котором мы далеко еще не хозяева. Поэтому сокращение государственного дефицита — наша главная задача. Нам трудно, конечно, урезывать кредиты народному просвещению, Наркомздраву и целому ряду других отраслей, но денежная реформа стоит того, чтобы немножко сжаться, потому что потом она окупится сторицей, и мы из

тяжелого положения выйдем. Другого рода нападение, которое будет вестись против денежной реформы, это — уже нападение классового, социального характера. И методы борьбы здесь должны быть классовые, социальные. Это второе нападение идет со стороны рынка.

Проблема рынка.

Здесь я подхожу к основной проблеме, которая стоит перед нами, как коммунистической партией, под знаком которой пройдет следующий год. Сорвать денежную реформу могут неправильные взаимоотношения между нами и частным капиталом на рынке. Мы хозяева в области монополии внешней торговли, мы хозяева в области производства, но мы еще не хозяева в сельской экономике, мы еще не хозяева на частном рынке. Поэтому не случайность, что, решив вопрос о деньгах, мы подошли к самой сущности вопроса о рыночных отношениях. Не потому ЦК изо-дня в день поднимает вопросы торговли и кооперации, что он воспылал любовью к этим вопросам или что ему больше заниматься нечем, а потому, что эти вопросы являются теми звеньями, о которых Владимир Ильич говорил, что искусство политики заключается в том, чтобы каждый день, каждый момент уметь ухватить то звено, которое позволяет держать всю цепь. Сейчас мы в таком положении, что тот, кто ухватится за звено, называемое рынком, тот потянет за собой всю цепь. А ухватиться можем или мы, или частный капитал.

Нэп — это формула наших отношений с крестьянством. Не нэпманство, не нэпман, а новая экономическая политика, которая пришла на смену политике военного коммунизма. Другой формулы придумать мы не можем. Эту новую экономическую политику, которая, правда, скоро будет старше политики военного коммунизма, пересматривать нет оснований. Это политика, которую надо учиться, проводить из года в год, из месяца в месяц, которая будет меняться. В данный момент новая экономическая политика имеет то выражение, что она, благодаря свободному обороту продуктов сельского хозяйства, аккумулирует и выталкивает на поверхность тот частный капитал, который пытается овладеть рынком и который в известной мере уже овладел им.

Вот, товарищи, пара цифр для характеристики строения нашего рынка. Оптовая торговля. В ней государственный капитал участвует на 77%, кооперативный на 8%, частный на 14%. Оптово-розничная: у государства — 39%, у кооперации — 10%, у частного капитала — 50%. В розничной: у государства $6\frac{1}{2}$%, у кооперации — 10%, у частного капитала — 83%.

Для нас самой опасной цифрой являются сейчас не эти последние 83%, которые находятся у частного капитала. Если вы

взглянете на строение нашего крестьянского рынка, то вы должны будете прежде всего констатировать страшное уменьшение его емкости. В общем, можно сказать, что если крестьянин до войны покупал на душу населения городских продуктов на 22 руб., то теперь он может купить на 5, максимум на 6 рублей. Значит, способность крестьянства к потреблению городских продуктов сократилась в 4—5 раз. Общая сумма продукции крестьянства, которую оно может обменять на продукты городского производства, не превышает 400 милл., а при такой бедности крестьянского рынка, естественно, и сама деревенская торговля страшно мелка, и именно потому, что она мелкая, раздробленная, копеечная, — кооперация в деревне с большим трудом налаживает свой торговый аппарат. Именно поэтому розничник, человек, торгующий на базаре, коробейник бьет кооперацию в деревне. Но именно потому, что это область базарной, мелочной коробейничной торговли, эти 83% не так еще опасны. Мы видим эту опасность, мы должны твердо итти к тому, чтобы обслужить весь крестьянский рынок нашим собственным аппаратом. Но мы знаем, что это работа длительная, которую мы будем охватывать медленно.

Когда же мы видим, что в оптово-розничной торговле частный капитал имеет 50%, то это уже серьезнее. Тут, значит, у нас из-под рук уходит одно из главнейших орудий связи города с деревней. Мы производим почти все продукты городской промышленности, которые потребляются крестьянином. В области промышленности, крупной и средней у нас нет совершенно частного капитала. Однако, покуда то, что мы произвели, дойдет до крестьянина, оно проходит через ряд частных посредников, и каждый посредник наживает на этом известную толику. И в результате крестьянин получает товар гораздо дороже отпускной цены, а частный капитал, частный посредник на этом наживается. В результате крестьянин, естественно, начинает думать, что пролетарское государство не умеет организовать снабжение деревни. Крестьянин начинает думать, что частный капитал — лучший организатор снабжения деревни городской продукцией, чем пролетарское государство. А так как крестьянство учится на фактах, на практике, так как оно создает свое мнение не только по нашим книжкам и не только по лекциям Главполитпросвета, а главным образом по тому, сколько стоит ситец, кто его доставил, добротный ли это ситец и т. д., то всего опаснее — если крестьянин начнет приучаться к мысли, что организатором снабжения его является не пролетарское государство, не кооперативная организация, связанная с государством, а частный посредник. С другой стороны, товар этот приходит в деревню по очень высокой цене. У крестьянина может возникнуть мысль: да выгодна ли мне такая организация промышленности, при которой вся промышленность в руках государства, а у меня-то товар очень дорог.

Если мы хотим избежать политических последствий такого положения, мы должны понять, что сейчас центр тяжести заключается в том, чтобы методами экономического давления победить частный капитал в его роли посредника между пролетариатом города и деревенским потребителем и взять эту роль на себя. Не надо только срываться, не нужно думать, что этому делу можно научиться очень быстро и что мы в 2—3 недели или в 2—3 месяца эту проблему сможем решить.

Почему мы весной начали денежную реформу? Потому, что крестьянин не давал хлеб за совзнаки, потому, что мы ожидали осложнений на фабриках и заводах на почве постоянного падения совзнака. Мы увидели далее, что ничего не выйдет, если мы не положим предел росту цен. Когда мы взялись за организацию этого самого рынка, прежде всего в крупных промышленных центрах — в Москве, Ленинграде, Донбассе, Харькове, на Урале, то мы увидели, что в области промышленного производства мы можем снижать цены сколько угодно, но выдержать это снижение цен мы можем только в том случае, если у нас будет достаточно товаров. И если мы мощнее на этом рынке, чем частный купец, то он должен подчиниться продиктованному нами закону, потому что мы можем его экономически к этому принудить. Мы в известных областях стали в этом отношении хозяевами.

Вы знаете, что снижение цен мы произвели довольно круто и решительно. Если взять в процентах, то Комвнуторг уже в феврале месяце снизил цены хлопчато-бумажных тканей на 14%, грубошерстяных на 10%, тонко-суконных на 28%, льняных на 10%, бумаги на 30%, угля на 25—30%, резиновых изделий (галоши) на 30%, керосина на 5%, цену на соль снизили на 2 коп. Но это все в тех областях промышленности, где мы имеем крупные запасы, где мы можем выбросить эти запасы на рынок, и не только в административном порядке приказываем продавать по такой-то цене, но даем потребителю гарантию, что он по этой цене действительно эти товары получит. Но во многих других областях мы оказались еще далеко не хозяевами. Если мы справились с хлебом, то, например, с мясом мы не справились совсем, и мясным рынком управляем не мы, а частный капиталист. Это мы видим у себя в Москве, где никакие запреты не могут остановить роста цен на мясо. Если принять во внимание, что бюджетный набор рабочего определяется не только ценами на хлеб и соль, но и ценами на мясо, то это значит, что частный капитал, повышая цены на мясо, тем самым поднимает перед нами проблему заработной платы, заставляет нас, поскольку мы платим рабочему из государственных средств, увеличивать выпуск денег. При увеличении выпуска денег мы можем легко перейти тот предел, при котором деньги наши остаются твердыми. А колебание наших денег теперь, после денежной реформы, обозначало бы

действительно большой удар по всему нашему советскому строительству. И вот видите, оттого, что мы в известной области торговли упустили из рук командные высоты, они оказались в чужих руках, и от них тянется прямая нить к тому, что является сейчас самым нервом нашей советской системы, т.-е. к денежной реформе.

Поэтому здесь зевать не приходится, поэтому первейшей нашей задачей является систематическое и упорное отвоевывание позиций у частного капитала, владение рынком, сначала в городе, в основных промышленных центрах, и организация снабжения рабочих масс таким образом, чтобы хозяином здесь было государство, а не частный рынок, не частное лицо, не частный капиталист. Где же то орудие, при помощи которого мы можем произвести эти манипуляции? Когда мы начали решать задачу овладения рынком, у нас было одно орудие — комиссия по внутренней торговле при СТО. Вы знаете, что постановлением ЦК мы реорганизовали ее в Народный Комиссариат внутренней торговли. С какой целью это было сделано? Это сделано было потому, что нам нужен на внутреннем рынке, играющем такую громадную роль, подлинный хозяин. Не какая-нибудь комиссия, которая совещается, а хозяин, который мог бы приказывать: с одной стороны, нашим собственным торгующим органам, которые часто вместо того, чтобы руководиться общими интересами завоевания рынка, гонятся за немедленной прибылью, и, с другой стороны, частному капиталу, который должен был бы подчиняться этому органу и перед этим органом отчитываться.

Кооперация.

Но мы должны итти и другим путем — и только этот второй путь будет путем настоящим. Это путь кооперации. В том, что Ильич в последних своих статьях подошел именно к проблеме кооперации, что он именно на ней сосредоточил свое внимание в последних словах, с которыми он обратился к партии, в этом сказалось гениальное предвидение Владимира Ильича. Партия только теперь, в последние годы подходит вплотную к тем вопросам кооперации, которые Владимиру Ильичу были ясны полтора года тому назад. Партия должна была пережить опыт кризиса, «ножниц», падения совзнака, для того, чтобы всеми фибрами ощутить, что такое кооперация. Кооперация представляет собой теперь далеко не совершенное орудие борьбы с частным капиталом, она фактически не является таким орудием — это для нас всех ясно. Когда мы ближе подошли к кооперации, мы увидели, что над ней тяготеет наследие того времени, когда кооперация выполняла функции распределения, мы увидели, что кооперация до сих пор не сумела превратиться в орга-

низацию, действительно охватывающую население. До сих пор нам приходится навязывать кооперации дело распределения и снабжения населения предметами массового потребления, как соль, керосин и т. д., дело, не дающее немедленной выгоды, но являющееся подлинной связью с крестьянством. Кооперацию нужно еще учить и учить. И вы не удивляйтесь, т.т., что эта учеба будет еще продолжаться, что после партийного съезда партии придется выделить специальных работников для кооперации. Партия должна понять, что так же, как были времена, давно прошедшие времена, которые, надеемся, не вернутся, когда мы кричали: «все на транспорт!», «все на уголь!» — так теперь нужно будет поставить партию под знаком: «Все на экономическую борьбу за вытеснение частного капитала и овладение рынком через кооперацию!» Если мы этой проблемы не разрешим, то мы не добьемся теперь смычки между рабочим и крестьянином. Смычка является превосходной формулой, но такой формулой, которая в каждое данное полугодие меняет свое материальное содержание. Что нам сейчас нужно? Нам нужно накинуть на нашу крестьянскую периферию сеть кооперативных учреждений. Нам нужно с ясностью и прозрачностью показать, как по этой кооперативной сетке течет кровь из пролетарских центров из города в деревню и обратно из деревни в город. Тогда каждый крестьянин будет ясно видеть, что он материально заинтересован, материально связан с пролетарскими центрами и что пролетарское государство действительно гарантирует ему снабжение необходимыми продуктами через его собственную кооперативную организацию. Это настоящая борьба с нэпом в плохом смысле этого слова, т.-е. с возрождением буржуазии. Нити этой борьбы в наших руках. Имея в своих руках массовое производство, овладев массовым распространением и оставив его в руках нашего государства, мы действительно решим эту проблему.

Не забудьте, т.т., что мы, как коммунисты, приходим сейчас к крестьянству в качестве сборщиков налога и что в наступающем году ЦК определил общую сумму единого сельхозналога уже в 400 милл. зол. руб. При той емкости крестьянского рынка, которую мы имеем сейчас, уплата этого налога будет в достаточной мере тяжела. Крестьянин будет отдавать себе отчет, что он является главным пайщиком в деле материального обслуживания нашего государства. Надо поэтому, чтобы коммунист приходил в деревню не только как сборщик налога, но также как проводник городской продукции, который доставляет крестьянину продукты города дешевле частного купца. Нужно еще одно, нужно, чтобы коммунист пришел в деревню и как организатор дешевого кредита для крестьянина. При теперешнем положении совершенно ясно, что крестьянство будет в руках того, кто лучше организует снабжение крестьянства дешевым инвентарем и обслуживание его денежных нужд.

Наши задачи в деревне.

Мы наблюдаем возрождение не только в области промышленности, мы все видим совершенно ясно прогрессивные процессы, которые происходят в самом крестьянстве. И было бы странно, если бы после величайшей революции, после того громадного культурного и всякого другого освобождения, которое пролетариат принес в деревню, и, с другой стороны, после временного разорения и голода, если бы после всего этого в деревне не начался подъем — технический, культурный и политический рост запросов и т. д. Этот процесс в деревне идет, он должен быть обслужен и прежде всего материально обслужен. Мы уверены, что всякая пролетарская копейка, брошенная в крестьянскую стихию, в которой совершается этот процесс роста хозяйства, сторицей оплатится и принесет громадную пользу в смысле усиления мощи нашего государства. Крестьянин чрезвычайно нуждается в дешевом кредите, как бы мал он ни был. ЦК, несмотря на нашу бедность, вырезал из нашего бюджета 40 милл. зол. руб. для организации на ближайший год дешевого сел.-хоз. кредита. Это очень мало, но и это послужит той материальной связью, которая, на ряду с дешевой городской продукцией, с кооперацией, соединит пролетарский центр с крестьянской периферией. Конечно, задачей коммунистической партии в данный момент является не только чисто материальная связь города с деревней. Нет, другой важной задачей является и установление связи в деле культурного подъема деревни. Я уже говорил, что всякого вида культурные запросы со стороны деревни растут и будут расти из месяца в месяц.

Если нас не постигнет какой-либо неурожай, какое-либо стихийное бедствие, то крестьянство будет подниматься в культурном отношении, и каждый новый урожай, поскольку он будет давать некоторые излишки, будет содействовать росту культуры в деревне. Мы, конечно, знаем, что в крестьянстве происходит расслоение, и мы знаем, что там растет новый кулацкий слой. Не старый кулацкий, выраставший на дворянском землевладении, — такого слоя нет, и мы его не допустим, — а новый кулацкий слой, который возник благодаря нэпу и свободной торговле, который мы не можем уничтожить.

Богатые среди крестьян будут выделяться, но мы должны уметь организовать бедноту так, чтобы она не замедляла хозяйственного развития, так как хлеб нам нужен для экспорта и так как, с другой стороны, необходимо повышение культуры. Это опять возвращает нас к вопросу о кооперировании бедняцкого элемента и к вопросу об усилении влияния коммунистической партии в деревне, для борьбы, конечно, не против кулацкой партии, потому что такой партии нет и мы ее не допустим, но против влияния кулацких элементов.

Поэтому культурный подъем деревни должен итти в том направлении, на которое указываем мы. Нам необходимо сосредоточиться на крестьянской работе и направить ее по нашему руслу. Это чрезвычайно важная задача, которую нельзя, конечно, разрешить сейчас. Но если у нас будет два-три урожайных года, — а мы на это надеемся, — то мы, несомненно, пойдем вперед. Если за это время мы построим кооперативную сеть, научимся ею маневрировать, тогда мы всю накопленную крестьянскую энергию сумеем пустить по этим каналам, и она пойдет на укрепление союза крестьянства с городом, а не на расшатывание его, как хотелось бы некоторым нэповским и кулацким элементам.

Проблема госаппарата.

Теперь мне бы хотелось в самых кратких чертах указать на другую проблему, которая нами не разрешена и которая была поставлена Ильичем рядом с проблемой о кооперации. Это проблема нашего государственного аппарата. Ясно, что это такой вопрос, о котором мы ни в коем случае забывать не можем, и все те меры, которые мы проводим, на которые мы указывали и которые будут возникать перед нами вновь и вновь, не смогут быть нами правильно разрешены, если мы не будем постоянно иметь в виду этой проблемы. Сейчас у ЦК и у меня лично нет никаких предложений. Тут, как указывал и Владимир Ильич, необходима длительная работа над улучшением госаппарата. И мы можем только повторить перед партией эту мысль, указав на то, что мы должны все больше и больше переходить к аппарату другого типа, который был бы аппаратом гораздо более гибким, который действительно передавал бы легко и быстро, снизу вверх все возникающие в массах желания и запросы, и так же быстро, автоматически передавал бы сверху вниз все меры, которые будут приниматься. Для нас нет никакого сомнения, что наш аппарат архаичен и что этой функции — передачи снизу вверх и сверху вниз, он не выполняет, или выполняет чрезвычайно скверно, с тысячью задержек.

В особенности последнее время сложность этого аппарата увеличилась. Мы с вами в течение последнего года существуем, как Союз ССР. Вопрос о том, где кончается централизация и где начинаются права тех республик, Союз которых мы представляем, этот вопрос теоретически решен быть не может, и разрешается всякий раз на практике. На этой почве за последнее время происходило не мало трений и в госаппарате и на практике непосредственно, но в общем и целом год существования СССР, даже в этом отношении, в отношении аппарата вполне себя оправдал. И если бы нас спросили на партсъезде, оправдала ли себя та форма государственного устройства, которую

мы приняли, мы смело могли бы сказать, что в этой области далеко не все разрешено, но что проблема такого управления СССР, при котором было бы сохранено единство национального хозяйственного режима и которое было бы вместе с тем полностью приспособлено к национальным культурам, к бытовым особенностям этих национальных республик, что эта проблема поставлена на правильные рельсы и правильно нами решается. Это особенно важно подчеркнуть, потому что, как вы знаете, некоторые разногласия по национальному вопросу у нас бывали, и некоторое неправильное перемещение центра тяжести тоже имело место. Мы спорили о том, как прижать новую одежку нашего Союза к тому пролетарскому государству, которое мы перед собой имеем. Теперь мы можем сказать, что хотя эта одежка кое-где жмет, а кое-где висит, но в общем и целом она вполне по росту государству.

Уроки партдискуссии.

Теперь я коснусь совершенно кратко внутрипартийных дел. Дискуссия показала, что партия стоит перед несомненной опасностью, и в этом польза дискуссии, в этом урок ее, и потому о дискуссиях нельзя забывать и на дискуссиях нужно учиться. Не тому, конечно, что было в дискуссии плохого, не излишней страстности, не потрясению основ партии, а тому, что было в ней полезного; а полезного в ней было то, что она вскрыла опасности и болезни, которыми партия болела.

Какие же это болезни?

Теперь, оглядываясь назад, мы можем смело сказать: как мы ни любим нашу партию, мы должны уметь хладнокровно взглянуть на те процессы, которые в партии происходят, на то, что ей угрожает. Под влиянием условий мирного периода, отсутствия непосредственной боевой обстановки, нам, несомненно, угрожает опасность угасания революционного духа, ослабления той напряженной классовой борьбы, которая и давала всегда передовым элементам пролетариата этот настоящий классовый революционный дух. Поскольку мы вышли из атмосферы непосредственных боев, эта опасность, это угасание революционного духа в партии весьма возможно. Другой болезнью, которая нам угрожала и начатки которой мы могли ощутить, — были: с одной стороны, нэповское перерождение, а с другой — анархо-синдикалистский уклон.

Все эти процессы покрываются одной формулой: основная опасность заключается в том, как бы под оболочкой нашей партии не стали зарождаться какие-либо другие социально-политические образования. Исключена ли такая возможность? Теоретически

отнюдь нельзя сказать, что исключена. Мы единственная партия в стране, единственная партия, которая концентрирует все активное, действенное, партия, в которую вливаются различные элементы. В то же время мы никогда не забудем (этому учил нас Владимир Ильич), что все колебания в пролетарской среде объясняются тем мелкобуржуазным окружением, в котором находится пролетариат, и что развитие подлинной пролетарской организации и подлинной пролетарской идеологии всегда происходит в обстановке повторных влияний этого мелкобуржуазного окружения. Нигде, ни в какой стране пролетариат не отграничен от мелкобуржуазной периферии какими-нибудь стенами: новые слои, приходящие из деревень и из других классов, являются теми проводниками чуждого влияния на пролетариат, в борьбе с которыми и создается подлинная классовая идеология. Эти процессы наблюдаются во всех странах. А у нас? У нас эти процессы могут быть более сконцентрированы. Мы не просто партия. Мы — партия руководящая. Партия, которая в осуществлении своей политики должна считаться, оглядываться, применяться не только к одному классу — пролетариату, но и к другому — крестьянскому, должна учитывать и его влияние, и его интересы, должна комбинировать и маневрировать; должна сделать так, чтобы эти классы, — а их два, а не один, — чтобы эти два класса не разошлись, а все время шли по одной дороге.

Окружение же у нас все время мелкобуржуазное. Не случайность поэтому, что в наиболее чутких слоях, у молодежи, т.-е. в среде наиболее податливой на всякие модные веяния, сказались во время дискуссии элементы некоторых чуждых влияний. Все мы чувствовали, что в воздухе потянуло чем-то не тем, не настоящим, не пролетарским. И здесь мы должны особенно чутко отнестись к тому, чтобы под этой оболочкой не назревали какие-то особые образования. Рост этих образований своеобразно будет искать себе выхода в этих новых элементах. Активность крестьянства, общее чувство некоторого благосостояния, которое все будет увеличиваться, будет искать себе выхода. Не исключена возможность, что этот выход, это русло они будут пытаться проложить через нашу партию. Надо быть чутким, надо предвидеть опасность и устранить ее. Владимир Ильич это предвидел, и вы знаете тот способ лечения, который он предложил. Этот способ лечения касался верхушки партии.

Значение ленинского призыва.

Владимир Ильич в последних статьях, именно в тех статьях, где он первый упомянул это скверное слово о расколе, он сказал: лечение в том, чтобы охватить руководящие верхушки пар-

тии выдержанным пролетарским окружением, таким обручем, который бы не дал поддаваться этой верхушке каким-нибудь чуждым тенденциям. На этом был построен Владимиром Ильичем план создания ЦКК. Но я думаю, что если Владимир Ильич предвидел и указал способ лечения для тех процессов, которые могут разыграться в верхушке, то теперь мы имеем лечение, которое подсказано самими рабочими. Думаю, что ощущение опасности, которая может грозить партии от перерождения, от развития в ней чуждых элементов и т. д., что это истинное чувство легло в основу того стихийно-мощного движения, которое привело к тому, что рабочий класс окружил сейчас основное ядро нашей партии толстым обручем новых, пролетарских слоев в виде ленинского призыва. Рабочий класс, видя ту рану, которая нанесена партии уходом Владимира Ильича, окружил партию тысячами подлинных пролетариев, которые единством своим гарантируют партию и от упыния, и от угашения революционного духа, и от перерождения нэпмановского, наблюдающегося на том или ином ее крыле, и которые, действительно, связывают партию в такой степени с массой, с подлинной бытовой жизнью фабрик и заводов, что это в сотню раз понижает всякие возможности какого бы то ни было разделения или расслоения партии. И в ответ на вопросы, которые были поставлены на дискуссии, теперь уже можно сказать смело, подлинный, настоящий ответ, как и большею частью во всей нашей партийной истории, он дан не теми или другими дискуссионерами, а он дан рабочим классом. Подлинная демократия выдвинула из своей среды 300 тысяч рабочих, как связь с нашей партией. С другой стороны, нет никакого сомнения, что обновление аппарата в борьбе с бюрократизмом, с некоторым омертвением партии, дан ленинским призывом. Подлинное обновление заключается в том, что вливаются новые элементы, и это вливание является ответом на вопрос, действительно ли наша партия так переродилась, так омертвела, так обюрократилась, находилась в таком «штиле», как некоторые товарищи любили говорить. Нет, рабочий класс не мог так реагировать по отношению к партии омертвевшей, обюрократившейся и застоявшейся.

Теперь перед нами стоит задача, которая внутренно заполнит ближайшие годы. Эти новые пролетарии от станка принесли подлинно рабочий инстинкт, они делают дело орабочивания партии, обновления ее внутренней жизни. Но вместе с тем на нас, на старых кадрах партии, лежит громадная задача эти новые слои переварить, передать им всю историю нашей борьбы, нашей идеологии, традиции. От того, в какой мере произойдет подлинная внутренняя спайка между этими новыми подошедшими к нашей

армии отрядами пролетариата и старыми кадрами партии, зависит вся внутренняя жизнь нашей партии. Если старые кадры не сживутся, не смогут пропитать ленинский призыв подлинным духом ленинизма, — мы можем ожидать внутренних очень болезненных трений в партии. Если же, наоборот, эти старые кадры поймут подлинное призвание новых элементов, если мы напряжем все силы для того, чтобы передать этим новым нашим товарищам по партии те традиции ленинизма, на которых мы воспитались, тогда наша партия получит такой облик, такую новую силу, такой новый приток живительной крови, что нам никакие опасности не будут страшны.

Я думаю, что на почве всех этих процессов, которые можно видеть и в области экономики, и в области взаимоотношений с крестьянством, и в области внутреннего нашего строительства, и в области внутрипартийного нашего строительства, наше внешнее и внутреннее положение, несомненно, улучшается и укрепляется. Мы работаем тем самым и для Коминтерна. Вы знаете, т.т., что у некоторых господ из буржуазии существует очень вульгарное представление о том, как РКП помогает Коминтерну. Им кажется, что наша помощь Коминтерну заключается в том, что мы якобы покупаем оружие для Коминтерна, якобы делаем бомбы и т. д. Это вздорное представление отступает на задний план перед той подлинной работой для Коминтерна, т.-е. работой для международного пролетариата, которую делает наша партия, строя наше государство.

Успех денежной реформы, смычка с крестьянством, повышение производительности труда, успех кооперации и народного просвещения являются такими революционизирующими факторами в мировом масштабе, которых никогда не было. Мы строим наше государство не как отгороженный отряд пролетарской армии, а вместе с международным пролетариатом. И каждый успех нашего строительства, каждый успех РКП является дальнейшим революционизирующим фактором в обще-мировой истории. Центральный комитет, оглядываясь на работу, которую он провел в последний год, в частности на работу, которую он провел за последние месяцы без Владимира Ильича, на вопрос, который задают рабочие и крестьяне нашей страны и всего мира: построите ли вы подлинное коммунистическое хозяйство, подлинное коммунистическое общество, или собьетесь с пути, — на этот вопрос мы, хладнокровно взвешивая все факты, можем смело сказать международному пролетариату: — С факелом ленинизма мы это дело выполним, новое коммунистическое общество построим!

ЗАДАЧИ СОВЕТА ТРУДА И ОБОРОНЫ

ЗАДАЧИ СОВЕТА ТРУДА И ОБОРОНЫ. *

Товарищи, из всего того, что происходило при обсуждении общего экономического положения страны, из того, что выяснилось на съезде Советов, совершенно очевидно, что к СТО будут предъявлены теперь требования, значительно более высокие, чем те, которые предъявлялись ему раньше. Основной объективной причиной этого является то, что хозяйство наше усложнилось и перестало быть хозяйством «рваческим». Связь между различными его отраслями все более и более усложняется.

Повышение требований к СТО вызывается естественно еще и тем обстоятельством, что руководство СТО и СНК находится не в руках т. Ленина.

Чтобы оказаться на высоте тех требований, которые законно будут предъявляться к нам, мне кажется, нужно уточнить ту роль, которую надлежит играть СТО. Правильное, хотя и не конституционное определение роли СТО будет такое: СТО является действительным хозяином и, если употреблять старое слово, наиболее крупным предпринимателем в нашей стране, которому подведомственны самые различные отрасли народного хозяйства.

Мы можем наделать массу ошибок, если не поставим своей целью плановую увязку народного хозяйства. Эта увязка всегда была задачей СТО, но она выражалась более в увязке ведомственных разногласий, восходивших до СТО.

Мне кажется, что это положение следует изменить, и дальнейшая увязка различных отраслей хозяйства должна являться не результатом столкновений отдельных ведомств, а вытекать из продуманного, заранее намеченного, хотя бы вчерне, плана хозяйства.

Из этого следует, что работа по увязке различных отраслей народного хозяйства должна быть освобождена в дальнейшем от кучи мелочных споров между ведомствами, обычно загружавших СТО.

Только повышение ответственности и самостоятельности решений отдельных наркоматов может спасти нас от этой загрузки.

---

* Речь на первом заседании СТО нового состава 9 февраля 1924 г.

Это повышение ответственности и усиление необходимости для отдельных наркоматов брать на себя решение тех или иных вопросов будет играть главную роль в деле разгрузки СТО от мелочей.

Мы имеем блестящий пример правильных отношений с СТО в лице железнодорожного ведомства. В последнее время СТО сталкивался с хозяйством транспорта только по основным, кардинальным, плановым вопросам — о заработной плате, общей нагрузке железных дорог, общих заданиях транспорта на ближайший период и т. д. В других областях народного хозяйства положение было иное. Мы имели дело не с ВСНХ, как представителем всех отраслей индустрии, а чаще всего — с отдельными трестами, даже отдельными предприятиями. В дальнейшем такое положение нетерпимо, и я надеюсь, что мы от этих затруднений избавимся.

Мы должны добиться, чтобы вопросы промышленности восходили в СТО так, как последнее время восходили вопросы транспорта, т.-е. в порядке разрешения общих, важнейших, основных вопросов, а не в порядке рассмотрения отдельных мелких дел и разногласий.

Первая наша задача заключается в постановке на правильный путь работы по увязке отдельных отраслей государственного хозяйства. Но мы не должны, однако, ни на одну минуту забывать того, что на нас лежит еще более важная задача — увязки государственного хозяйства с обще-народным хозяйством. Эта задача — самая трудная и сложная.

В СТО присутствуют два представителя Госплана, и мы должны требовать от Госплана не только заключений его по конкретным вопросам о ценах и заказах, но и систематических докладов по поводу общих перспектив, докладов, которые давали бы общий фон для конкретной работы в области государственного хозяйства.

Усиление ответственности в работе отдельных наркоматов, освобождение повестки СТО от мелочных вопросов дадут нам возможность сосредоточиться на общих судьбах народного хозяйства больше, чем до сих пор, когда мы были завалены мелкими вопросами.

Конкретные меры будут обсуждены в дальнейшем, но кое-что ясно уже сейчас. Я имею в виду вопрос о составе присутствующих в СТО и о характере обсуждения вопросов в СТО.

Мы должны перейти к тому, чтобы СТО не превращался в обширное заседание сведущих лиц, в массе которых тонут члены СТО.

Привычка приглашать в большом количестве докладчиков очень вредна и от нее следовало бы отказаться. Присутствующие представители ведомств должны взять на себя обязанность знакомиться подробно с вопросами и делать нам доклады, имея при себе, в крайнем случае, только лиц для технических справок.

Наши ближайшие очередные задачи и работы будут заключаться в проведении бюджета, в точном наблюдении за ходом денежной реформы, которая ни в одном пункте не должна пройти мимо СТО, в определении политики заработной платы, в проведении определенной системы в политике цен и налогов.

Вот кардинальные вопросы, которые стоят перед нами и которые должны определить основные пути работы.

С другой стороны, необходимо будет расширить работу совещания председателя Совнаркома с заместителями председателя СНК, которое рассматривало бы вопросы, не требующие основных решений СТО.

Усиление плановости во всем хозяйстве, в первую очередь, в государственном, а потом в общенародном, должно, прежде всего, сопровождаться напряжением энергии и усилением плановости в нашей работе, в работе СТО, как хозяина всей экономической жизни страны.

К ПЯТИЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА

ПЯТИЛЕТИЕ КОМИНТЕРНА. *

Пять лет борьбы Коминтерна обозначают для рабочего класса пять лет продвижения вперед к его окончательной цели,— к разрушению мира капитализма и созданию мира коммунизма. Вступая в эту борьбу мировой пролетариат знает, что он во имя своей великой цели должен принести и великие жертвы. За эти пять лет мы потеряли многих и многих товарищей. В нашей памяти живы никогда не забываемые фигуры тех, кто погиб на боевых постах, кто отдал жизнь свою за торжество рабочего класса, кто в кровавых боях шел впереди рабочего класса и первый принял вражеские пули. — Именами Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Льва Иогихесса и сотни других отмечены самые острые моменты борьбы мирового пролетариата и память о них сопровождает нас в дальнейшей борьбе.

Товарищи, в этот день мы должны вспомнить и того, память о котором живет в нас ежечасно и ежеминутно. Коминтерн, международный рабочий класс, пролетарская революция потеряли организатора, создателя Коммунистического Интернационала, потеряли того, кто дал Коммунистическому Интернационалу теорию истинной революционной пролетарской борьбы, кто выковал практику построения нового пролетарского государства, кто вложил в руки пролетариата несокрушимое оружие, которое никогда в этих руках не разобьется, которое единственно способно проложить пролетариату путь к победе. Мы потеряли и должны занести в списки товарищей, ушедших от нас, и т. Ильича. Вспоминая погибших и ушедших, мы должны дать клятву верно и твердо держать в своих пролетарских руках красное знамя, врученное Ильичем, мы должны дать клятву донести это знамя до победы, быть беспощадными с врагом, быть упорными, несгибаемыми в достижении своей цели и со всей энергией добиться как можно скорей победы для блага всего человечества. Почтим память ушедших.

Товарищи, сегодня великий день. Пролетариат всего мира празднует пятилетие существования той организации, которая

* Речь на объединенном Заседании Исполкома Коминтерна, Пленума Московского Совета, Пленума МК РКП и МГСПС 5 марта 1924 г.

готовит его к конечной победе. Но не все отряды нашей международной коммунистической армии могут праздновать этот день в товарищеском кругу. Сотни и тысячи наших товарищей вырваны из наших рядов буржуазными правительствами и проводят этот день в буржуазных тюрьмах и на буржуазной каторге. Пусть они, через крепкие стены, в которые заточило их буржуазное насилие, почувствуют, что дело их находится в твердых руках. Пусть к ним через эти стены дойдет клич приветствия, который мы из красной столицы первого пролетарского государства посылаем всем томящимся в тюрьмах представителям трудящихся, представителям рабочих, всем изгнанникам, всем тем, кто за дело торжества рабочего класса подвергается гонениям со стороны нашего классового врага.

Товарищи, от лица московских рабочих организаций мы шлем привет представителям революционного рабочего и крестьянского движения, где бы эти представители ни находились, где бы они ни боролись. Мы чувствуем себя членами единой великой семьи, которая обнимает весь земной шар. Мы твердо верим, что в железных объятиях Коммунистического Интернационала будет раздавлен капитализм и что дружными усилиями объединенных рабочих и трудящихся всего мира под красным знаменем Интернационала дело рабочего класса восторжествует и торжеству его не будет конца.

ДИАГРАММЫ И ТАБЛИЦЫ

К стр. 166.

Таблица № 1.

ПРОДУКЦИЯ ГОСПРОМЫШЛЕННОСТИ.

	1920—21 г.	1921—22 г.	1922—23 г.
Уголь каменный в милл. пуд. .	464	589	648
Уголь (по Донбассу) камен. в милл. пудов	284	406	448
Нефть в милл. пуд.	232	279	315
Чугун (выплавка) в милл. пуд. .	7,1	10,5	18,4
Пряжа в тыс. пуд.	1075	3065,5	4515,3
Готовая ткань. Хлопч.-бум. в милл. аршин	205,4	437,8	760,7

К стр. 167.

Таблица № 2.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И КРУПНОЕ МАШИНОСТРОЕНИЕ

Число рабочих с 134.500 в первом квартале 1922—1923 г. неуклонно возрастает и доходит в последнем квартале до 166.700, т.-е. увеличилось на 24%.

	1921 — 1922 г.			1922 — 1923 г.	
Выплавка чугуна . .	с 10389 т. п.	перв.	кварт.	до 18321 т. п.	— на 77%
Мартеновское литье .	с 19367 т. п.	»	»	до 35991 т. п.	— на 86%
Прокатка	с 15641 т. п.	»	»	до 25886 т. п.	— на 65%
Разные машины . .	с 7748 т. п.	»	»	до 12003 т. п.	— на 55%
Инструменты и пр. изделия из металла .	с 3577 т. п.	»	»	до 5823 т. п.	— на 63%
Орудия транспорта .	с 10201 т. п.	»	»	до 21936 т. п.	— на 115%
Общая продукция. .	с 49738 т. р.	»	»	до 80863 т. р.	— на 63%

При чем рост промышленности из квартала в квартал идет, плавно повышаясь от одного к другому, а именно:

1 квартал	100%
2 »	117%
3 »	155%
4 »	173%

Таблица № 3. *К стр. 168.*

	Валовая продукция в милл. руб.			По сравнению с 1921 г. увеличение в %%		1923 г. по сравн. с 1922 г.: + или — в %%
	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1922 г.	1923 г.	
1. Добыча и обработка минералов	14,5	17,1	20,9	+ 11,8	+ 14,4	+ 12,2
2. Горнозаводская	210,2	402,4	495,2	+ 91,1	+ 135,5	+ 23,1
3. Металлическая	136,6	173,1	232,0	+ 27,2	+ 69,7	+ 34,0
4. Обработка дерева	38,8	58,1	53,3	+ 49,5	+ 37,2	— 8,2
5. Химическая	49,7	76,4	100,1	+ 53,7	+ 101,5	+ 30,9
6. Пищевая промышленность	433,5	408,0	424,1	— 5,7	— 2,2	+ 3,8
7. Обработка животн. продуктов	53,7	67,6	66,0	+ 29,9	+ 23,0	— 2,4
8. Текстильная	204,7	475,3	778,3	+ 132,0	+ 282,0	+ 63,9
9. Швейная и обувная	115,1	81,4	94,6	— 29,3	— 17,8	+ 16,1
10. Бумажная промышленность	9,2	20,3	38,4	+ 120,4	+ 317,0	+ 89,1
11. Полиграфическая	14,5	58,2	61,7	+ 302,0	+ 326,0	+ 6,1
12. Электрич. станции и водоснабжение	38,0	45,0	46,7	+ 18,2	+ 22,8	+ 3,6
Всего	1318,5	1882,9	2411,3	+ 42,7	+ 83,0	+ 28,1

Таблица № 4. *К стр. 177.*

СТРОЕНИЕ ИМПОРТА в %%

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.		
					I—VIII	IX	X
Ввоз предметов личного потребления	28,7	63,1	65,4	55,9	22,7	19,1	13,5
Ввоз предметов производственного потребления	71,3	36,9	34,7	44,1	77,3	80,9	86,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Таблица № 5.

К стр. 182.

ДВИЖЕНИЕ МОСКОВСКИХ ОПТОВЫХ ЦЕН.

	1923 г. на:								1924 г. на:
	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	I
Рожь за пуд в коп.	49	66	86	65	68	55	65	73	80
Ситец № 6 за арш. в коп.	28	28	29	33	33	33	27	27	22
Уголь антр. АП за пуд в коп. . . .	75	77	79	78	85	85	83	83	14
Железо сортов. за пуд в рубл. . .	1,83	2,21	2,55	2,80	3,60	3,60	3,40	3,25	3,10
Чугун № 2 за пуд в рубл.	1,12	1,23	2,29	2,80	3,70	3,70	3,35	3,00	3,00
Сапоги яловые (пара) в рубл. .	8,53	9,82	13,16	14,25	15,00	15,00	18,50	18,50	18,50
Сахар, песок за пуд в рубл. . .	8,02	8,14	9,18	9,00	10,00	10,00	9,70	9,70	9,70

Таблица № 6.

К стр. 186.

ДВИЖЕНИЕ НАКИДКИ НА СЕБЕСТОИМОСТЬ СПИЧЕК

в %%

ОРГАНИЗАЦИЯ:	Фабрика-трест.	Синдикат.	Центро-союз.	Ростовск. Кон. Центросоюза.	Донбассоюз.	Миллеровское отделение.	Чертковск. пункт.	Е. П. О.
Размер накидки .	100	196%	207%	213%	313%	407%	455%	527%

Диаграмма №1.

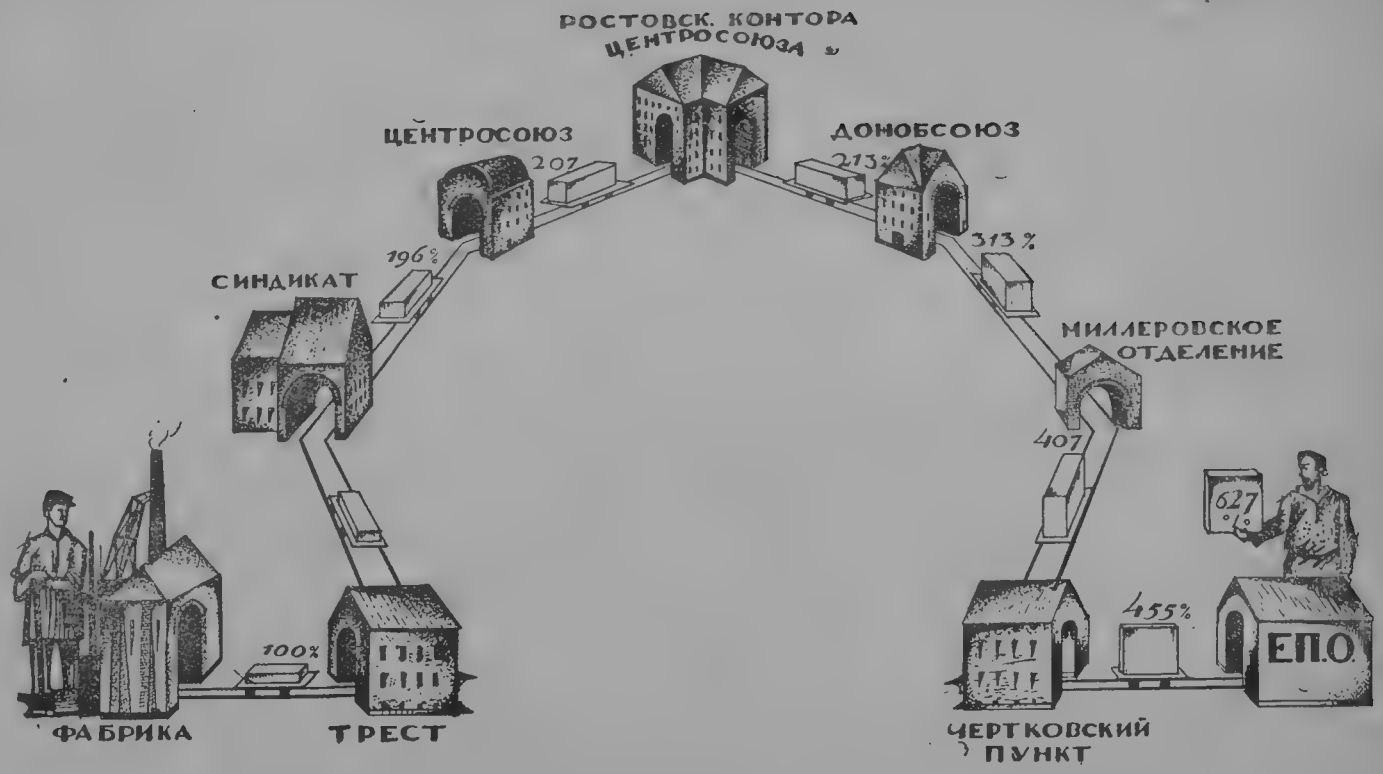

РОСТОВСК. КОНТОРА ЦЕНТРОСОЮЗА
ЦЕНТРОСОЮЗ
207
ДОНОБСОЮЗ
213%
313 %
196%
СИНДИКАТ
МИЛЛЕРОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
407
627
455%
ЕП.О.
100%
ФАБРИКА
ТРЕСТ
ЧЕРТКОВСКИЙ ПУНКТ

Диаграмма № 2.

ЭКСПОРТ И ИМПОРТ СССР

(Цифры даны в милл. зол. руб. с округлением до 100 тыс. руб.)

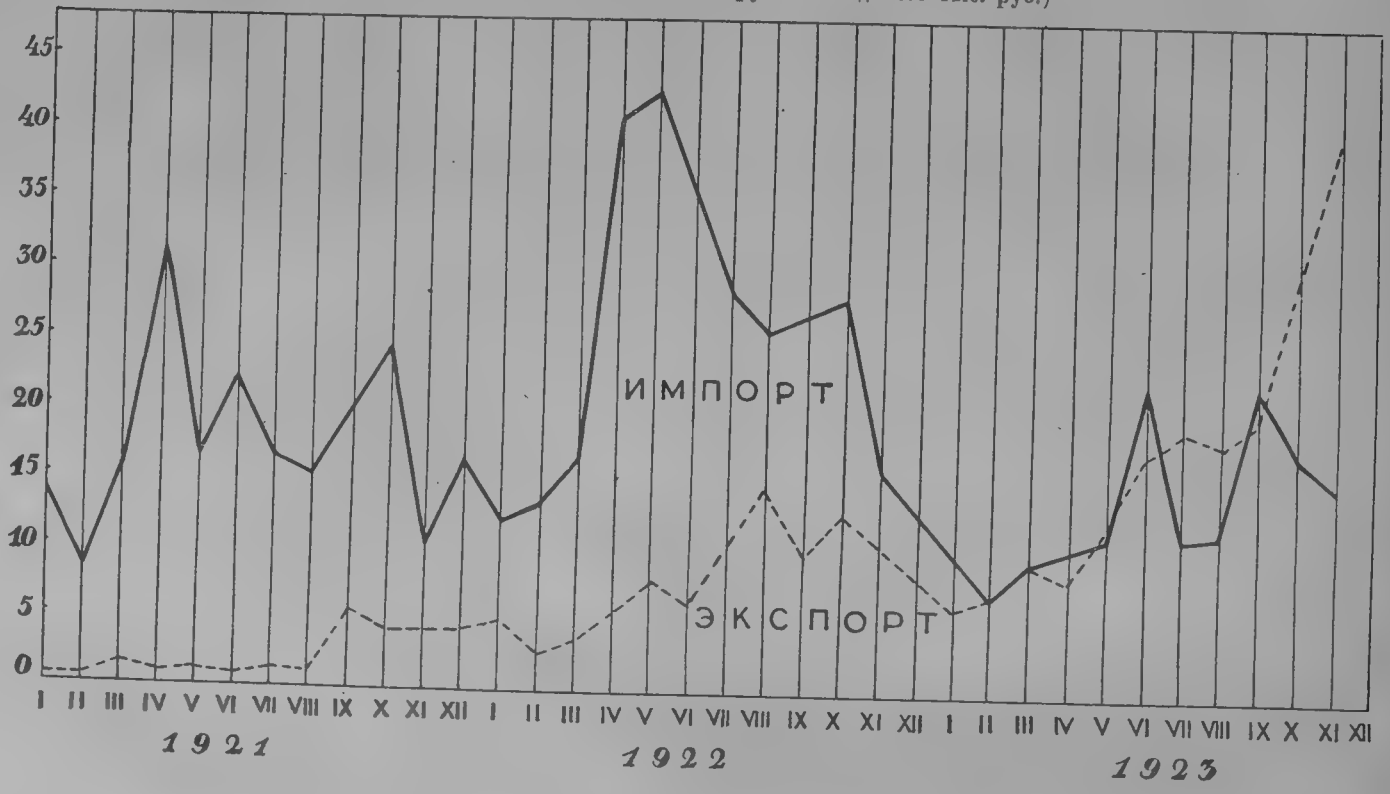


Диаграмма № 3.

ПРОДУКЦИЯ ГОСПРОМЫШЛЕННОСТИ

(в натуральных единицах)

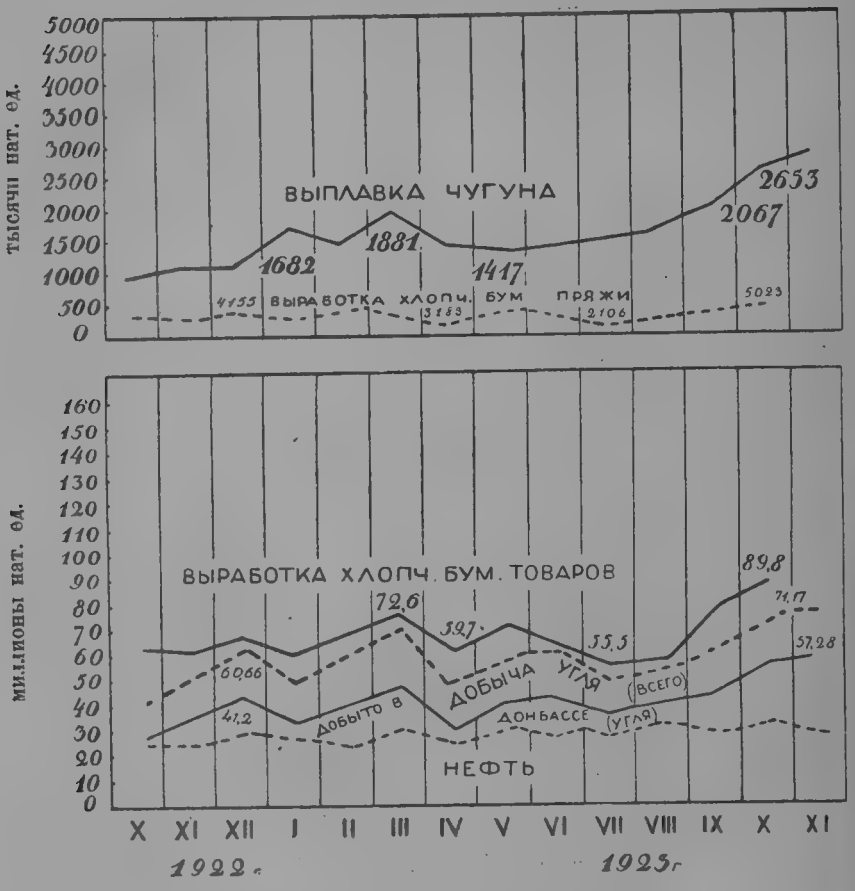
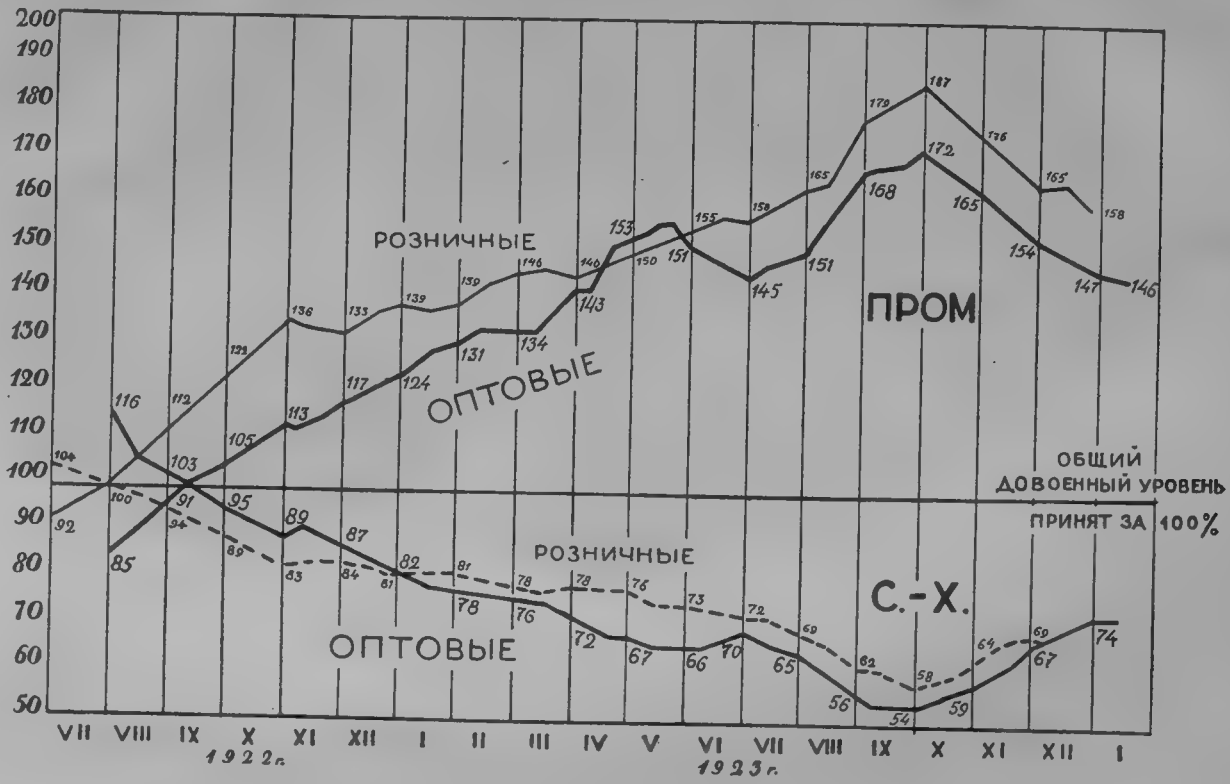


Диаграмма № 4.

РАСХОЖДЕНИЕ ЦЕН НА ПРОМ. И СЕЛ.-ХОЗ. ТОВАРЫ В %% К ЦЕНАМ 1913 Г.



Л. Б. КАМЕНЕВ, Т. Х.

1/23

Диаграмма № 5.

ДВИЖЕНИЕ ОБЩИХ ИНДЕКСОВ

для русских экспортных товаров на внутреннем и внешнем рынке.

Диаграмма № 6.

ДВИЖЕНИЕ МОСКОВСКИХ ОПТОВЫХ ЦЕН

(в черв. руб.)

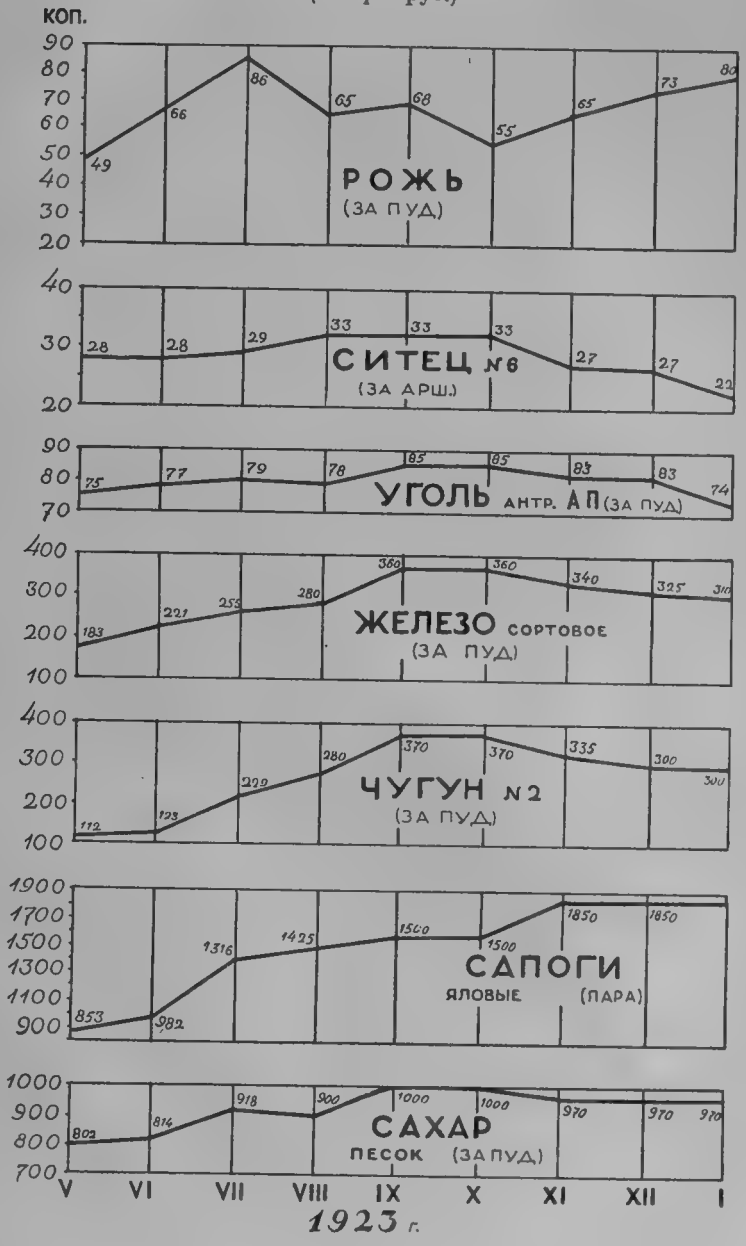


Диаграмма № 7.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В 1923—24 Г.

(в черв. или в тысячных зол. рублях)

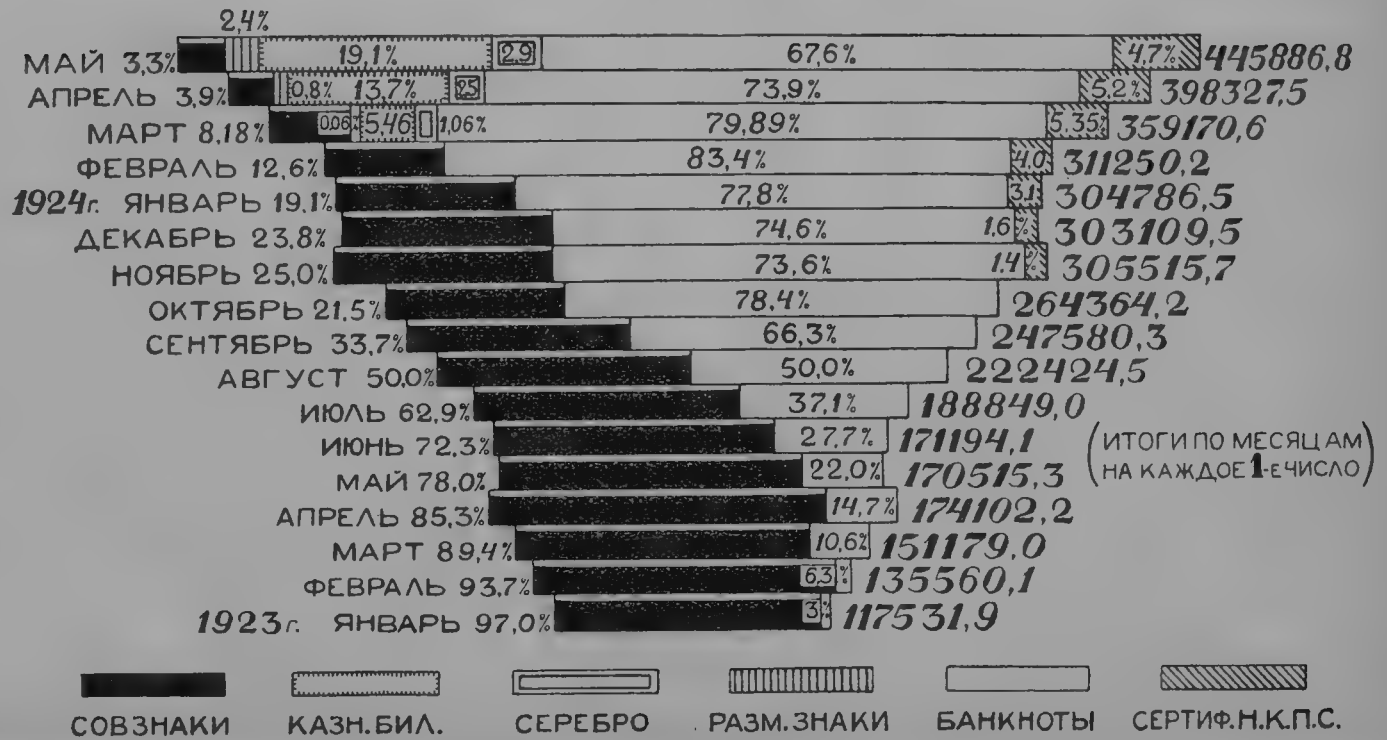


Диаграмма № 8.

РАСХОЖДЕНИЕ ЦЕН НА ПРОМ. И СЕЛ.-ХОЗ. ТОВАРЫ В %%

ОПТОВЫЕ И РОЗНИЧНЫЕ НОЖНИЦЫ

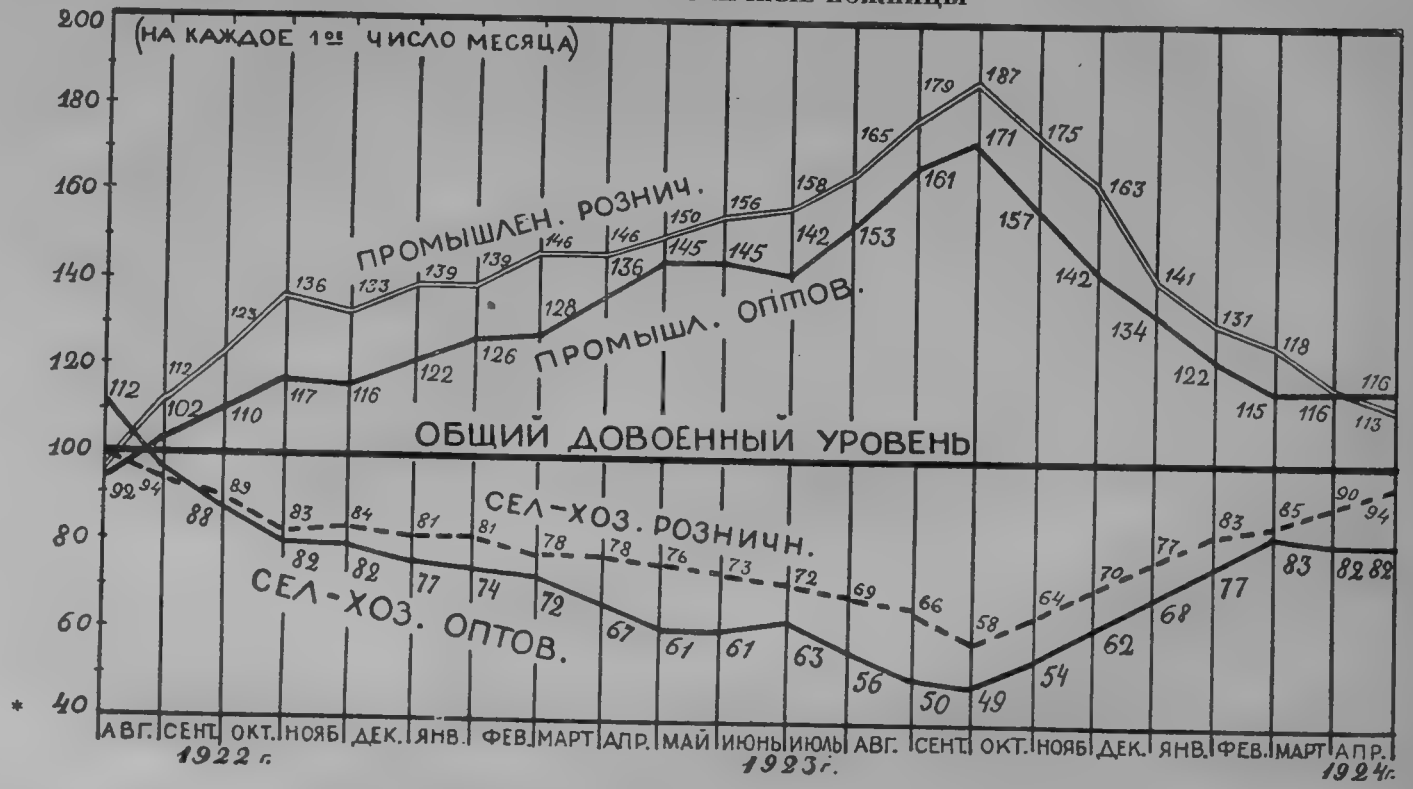


Диаграмма № 9.

ТОВАРЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

СРЕДНИЕ МЕСЯЧНЫЕ РОЗНИЧНЫЕ ЦЕНЫ ПО СССР В ЧЕРВ. КОП.

ОТНОШЕНИЕ В %% ОТ УРОВНЯ ЦЕН ОПТ. В 1923 Г.

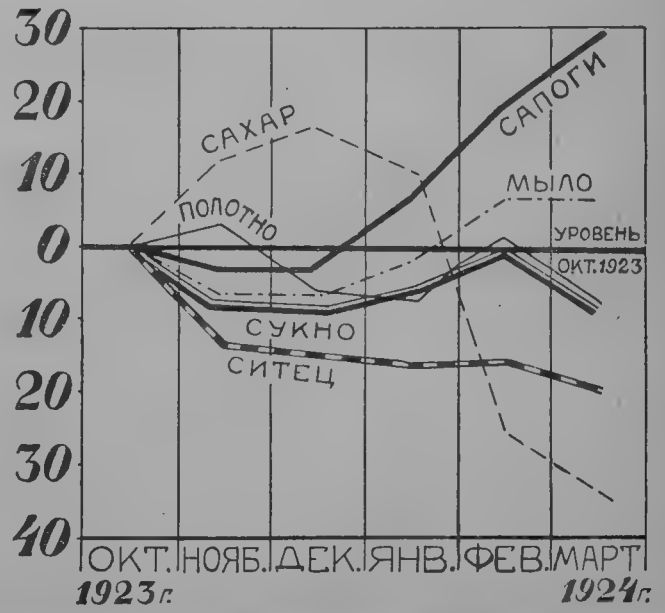
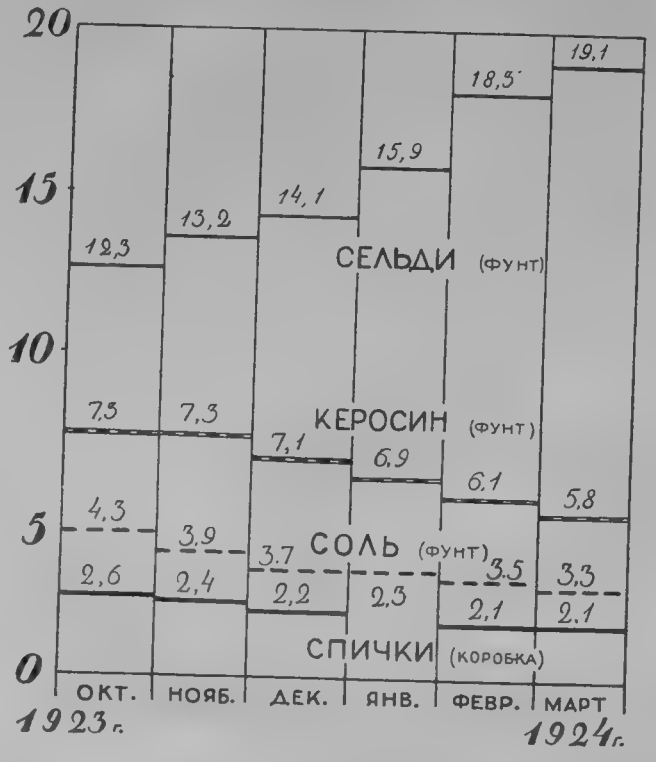


Диаграмма № 10.

ТОВАРЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

СРЕДНИЕ МЕСЯЧНЫЕ РОЗНИЧНЫЕ ЦЕНЫ ПО СССР В ЧЕРВ. КОП.



ОТНОШЕНИЕ В %% ОТ УРОВНЯ ЦЕН ОПТ. 1923.

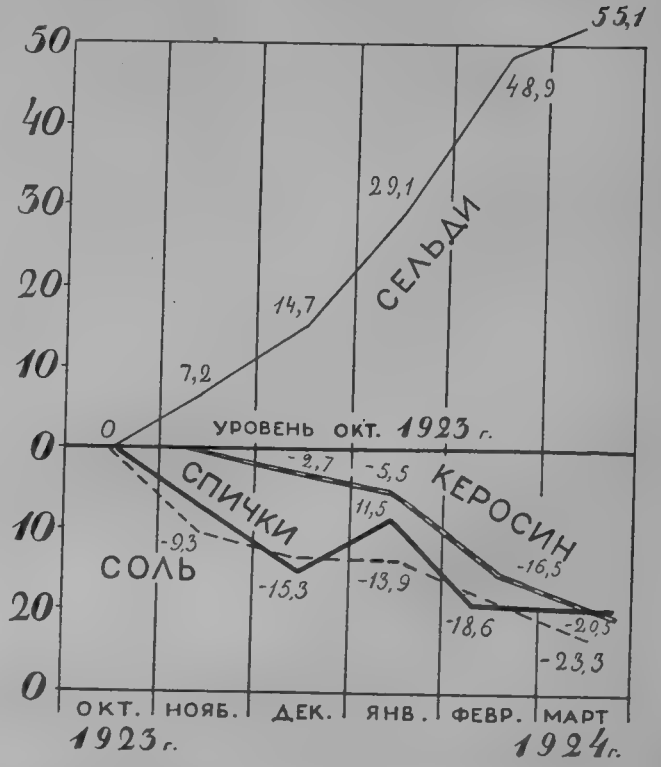


Диаграмма № 11.

ОБОРОТ ТОРГОВЛИ В %%

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБОРОТА В %% К ОБЩЕЙ СУММЕ ОБОРОТА ПО НАРУЖНОМУ ТИПУ ТОРГОВЛИ

Диаграмма № 12.

ЧИСЛО ТОРГОВЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ОБОРОТ ТОРГОВЛИ

(оборот показан в тыс. зол. руб. за 9 м-цев)

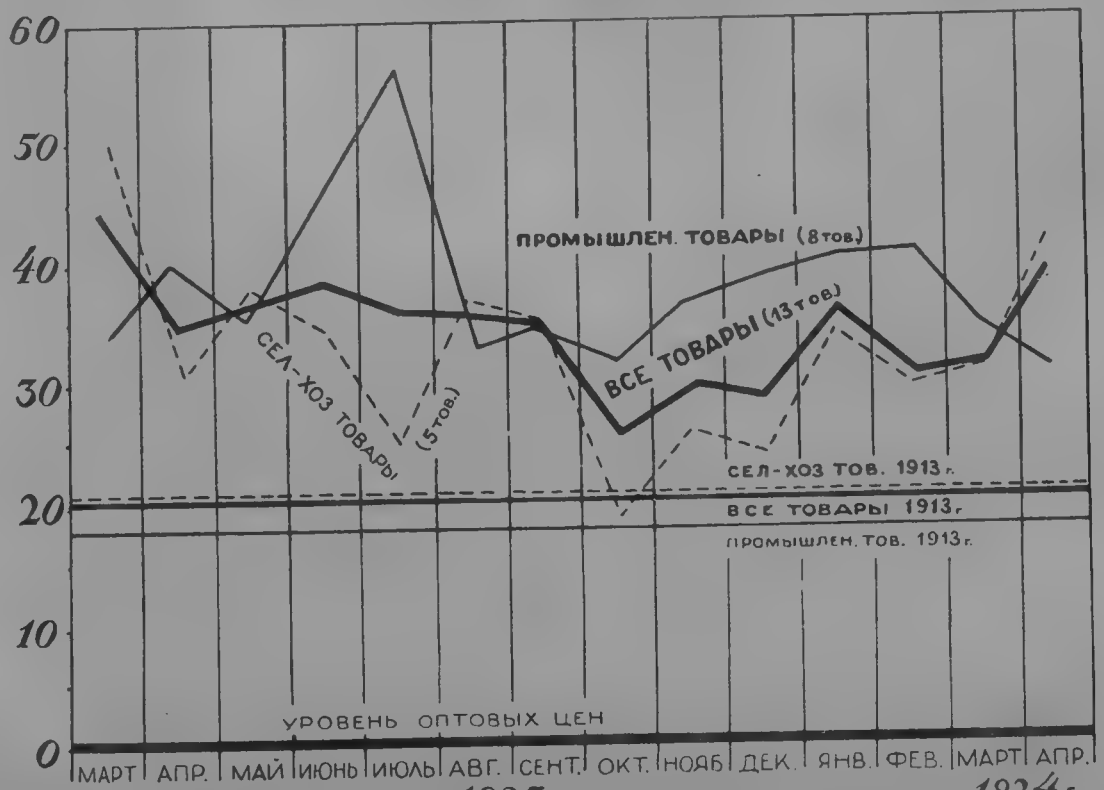
Л. В. КАМЕНЕВ, т. т.

1/8 23

Диаграмма № 13.

ИЗМЕНЕНИЕ В °/₀°/₀ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН НАД ОПТОВЫМИ ПО Г. МОСКВЕ

(по данным эконом. статистическ. секции при Госплане)



4 руб.